

Виктор Куркевич

История Киева
Киев советский
(1919—1991)

Том 1
(1919—1945)

Виктор Куркевич

История Киева
Киев советский
(1919—1991)

Том 1
(1919—1945)

 FOLIO

Міста України

Виктор Куркевич

История Киева
Киев советский
(1919—1991)

Том 1
(1919—1945)

Харьков
«ФОЛИО»
2020

Анотація

Вы держите в руках первую книгу двухтомника «История Киева. Киев советский (1919—1991)», где не найдете перечисления достигнутых успехов и побед, но прочтете о Киеве 1919—1945 годов, о государстве, которого уже нет, а главное — о киевлянах, оставивших свой след в истории Города, их судьбах, нередко трагических. XX век обрушился на Украину ледяными душа событиями. Но Виктор Киркевич убеждает, что история Украины и Киева — это не только обстрелы жилых кварталов и церквей, погромы и искоренение интеллигенции, закрытие и снос храмов, запрещение проявления национальной идентичности, Голодомор, массовые необоснованные аресты и расстрелы, горящий Хрещатик, Бабий Яр... За каждым приведенным фактом следуют свидетельства письменных источников и комментарии автора, отличающиеся от примитивного изложения, который был принят в школах и вузах того времени и в советской историографии в целом. Привлекает внимание Список имен, где упомянуты все, кто участвовал в описываемых событиях. Издание иллюстрировано старыми почтовыми открытками и оригинальными фотографиями из личного собрания автора, удачно дополняющими текст.

Ви тримаєте в руках першу книжку двотомника «Історія Києва. Київ радянський (1919—1991)», де не знайдете переліку досягнутих успіхів і перемог, але маєте змогу прочитати про Київ 1919—1945 років, про державу, якої вже немає, а головне — про киян, що залишили свій слід в історії Міста. XX століття обрушилося на Україну моторошними подіями. Але Віктор Киркевич переконує, що історія України і Києва — це не тільки погроми й викорінення інтелігенції, закриття та знесення храмів, Голодомор, масові арешти і розстріли, палаючий Хрещатик, Бабин Яр... За кожним фактом у виданні надано свідоцтва письмових джерел та авторські коментарі, які відрізняються від примітивного викладу, що був прийнятий у навчальних закладах того часу і в радянській історіографії взагалі. Видання ілюстроване старими поштовими листівками й оригінальними фотографіями з особистого зібрання автора, які вдало доповнюють текст.

Виктор Киркевич

ИСТОРИЯ КИЕВА. КИЕВ СОВЕТСКИЙ (1919 —1991)

История — совокупность преступлений, безумств и несчастий, среди которых замечаются некоторые добродетели, некоторые счастливые времена, подобно тому как среди дикой пустыни там и сям обнаруживаются человеческие поселения.

Вольтер

У каждого века свое средневековье.

Виктор Киркевич

Вместо пролога

Взлеты и падения персонажей нашего пролога можно было бы суммировать в нескольких емких поучительных высказываниях. Например: «Не спеши ругать прошлое, пока не поживешь в будущем». Или: «Не бывает удобной, личной истории — она всегда общая». И вот еще: «Беда Советского Союза не в том, что это была страна непуганых идиотов, а в том, что она оказалась страной запуганных умных».

Как только умер марксист-коммунист Ленин, оказалось, что второй человек в партии, создатель Красной армии, коммунист Лев Троцкий — предатель. Истинные коммунисты — Каменев, Зиновьев, Бухарин, Сталин — свергли Троцкого и изгнали из СССР. Позже половину командного состава этой Красной армии постреляли как троцкистов и заговорщиков. А через пару лет вскрылось, что как минимум трое: вождь Коминтерна Каменев, любимец самого Ленина товарищ Зиновьев и «совесть всей партии» Бухарин — тоже враги и вредители. Тогда доблестный товарищ Генрих Ягода и их расстрелял. Чуть позже и самого Ягоду как «вражеского агента» предал расстрелу другой чекист и тоже коммунист до мозга костей — Ежов.

Вскорости оказалось, что и Ежов никакой не товарищ («тамбовский волк тебе товарищ»), а садист, гомосек, предатель и вражеский агент. И эту «подлую скотину» расстрелял уже «самый настоящий» коммунист товарищ Берия.

Лишь после смерти Сталина все его ближайшие соратники «прозрели»: ведь этот так называемый настоящий коммунист товарищ Берия — вообще никакой не коммунист, а тоже английский шпион и враг. Тогда ответственные работники товарищи Хрущев и Жуков свергли растлителя малолетних

Берию и расстреляли. А чуть позже всем была открыта правда о самом вожде — Сталине: дескать, был кровавым диктатором и угнетал народы. Вместе с ним и большая часть Политбюро ЦК КПСС стали соучастниками его кровавых преступлений. И Сталина вынесли из Мавзолея, а Политбюро и примкнувшего Шепилова разогнали честные партийцы во главе с Хрущевым.

И вот, вроде все хорошо. Как вдруг Хрущев раскусил, что Жуков — казнокрад и планирует захватить власть. Итог — Жуков сослан на Урал.

Прошло совсем немного лет, как выяснилось, что Хрущев был, в сущности, лишь завуалированным волюнтаристом, проходимцем и неграмотным авантюристом. Тогда честный коммунист товарищ Брежнев... нет, не расстрелял, а всего лишь отправил Хрущева на пенсию.

А когда Брежнев умер, всем стало ясно как божий день, что Генеральный секретарь был просто маразматиком, вредителем и причиной застоя. За ним прошли какими-то нечеткими тенями еще двое, которых никто и запомнить-то не успел, — так быстро заняли они свое место у Кремлевской стены. Таким образом, только К. Черненко и Ю. Андропов избежали развенчания — просто не смогли задержаться надолго.

И тут наконец пришел к власти молодой энергичный Горбачев и раскрыл всем глаза: нет, не отдельные «товарищи», а вся партия была партией вредителей и приспособленцев, но он это все сейчас быстренько исправит. И начал исправлять с винно-водочной промышленности...

В результате СССР развалился. Потому что на поверку Горбачев, дескать, оказался не тем, кто был нужен. Тогда товарища Горбачева сменил следующий «настоящий коммунист» — товарищ Ельцин. Он начал, как обещал, со свободы слова. И сразу же выяснилось — батюшки! — что ВСЕ

вожди компартии, от Ленина до Сталина, были махровыми сионистами.

Но и товарищ Ельцин оставил о себе память в народе лишь как о жалком алкоголике, который в угаре легко может закрутить в танце любую престарелую девушку из европейского истеблишмента.

На этой минорной ноте к власти приходит уже стопроцентно честный коммунист и чекист товарищ Пу...

Вот и сказке конец...

В этих строках я изложил всю историю КПСС как неотъемлемую и сюжетообразующую часть истории СССР. Кому этого недостаточно и нужны подробности — что ж, перед вами книга, которую я предлагаю прочесть.

К читателю

Вотечественных книгах начала XIX века еще прослеживались доверительные отношения автора и читателя. Но с этого времени понемногу стали появляться литературные произведения, писавшиеся на заказ, вначале читающей публики, далее — классов и в конце концов — единолично главы правящей партии или правительства. И ничего страшного в этом нет, вполне логично, что существовал заказ и присутствовала адресность — не к нескольким десяткам индивидуумов, а к сотням тысяч, а то и миллионам читателей. За два столетия было создано немало произведений гениев, великих писателей, прославивших свое имя на весь мир. Это было, и этим можно гордиться. Но вот началось III тысячелетие — эпоха стремительного развития техники и прогресса. И что мы видим? Увы! Падение интереса к книге, печатному продукту...

В этом, безусловно, сыграл свою роль научно-технический прогресс информационной эры, который привел к созданию электронных носителей информации и ко многим другим достижениям, изменившим окружающий мир и наше отношение к нему. Однако явное падение интереса к книге как к продукту эпохи зависит от технического развития общества все-таки в меньшей степени, чем кто-то хотел бы это представить. Тут много других факторов.

Возьмем, к примеру, насквозь лживый постулат, что мы были самой читающей страной в мире. Мало кто знает, что миллионные тиражи книг тогда не доходили до потребителя. Во-первых, читателей «гениальных» идей классиков марксизма-ленинизма были единицы, да и то знать эти идеи и цитаты они

были обязаны по долгу службы. Во-вторых, тиражи-то на проверку оказывались липовыми. Издательства и типографии брали из госбюджета деньги на их издание, а положенное и оплаченное количество продукции не выпускали. Очковтирательство и дутые цифры стали одними из обликообразующих черт советского прошлого, из которого немало примеров перешло и в наши дни, будем надеяться, по инерции.

Также нельзя не учитывать такие факторы массового ажиотажа на книги, как дань моде; мещанское стремление выстроить ряды подписных изданий на полках как часть интерьера; наличие такой прослойки в обществе, как интеллигенция — основных потребителей книг, по большей части позже покидавших страну по национальным или социальным причинам и обстоятельствам; полное отсутствие более-менее правдивых источников информации и духовного воспитания, кроме художественной литературы, наконец.

Эта книга главным образом, с первой до последней страницы, посвящена бескомпромиссной борьбе власти против интеллигенции.

Но те времена прошли, и теперь мы явственно видим повсеместное и стремительное падение уважения к книге — главнейшему, основополагающему движущему фактору цивилизации. Благодаря книгам формировались в своей идентичности народы, культуры, складывалось духовное развитие людей. Давно замечено, что сытое, благополучное общество не столько поживает на лаврах, сколько засыпает с годами, дряхлеет и тухнет, разнося окрест неприятный запах. Лишь неудовлетворенность данностью, стремление к обретению духовных ценностей и достижению вершин познания веками пробуждало жажду творчества. И вот мы дошли до того, что

книги, как кажется, никому более не нужны, их не покупают и не читают!

Так что мне есть на чем базировать свое отношение и обращение к МОЕМУ читателю. Я считаю, что не имею права писать неправду или писать скучно. Содержание моих книг продумано мною лично, я же лично, своими руками их пишу и отправляю в издательство, сохраняя таким образом традицию двухвековой давности, выражаемую в емкой формуле «от замысла до реализации». Пишу книги по нашей славной истории, занимаюсь собирательством материалов об Украинской Независимости и борьбе народа за Государственность — пишу на русском языке, потому что, хоть внешность у меня и еврейская, но мой родной язык — русский, а душа — украинца. Я горжусь тем, что живу в Украине и активно участвую в ее строительстве. Я не люблю как Ленина, так и тех, кто кувалдами и всевозможными стенобитными орудиями разрушает памятники ему. «Слава Украине и ее Героям!» я тоже пишу на русском, в чем можно убедиться с первых страниц моих книг. Просто на этом языке я могу выразить свои мысли и переживания адекватнее, искреннее и в конечном счете лучше, как показывает моя писательская практика. Вообще говоря, много пишущий о событиях истории литератор не обязан ощущать себя принадлежащим исключительно к украинской, русской или любой национальной культуре, скорее — к общеевропейской.

На формирование моих творческих принципов оказал влияние очень широкий круг философов, писателей, культурных и исторических деятелей, а еще более — окружение моих старших, более опытных товарищей. Безусловно, сказалось влияние научно-исторической и художественной литературы. Приходилось многое осмысливать и переосмысливать, во многом, что чувствовал в себе, утверждаться. В результате

возникло ощущение, что книги меня научили правильным вещам. Скажем, идеи либерализма как были для меня значимыми, так и остались. И приоритет общечеловеческих ценностей тоже никуда не делся. Осталась принципиальная локализация — Киев как место для жизни, украинская культура — это мой дух, а русский язык — инструмент мышления. Эти три кита — ключевая характеристика моего восприятия действительности, описания мира и отношения к нему.

В этом первом томе описывается не только история Киева советского, начавшаяся, строго говоря, в 1919 году, но и предыстория, главным образом события 1917-го и 1918 года. В книгу вошли наиболее развернутые ответы на те вопросы, которые мне не раз задавали во время экскурсий и на лекциях, в основном этот интерес касался ключевых моментов отечественной истории XX века. Особенно тех событий, которые произошли на глазах спрашивающих или их родителей, — именно тех, которые обходила стороной официальная, казенная историография — советская ли, современная ли российская, а порой и неграмотная отечественная, где большинство журналистов, если судить по уровню вовлеченности в тему, не окончили даже школы! Чему удивляться, если глупости неукротимым потоком несутся даже с экранов телевизоров, что стали уже едва ли не единственным источником информации масс вместе с Интернетом.

И вот, уже не один год, с тех пор, как книгу заменили телевизор и Интернет, я ощущаю себя на передовой бескомпромиссной борьбы за национальную культуру и духовность украинского народа. Особенно когда веду беседы на Андреевском спуске. Нигде больше в Киеве не встречаются столь ярые до крайности антагонисты — сторонники того или иного менталитета: русские шовинисты, напрочь оболваненные

путинской идеологией, и крайне правые украинские националисты. Парадоксально, но факт: эти последние своим мировоззрением сильно отличаются от мною уважаемых настоящих патриотов — Бандеры и Шухевича. Манипулирование сознанием — обычное явление нового времени, и нечего здесь сказать больше.

Как профессиональный историк-аналитик (из 32-х вышедших книг половина представляют собой анализ исторических процессов и личностей), я уверен, что подобное происходило вечно. Это уже потом, за чашкой чая я так вот расставляю все по полочкам, но на следующий день снова иду на Андреевский спуск. И не оставляет в покое душу горькая мысль: культура, не нашедшая опоры в вечном, рушится под напором перемен.

Моя любимица история! Как не хочется, чтобы на твоих страницах стала вековать и та нелепица, что досталась на нашу долю!

Именно в этой книге я избегаю не только писать неправду, но даже излишне фантазировать. Большинство моих читателей — мои сверстники, описанные здесь десятилетия они прожили, глотая боль и отчаяние вперемешку с истинным восторгом, рождая детей и хороня друзей. К тому же эти страницы я пишу, когда на востоке моей страны схлестнулись две идеологии, два миропонимания... Не народы, не Россия и Украина, нет! А два противоположных понимания смысла жизни. Кто-то ищет врагов в Вашингтоне, кто-то в Китае, но явно одно: столкнулись два Мира — Добра и Зла. И тут душеспасительные беседы не помогут, нужны стойкость убеждений и гражданское мужество!

Многие страницы навеяны текущими событиями. В этом случае я вместо военной хроники чаще привожу документы и правительственные обращения. Мы уже не раз сталкивались с

тем, что документы тоже врут, однако даты и стиль «дипломатии» того времени в них уж точно правдивы. Ах, как характерны «официальные заверения канцелярского языка советских чиновников»! Этот новояз сто лет создавался «кремлевской верхушкой» и функционирует по сей день.

Вы держите в руках книгу о Киеве XX столетия, в которой вы увидите не перечисление зданий и парков, а рассказ о людях и их судьбах, нередко трагических. Судьбах светочей отечественной культуры, которых мы уже потеряли. А теперь можем потерять еще и воспоминание о них... А ведь во многом и судьба нынешней Украины такова: причина — их отсутствие!

Одна из особенностей мировоззрений великих культур — способность к историческому повороту, переходу от расширения «Всеобщее Почитание Вождя» к внутреннему духовному росту, от подчинения центробежными процессами к созерцанию Центра Всего и покаянию за отрыв от него...

В нашу эпоху лидерами станут государства, которые лучше других сумеют создать новый уклад, стиль жизни, включающий в себя паузу созерцания в череде дел, избавляющую от лихорадки деятельности, от *«блуда труда, который у нас в крови»*, по словам Осипа Мандельштама. Пионерами могут быть страны — и большие, и не очень, сильные и слабые. Невозможно предугадать, кто вырвется вперед, но начинать придется всем.

Решающей отраслью становится не экономика, а педагогика, начиная с детского сада. Дети схватывают новые начала быстрее взрослых. С самого раннего детства необходимо воспитывать восприятие радости, которую дает духовное созерцание. Именно воспитание таких навыков подготовит людей к переоценке ценностей, к переходу от инерции неограниченного расширения техногенного мира к цивилизации медитативного восприятия, духовного роста и равновесия с природой. Если мы будем просто призывать людей ограничить свои потребности,

ничего не выйдет, кроме раздора. Петр кивнет на Ивана, Россия — на Украину, Европа — на Америку, Азия — на Европу. Позитивный сдвиг может дать только открытие в себе ценности восприятия явлений и процессов, а также паузы в этом восприятии — в делах, в диалогах и дискуссиях, в развитии мысли...

Школе, средней и высшей, сложно оторваться от повседневной текучки, она не может не готовить программистов, юристов, менеджеров и специалистов других «модных профессий» в угоду сегодняшнему дню. Но сегодняшний день скоротечен, и течение времени несет его к смерти. Слово «кала» на санскрите полифонично, оно означает и время, и смерть. Культура, не нашедшая опоры в вечном, падет под напором перемен. Школа может и должна учить умению восприятия: через литературу, музыку, живопись, хореографию. Но, к сожалению, в ней не учат азбуке культуры...

В последние годы в изложении отечественной истории ощущается негативный перекося. Именно негативный, преимущественно «советского периода»: Голодомор, принудительная коллективизация, сталинские репрессии, разрушения храмов, жертвы войны... А людям, особенно молодежи, хочется чего-то светлого, радостного, того, чем можно гордиться, с чего можно брать пример. Особо экстремистские выходки некоторых представителей «Свободы» не могут не вызывать возмущения, но позвольте, а на каких примерах их обучали в школе — на зверствах НКВД, раскулачивании, лагерях с мучениками национально-освободительного подполья... Новые, рекомендованные учебники истории Украины пестрят жестокостями, светлых страничек, воспитывающих гуманизм, в них раз, два да и обчелся. Подобное — и в преподавании литературы. Так вместе с водой выплеснули и ребенка...

Часто мне задают простой вопрос: «Почему история украинского народа такая неинтересная?» Для меня, искренне любящего Украину, этот вопрос не случаен и, не побоюсь этого слова, закономерен. Я, библиофил с полувековым стажем, еще в начале 1970-х у средне-старшего поколения заметил подъем интереса к отечественной истории. А у молодежи, даже с ультранационалистическими взглядами, — вопиющее безразличие, тупое равнодушие к прошлому своего народа. Это непонимание отечественной истории было и остается сейчас из-за затхлого и нудного преподавания ее в школе и вузах. Юношей и девушек больше привлекает история фантастического «Мордора», чем своей Родины.

Так сложилось, что на всех декадах УССР в Москве и столицах других республик совершенно обязательной была демонстрация «шароварщины», формирующая представление, что, кроме танцев-песен, украинский народ ни на что не способен. Приравнивающая его к цыганам!

А один мой приятель, художник, убежденно заявлял, что историю Украины можно изучать исключительно посредством исторических песен, развитие же духовности — через свадебные обряды. Что все эти Школы и Академии XVII—XVIII столетий ничего не дали народу. А значит, уникальную Культуру Великого Народа приравнять к танцам и обрядам какого-нибудь африканского племени — почему бы и нет...

Истоки подобного восприятия украинцев и украинства следует искать в XIX столетии, когда в интеллигентских слоях произошел этот лубково-пасторальный уклон. Писатели, художники, деятели культуры формировали духовный облик украинца со своих позиций — как селянина, хуторянина, в лучшем случае местечкового интеллигента... Послевоенная городская культура 1950-х также была представлена выходцами из сельской местности.

XX век обрушился на Украину страшными репрессиями — Голодомором в селах и геноцидом украинской интеллигенции в городах. Духовными воспитателями населения остались лишь те, кто выжил, — приспособленцы, прославлявшие партию и ее вождей: Ленина, Троцкого, Сталина... Они, как тогда славили, так же рьяно впоследствии и развенчивали.

Когда Украинскую революцию возглавили лучшие представители народа, все говорило о ее высоком интеллектуальном уровне: в первых рядах профессора, писатели, журналисты, юристы, историки — по большей части люди гуманитарных профессий. Поначалу это радовало. Все законы, которые издавались при Скоропадском или Центральной Раде, были хорошо обоснованы и грамотно составлены. Но население всего Восточного региона и тогда было не подготовлено к решению жизненно важных государственных вопросов — в отличие от Западной Украины, где люди жили в монархии, но где худо-бедно все же соблюдались права граждан. Уже с 1848 года Австро-Венгрия имела свой парламент, и в число парламентариев (послов) входили представители украинского народа. И это были великие его сыны: Франко, Стефаник, Кобылянская, Павлик... В Восточной же Украине, где находился Киев, «избранники народа», то есть депутаты в Государственную думу, появились лишь в 1906 году. И сейчас, спустя более столетия, мы явственно ощущаем эту разницу.

Мы спрашиваем себя, почему история моего Отечества не впечатляет, не вызывает восторгов у юного да и уже далеко не юного поколения? Что поделать, когда изучение истории твоего народа вызывает нервное расстройство, вместо того чтобы быть источником света и человеколюбия? Куда деваться, если каждое прикосновение к прошлому Отечества вызывает отторжение и напоминает длинный список утраченного — вместо того чтобы

тешить национальное самолюбие успехами и вершинами? Где наши «Мифы Древней Греции»? Где наши Гераклы и Орфеи?

Какие учебники по истории — советские или современные — ни возьми, на прошлое своего народа смотришь не с восхищением, а с состраданием и видишь лишь непонятную черную дыру. Какой период минувших лет ни рассматривай — все вызывает неудовлетворение, ничего не впечатляет, ничего не призывает наследовать. Начиная со школы, в тебя вливают бурный мутный поток народных страданий и поражений — и ты вынужден тянуть весь этот груз на себе. Переживать как касающееся тебя непосредственно и сабли монголо-татар, и увод в рабство в Крым лучших сынов и дочек. Ты вынужден сочувствовать тем, кто гнул спину на панщине, радоваться Колиивщине, восторженно поддерживать погромщиков панских усадеб и еврейских лавок, с ужасом глядеть на опухших от голода детей и смотреть в обезумевшие глаза матери, приготовившей в качестве пищи одного из детей, чтобы спасти остальных...

Зададимся вопросами: есть ли у нас выбор? Имеем ли мы право не любить свою историю? Что делать с негативными, ужасными страницами минувших эпох? И что нам делать с таким прошлым?

В первую очередь не заикливаться на темном! Искать и поддерживать светлое, чем мы можем гордиться — у нас в Украине этого немало!

По-доброму завидую народам, имеющим мощную, успешную монархическую историю, восторгаюсь эпосом с феодальными замками, балами, придворными интригами, средневековым этикетом и одеяниями, излишествами, роскошью, даже распущенностью под маской застенчивости, школярскими песнями... В традиционном изложении нашей истории об этом не говорится, потому что страна одна, а

изложение исторических процессов дается с разных точек зрения. Если для украинцев Богдан Хмельницкий — их вождь и спаситель, то для историков-евреев он садист и организатор массового истребления. А коль уж о такой монументальной исторической фигуре всех мнений не собрать в консенсус, то как дать однозначную оценку, например, событиям Переяславской рады и «предательства» Мазепы?

Я категорически утверждаю, что история Украины — это не только Голодомор, тюрьмы, резня, репрессии, уничтожение, снос храмов, тысячи всяческих запретов, Сибирь, Соловки, расстрелы, аресты, погромы, крах иллюзий, предательства, черные рады, Круты, обстрелы Киева и Донецка, взрывы на Крещатике, Бабий Яр, депортация татар, аннексия Крыма...

Как хотелось бы каждому, чтобы беды нашей истории прошли мимо него. Но они не проходят, потому что любой гражданин — заложник исторических травм, он вынужден досмотреть до конца этот многовековой сериал ужасов и кошмаров. И сочувствовать, помнить, дрожать, рыдать, возмущаться, жалеть себя, обвиняя весь мир, что живет за пределами экрана телевизора.

Но оглянитесь — жизнь прекрасна! И сегодня — особенно! И народ Украины — не бедный! Вон, посмотрите, сколько дорогих иномарок — столько нет ни в одной стране мира, а очереди в магазины с дорогими деликатесами, рост числа выезжающих на элитные курорты, заполненные рестораны и аквапарки... А какое интенсивное строительство идет по всей стране, которая воюет! И как умело воюет!

Замечено, что, как правило, выбиваются «в люди» именно те, кто полностью рвет со своим негативным прошлым. Этот жизнеутверждающий способ идеален для людей «с плохим прошлым» и плохой генеалогией, в результате они становятся просто «хорошими людьми», некоторые даже образцами

человечности и миролюбия. Секрет их успеха — отказ от минувшего. Пусть проходит мимо! Таким людям вполне комфортно, и они «имели в виду» мнение окружающих. А вот основная масса народа так не может, память нации выше любых, сменяющих друг друга политических течений.

Сегодня священники кропят памятники тем, кто прямым текстом приказывал убивать. Политики апеллируют к памяти о том, кто обманом мог подойти к гражданскому безоружному человеку и выстрелить в упор. На национальной валюте — тот, кто святым делом считал резать иудеев и греко-католиков. А на другой купюре — тот, кто «крестом и мечом» внедрял христианство...

Философ-неопозитивист Бертран Рассел писал: *«История — еще не наука. Ее можно заставить выглядеть наукой лишь с помощью фальсификаций и замалчивания».* Историю создаем мы, руководясь не объективностью, а собственными интерпретациями. Официальные историки утомились постоянно уточнять всякие глупости, которые постоянно выскакивают то из одного, то из другого лагеря одержимых властью политиков. История давно перестала быть прошлым, которое невозможно изменить. Потому прогрессивными историками уже выписан рецепт под названием «Преодоление истории». Вот так и запишем: мы являемся представителями народа, историю которого хочется одолевать, преодолевать и многократно преобразовывать. И это вовсе не значит забывать, просто историю нужно избавить от демонов современности. Где еще можно встретить настолько несамодостаточный, нецелостный, закомплексованный народ, который был бы так увлечен ретроспективной некрофилией?! Регулярное оживление политических трупов, расхаживание с их портретами на митингах, навязчивое перенесение их целиком в новую эпоху Интернета и мобилок — это уже набивает оскомину

даже у терпеливых. Не почитание своих героев, а зависимость от каких-то фантомов и вынутых из гроба покемонов: Сталенин и Бандзепа по-прежнему яростно сражаются за Украину, помогают им павлики морозовы и михновские, у микрофонов корнейчуки и петлюры.

Эта фантазмагория напоминает конкурс умерших героев на живучесть. Прошлое перестало быть ушедшим. Фатально ошибаются те, кто надеется, что они вдыхают жизнь в историю. О нет, они внедряют свои собственные болезни в субстанцию, которая уже не может ничем ответить.

История оживает только тогда, когда до нее дотрагивается либо мнимая «правда», либо заведомый умысел. Это — приговор! Но, с другой стороны, если историей не интересоваться, она превращается в мертвую зону и потом, при излишней предвзятой заинтересованности, становится фальсификатом. Я выбираю первое — в знак протеста против другого! Мы живем в одной из самых больших стран Европы, но народ у нас хоть и один, а воспитан на разных идеалах, героях, да и историческая память у людей разных областей, уголков Великой Украины разная... В Крыму населению ближе царица Екатерина, чем Мазепа, на Донеччине — Стаханов, чем Бандера... Нужна деликатность! Не буду же я переубеждать своего 100-летнего отца, считающего, что на украинском языке говорят только бандеровцы, а одесских журналистов — что Мазепа один из величайших людей на Земле. Оставим все как есть, как сложилось за тысячелетие! Для православных самый почитаемый святой — апостол Андрей, а для католиков — святой Петр. И точка! Надо смириться с тем, что любой исторический, как и литературный, персонаж — это сугубо личное: вот этого люблю, а вот этого ненавижу. Почему — не ваше дело! Ах ты такой-сякой... Да катитесь вы Андреевским спуском!

Т. Шевченко в переводе Б. Пастернака:

«Все упование мое,
Пресветлая Царица рая,
На милосердие твое —
Все упование мое,
Мать, на тебя я возлагаю.
Святая сила всех святых,
Пренепорочная, благая,
Молюсь, и плачу, и рыдаю:
Возри, Пречистая, на них,
И обделенных, и слепых
Рабов, и ниспошли им силу
Страдальца, сына твоего —
Крест донести свой
до могилы,
Не изнемогши от него».

Ни один человек не рождается с верными представлениями о мире, он всегда или хуже, или лучше наших представлений о нем. Чтобы это понять, необходимы время и опыт. И пусть будет большой срок и очень мучительный опыт, лишь бы на выходе был результат спокойного восприятия.

История должна придавать народу статусности, служить поддерживающим аргументом. Иначе она преобразуется в беспросветную тоску о безвозвратно утраченной величии. Украинская история, возможно, потому и оттолкнула современников, что построена на укоре *«та то коли було!»*.

Национальная идея — это нечто оригинальное, самобытное, присущее только данной нации, увлекающее только ее и понимаемое только ею в силу пережитых исторических уроков. И естественно, не унижающее другие народы. Если такая идея есть, если она осмыслена народом, то такой идеей можно и нужно гордиться!

История моего города, страны, Мира за неполное XX столетие

«С чего начинается Родина...» Так звучит первая строка популярной песни. Моя Родина начинается с Киева. Любить весь мир, Вселенную — это уже лишнее, «советский» перебор, но Киев и на его примере Украину «від Сяну до Дону» люблю всем сердцем. Для меня это — жизненное кредо. Потому что любовь представляет собой основу человеческого бытия, а не просто существования.

Я всегда восхищался поляками, самыми нестигаемыми патриотами во всем мире. Им за свою «ойтчизну» в XIX веке приходилось бороться в России, Испании и даже в Америке. Гарибальди же закаливать свою любовь к Италии довелось в прериях Аргентины...

Но с чего же начинается Родина, если говорить не о географии только? Прежде всего — с колыбельной. Уже далее — со двора, с улицы, даже окрестностей отдаленного хутора — воспитывается понятие гордости за нее. И на этом этапе особенности ландшафта, природа края в целом, как и каждая мелочь — журчание ручейка, ржание лошади или дребезжание трамвая на повороте — приносят важное, неизгладимое впечатление и оставляют печать Родины в душе до самой смерти.

Как ни странно, зачатки моей непреходящей любви к Украине оказались в рассказах друга-еврея Якова Бердичевского. И те рассказы были не о криках жаворонка или запахе степи — о духовных свершениях народа начиная с XVIII века, о свидетельствах достижения высокого уровня культуры, которые все перемолола сталинская репрессивная машина,

невзирая на многонациональный состав украинской интеллигенции, на флаге которой уже пестрели имена Йогансен, Маркиш, Зеров, Ефремов, Семенко, Бойчук...

Приступая к работе, я отдавал себе отчет в том, что, как и в предыдущих томах «Истории Киева», в этом уложить весь остро (!) необходимый материал будет казаться просто невозможной затеей. Ведь помимо самого упоминания множества моментов истории, которые нельзя обойти стороной, надо учитывать, что каждое из событий освещалось как минимум с двух-трех разных идеологических позиций — их необходимо представить, сохранив при этом доходчивость и живость письма, присущие уже вышедшим томам. А ведь в начале XX века, за сравнительно небольшой промежуток времени, все в корне поменялось и не раз было фактически «поставлено с ног на голову»! Возможно ли наиболее полно и при этом сжато описать, как Город пережил и частую смену власти, и скачки социально-политических формаций: от капитализма к так называемому социализму, чтобы в дальнейшем, через «застой» и «перестройку», таки (как говорят в Одессе) вернуться к капитализму? Этот ворох событий, политических установок, дважды приход немцев, ожидание третьего их прибытия и неоднократные «явления» большевиков требуют особого освещения в книге и отражения в сознании читателей (хотя бы частично), включая тех, кто родился в годы Независимости. И тех даже, кто, как мой отец, родившись при батюшке-царе, дожил до «шоколадного» президента.

Так что пусть меня читатель простит, если кое-где захромает стройность изложения. Если даже, читая книгу, в масштабных картинах всеобъемлющей панорамы кто-то увидит лишь маленькие очерки-эскизы, то и тогда он все-таки получит представление об этапах и проблематике формирования сегодняшнего Киева — столицы Украины.

Тем и обусловлена форма подачи материала — короткие эссе, словно пазлы мозаики, из которых складывается общая картина развития города в особых условиях смен политических систем, моральных и эстетических паттернов. Особое внимание уделяю тем событиям прошлого, которые отзываются в наши дни такими дикими политическими причудами, что диву даешься!

В книге я реализую важнейшие для себя принципы. И первый из них — я ставлю во главу угла человека, считая, что высшей ценностью общества является судьба личности, ее благополучие, свобода, собственное достоинство. Уверен, когда человек вынужден поступать не добровольно, а по команде — ради коллективизации, ради геополитического расширения отдавать свою жизнь, силы, благосостояние, свободу, то такой подход к делу всегда обречен на неудачу. История определяется не тем, насколько сильно или велико государство, а насколько счастлив, свободен и благополучен гражданин. Я привык исходить из принципа, что высшей человеческой ценностью является свобода воли, и там, где она не может реализоваться без ограничений, государство терпит фиаско. Не личность для государства, а наоборот, — это основной мой девиз. И он исторически обоснован — ведь личность сложилась значительно раньше государства, которое она уже впоследствии создала ради достижения своих целей.

«Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества».

А. С. Пушкин

Если этот принцип приложить, как лекало, к облику государства, созданного большевиками, то проявится его бесчеловечное обличье, потому что во главу угла ставилось общее, личность же и население в целом наделялись служебной функцией.

История каждого народа, города притягательна известными личностями, избегшими участи винтиков и биомассы для государства, именами, достигшими творческих вершин. Легенды — это строительный материал вечности. Пока мы их помним и передаем своим потомкам, мы, как боги, владеем секретом бытия и можем на равных спорить со смертью.

События 1917 года: с февраля по октябрь

Когда читатель погрузится в мое историческое повествование, он удивится, что события 100-летней давности словно списаны с сегодняшних или не так давно прошедших дней. В этом один из важнейших законов всемирной истории: все происходит по спирали, только каждый следующий раз — на другом витке.

В предыдущем томе «Киев капиталистический» я закончил повествование Февральской революцией 1917 года. Этим я отличаюсь от большинства историков, которые доводят этот период до октября того же года, так называемой в прошлом Великой Октябрьской социалистической революции (далее ВОСР). Может быть, применительно к России это и имеет смысл, а в Украине Октябрьский переворот остался практически незамеченным.

Так почему в феврале перестала существовать Империя? Не было такого, чтобы *«низы не хотели, а верхи не могли»*, качество жизни не снижалось, наоборот, на протяжении всего пореформенного времени, начиная с отмены крепостного права, наблюдался рост, положительная динамика, царское правительство систематически проводило реформы, способствовавшие развитию экономики, культуры, повышению уровня жизни и совершенствованию политической системы.

Если проанализировать цифры и посмотреть на них непредвзято, станет видно, что государство занималось социальными вопросами, в меру возможностей заботилось о гражданах. После реформ детская смертность уменьшилась и средняя продолжительность жизни увеличилась с 27 до 36 лет, грамотность населения — с 17 до 40 %, реальная зарплата

сельскохозяйственных рабочих выросла в 3,8 раза, промышленных рабочих — в 1,4 раза, число банковских вкладчиков умножилось в 159 раз! В 1913 году вклады имели около 4,3 млн семей, или 26 млн человек, то есть 21 % жителей Европейской части России! Крестьяне приобрели 27 млн га земли (больше территории Великобритании!), выплатив в казну огромные деньги — 971 млн рублей. При этом напомню, недоимки росли, пока очередным манифестом царь не прощал долги. (Как иногда это хочется прочувствовать на себе у нас в Украине, хотя бы при смене президента, — вот бы нивелировалась несправедливо начисленная коммуналка!) Биржевой курс акций русских компаний только повышался, и признаки кризиса не просматривались ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве, ни на транспорте. Казалось бы, бесспорные факты, но многим моим современникам, охваченным советским мировоззрением, воспитанным повседневной компартийной идеологией, в это не верилось, казалось невозможным.

Революция в феврале — это главным образом результат борьбы за власть между разными группами элит. Наиболее активная часть интеллигенции была уверена, что вполне созрела для большего участия в госуправлении и может гораздо успешнее руководить обществом, чем современная монархия. В борьбе за власть использовались все средства, в том числе и террор, и пиар. Блестящая PR-активность противников монархии, а после февраля 1917-го Временного правительства, стала важнейшим фактором революции. В целом оппозиция оказалась искуснее и успешнее, выиграв информационную войну. С помощью четкого и продуманного общения с властями, поддержания связей с различными социальными группами и умелой манипуляции общественным мнением она создала ощущение экономического и политического кризиса в стране,

подготавливая почву для революции, завоевывая сердца и умы людей, чтобы в решающий момент вывести народ на улицы, воспользовавшись недовольством, вызванным Первой мировой.

Но не война послужила главной причиной революции в Российской империи. Конечно, много людей погибло и было ранено на фронтах, в народе накопилась усталость, но главные проблемы начались именно после Февральского переворота.

Либерально-демократическая оппозиция, которая и заваривала всю эту кашу, оказалась не готова к тому, чтобы проводить соответствующую обстоятельствам политику и нести ответственность за страну. Милюков, Керенский и прочие господа, что захлеб обвиняли в трусости и слабости Николая II, сами, придя к власти, повели себя еще хуже.

Временное правительство решило во время войны проводить демократические преобразования, привлекая широкие «общественные силы» для решения государственных задач. Однако вследствие поспешных преобразований всех царских учреждений и многочисленных кадровых перестановок была парализована или затруднена работа государственных и частных служб, промышленных предприятий, транспорта, судов и органов охраны правопорядка. Наступил тотальный институциональный кризис. В результате за восемь месяцев был нанесен сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, эффективности управления; началась анархия, развалилась армия, выросла преступность. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране, привела к новому взрыву революционных страстей и породила октябрьское восстание — слишком уж очевидным оказалось несоответствие между действительностью и ожиданиями от свержения монархии. Эти промахи власти столетие назад заставляют и сегодня задуматься...

Большевики умело воспользовались моментом, хотя до февраля даже Ленин не верил, что доживет до революции. В отличие от кадетов и прочих нерешительных, они сумели не только захватить, но и удержать власть. Это повлекло за собой позорный выход из Первой мировой и спровоцировало гражданскую войну. Но большевикам удалось железной рукой восстановить общественный порядок. При этом они имели поддержку лишь в крупных городах, среди рабочих, провинцию революционная волна долго не затрагивала, там люди жили иными заботами.

В исторической памяти не осталось места для «Великого Октября», лакированную версию которого настойчиво вдабливали нескольким поколениям, начиная со школы. Зато появилась Великая Русская революция, почти полная тезка и едва ли не исторический аналог Великой Французской, бывшей потаенной мечтой большевиков, которые просто болели грезами о такой же Великой Революции в России. Они всячески подражали французским революционерам, взяв себе за главных кумиров Робеспьера и Марата — недаром так много улиц было названо именами этих революционеров. Они, наверное, не очень расстроились бы, даже узнав, что под Великой Русской революцией подразумевается не их Октябрьский переворот только, а все революционные события 1917 года.

И все же сравнение двух революций — если говорить об их влиянии на общество — выглядит, мягко говоря, натянутым. Великая Французская революция оставила после себя *изменившийся мир* (при всех кровавых кошмарах, судорогах политической борьбы, публичных казнях, служивших в те годы чем-то вроде нашего телевидения, войнах и реставрациях). Особенность Октябрьского переворота — совершенно иная.

Да, на первый взгляд большевики изменили Россию и мир даже серьезнее, чем Робеспьер и Наполеон. Упразднив частную

собственность, создав бесклассовое общество, номенклатуру в роли правящей надстройки, «лагерную» экономику... Но, как и любая утопия, большевистская, исчезнув, не оставила после себя ничего реального. Более того, оказалось — при всей кровавой «прополке» населения, которую проводили победители на протяжении всего своего правления, — что общественные процессы дореволюционной России никуда не делились, они были просто заморожены. Большевики поместили общество в гигантский холодильник, в котором ничего настоящего не происходило. И когда власть коммунистов подошла к концу, выбравшиеся из морозильной камеры люди стали жить так, будто и не было этих семи десятилетий — ни в жизни самой России, ни в окружавшем ее мире. Если мы поймем, что все вышло из холодильника, нам куда проще будет объяснить и очевидные социально-экономические различия между регионами Советской империи — достаточно увидеть, что линии цивилизационного раскола отнюдь не случайны и зависят во многом от того, когда и где происходила омерзительная большевистская «упаковка».

Преступления коммунизма. Спустя десятилетия кажется, что весь социальный опыт, полученный с тех пор, сводится только к сталинизму и ГУЛАГу. Вопреки такому одностороннему взгляду журнал *Le monde diplomatique* отводит советскому коммунизму определенное место в истории и размышляет над уроками, которые можно и нужно (!) извлечь.

Множество людей, и не только старшего поколения, считают, что в СССР жить было лучше. И дело не только в бесплатном здравоохранении и образовании. Тут и память о «халяве», работе вповалку (во многих областях и отраслях), обеспечивавшей некую серую жизнь без претензий. Хотя такое местечко можно было найти по большей части лишь в крупных промышленных городах, да и то не во всех. Тут и жизнь в

стране, где ничего нельзя было купить, но все можно было «достать».

Киевский дом пионеров.
1934 год

А кроме того, в те времена были наработаны такие формы социалистического события в обществе, которых сейчас и вправду весьма не хватает в нашей жизни. Например, пионерская и комсомольская организации с их разветвленной структурой. Созданные для «воспитания молодежи в духе служения Коммунистической партии», они, если отбросить политическую мишуру, не особо воспринимавшуюся юным сознанием, выполняли, через дворцы пионеров, пионерские лагеря и комсомольские стройки, большую воспитательно-гуманитарную работу, консолидировали общество, культивировали дух единства и общинности.

— Как в Одессе с мясом?

— С мясом хорошо, только где его взять? — отвечали жители южного города с хорошо развитой мясо-молочной промышленностью.

Любую систему нужно анализировать с точки зрения ее жизненных сил, ее способности или неспособности видоизменяться, адаптироваться, реформироваться и таким образом обретать жизненность, отходя от опасных тенденций. А идеологии часто ослепляют, потому что занимаются самовосхвалением. Они незаметно отключают самоконтроль, и человек уже не замечает, как в режиме, при котором он осуществляет свою жизнедеятельность и который считает наиболее желательным для себя, происходят медленные подспудные изменения под действием экономических и социальных факторов. В результате накопление этих изменений способно вообще лишит человека привычной и адекватной ему среды обитания, оставив от прежнего режима лишь воспоминание. Такую ситуацию можно сравнить с театром, где нет ничего общего между действием и декорациями: они вообще из другого спектакля — неслучайно модернистские пьесы ставятся без оформления сцены.

Кризисы и фазы распада — неизбежная часть исторического процесса. Часто они знаменуют конец очередной эры или системы. Если в это время фигурируют соответствующие силы, внутренние или внешние, то открывается новая страница, порою под заголовком «Революция».

К слову, утверждать, что революцию (октябрьскую) «совершили» большевики, по меньшей мере невежественно. Это трактовка, навязанная советскими историками, которая показывает лишь то, что пропагандисты или не вникали в суть, или просто лгали. А дальнейшая многолетняя художественная и кинематографическая эпопея о революционных и постреволюционных событиях — это уже просто мифологизация революции и светлого социалистического будущего. Сентябрь-октябрь 1917 года ознаменован абсолютным параличом власти, все шло к крестьянским бунтам, внутренней войне и всеобщему

хаосу. Революция была всего лишь ответом на эти безобразия, на перспективу полного исчезновения государства. Так что расхожее мнение, что именно революция вызвала кризис, тоже не соответствует исторической правде: наоборот, большевики взяли власть в свои руки — после того как другие силы, отчаянно пытавшиеся контролировать ситуацию, ее только усугубили, — надеясь предстать перед обществом силой, способной обуздать процессы распада государства.

Политический режим, представленный Временным правительством, был только декорацией, этикеткой государственности. На самом деле отсутствовала не только власть, но даже ее видимость. Большевики *не брали власть, ее ни у кого не было и не было необходимости ее устранять*. Власть следовало еще создать и организовать. Ленин признавался, что у большевиков не было ничего, кроме лозунгов «социализм», «революция» да обещаний отменить привилегии и титулы. Ключом к успеху стал призыв к крестьянам завладеть землей, которую они обрабатывают и которую считают своей. Подобная мера могла бы спасти и Временное правительство, если бы оно на нее пошло. Но послушное крупным землевладельцам правительство Керенского было убеждено, что социализм неприемлем. Министры-капиталисты не могли принять буржуазно-демократическую революцию в России. В этом состояла драма политических партий между февралем и ноябрем 1917 года, запутавшихся в блоках и коалициях. Хаос разрастался, а они не сумели ни отдать себе в этом отчет, ни обуздать. (Так похоже на состояние политических сил в Украине 2014—2020 гг.)

Большевикам все-таки удалось справиться, хотя они были у власти только номинально, вывеской и не более. Но и эта партия не могла удержать полный контроль над событиями, и не столько из-за массового наплыва новых членов, сколько из-за

огромного давления неотложных задач, к выполнению которых ее не подготовили ни дореволюционный опыт, ни характер, не успевший пройти закалку. Хотя партия существовала и в ней присутствовала реальная внутренняя демократия, бури социально-экономических задач, накрывшей ее после взятия Зимнего, она не пережила. Даже гражданская война сама по себе не смогла бы сломить большевиков, напор бесчисленных административных задач и проблем государственного строительства подорвал их силы и нарушил какие-то важные внутренние связи.

* * *

Особенность отечественной истории — ее прерывистое развитие, 1917 год не единственный ее слом, но, пожалуй, самый глубокий. Его последствия до сих пор не пережиты, не удалены, а хуже всего, что они даже не отрефлексированы, то есть население, вообще-то, не очень понимает, что же произошло. Нам в течение достаточно долгого времени вдалбливали, что *«это был Великий Октябрь, необыкновенный взлет народного творчества, мы создали новый мир, и все страшные вещи, которые существовали в дореволюционной России, остались в прошлом»*.

К сожалению, до сих пор ничего принципиально нового мы к этому добавить не можем. Дело в том, что вся европейская историческая наука, из которой черпаем методологию, критерии, подходы, понятия, в том числе такое понятие, как «революция», основана на исследованиях западной цивилизации. А мы пытаемся с тем же аппаратом изучать наши внутренние процессы, и у нас ничего не складывается, в частности, если приложить тот же инструментарий к событиям 1917 года, то ничего понять невозможно.

Здесь я должен остановиться на крахе Российской империи, из которой, несмотря на 72-летний вынужденный шлюз, вышла сегодняшняя Украина.

Чем же следует вооружиться, чтобы начать что-то понимать? Я предлагаю обратиться к Евангелию, к Священному Писанию. В одном из апостольских посланий есть фраза, которая, на мой взгляд, дает ключ к пониманию ситуации 1917 года: *«Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны...»* (2 Тим 3:2). Вот описание того состояния, в которое впал обитатель империи. Причем не только обычный человек, но и представители элиты, руками которых было сделано то, что произошло тогда и позже. Это состояние общества А. И. Деникин назвал *«Русской смутой»* — такой вот род национальной болезни. Когда Россия стоит перед какой-то проблемой, перед тем, что наши соседи называют вызовом, и не может адекватно на него ответить, то у них, соседей, не запускается механизм общественной консолидации, обмена мнениями, выработки какого-то всеобщего решения.

В России, республике или империи, нет и никогда не было такого механизма! Соответственно, и в Украине сегодня нет нормального парламента. Государственная дума, действовавшая к моменту Русской революции, в привычном смысле парламентом не являлась. Это было некое странное сборище, состоявшее из партий, никого не представлявших, кроме себя. Поэтому первая и вторая Думы были распущены как *«думы народного гнева»*. Они не занимались конституционной работой, а только кричали: *«Долой! В отставку!»* Для того чтобы эти вопли были убедительны, производящему их следовало находиться в каком-то неестественном состоянии. Именно в том, которое в строках из апостольских посланий: *самолюбивы,*

нечестивы, недружелюбны. Эта модель соответствует и сегодняшней Верховной Раде.

Можно ли с этим опасным явлением бороться какими-то политическими средствами? Может ли политик вообще что-то сделать со смутой в государстве? Если обратиться к прецедентам и аналогиям — ответа не найдем. Потому что проблема, которая встает перед страной, очевидно, лежит не в политической плоскости. Власть утрачивает то, что называется легитимностью, авторитетом, и предложить уже ничего не может!

При этом историки часто повторяют, мол, народ в Первую мировую войну не знал, за что воюет. Это очень ценное замечание. Говорить о том, что кто-то там чего-то не понимал в европейской политике начала XX века... А кто и когда понимал?

К 1916 году хорошо подготовленной, воспитанной кадровой армии в России уже практически не осталось. Солдат — это же не человек с ружьем, это совершенно особая психология. Офицера тоже невозможно подготовить за короткое время. Хотя были, конечно, прапорщики ускоренного призыва, то есть гимназисты, студенты, которых быстро кое-чему обучили, натаскали. Но в целом такая армия представляла колоссальную опасность, потому что все упаднические настроения она перенесла на передовую. Нужен был только спусковой крючок, нужно было чуть-чуть подтолкнуть ситуацию, чтобы началась полномасштабная русская смута, чтобы были отброшены все понятия о чести и достоинстве. В качестве такого толчка и выступил, на мой взгляд, переворот февраля 1917 года.

Удивительное дело, страну взорвали смутой вовсе не реальные проблемы. Немецкий генеральный штаб уже после кампании 1915 года пришел к выводу, что Германия проиграет войну. И было совершенно ясно к началу 1917 года, что Россия войну выиграет, даже если бы солдаты просто сидели в окопах в

районе Минска и не давали противнику подойти к первой линии обороны. Но в обществе ширились другие настроения: все пропало, страна проигрывает войну и если не произвести какие-то кардинальные действия, не пойти на что-то чрезвычайное, тогда все кончено. За этими настроениями абсолютно ничего не стояло, но они охватывали всю элиту, великих князей, генералов, депутатов из Государственной думы всех партий. Современный украинский гражданин то же самое ежедневно слышит с экрана телевизора, в транспорте, в обиходе...

Но когда появилось это настроение? А. П. Чехов замечательно зафиксировал его в рассказе «Невеста». Есть там герой Петя Трофимов, который постоянно нудит, что все ужасно, что все затхлое, никуда не годится. И главная героиня, невеста, в конце концов в это верит и начинает говорить, что *«главное — перевернуть жизнь, а все остальное — не нужно»*. Вот настроение российской элиты к февралю 1917 года! За этим не стоит никаких реальных существенных проблем. Мы побеждаем. У нас деревня живет как никогда — с колоссальным достатком. Все трудности несоизмеримы с проблемами нашего противника в войне. И тут вдруг комплекс чеховской невесты: *«главное — перевернуть жизнь»*. Так возник феномен российского Февраля. Причем это был не западный переворот, когда есть какой-то сценарий, ясные цели, роли расписаны. Ничего подобного! Это была отсебятина, когда каждый из участников подталкивал ситуацию.

1 марта поезд Николая II приезжает на станцию Псков. В вагон заходит смертельно бледный командующий Северной армией генерал Рузский и говорит государю императору: «Надо сдаться на милость победителю...» Да у тебя же миллионная армия стоит под Псковом, рядом Петроград, там запасные полки! Но он подталкивает ситуацию к отречению от престола.

Далее интригует господин Родзянко, председатель IV Государственной думы. Он говорит, что там ужасные хлебные беспорядки, все пропало. При этом в Сибири — десятки тысяч тонн мороженого мяса, хлеба столько — за два года не съесть. Страна битком набита продовольствием. Кое-чего не хватало в самом Петрограде, но к 1 марта проблема была решена. Однако господин Родзянко подталкивает: нет никакой надежды, начинаются хлебные бунты...

Государь запрашивает ставку. А там генерал Алексеев, начальник штаба, тоже весь в хандре и депрессии. Почему они это делают? Да потому что они все заражены этим комплексом чеховской невесты: *«главное — перевернуть жизнь»*, в первую очередь — сменить власть. Зачем это? Начинаешь разбираться с тем или другим, как с персонажами исторической драмы: а что за этим стоит, ради чего? А они отвечают на страницах хроники тех лет, как роботы: ради победы. А ведь ясно как божий день, что, если сейчас, за один шаг до победы, спровоцировать смуту отречением царя от престола, то никакой победы уже не будет.

Я, автор этой книги, каждый день, включая Интернет, читаю: «Завтра будет поздно», «Сегодня или никогда!», «Ждем 3-го Майдана!», «Верховна Рада не хочет работать!». Ежедневно, уже надоело, а тут еще приятельница по телефону: «Скажи правду, что с нами будет?!» Да то же, что и 100 лет тому назад! Как не вспомнить Конфуция: *«На самом деле жизнь проста, но мы настойчиво ее усложняем»*.

Николай II, человек, конечно, не самый мужественный и волевой, абсолютно правдиво и мужественно описывал ситуацию в своем дневнике. Кругом измена, трусость и обман. Это переворот! Ни на кого положиться нельзя, все охвачены этим ощущением. В значительной степени оно сформировано либеральным мировоззрением: в России все надо поменять и устроить на европейский манер. Дескать, все, что у нас есть, —

неправильное, жизнь у нас ошибочная, ее надо сделать правильной. А сейчас такой случай, сейчас война, государь мечется, какие-то заносы на железных дорогах, так что можно этот либеральный идеал осуществить.

При этом Псков, где разворачивается трагедия, — тихий губернский город. Там спокойно, беспорядков питерского разлива нет и в помине. Но «комплексом невесты» заражены все: чиновники губернские, уездные, какие угодно. Поэтому все кончается исторической нелепицей, когда государь отрекается в пользу своего брата. При этом его никто не спросил, на каких условиях согласен Михаил Александрович, на каких условиях сам Николай Александрович оставляет престол. Ничего этого не прописано. Такая легкомысленная, нелепая и жалкая импровизация.

2 марта к вечеру подписывается Акт об отречении, и на следующий день на кораблях Балтийского флота его зачитывают. Навигация еще не началась, все корабли стоят в бухтах Гельсингфорса и Кронштадта. Флот не испытывает вообще никаких продовольственных затруднений. Никаких проблем нет. Но после того как прочитывается акт отречения, начинается страшный погром с охотой на офицеров. На броненосце «Император Павел I» и линкоре «Андрей Первозванный» матросы убивают нескольких офицеров. К мятежникам выходит командир корабля: «Матросы, я ваш командир. Почему вы убиваете офицеров?» Тут же выскакивает некто с выпученными глазами и начинает визжать: «А вы нашу кровь пили!» Командир в ответ: «Давай, расскажи, кто и какую кровь пил?» И что происходит? После некоторой паузы раздаются крики: «Не дадим нашего командира в обиду!» То есть дело не в том, пили кровь или нет, а в том, что вышел человек волевой, смотрящий прямо перед собой, очевидно, пользовавшийся еще вчера полным авторитетом у матросов. Делаем вывод: в

одновременно сложилась ситуация абсолютного духовного помрачения — один из главных признаков русской смуты. И вот, на следующий день пьяные, находящиеся в угаре после ночных убийств офицеров матросы, преимущественно с «Павла I», арестовывают командующего Балтийским флотом генерала Непенина. В него стреляют, грабят, колот штыками. Адмирал — все это знают — был среди тех командующих, которые высказывались за отречение государя. Он человек революционный, за что ж его убивать-то? Да просто он адмирал, а значит, «пил кровь» и теперь является объектом слепой ненависти, под которую можно подвести что угодно: классовую борьбу, террор и так далее.

В других частях российской армии новость об отречении царя была воспринята без кровавых последствий, но с не меньшим угаром. Несколько дней все офицерство с упоением праздновало «победу революции». Постепенно с фронта эта смута распространилась на деревню, и в конце весны — летом 1917 года по всей стране прокатилась волна погромов дворянских усадеб. Все, как уже сложилось 10 лет до этого, — грабеж и заметание следов огнем!

А что в Крыму? Для тех, кто считает Крым «русским», а Черноморский флот — гордостью Российской империи, даю небольшую цитату. Отрывок из речи командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака на Пушкинской площади города Севастополя в апреле 1917 года. Перед несколькими десятками тысяч манифестантов он сказал: *«Мне выпала честь говорить с украинцами, которые собрались здесь заявить о своем существовании, наглядно его засвидетельствовать. Черноморский флот, руководить которым имею за честь, на 90 % состоит из сыновей этой нации. Я не могу не приветствовать украинскую нацию, которая дала мне наилучших моряков, которые только есть в мире».* Здесь

нелишним будет заметить, что Александр Васильевич был наследником сотника казацкого бужского войска Лукьяна Колчака и османского военачальника Ильяша Колчака-паши.

Именно к 1917 году в Российской империи вызрела застарелая чудовищная проблема, которую необходимо было каким-то образом разрешить. Это проблема культурного раскола России на европеизированную и традиционалистскую части. Несмотря на прошедшие 100 лет, она до сих пор не решена, поэтому всякие вопросы о национальном примирении, единстве будут об нее разбиваться. Возник этот недуг в результате Петровских реформ. В дальнейшем было отмечено несколько обострений протекания болезни, самое сильное из которых приходится на период так называемых Великих реформ Александра II.

Л. Н. Толстой в разговорах с иностранными корреспондентами заявлял, что не только русское правительство, но и всякое правительство стоит адвокатом стомиллионного российского крестьянства и считает ложным всякую деятельность либеральных врачей, земцев, адвокатов, писателей, студентов, потому что это связано с неправдой, от которой происходит всякое зло. Целью погромов помещичьих усадеб были не какие-то конкретные жизненные блага — ничего подобного! Это было уничтожение *«насилия и неправды»*. На этот мировоззренческий крючок, засевший в душах простого люда, и цепляли профессиональные бунтари, выступавшие заводилами всеобщей смуты. А коль уж ситуация смуты создана, то на сцену обязательно должен выйти некий самозванец. Так считается и у нас: каждый предыдущий президент крал у народа...

Явление «героя» не заставило себя долго ждать. 3 апреля 1917 года. Знаменитая сцена, опоэтизированная в литературе и кинематографе. Финляндский вокзал, поздно, темно, площадь перед вокзалом заполнена матросами и солдатами запасных

войск. Все ждут Ленина. Вообще-то, ждут предателя: ни для кого не секрет, что Ленин приезжает через воюющую Германию, и он этого не скрывает. Так кто же он такой? Политический эмигрант, которых немало, на его лекцию в Цюрихе в начале 1917 года собралось 7 человек — так что, по сути, никто. При этом еще полтора месяца назад никому и в голову бы не пришло, что в России начнется какая-то революция. Сам Ленин подумывал переехать со своими «гениальными идеями» в Америку. Но он приезжает в Россию, и его встречает в здании Финляндского вокзала компания из профессиональных революционеров: меньшевики, эсеры. Он им говорит: *«Мы будем совершать социалистическую революцию»*. Все в шоке, потому что не знают, что тогда с еще вчера совершенной буржуазной революцией делать. Какая социалистическая?! А дальше он с балкона особняка Кшесинской, где обосновались большевики, заявляет то, что в России могут простить только самозванцу: *«Защита Отечества — это значит защита одних капиталистов против других»*. Если бы это какой другой либерал или националист выкрикнул, его постигла бы немедленная политическая смерть. Но с Лениным — наоборот! Потому что гений Владимира Ильича может отринуть весь этот марксизм, всю эту демагогию, которой он прекрасно владеет. Ленин великолепно разбирается в том, как работает механизм русского бунта, и он спекулирует на этом затаившемся, ко всему готовом предательстве, запускает механизм, который дает право на грабеж, на бесчестие, на что угодно! И вот он запущен, и страна в состоянии смуты — твоя.

Второе явление этого замечательного персонажа. 8 октября, актовый зал Смольного института заполнен матросами и прочими вооруженными людьми. Вот такой был контингент. И Ленин показывает им две бумажки: «Декрет о мире» и «Декрет о земле». И никому не приходит в голову, что это просто

филькина грамота! Что значит декрет о мире? Как декрет о мире может принять воюющая страна? Что мы сделаем? Разоружимся и пустим к себе врага? Тут должны возникнуть десятки вопросов, потому что это провокация и демагогия. Но в состоянии смуты это нормально. Зал взрывается овацией, и все поют «Интернационал».

Через некоторое время в Брест-Литовске. Немецкое командование ни о каком мире без аннексии и контрибуции и слышать не хочет. Если вы, мол, 18 губерний, треть промышленного и человеческого потенциала, положите — тогда будет вам мир, какой хотите. И такой мир, как известно, был подписан.

Дальше начинается самое интересное. Большевики берут власть, которая просто валяется под ногами. 25 октября в предпарламент заявляется горстка матросов и звучит фраза, ставшая историческим афоризмом: «Все свободны. Караул устал!» Предпарламент без вопросов в полном составе встает и уходит.

Но ведь война-то на этом не кончилась. Это самое главное! В концепции Великого Октября есть один неприятный момент. Считается, что сначала был Великий Октябрь, а уже потом, в результате попытки эксплуататорских классов добиться реванша, началась гражданская война. Однако еще в 1914 году, когда только-только началась Первая мировая, Владимир Ильич бросает такую неосторожную фразу: *«Наша задача — превратить войну империалистическую в войну гражданскую»*. Вот это серьезный политик, ничего не скажешь! Понятие «гражданская война» в данном случае — это такой перевод на язык европейской истории того, что называется русской смутой. Конечно, европейская гражданская война не похожа на русскую, это совсем разные явления, так что *«превратим войну*

империалистическую в русскую смуту» — вот как это должно было звучать для русского человека.

Наконец большевики во главе с Лениным приходят к власти, и немцам отдается все, о чем они мечтали, включая позорный, унижительный мир. Ладно, что ж поделаешь, но — стоп! Война ведь должна остановиться. А ничего подобного! Если бы это произошло, большевики, очевидно, продержались бы несколько месяцев, не более, как все и предполагали. Но Ленин не останавливает гражданскую войну, не укрощает русский бунт. Напротив, он распространяет войну на крестьянский мир. Ради этого летом 1918 года издается «Декрет о комбедах» (комитетах бедноты). Осуществляется политика такого рода: разделить деревню по классовому признаку на кулаков и бедноту, после чего стравить одних и других. Параллельно ведется война с рабочими, то есть с теми, ради которых, теоретически, так называемая революция и осуществлена. Все выступления рабочих против большевиков подавляются жесточайшим образом. Вот так и создается идеология гражданской войны.

А с убийства в Киеве митрополита Владимира открывается и церковный фронт. И тут я, дорогой читатель, подхожу к сути того, что произошло в 1917 году и вообще в XX веке. Организовать церковный фронт со вскрытием мощей, с изъятием церковных ценностей, с травлей патриарха — это, в общем, было делом несложным. Но дальше происходит удивительная вещь. Все институты русского мира уничтожаются просто на раз-два-три: офицерство, интеллигенция, земские и государственные деятели. К концу 1920-х — началу 30-х годов, после коллективизации и раскулачивания, практически крестьянства нет. Только с Церковью так не получилось. Церковь стала совершенной другой, она приросла примерами подвижничества, мученичества, исповедничества.

Можно говорить об отдельных явлениях февраля 1917 года как об имевших отчетливые революционные черты, но суть тех событий в другом: Россия пережила свою Голгофу. Это главный смысл! Случилось, как в песне: *«Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был никем...»* — тот хочет все! Вот как стала складываться новая, советская буржуазия. Те, у кого за душой пустота, стали править миром и заграбастали все его богатства, исключая духовные, в коих не нуждались...

А мир насилия остался. В памяти российского общества он сохранился генетически, столетием вскормленный книгами, фильмами, и еще более окреп с появлением телевидения. Как римский плебс перед распадом империи восторженно встречал бои гладиаторов с растерзанием христианских мучеников дикими зверями, так и сегодня духовно убогий телезритель впитывает сцены насилия и террора.

Та бескомпромиссная линия террора, что протянулась с конца XIX века далеко вглубь XX, вывела на свет весь подспудный кроваво-черный хаос, который уже давно шевелился в душах человеческих, по большей части непросвещенных, темных и забитых. Наличие у власти разного рода «непримиримой» оппозиции зависит только от одной опции в обществе — от морального оправдания террора в массовом сознании. Если этого оправдания нет, никакого кровопролития не будет. И не террористы тут главные, они лишь исполнители социального заказа. В истории самых разных народов такие кровопролития воспринимались с восторгом, люди обнимались и поздравляли друг друга со слезами на глазах.

Так мы и вернулись к тому самому психологическому комплексу, который взрастила российская элита. Вы спросите, зачем все это долгое вступление к книге о Киеве? Я думаю, оно

не лишнее. Ведь все вышесказанное, к моему глубокому сожалению, касается и моего Города тоже.

Морозная зима 1917-го в Киеве

Тревожные сигналы будущего «эсэрэсэрского» Киева следует усматривать в первых днях после Февральской революции и отчет начинать с создания Центральной Рады.

События разворачивались следующим образом. Уже 4 марта состоялось 1-е заседание Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов, а через день — Учредительное собрание Киевской большевистской организации. Когда же в 1917 году была создана Центральная Рада, избравшая своим председателем М. Грушевского, украинским национальным силам по-прежнему просто не хватало людей, которые взяли бы происходящие социально-политические процессы под строгий контроль. В итоге время было потрачено на теоретические споры. Крестьяне и без большевиков горячо поддерживали идею независимой Украины, но потом большевики бросили в массы свои брендовые лозунги: «Землю — народу!», «Долой войну!» — с призывом грабить богатых, и поддержка вдруг испарилась. Потому что зачем же что-то поддерживать и созидать, если можно просто грабить и разрушать?

Призывы-то оказались обманчивыми, война перерастала в гражданскую, а в Украине не нашлось достаточно людей, способных за короткий срок создать сильную армию, управленческий аппарат и раздать землю крестьянам. Они были, но этой горстки отважных было явно недостаточно. Здесь читатель в очередной раз может отметить связь времен. В дальнейшем мы неоднократно столкнемся с событиями, созвучными с происходящими сейчас. К сожалению, их немало

и причин для не самых радужных ожиданий у нас становится все больше и больше!

Зима 1917 года выдалась морозной. Снег засыпал киевские улицы, часто полностью блокируя их для проезда. На продувном ветру стояли «хвосты» — огромные очереди: за дровами, керосином, хлебом, мясом, очереди на трамвай. Это была типичная картина последних месяцев жизни города при царском режиме. Вскоре она изменилась, но не во всем — к лучшему.

Киев переживал четвертый год большой войны, которая его истощила морально и физически. Хотя линия фронта проходила довольно далеко от города, его пульс ощущался.

В разгар холодов киевляне и городские предприятия оказались без угля. Если летом в Киев привозили более 800 вагонов в месяц, то к концу года — только 300, а в январе угольные склады опустели вовсе, на электростанциях резервные запасы неуклонно истощались. Городская управа в целях экономии ресурсов распорядилась отключать уличное освещение после полуночи, углем перестали снабжать городские, воинские учреждения, лазареты, больницы, не говоря уже о частных потребителях. Медучреждениям предложили размещать всех больных в нескольких палатах, чтобы уменьшить отапливаемую площадь. Из-за жуткого холода на некоторое время закрылась городская публичная библиотека. Караваевская, Троицкая и Московская бани прекратили работу отделений третьего класса.

В отличие от угля, дров в городе, слава богу, было достаточно. Но хранили их в гавани, где ожидаемый весенний паводок грозил полным затоплением. К счастью, городская власть вовремя спохватилась и приказала немедленно транспортировать дрова к городским складам, для этого задействовали даже трамвайные вагоны. Но угольный кризис

резко взвинтил цены на дрова. За ними толпами ринулись домовладельцы, которым специальным постановлением вменялось в обязанность поддерживать определенную

Наводнение на Подоле. Из архива автора

температуру для квартиросъемщиков, постоянно мерзнувших в своих жилищах. Киевские газетчики сетовали: *«На Александровской площади и в Контрактовом доме безнадежная пустота. По соседству с домом приютилось десятка два балаганов, торгующих преимущественно сладостями либо рыбными товарами. Посетителей тоже не густо. 1 февраля, в день открытия контрактов, посетителей можно было пересчитать по пальцам. С одной стороны, торговцы игнорируют контракты, а с другой, и киевлянам сейчас не до них. Стоят холода. Пока выстоишь трамвайную очередь, чтобы попасть на Подол, так всякое желание отпадает. Дороговизна наконец сделала свое дело».*

Езда в трамвае действительно превратилась в настоящую пытку. Сокращение подвижного состава и недостаток служащих

заставили трамвайное предприятие отказаться даже от подobia регулярного движения. На некоторых линиях — Владимирской, Саперной, Глубочицкой, Набережной и Межигорской — трамваи не ходили вовсе. Стремясь хоть как-то помочь людям, и. о. городского головы Федор Бурчак распорядился открыть вестибюль здания Думы на Крещатике, чтобы там могли греться ожидающие трамвая киевляне.

Направив все ресурсы для армии и для победы, власть обрекла тыловой Киев на полуголодное существование. С 1914 года цены на важнейшие продукты питания подскочили на 350 % и продолжали расти. Приказчики в магазинах и на складах не успевали менять ценники, а покупатели негодовали из-за жуткой дороговизны.

Огромной проблемой оказался тотальный дефицит. В январе-феврале Киев остался без ржаной муки, из которой выпекали социальные сорта хлеба. Городские власти закупали зерно и муку в достаточных количествах, но железная дорога не могла их доставить, а правительственные уполномоченные на каждом шагу старались реквизировать хлеб в пользу армии. С раннего утра люди буквально осаждали хлебные лавки, разметая товар за считанные минуты. Несладко пришлось окраинам, где вовсе не было пекарен. Озлобленные жители пригородов были на грани бунта.

Молоко и сахар просто пропали с городских прилавков. Федор Бурчак инициировал ревизию кондитерских фабрик, которые подозревал в сахарных спекуляциях. Простые горожане уже давно получали сахар по карточкам, и даже в народные чайные его подвозили нерегулярно, власти опасались, что завсегда и чайных, городские «низы», в конце концов могут взбунтоваться.

Огромные очереди стали приметой времени. Люди стояли на лютом морозе и пронизывающем ветре, иногда с 5 утра до

позднего вечера. Выстаивали часами не только за питанием, но и за одеждой, обувью.

9 января Городская дума приняла комплексный «Продовольственный план». Он предусматривал субсидии местным кооперативам, привлечение общественных организаций к снабжению Киева продовольствием, создание сети столовых и молочных ферм. Дополнительно губернатор приказал разводить при больницах огороды, чтобы обеспечить питанием пациентов, но это осталось только в планах.

А в Петрограде 23 февраля на почве перебоев с продовольствием начались массовые митинги. Лозунги типа «Хлеба!» вскоре сменил призыв «Долой самодержавие!». Власть проявила полную неспособность справиться с беспорядками. Решающим стало 27 февраля, когда несколько частей Петроградского военного гарнизона перешли на сторону восставших. Уже на следующий день в городе возникло два новых центра власти — временный комитет Государственной думы (позже его сменит Временное правительство) и Совет рабочих депутатов. Революция свершилась.

А Киев в это время пребывал в блаженном спокойствии. Власть имущие и влиятельные общественники 1 марта собрались на срочное совещание у командующего Киевским военным округом генерала Николая Ходоровича. Там сформировался новый орган городской власти — Совет объединенных общественных организаций и Исполнительный комитет при нем. Исполком возглавил опытный городской управленец Николай Страдомский, ключевыми фигурами стали адвокат Дмитрий Григорович-Барский, барон Федор Штейнгель, член Украинского клуба Андрей Никовский и представитель рабочих Алексей Доротов. В первые дни марта новая власть оформилась окончательно, Совет объединенных общественных организаций все разрастался, в него стали включать едва ли не

всех охочих — от делегатов Совета рабочих депутатов до членов Общества правильной охоты.

5 марта губернатор Алексей Игнатъев передал свои полномочия земцу Михаилу Суковкину, который обосновался во дворце генерал-губернатора на улице Институтской и стал губернским комиссаром Временного правительства. Военным комиссаром при генерале Ходоровиче, которому многие в Исполкоме не доверяли, был назначен поручик Константин Оберучев, вступивший в должность сразу по выходе из тюремной камеры.

«А теперь спокойно разойдемся по домам, с тем чтобы завтра приступить к мирной работе, идущей на благо Родины и на поддержание нашей доблестной армии», — увещевал киевлян с балкона думского здания Федор Бурчак. Однако расходиться никто не собирался. Наоборот, площадь перед зданием Думы, где заседала новая власть, стала ареной бесконечных митингов, манифестаций и демонстраций. «Это был сплошной праздник. Толпа стремилась на улицу. Все приветствовали друг друга, как в Светлый Христов день. Красные бантики и розетки — эти запретные в недавнее время эмблемы свободы и революции — мелькали в черных пальто и жакетах, и красные ленты скоро исчезли из магазинов: трудно стало добыть их», — вспоминал Оберучев.

Рабочие не работали, студенты не учились, дворники не подметали, прислуга бастовала, ученики средних школ митинговали. 6 марта при большом стечении народа на Думской площади (ныне Майдан Независимости) состоялся военный парад, который должен был продемонстрировать, что солдаты киевского гарнизона — на стороне новой власти. Газета сообщала: *«С раннего утра к зданию городской думы начали собираться группы населения Киева. Со стороны Печерска появляются солдаты со знаменами. Вдоль Крещатика раздается*

громовое «Ура!». На Институтской улице показывается первая воинская часть. Предшествуемые оркестром во главе всех своих офицеров, они под звуки торжественного марша спускаются к Крещатику, поворачивают к думе и, пройдя вдоль здания городской думы, здесь останавливаются. На балкон выходят члены исполнительного комитета и начальники отдельных воинских частей. Председатель исполнительного комитета Страдомский обращается к войскам с приветственной речью. Оркестр начинает играть марсельезу, подхватываемую толпой, достигшей десятков тысяч. Вслед за тем вдоль городской думы дефилируют последовательно войска киевского гарнизона». Демонстрация продемонстрировала, что новая власть всецело зависит от толпы. Когда воинственные солдаты потребовали арестовать коменданта Киевской крепости генерала Медера, то ничего не оставалось, как взять под стражу старого служаку.

Чтобы подвести черту под бесконечной вакханалией праздников, на 16 марта назначили грандиозный День свободы. В демонстрации участвовали рабочие, служащие, военные. Среди прочих транспарантов и плакатов выделялся лозунг «Да здравствует свободная Украина!». Каждая группа, проходя мимо здания Думы, приветствовала новую власть, а с балкона уже традиционно им махал генерал Ходорович и члены Исполкома. Масштабы демонстрации впечатляли: людской поток непрерывно тек по главной улице города с 10 утра до 6 вечера.

Броневик на Крещатике. 1918 год. Из архива автора

Во время праздника киевлян удивила метаморфоза, произошедшая с памятником Петру Столыпину, который стоял перед Думой. Фигуру премьер-министра немного сдвинули с пьедестала, окружили лесами, обмотали цепями и блоками. Это создавало впечатление, что Столыпин повешен. Выяснилось, что накануне Исполком принял решение о демонтаже изваяния, но не успел завершить работу. Инициативу в свои руки взял народ. При помощи металлических лебедок Столыпина подняли над постаментом, а потом радостно сбросили вниз. *«Петр Столыпин был противных нам убеждений, но неужели мы теперь будем мстить мертвецам и неужели все памятники, связанные с прежним государственным строем, должны быть уничтожены? Ведь это вандализм, стыд и позор для культурного народа!»* — возмутилась этим самоуправством читательница газеты «Кіевлянинъ».

Совет объединенных общественных организаций подчинил себе городскую полицию, но при этом заявил, что намерен заменить ее народной милицией. Старых полицейских воспринимали как слуг царского режима. Лишь единицы бывших стражей порядка сохранили свой статус при новой

власти. Среди них был знаменитый сыщик Николай Красовский, который стал комиссаром сыскного отделения.

Полицейскую реформу поручили присяжному поверенному Калачевскому. Однако к этому времени студенты и рабочие явочным порядком уже сформировали милицейские отряды и вооружились огнестрелом. От рядовых обывателей их отличала только красная нарукавная повязка. Были примеры, что вместо борьбы с преступниками милиция сама занималась грабежами.

Криминальную обстановку в городе обостряла ситуация в Лукьяновской тюрьме. Сначала оттуда выпустили всех политических заключенных, уволили начальника тюрьмы и 33 сотрудника. Военный комиссар Оберучев приказал снять с уголовников кандалы под честное слово, что сидельцы не устроят беспорядков. В беседе с представителями новой власти они клялись, что в последние дни буквально переродились и хотят стать полезными членами общества. 23 марта более тысячи заключенных обезоружили охрану и устроили во дворе митинг. Часть из них вырвалась на свободу и с красным флагом пошла вверх по Бибииковскому бульвару — прохожие принимали тюремных беглецов за новобранцев, дружелюбно махали руками. Начальник милиции с группой юнкеров нагнал и окружил уголовников уже возле Бессарабского рынка. Беглецов оттеснили на Думскую площадь, где после долгих уговоров они согласились вернуться в место заключения. При этом трем десяткам преступников все же удалось смешаться с толпой и скрыться.

Но власть Совета объединенных общественных организаций слабела, и появилась новая сила. Рано утром 12 марта на Киевский вокзал из Москвы прибыл Михаил Грушевский. В пути не обошлось без приключений: ночью его вагон загорелся, и профессору пришлось выпрыгнуть из поезда в одном белье.

В городе его ждал теплый прием, особенно в Педагогическом музее, который заняли патриоты Украины.

19 марта новый лидер повел своих единомышленников на грандиозную манифестацию, которая недвусмысленно продемонстрировала массовость национальных сил. *«Когда я подошел к Владимирскому собору, откуда должен был двинуться поход, то уже тут было полно народа, вся улица и площадь были заполнены тысячами людей. Также толпы были и дальше по Бибиковскому бульвару, Владимирской улице возле Университета. Выстроились целые отделы войск с сине-желтыми флагами. Одна за другой приходили общины, группы, корпорации: школы, гимназии, общества — все с украинскими флагами»,* — вспоминал это событие Дмитрий Дорошенко.

Стотысячное шествие двинулось по Фундуклеевской и Крещатику к зданию Думы. Там Михаил Грушевский провозгласил пламенную речь, которая закончилась присягой на верность народу в борьбе за национальную автономию. Толпа с криками «Слава батьке Грушевскому!» подхватила профессора и вынесла его на думский балкон. На Софийской площади состоялось большое вече. Участники поддержали Временное правительство и призвали его как можно скорее признать автономию Украины.

М. С. Грушевский в своем доме, подожженном в январе 1918 года. Из архива автора

Пару лет тому назад в Клубе коллекционеров для своего собрания материалов по «Державотворенню та Незалежності України» я приобрел уникальную вещь. Это пластинка 1917 года «Ще не вмерла Україна» — первая в мире грамзапись Гимна Украины! Продавалась она в Главном депо (магазине) Г. И. Йиндржишека, что на Крещатике. Текст на ней: «Співав хор і оркестр товариства музик імені Лисенка табору полонених українців у Вецлярі, диригент Євген Турула».

Так Киев отрекался от Российской империи. Заключительным аккордом стал отъезд в Крым вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В последнее время ей жилось несладко: солдаты у Мариинского дворца вели себя нагло и агрессивно, а руководители больниц, которым царица раньше помогала, прямым текстом заявляли, что больше в ее услугах не нуждаются. Исполком постановил, что Романовым больше не место в Киеве. Под покровом ночи мать-императрица покинула город, а Царский дворец занял Совет рабочих депутатов.

Киев под четырнадцатью властями

Расскажем об уникальном периоде, ничего подобного которому в истории Киева не было ранее и, надеемся, не случится в будущем. За тридцать девять месяцев, с марта 1917-го по июнь 1920 года, власть в городе поменялась четырнадцать раз. Некоторые из тогдашних вооруженных переворотов были практически бескровными, другие же стоили многим жизни...

«Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственного правления, пала. Государственная дума взяла на себя создание новой власти».

Из телеграммы А. Бубликова

1. Временное правительство. 2 марта — 25 октября 1917 года. Начнем с конца февраля 1917-го, когда хлебные бунты в Петрограде достаточно быстро вылились в революцию и привели к крушению казавшейся незыблемой династии Романовых. В Киеве было гораздо спокойнее, никаких будоражающих событий в тот момент не происходило, и некоторые из киевских обывателей узнали о том, что, собственно, произошло, из полуполюгендарной нынче телеграммы Бубликова, которую прославил Михаил Булгаков в своем очерке «Киев-город». (Правда, он ошибся в дате получения этой телеграммы.) Александр Бубликов был комиссаром Временного правительства, назначенным в Министерство путей сообщения, и разослал эту телеграмму по железнодорожной сети.

«Телеграмма эта с быстротой электрической искры распространилась по городу. Все были в этот вечер у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая. А по утрам мы выбегали на улицу и часами простаивали в очередях у газетных

киосков. *Настроение было праздничное*», — вспоминал адвокат Александр Гольденвейзер. Эта новая власть, естественно, распространялась и на Киев, как один из крупнейших городов Российской империи, а с того момента Российской республики. Слово «свобода» витало в воздухе, хотя, пожалуй, немногие в тот момент понимали, что в точности за ним стоит, и уж совсем мало кто предполагал, чем это закончится.

Буквально через несколько дней в подвале дома, где сейчас располагается вход на станцию метро «Золотые ворота», была создана Украинская Центральная Рада. Этот орган поначалу задумывался как общественная организация, а отнюдь не как парламент независимого государства, но по ходу событий он им и стал. И Киев начал медленно, постепенно уходить из-под влияния Петрограда. Временное правительство не очень понимало, как поступить с украинским вопросом, относилось к нему, пожалуй, в основном иронически (вспомним весну 1917 года, когда в Киев на встречу с Верховной Радой примчался встревоженный Собчак); хотя происходили какие-то переговоры между Временным правительством и Центральной Радой, но дело было пущено на самотек. Центральная Рада в течение лета и осени 1917 года издает сначала I, потом II Универсалы, которыми со все возрастающей решительностью провозглашает автономию Украины с правом устанавливать свои законы.

Перед Городской думой. 1918 год

Великая Октябрьская социалистическая революция позволила сказку сделать былью! Только сказку выбрали уж больно страшную.

А в Петрограде тем временем события шли своим чередом, что закончилось, как известно, 25 октября по старому стилю (7 ноября по-новому) 1917 года, когда власть узурпировали большевики.

В Киеве в тот момент ничего значительного не произошло. Если почитать киевские газеты тех дней, то в них будет найдено вялое обсуждение того, что же это означает, что в Петрограде власть взяли большевики, какие могут быть последствия, — но никакого особого значения для Киева и Украины в целом этому событию не придавалось.

Однако киевские соратники большевиков были другого мнения, буквально через неделю они вознамерились захватить власть. Вылилось это в так называемый трехсторонний бой, получивший такое название за то, что в нем участвовали три стороны: отряды большевиков, со штабом в Царском дворце;

войска Центральной Рады и войска Киевского военного округа, стоявшие на стороне Временного правительства. Большевиков, в конечном счете, перебороли, их лидеры вышли из состава Центральной Рады и уехали в Харьков, где вскорости основали свою «украинскую республику». А защищать Временное правительство было как-то уже нелепо, поскольку его больше не существовало, и поэтому власть вполне естественным образом перешла к Центральной Раде.

2. Центральная Рада. 7 ноября 1917-го — 26 января 1918 года. Центральная Рада — будущий украинский парламент (впрочем, никем не избранный) — образовалась еще в первые дни революции. Председателем ее был выбран Михаил (Михайло) Грушевский. Летом и осенью 1917 года роль Рады постепенно возрастала. Изданным ею III Универсалом от 26 октября 1917 года была объявлена Украинская Народная Республика (хотя и не как независимое государство, а как федеративная часть России). Независимость Украины была провозглашена IV Универсалом 9 января 1918 года.

Большевики, однако, борьбу не прекратили, и во второй половине января организовали в Киеве вооруженный мятеж (в советской истории — Январское восстание). Оно было подавлено, но несколькими днями позже большевики под командованием Михаила Муравьева с востока захватили Киев.

3. Большевики. 26 января (8 февраля) — 1(14) марта 1918 года¹. Приход большевиков в город был ознаменован большим количеством жертв — расстреляно несколько тысяч человек, представлявших опасность для новой власти, с ее точки зрения. При этом большевики героизировали своих сторонников, павших во время январских событий.

1 26 января 1918 года председателем Совнаркома В. Лениным был подписан принятый двумя днями ранее Советом Народных Комиссаров (СНК) декрет о переходе Советской

России на григорианский календарь. Произошла поправка на 13 дней вперед, так что 26 января стало 8 февраля. Буквально сразу же после этого и Украине пришлось перейти на «западный стиль» летоисчисления. Здесь и далее с этой точки на календаре все даты указываются по новому стилю. — *Прим. ред.*

Первая власть большевиков в Киеве продержалась немногим более месяца. Центральная Рада, успевшая до эвакуации из Киева заключить Брестский мир с Германией и Австро-Венгрией, запросила у новых союзников помощь, и перед лицом превосходящей военной силы большевики стремительно бежали.

4. Центральная Рада. 14 марта — 29 апреля 1918 года. Вместе с немцами в город вернулась украинская армия и Центральная Рада. Так в Украине появились немцы, продолжавшие воевать с Россией. Правда, уже стала подниматься тема скорого заключения мирного договора в Брест-Литовске; параллельно шли переговоры Германии и Австро-Венгрии с Центральной Радой. Украина нуждалась в защите от большевиков, а немцам и австрийцам нужен был хлеб, которого в Украине хватало. Поэтому переговоры продвигались достаточно успешно, стороны шли к взаимопониманию. Однако, когда дошло до подписания документов, немецкой стороной было объявлено: *«Если вы хотите подписать мирный договор, вы должны быть независимым государством. Какая-то часть, автономия России не является субъектом международного права, и мы заключать договор с таким образованием не можем»*. Через несколько дней после этого Центральной радой был издан IV Универсал, которым провозглашалась полная независимость Украины.

Должен предупредить: представлять дело так, будто независимая Украина возникла только из-за вышеупомянутого момента при подписании договора с Германией, было бы ошибочно. Естественно, движение в этом направлении уже

было, переговоры явились скорее поводом, чем первопричиной. Еще через пару недель после этого был подписан Брестский мирный договор между странами Четверного союза и Украиной, правда, на момент подписания Центральная Рада уже покинула Киев под напором большевиков, о чем, в силу отсутствия современных средств связи, стороны договора узнали лишь впоследствии.

Являясь номинальной властью в Киеве и Украине, Центральная Рада, однако, в действительности плохо контролировала ситуацию даже в столице. Она не пользовалась авторитетом в массах и не обладала реальной силой. Фактическими хозяевами положения были немцы, заинтересованные в Украине прежде всего экономически, говоря современным языком, не гнушаясь грубым вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Немцы издавали законы и распоряжения, которые считали необходимыми, и требовали от украинцев их неукоснительного исполнения. Хотя, если разобраться, молодой украинской республике в то время как раз и нужен был такой вот «немецкий порядок». Так, как он необходим и сегодня, но только порядок свой, уже без немцев.

5. Гетман. 29 апреля — 14 декабря 1918 года. 29 апреля Центральная Рада собралась на свое последнее заседание, и в этот же день в цирке Крутикова на Николаевской улице (ныне Городецкого) состоялся так называемый Съезд хлеборобов, на котором был избран новый правитель Украины с титулом гетмана — Павел Скоропадский.

По сути, произошел классический государственный переворот. УНР была переименована в Украинскую Державу. Однако действующая власть в государстве оставалась у тех, кто обладал реальной силой, — у немцев. Когда же 11 ноября они вышли из войны, стало ясно, что и Украинской Державе

придется нелегко. Недовольных властью гетмана и до этого было достаточно.

Через несколько дней была создана организация, названная на французский революционный манер Директорией, которая возглавила антигетманское восстание. Войска Директории во главе с Симоном Петлюрой быстро подошли к Киеву, защитников у которого оказалось не густо. Немцы хотели просто спокойно уйти из Украины, гетман отрекся от власти, а в Киев вошли войска Петлюры. Именно об этих событиях рассказал Михаил Булгаков в «Белой гвардии».

Теперь о некоторых событиях и людях — более подробно.

Не буду уподобляться советской историографии, когда описывались и давали положительные характеристики лишь «хорошим» персонажам. В результате читатель недоумевал, с кем же на страницах газет, журналов, книг боролись не щадя живота своего «хорошие» Буденный, Жуков, Хрущев...

Немцы проверяют документы у китайцев. Киев. 1918 год.
Из архива автора

Так что начнем с «нехорошего» А. Ф. Керенского, который неоднократно бывал в Киеве, где вел переговоры с Грушевским

и Винниченко.

Демонстрация на Царской площади. 1917 год. Из архива автора

Кто такой Керенский, или Человек, который погубил Россию

О том, что отечественное масонство считается инициатором Февральской революции, я написал в предыдущем томе, поэтому не буду подробно останавливаться на этом. Лишь скажу пару слов о А. Ф. Керенском, о котором много разговоров, но, как и о других политических персонажах тех лет, известно мало. А вспоминают Александра Федоровича часто, особенно известны небылицы, запущенные в массы советскими историками о его бегстве из России в женском платье после Октябрьского переворота.

А. Ф. Керенский

На самом деле Александр Федорович покинул свою нелегальную квартиру в Москве на Патриарших прудах 20 июня 1918 года, на Ярославском вокзале сел в эшелон, увозивший сербских солдат в Мурманск, и на британском крейсере покинул

Россию навсегда. Паспорт у Керенского был на имя серба Милутина Марковича.

Сергей Есенин о 1917 годе писал так: *«Свобода вспыхнула в ужасающем розовом пламени»*, — а в Керенском обществе видело символ революции.

В 1917-м Ф. И. Шаляпин пришел к художнику К. А. Коровину:

— Меня обязали выступить сегодня перед конными матросами. Скажи мне, ради бога, что такое конные матросы?

— Не знаю, что такое конные матросы, — сумрачно отвечал Коровин, — но уезжать надо.

И оба потом уехали.

Общественная деятельность А. Ф. Керенского (годы жизни: 1881—1970) началась после окончания им юридического факультета Санкт-Петербургского университета в 1904 году. Тогда же он был принят в коллегия адвокатов и получил возможность участвовать в качестве защитника в политических процессах.

Остановлюсь на его пребывании в США — в это время на родине его помнили уже как давно ушедшего из жизни и политики исторического персонажа. В первый раз Керенский прибыл в Нью-Йорк в 1927 году. Среди встречавших был федеральный прокурор и активист Республиканской партии Кеннет Симпсон с женой Хелен. Они помогали Керенскому последующие десятилетия. Журналист охарактеризовал его как *«чрезвычайно энергичную личность»* и отметил, что Керенский ступал *«быстрым, нервным шагом посаженного в клетку льва»*. Земляки Керенского встретили мрачно, считая так: *«Ему нельзя простить, что он не арестовал Ленина»*. А внукам говорили, указывая пальцем: *«Вон человек, который погубил Россию»*. Но на его публичных выступлениях рукоплескали и монархисты, и левые.

В августе 1939 года Александр Федорович и австралийка Нелл поженились в Пенсильвании. О браке бывшего премьера России раструбили информационные агентства США — он и тогда еще был знаменитостью. Керенский всегда призывал Запад бороться за *«освобождение России от большевизма»*. В СССР бушевали «чистки», советские агенты похищали эмигрантов в Париже, где он тогда жил и чувствовал себя все неуютнее. Тогда Нелл со своим паспортом помогла ему в 1940 году бежать в США.

Интересно, что после вторжения Гитлера в СССР Керенский объявил, что *«сейчас не время сводить счеты со Сталиным»*, и предложил потребовать у диктатора уступок. 2 июля он обратился к британскому послу в Вашингтоне лорду Галифаксу со следующим предложением: если Сталина убедят дать народу волю и распустить колхозы, с тем чтобы Гитлер не мог изобразить себя освободителем, то Керенский публично поддержит Сталина. Он даже вызвался лично поехать в Москву и послал Сталину телеграмму. Но у бывшего премьера России ничего не вышло, поскольку ни Сталин, ни советский «форин-офис» заявления старика в расчет не принимали.

Весной 1942 года Керенский искал встречи с послом Максимом Литвиновым, но и тут не добился успеха и исчез на два года из поля зрения общественности, возможно, по наущению госдепа.

Скопив достаточно денег, Керенский с женой снял небольшую квартиру в доме на манхэттенской Парк-авеню, а в 1942 году перебрался в двухэтажный фермерский дом в Коннектикуте — он напоминал изгнаннику дачу на родине.

На лужайке под развесистым деревом стоял круглый стол, обычно с чаем. Керенский любил крокет и играл в него самозабвенно. Жизнь среди пасторальной идиллии не

отвлекала его мысль от бушующей за океаном войны. Он гордился успехами Красной армии.

Главным источником дохода Керенского были платные лекции, с которыми он ездил по всей Америке, а также помогал перемещенным лицам, которых русские эмигранты звали «дипишниками» от английского *DP (displaced person)*. Он публично боролся за их права и напечатал в *New York Times* призыв предоставить русским американцам право решать свою судьбу и не отправлять их насильно в СССР. Его сыновья — инженеры Олег и Глеб — как могли пытались помочь «дипишникам» в Великобритании, где жили сами.

В 1947 году, после того как Нелл умерла от рака, Хелен, вдова конгрессмена Симпсона, предложила Керенскому поселиться в ее доме на 91-й улице. Там он и провел почти весь остаток своей нью-йоркской жизни. «*Особняк был барский, — писал главред нью-йоркского «Нового журнала» киевлянин Роман Гуль. — Особенно хорош был просторный кабинет — по стенам в шкафах книги, камин, удобные кресла, стильная мебель*». Керенскому, который настаивал, что его фамилия произносится с ударением на первом слоге, выделили две небольшие комнаты на 2-м этаже, но, по словам Гуля, он мог пользоваться всем домом.

Бывший премьер России любил сладкое, хорошо пел, был до последних дней франтом и дамским угодником. Керенский активно участвовал в работе эмигрантских политических организаций, а в 1955 году принял приглашение бывшего президента США Герберта Гувера поработать с гигантским архивом, собранным в Гуверовском институте при Стэндфордском университете в Калифорнии, и, возможно, написать историю своего недолгого премьерства в 1917 году. В итоге он вместе с Робертом Браудером издал в 1961 году собрание документов в трех томах под названием *The Russian Provisional Government, 1917*.

Керенский также преподавал в Стэнфорде, а потом в Миллс-колледже и был популярен среди студентов. Он встретил свое 80-летие в хорошем настроении и сравнительно добром здравии, хотя неуклонно ухудшалось зрение. Александр Федорович был отменным оратором, но писательство давалось ему плохо, особенно теперь, когда он почти не видел. Керенский так и не приспособился к диктофонам.

В ноябре 1966 года к нему напросился советский журналист Генрих Боровик. Керенский принял его радушно и взорвался лишь однажды: *«Господин Боровик, ну скажите у себя в Москве... пусть перестанут писать, будто я бежал из Зимнего дворца в женском платье! Не было этого! И не бежал я, а, согласно нашему общему решению, уехал навстречу нашим войскам, которые все не прибывали и не прибывали из Гатчины на подмогу Временному правительству! Уехал на своем автомобиле и в своем обычном полувоенном костюме»*. Керенский много времени уделял работе над мемуарами, и его не покидала гордая мысль о том, что он занимает достойное место в истории.

В апреле 1970 года отмечали столетие Ленина и 89-летие Керенского, которого тот сверг. Бывший премьер отметил обе годовщины статьей в лондонской *Sunday Telegraph*, где назвал причиной болезни Ленина, под которой он имел в виду большевизм, сифилис, изуродовавший мозг октябрьского триумфатора. Несколько дней спустя Керенский упал, сломал себе локоть и шейку бедра и вывихнул плечо, от чего уже не оправился и скончался 11 июля 1970 года в нью-йоркской больнице *St. Luke's* — официально: от артериосклероза. Похоронен по месту проживания сыновей в Лондоне, его скромная могила — на кладбище *Putney Vale*.

New York Times поместила некролог, в котором сухо отметила, что в 1917 году покойный проявил наивность: *«Всю оставшуюся жизнь он был символом неудачной революции, человеком, над*

которым глумились победители, который был курьезом на своей новой родине и проводил время в проклятиях в адрес советской власти и попытках оправдать свои действия в составе Временного правительства 1917 года».

Легион, совершивший кругосветное путешествие

Эта глава — яркая страница многогранной истории моего Города.

За всю всемирную историю лишь одно крупное воинское подразделение по стечению политических обстоятельств обогнуло земной шар. Это был Чешский легион, о котором немало документов и воспоминаний. Из учебников по истории СССР, из романа А. Толстого «Хождение по мукам» мы знаем, что начало гражданской войны связывают с Чехословацким мятежом. Но кто знает, что тернистый путь легиона начался с Софийской (Богдана Хмельницкого) площади в Киеве?!

Идеологом и вдохновителем создания Легиона был профессор Томаш Гарриг Масарик, первый президент Чехословакии, продемонстрировавший всему миру возможность обретения независимости и построения демократического государства «в отдельно взятой стране». Но это было потом. А в 1914 году, являясь членом Австрийского парламента, Масарик преследовал основную цель — независимость Чехии, поэтому австрийское правительство, усматривая в нем убежденного противника, дает указание о его аресте. Но профессор успел выехать за границу, в Женеву, где возродил свою организацию «Мафия». Была также образована Чешская Народная Рада во главе с Масариком, которого уже тогда планировали избрать президентом независимой страны, объединяющей Чехию, Моравию, Шленск и Словакию.

Томаш Масарик.
Из архива автора

В Киеве издавна обитало значительное землячество бывших подданных австрийского цесаря. Особенно много было чехов, которые — кто по политическим, кто по экономическим причинам — не уживались на родине. Они владели фабриками и мастерскими, ресторанами и пивными. Поэтому Масарик и выбрал наш город для создания войска, необходимого для защиты независимости будущей Чехословакии. 28 сентября 1914 года в Киеве на Софийской площади была сформирована 1-я Чешская добровольческая дружина. Над ней затрепетал национальный флаг со львом. Новобранцы приносили присягу на верность Родине православным священникам. Так у них вновь появились и вера, и Отчизна! Подразделение носило имя шевченковского «еретика», борца за свободу Яна Гуса, а командовал им Йозеф Швец. Напомним, что по случаю 20-летия этого исторического события в 1934 году в Чехословакии вышла марка, и она стала первой маркой в мире, бывшей в почтовом обращении, с изображением Киева. Ведь марки Центральной Рады наклеить на конверты попросту не успели.

К созданному отряду легионеров присоединились многие военнопленные, находящиеся в лагере в Дарнице (тогда Черниговская губерния). Масарик не стремился руководить борьбой за независимость из имперской России, ибо понимал, что не стоит менять цесаря на царя. Он забрасывал Киев письмами, умоляя земляков не ссориться. Вначале его слушал только Л. В. Тучек, который возглавлял военную комиссию Союза чехословацких обществ, она с февраля 1915 года располагалась в Киеве. Со временем все больше и больше легионеров, разбудивших в себе национальное самосознание, прислушивались к словам профессора.

Февральская революция изменила это положение. 7 марта 1917 года на фронте прошли собрания Чехословацкой бригады, приветствовавшей революцию и одновременно принявшей присягу Народной Раде, которая находилась в Париже под председательством Масарика. А 6—14 апреля в Киеве прошел представительный съезд чехословацких организаций и военнопленных, именем народа объявивший войну Австро-Венгрии. Оргкомитет, заседавший в отеле «Прага» (ул. Владимирская, 36), пригласил Масарика, который уже 19 июля 1917 года на митинге в Киеве, а потом в Борисполе и Полонном агитирует своих земляков. Так выдающийся гуманист стал творцом национальной армии. 29 октября профессор выступил в Киеве на большом митинге народов Австро-Венгрии, где присутствовало много украинцев из Галиции. Повсюду Масарика сопровождал корреспондент «Чехослована» Ярослав Гашек.

В отеле «Прага», который являлся собственностью В. Вондрака, много лет располагалась редакция регулярно выходившей газеты «Чехослован», а также журнала «Славянское единство». С 10 июня 1916 года на страницах газеты мы встречаем имя Гашека, наивно и доверчиво

пропагандировавшего лозунги, распространенные в Киевском землячестве.

Т. Г. Масарик в Киевском университете. 1918 год.
Из архива автора

Однако вернемся к Масарику, к которому в Украине относились с большим уважением. В помещении Центральной Рады часто можно было увидеть седого профессора, который поражал своей сдержанностью и вежливостью, спокойно заверяя: «Не беспокойтесь, я подожду».

После Октябрьского переворота большевики объявили мир, а Центральная Рада должна была защитить фронт. А когда российские войска везде отступали, то на Юго-Западном фронте боеспособными были только чехи и словаки. Их блестящая победа под Зборовом у Тернополя 19 июня 1917 года над тремя полками австро-венгерской армии вызвала всеобщее уважение.

Но как чехам вернуться на родину? Ведь после подписания Брестского мира чехословацкие войска должны были покинуть Украину и перебраться во Францию, которая 17 декабря 1917 года признала их частью своей армии. Но как туда попасть?

Через Восточную Европу нельзя, да и красные части уже едва ли не на всей Украине — вон, на подступах к Киеву из тяжелой артиллерии обстреливают город через Днепр, готовясь к его захвату.

Масарик возвращается в Киев, но (как *«агент английских и французских капиталистов»*) скрывается у друзей и в отеле «Париж» под именем англичанина Марсдена. В «Праге» он не остановился, потому что не имел права подвести соотечественников.

«Из Москвы я потом выехал к Киеву, — вспоминал впоследствии Масарик, — ибо наш корпус расположился поблизости. Там я поселился в отеле «Париж» на Крещатике. Лишь доехал, как Киев осадили большевики и, когда прошло время сдачи, начали стрелять по городу из пушек. Доктор Гирса, который был врачом в госпитале, перевел меня в Георгиевский госпиталь (в Георгиевском переулке) — там, дескать, будет безопаснее. Но наши совещания были в отеле «Париж», куда я обязан был ходить ежедневно. Один снаряд влетел в номер рядом, попал в стену, упал на пол и застрял, не взорвавшись. А был размером в локоть. Хорошо, что ничего не случилось... Дальше большевики ворвались в центр, и бой продолжался на улицах. Путь к нашему филиалу вел через центральный бульвар и поперечную улицу, которая называлась, кажется, Прорезной. Я с Гузой шел той поперечной улицей, через которую стреляли; прятался за домами на той стороне, откуда летели пули. Правда, здесь снова на нас могли свалиться дымари и черепица, но выхода не было. Во двор упала граната и взорвалась. Когда мы добрались до центрального бульвара, видим, бежит офицер, машет нам и кричит: «Опасно, назад!» Бульвар аж затрещал, когда пули дождем посыпались на мостовую. Взглянул на Гузу: пойдём назад — так же может в нас попасть, то уж лучше вперед! И перебежали бульвар».

С февраля 1918 года большевики стали хозяйничать в Киеве. Аресты, обыски, контрибуции, расстрелы... Без промедления следовало выезжать во Францию. Масарик пошел к печально известному полковнику: *«Договорились с Муравьевым, чтобы не мешали нашему отступлению с Украины и не препятствовали забрать из Киевского банка значительные суммы на наши французские и английские чеки. Наконец нам пообещали, что не будет препятствий в выезде корпуса во Францию»*. Начался вывод легиона.

Но в марте под Киевом уже были немцы. Красная армия бежала, поэтому только арьергард чехов, не успевших покинуть город, сумел дать достойный отпор немцам под Бахмачем. К тому времени Масарик уже был в Москве. Потом почти два месяца инкогнито ехал через Сибирь в Японию, в Токио, а еще через две недели — в США. Этот маршрут с боями, соглашениями и нарушениями перемирий повторил Чешский легион, только их путь занял более двух лет. Вначале чехов пытались, не без помощи Я. Гашека, склонить остаться и помогать русской революции. Ведь более 70 % личного состава корпуса считали себя социалистами. Была даже создана Чешская партия коммунистов, которую возглавил Алоис Муна, издатель выходящей в Киеве до 1918 года газеты «Свобода», органа левых социал-демократов.

Чехословацкий корпус и советские власти достигли соглашения, по которому чехи сдали основное оружие и через Сибирь направились в США, а оттуда — во Францию. Не будем оценивать действия легионеров, которые 25 мая 1918 года в Челябинске выступили против советской власти, а через пару дней в Пензе повесили своих соотечественников-коммунистов. Незамедлительно, имея боевой опыт и организованность, «белочехи» взяли и Самару. Дальнейший путь Чехословацкого корпуса можно прокомментировать цитатой Я. Гашека из статьи

«Чешский вопрос»: «Произошел сдвиг солдатских масс влево. Наводнили экстренные поезда линии «Иркутск—Чита—Владивосток» политическими и военными представителями Чехословацкой республики. Удирали от большевиков и своих солдат. Бежали от красной грозы. Чешские войска заключили договор с Советской Россией. Их борьба за Учредительное собрание кончается в эшелонах, в которых они пробираются в порт Владивосток».

26 ноября 1920 года Гашек был направлен на партийную работу в Чехословакию, где и закончил первый том романа о бравом Йозефе Швейке. 3 января 1923-го, не дожив даже до 40-летия, Ярослав Гашек скончался.

Став первым президентом независимой Чехословакии, гуманист и революционер Т. Г. Масарик широко продемонстрировал всему мировому сообществу пример построения демократического государства, в котором все жители были равны в правах вне зависимости от национальности и вероисповедания.

Памятная доска
Ярославу Гашеку

Его страна, выйдя из лоскутной Австро-Венгрии, стала единственной из бывших соседей, где развивались промышленность и сельское хозяйство. В литературном наследии профессора находим своеобразный образец методологии национального возрождения народа. Поэтому и Пражская весна, так красиво названная Бархатной революцией, происходила в соответствии с учением Масарика, по его заветам. Мне это особенно близко, так как я проживаю на бульваре Вацлава Гавела.

Площадь Богдана Хмельницкого. 1917 год.
Из архива автора

Не стоит забывать, что украинцы как национальное меньшинство впервые обрели адекватные условия для своего духовного развития лишь в Закарпатье, вошедшем в состав Чехословакии. Для них по рекомендации президента Масарика в 1920-е годы были созданы Украинский университет, Хозяйственная академия, Педагогический институт им. М. Драгоманова, Институт обществоведения и другие национальные учреждения. Знаменательно и то, что фундамент Чехословацкого государства заложен на площади Богдана

Хмельницкого, где оглашались и Универсалы Центральной Рады.

События в Крутах — легенды и факты

В героической истории многих народов есть место своим «Фермопилам» и «300 спартанцам», отдавшим молодые жизни за независимость Родины. Мы со школы восхищались спартанцами, которые вместе со своим царем Леонидом сдержали натиск персидских орд. От тех же врагов обороняли Тбилиси и 300 арагвинцев, даже станция метро в столице Грузии напоминает об их подвиге. В основу этого сказания братского народа лег тот же древнегреческий эпос.

О героической гибели молодых людей, защищавших Киев и погибших в конце января 1918 года, стали появляться легенды сразу после трагедии. И героев, похороненных на Аскольдовой могиле, тоже называли «спартанцами». Мне говорили, что знаменитая песня А. Вертинского «Вы скажите, зачем и кому это нужно?» описывает подвиг киевских юношей. И хотя есть другая версия — песня посвящена московским юнкерам, сложившим свои головы за год до киевских событий, эти события также могли вдохновить знаменитого поэта-песенника.

Люди всегда были склонны к мифотворчеству, не избежало этого и наше поколение. Я сам в годы пионерской юности в своих грезах мчался на помощь Пашке Корчагину или героям Триполья. Уже потом, с наступлением зрелости и накоплением знаний об историческом процессе приходило разочарование, разрушение мифов.

Один из моих родственников утверждал, что успех Меркель обусловлен тем, что она дочь Гитлера и пользуется его партийной кассой.

В составлении «сказок» о героях гражданской и других войн советские идеологи, надо отдать им должное, достигли

непревзойденных вершин. Об этом и сегодня свидетельствует упрямое игнорирование массами исторической правды, особенно у нашего восточного соседа. Даже пишущие по-русски с грубейшими ошибками готовы убивать всякого в защиту языка!

Легенды о молодых защитниках Крут получили особый импульс после их торжественных похорон и выступлении перед Городской думой М. Грушевского, где он впервые, с присущей ему патетикой, сравнил Круты с Фермопилами. Погребаемых было всего 28, но в его речи их стало 300! Вот откуда и пошло в люди это окутанное легендами число. А число 28 — быть может, оно перешло в Баку, в другую легенду, о 28 комиссарах? Здесь это число тоже вызывает сомнение.

Попробуем разобраться, где история, а где миф, опираясь на воспоминания участников и изыскания историков, специализирующихся на этом периоде.

Герб Украинской Державы.
В. Кричевский. 1918 год

Начался 1918 год. 2 января Генеральный секретариат обратился к солдатам с сообщением, что Совнарком России не признал Украинскую Народную Республику, объявил ей войну и ввел на нашу территорию отряды красногвардейцев во главе с

В. Антоновым-Овсеенко, которые дезорганизовали жизнь в УНР. На следующий день был принят закон о создании Добровольной армии. Одни из первых на военный призыв откликнулись студенты, созвавшие вече, на котором единодушно приняли решение организовать студенческий курень им. Запорожских Сечевых Стрельцов. Их примеру 6 января последовали учащиеся 2-й Киевской гимназии, добровольцы проходили регистрацию в Педагогическом музее.

В холле музея стоял столик для записи, желающих не могли вместить даже просторные залы здания Центральной Рады. Сразу после записи и оживленного общения добровольцы направились в казарму Константиновского военного училища в районе Печерска. Разношерстно одетая колонна молодых стрельцов шла с песнями по Крещатику, принимая от стоящих на тротуаре приветствия. Несколько молодых ребят влились и на улицах в строй, что было встречено одобрительными криками. Войдя в казармы, освобожденные курсантами 1-й Украинской юношеской школы, которые незадолго до этого отправились на границу с Россией защищать Бахмач, все разместились в спальнях, и уже на следующий день начались строевые занятия под руководством офицеров Богдановского полка.

Воодушевление несколько утихло, когда студентам заявили, что на фронт они не попадут, а будут исполнять службу по охране порядка в Киеве. Тогда никто не смог представить, что основной накал «классовой» борьбы произойдет именно в древнем городе. Наивные руководители Центральной Рады были уверены, что достаточно взять власть, а удержать ее будет нетрудно. Даже в страшном сне не могли представить, что большевистский план «мировой революции» начнется с Украины. Поэтому студентов гоняли на плац, где муштровали для приветственных парадов, а не для боевых действий. За

несколько дней они научились лишь сдвигать и выравнивать строй, так как оружие им не выдали.

Старшиной первой сотни стал студент Киевского университета Св. Владимира Андрей Омельченко, к нему в помощь были назначены Кольченко, четыре опытных «чотовых» (взводных) и два студента-медика в качестве санитаров. Бунчужным назначили учащегося 8 класса О. Сушицкого — брата известного ученого.

Но основной накал боев в Киеве пришелся на 2-ю сотню под командованием С. Довгала. Она была сформирована после отправки на фронт 1-й сотни, и ей пришлось сдерживать восстание рабочих против Центральной Рады. Студенческий курень, несмотря на большие потери, с честью выполнил задачу. Сам Довгаль был тяжело ранен и спасся от расправы занявших город большевиков лишь потому, что лежал в госпитале без сознания.

Еще 9 января Малая Рада, правящий орган УНР, утвердила IV Универсал Центральной Рады, в котором провозглашалась полная независимость Украинской Народной Республики, правительству поручалось подписать мирный договор с Германией и Австро-Венгрией и *«твердо и решительно взяться за борьбу с большевиками»*. Поэтому через три дня в Киеве объявляется «осадное положение» и комендантом города назначается командир «вольного казачества» А. Ковенко.

На Киев шли крупные вооруженные соединения под командованием полковника В. А. Муравьева, в районе Конотопа и Бахмача они объединились. На оборону этого необычайно важного узла командующий войсками атаман Юрий Капкан и послал 1-ю им. Богдана Хмельницкого Юношескую военную школу. В составе школы было 4 сотни (по 150 чел.) юнкеров, 16 пулеметов и 20 старшин — так тогда стали называть офицеров. Школа имела два курса: младший, с необученной

молодежью, остался на месте, а старший 8 декабря 1917 года под командованием сотника генерального штаба Демьяна Носенко выехал в сторону Бахмача. Там в одиночку военно-административную работу проводил сотник Федор Тимченко. К нему для усиления направили сотника Николая Богаевского, который стал у него начальником штаба.

Все это делалось наспех, без соответствующей подготовки и средств. Согласованности между киевлянами и черниговцами (Бахмач входил в их юрисдикцию) не было. Поэтому атаман Капкан посылает туда с указанием подчинить себе всех командира куреня Юношеской школы Аверкия Гончаренко и назначает его комендантом обороны Бахмача. Впоследствии Гончаренко вспоминал: *«Мне приказали забирать оставшихся из Юношеской школы и немедленно отправляться!.. Перед самим отъездом я зашел к главному начальнику Юношеских школ генералу Астафьеву. И как к любимому профессору из Чугуевской военной школы. Узнав о моем назначении, он дал мне несколько важных советов, которые я применил во время обороны Бахмача... 23 декабря вечером я был уже там... Ситуация, и при этом враждебное настроение населения, которое «косо» смотрело на «интеллигентов»-мальчишек. Постоянные стычки с большевиками в протяжении месяца — все это очень плохо сказывалось на настроении школы. Часть юношей, что были из крестьянской «стрехи» и с неустановившимся кругозором, только интуитивно ощущали правоту национально-освободительного движения. Это позволяло держать курень дисциплинированным.*

Активность противника усилилась; под его натиском наши передовые части отступали, но не через Бахмач, а по его предместью, так как рабочие с приближением большевиков стали активнее, увеличивая численность и без того превышающего во много раз противника... 25 января я получил уведомление, что ко мне отправлена из Киева студенческая сотня. Военную

подготовку ее я хорошо знал, так как там был мой брат с 3-го курса медицины Университета Св. Владимира. От него я узнал, что их готовили 7 дней, научили стрелять и что в Киеве происходит настоящее некло». Гончаренко имеет в виду восстание «Арсенала» и железнодорожных мастерских.

«Студенческая сотня, — продолжает он, — в количестве 115—130 человек прибыла на ст. Круты в 4 утра 27 января 1918 года, мне нужно было решить, куда определить студенческую сотню... поэтому я им дал наименее спокойный участок. Познакомил командира сотни с ситуацией, проинформировал его, откуда и как доставать боеприпасы, куда направлять раненых. С кем держать связь, а в случае отступления куда отступить. Для связи со мной он назначил 3 студентов, среди которых был и мой брат. Его, учитывая мое положение командира, я отослал в сотню назад, провожая его взглядом, как получилось, — навсегда.

В ночь с 26 на 27 января я имел по прямому проводу разговор с Муравьевым. Он, словно приказывая, заявил: «Будьте готовы к встрече победоносной Красной Армии, приготовьте обед. Заблуждение юнкеров прощаю, а офицеров все равно расстреляю!» Я спокойно ответил: «К встрече все готово».

Ранним утром красные начали свое наступление в замкнутых колоннах, забывая о мерах предосторожности; выглядело это как на параде. Они были уверены, что мы покинули позиции.

Но, как только они подошли на расстояние выстрела, мы их приветствовали сильным огнем 4 сотен и 16 пулеметов. Они получили большие потери. Следующие части, покидая поезд, вели наступление уже в боевом порядке».

Красногвардейцы организовали фронтную линию протяженностью пять километров, имея во много раз превышающую численность и сочувствующее им местное население. С ними вступили в неравный бой 500 юношей и 20 старшин. Большинство из них были до этого измучены

боями, остальные же являлись необстрелянными студентами. Но они держались как могли. Им в помощь была переброшена одна пушка, которую по своей инициативе доставил сотник Лощенко и расположил ее на кое-как прикрытой щитами платформе с паровозом. Вместе со студентами он сорвал попытку красных прорвать фронт.

Но это наступление оказалось ложным. Нельзя не отметить военный опыт полковника Муравьева, который незамедлительно принял решение обойти позиции украинских патриотов и нанести основной удар по ст. Круты с дальнейшим окружением малочисленной команды в заснеженном поле. Сил для этого у него было предостаточно.

На беду, командир студенческой сотни поручик Омельченко был тяжело ранен, а заменить его никто не мог. Но студенты держались — благо, в январе темнота наступает рано. Аверкий Гончаренко, узнав, что Шевченковский полк, распропагандированный большевиками, планирует нанести удар с тыла, принял решение отступать. Основная задача — несколькими сотнями задержать армию Муравьева — была выполнена.

На станции Бровары находились «Черные гайдамаки» — так называлось воинское подразделение, руководимое Симоном Петлюрой. Было решено идти к ним на соединение. Гончаренко послал Валентина Атамановского к студенческой сотне с приказом отходить первыми.

Вернемся к воспоминаниям А. Гончаренко. *«Подчеркну необычайное хладнокровие и умение сохранять выдержку как старшин, так и молодых воинов, которые не встречал среди опытных солдат во время мировой войны. После студенческой сотни я выводил из боя 2, 3 и 4 сотни. Первая сотня, что была в резерве, вступила в бой в два часа, сдерживая противника, пытавшегося нас окружить. Это происходило до полной темноты, и*

тогда 1 сотня смогла присоединиться к нам. Когда все собрались, то недосчитались как раз студенческой сотни. Сдерживали отход эшелона до последней минуты, пока она не подтянулась, но без одной «четы» (взвода). Командир сотни убеждал, что они вот-вот подойдут. Послал разведку, продолжал задерживать эшелон — но все было напрасно. О судьбе брата и его товарищей узнал позднее. Они, отступая, очевидно, для сокращения пути пошли на свет, на ст. Круты, куда с востока подошли как раз большевики, после чего и разыгралась эта кровавая драма... Их не расстреливали, а кололи штыками, в чем я убедился уже в Киеве, во время похорон своего брата».

А вот воспоминания еще одного участника описываемого боя, Игоря Лоского: «День 29.01.1918 был сырой и хмурый. Не покидало ощущение, что он будет решающий, так как бои шли вторые сутки. За ночь противник подошел вплотную к студенческим окопам. По правую сторону железнодорожных путей заняли курсанты военной школы, а слева — студенческий курень. В 9 утра началась перестрелка, но украинцам она не наносила особого урона, из-за хаотичности. Единственная пушка, противостоящая противнику, возвышалась над путями. По ней сосредоточился артиллерийский огонь. Затаив дыхание смотрели студенты, как пламя и дым окутывали смелую фигуру сотника Лощенка. Казалось, что пушка замолкла насовсем, но это была лишь короткая передышка перед новыми залпами. Она оказывала большое влияние на боевой дух молодежи, но вскоре вынуждена была отойти с позиций. Закончились снаряды, и весь расчет был ранен. Это серьезно повлияло на противника, и 6 тысяч пошли в штыковую атаку на окопы студентов. Вражеские цепи шли, несмотря на то, что пулеметы и прицельный винтовочный огонь наносили им большой урон. Но сказывалась усталость многочасового боя, да и патроны кончались. Отсутствие пушки привело к разъединению защитников Киева, так как противник

интенсивным артобстрелом нанес ощутимый урон правому флангу, вынуждая его к отступлению, а левый об этом не знал. На него и наступали.

Станция Круты, находившаяся в километре от нас, была под постоянным обстрелом, кроме этого враг стал обходить левый фланг нашего левого крыла. Положение его стало опасным, и мы получили приказ отходить. Часть отступающих, около 30 студентов, не сориентировавшись, в чьих руках станция, отошла к ней. Обстановка была затруднена и тем, что мы были практически окружены, кольцо сжималась все больше и больше. Отступить было тяжело и морально, но эту операцию провели в полном порядке. Менее опытные отдавали свои патроны старшим товарищам, и во весь рост шли грустные, но бесстрашные. Без патронов пулеметы перестали стрелять. Мало у кого оставалось по 5—6 пуль, когда мы оказались возле поезда, который ждал нас в двух километрах от станции в поле. Было около 4-х вечера, когда последняя небольшая группа, преследуемая врагом, но тем не менее подбирая и не бросая раненых, подошла к поезду. Нам приказали садиться в вагоны, а в задние поставили пулеметы, сдерживающие преследовавшего врага. Отъезд гнетуще действовал на всех, хотя мы понимали его военную необходимость».

Далее сотни Гончаренко, забрав раненых и оторвавшись от противника, сохраняя спокойствие и порядок, направились в сторону Киева. На станции Бровары Аверкий Гончаренко объединил свою группу со Слободским кошем «Черных гайдамак» под командованием Симона Петлюры, которому отрапортовал о боевом состоянии своего подразделения и о потерях. Письменно этот доклад не подтверждается, поэтому возникли разночтения как о понесенных жертвах, так и об участниках этого первого боя украинского войска в гражданской войне. Отсюда и возникла цифра «300», что еще

раз подчеркивает ее легендарность — поистине легендарность ПОДВИГА ГЕРОЕВ КРУТ!

Памяти Героев Крут. 1918 год.
Из архива автора

По мнению историков, эта цифра погибших серьезно завышена. Шеститысячной армии Муравьева под Крутами противостояло 520 человек, и значительное большинство их отступило в полном порядке и участвовало в дальнейших боевых действиях. На поле боя осталось не более двух-трех десятков молодых бойцов. Плюс 27 человек по нелепой случайности были зверски убиты на станции Круты и еще двое отставших от отряда замучены на следующий день. Итого во время этого героического боя погибло 50—60 юношей, что, конечно же, не преуменьшает трагичность ситуации.

Героев хоронили 19 марта 1918 года. Процессия с погибшими под Крутами от вокзала прошла по Безаковской и Бибиковскому бульвару до Аскольдовой могилы и Зверинецкого кладбища. В ней приняли участие учащиеся, сечевые стрельцы... Вблизи Владимирского собора шествие встретили члены Совета министров во главе с М. Грушевским. Затем они направились к

зданию Центральной Рады, где профессор произнес речь. В сопровождении членов правительства процессия продолжила свой путь на кладбище.

Похороны Героев Крут. 1918 год. Из архива автора

Председатель Центральной Рады М. Грушевский во время митинга возле Городской думы сказал: *«Украинский народ до этого верил в возможность своего развития в новой демократической России. Но после того, что произошло, с Россией, неважно какой — революционной или реакционной, — Украине не по пути».*

***

Прорыв большевиков и захват Киева принесли с собой, кроме всех прочих бед, и колоссальную руину Церкви. 23 января 1918 года был опубликован декрет Совнаркома «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Православная церковь теряла свой привилегированный статус. *«Каждый гражданин, — говорилось в акте, — может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения,*

связанные с исповеданием какой-либо веры или неисповеданием никакой веры, отменяются... Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от своих гражданских обязанностей».

Среди всех ограничений — церквям и религиозным обществам запрещалось владеть собственностью и обладать правами юридического лица. Их имущество становилось народным достоянием, лишь отдавалось по постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование тех или иных религиозных обществ. Повелительный тон декрета вызвал опасение разлада жизни приходов, монастырей и духовных школ.

В Украине Центральная Рада стала инициировать создание и отделение местной автокефальной церкви. Епископ Никон, сняв с себя духовный сан, стал Николаем Бессоновым и занял пост министра вероисповеданий. На просьбу архиепископа Волынского Евлогия пожалеть Церковь и сместить расстригу с должности глава Рады Всеволод Голубович возразил: Бессонов-де хорошо осведомлен в церковных проблемах. Начала создаваться Украинская церковная рада, куда, кроме пресвитеров и мирян, вошел находившийся на покое архиепископ Алексей (Дородницын).

Взволнованный происходящим в Украине, незадолго до этого интронизированный, патриарх Тихон благословил митрополита Киевского Владимира и отправил его в Киев, чтобы предотвратить раскол. Владимир занял покои в Киево-Печерской лавре, где по соседству устроился архиепископ Алексей, усердно настраивавший пастыря против митрополита. По благословлению патриарха Тихона началась подготовка Всеукраинского церковного собора, куда из Москвы направили двух митрополитов: Платона Тифлисского и Антония Харьковского, а также архиепископа Волынского Евлогия.

Время было тревожное. 7 января 1918 года открылся Киевский Поместный собор. На нем четко обозначились три группировки: сторонники Русской церкви; «разделисты» (автокефалисты) из Церковной рады во главе с архиепископом Алексием и священником Александром Маричевым; наконец, сторонники тактического компромисса, среди которых доминировали профессора Киевской духовной академии Петр Кудрявцев и Федор Мищенко. Не сумев резко порвать со своими традиционными взглядами на единство Православной церкви, они выступали за широкую автономию Украинской церкви.

На Соборе с первых дней разгорелась жесткая полемика и не утихала ни на минуту. Но к городу подошли банды Муравьева, сиречь Красная армия. Они начали обстреливать город, что существенно повлияло на часть делегатов. Через 10 дней под взрывами фугасных снарядов было решено прервать заседания. Напоследок Александр Маричев предложил высказаться за автокефалию, но его поддержали только 60 человек против 150 несогласных. Делегаты разъехались по домам, не приняв никаких определенных решений.

11 января 1919 года Министерство исповеданий УНР было переименовано на Министерство культов, и его возглавил известный литератор, врач по профессии И. Липа. А через несколько дней был издан приказ о создании временной комиссии по разработке проекта Устава автокефалии Украинской церкви.

После революции была восстановлена Московская Патриархия, что вызвало в широких слоях населения недоумение. Но непривычная для большевиков акция была обоснована теми соображениями, что подчинение Русской православной церкви Вселенскому патриарху сулило бы советской власти в будущем неизбежные столкновения со всем православным миром в случае каких-либо притеснений своей

Русской церкви, чего желательно было избежать. Дабы отделить РПЦ от Вселенского патриарха и упростить влияние на Церковь и управление ею, во главе Русской церкви большевики поставили одного «главнокомандующего», а не группу (Синод).

Первым патриархом был избран Тихон, но он не оправдал надежд, провозгласил анафему большевикам и открыто призвал всех верующих на борьбу с ними. Его, конечно же, арестовали. Новый патриарх, следующий за Тихоном, был назначен во время войны, к тому же это был иерарх, один из немногих освобожденных из-под ареста. «Почему у вас так мало священников?» — задал ему иезуитский вопрос Сталин. Ответ «управляющего» был уклончивый: «Из многих окончивших семинарию не все становятся священниками».

«Триумфальное шествие Советской власти» в Киеве

Киевские старожилы не любили ворошить в памяти события первых месяцев 1918 года. Жертвы старались не вспоминать, а те, кто стрелял, грабил или позволял это делать, были у власти, так что для них такие воспоминания были крайне нежелательны. В литературе этот период ограничивался освещением только Январского восстания «Арсенала», «зверств гайдамаков»... Остальные события *«незабываемого 1918 года»* — обстрел, штурм Киева, первое установление советской власти — не нашли места даже в научной литературе.

Октябрьский переворот в Санкт-Петербурге и последующие, более кровавые бои в Москве имели свою проекцию и на Киев. Схватка между силами Временного правительства (центры: политический — Городская дума (не сохранилась), военный — Штаб Киевского военного округа (ныне Секретариат Президента)) и советскими силами (центры: политический — Совет в Царском дворце, военный — на заводе «Арсенал») не заставила себя долго ждать. Центральная Рада объявила нейтралитет, но вскоре, убедившись в полной капитуляции сил «временных», 30 ноября огласила III Универсал об образовании УНР.

Совнарком в Петрограде, возмущенный действиями Украины, подготовил в Киеве вооруженное восстание, которое сорвали решительные действия 1-го Украинского корпуса генерала П. П. Скоропадского. 17 декабря 1917 года большевики предъявили УНР ультиматум, из которого члены Центральной Рады впервые узнали о существовании советского

правительства Украины. Не ожидая ответа, большевики направили в Киев войска из Харькова и Брянщины. Эти колонны объединились в районе Конотопа и Бахмача, где их возглавил полковник В. А. Муравьев. Тем временем в Киеве украинские полки, сформированные в апреле 1917 года и считавшиеся национально сознательными, отказались защищать независимость и перешли на сторону большевиков. В тот же день началось восстание рабочих железнодорожных мастерских и «Арсенала». Революционный завод был взят штурмом 22 января.

На следующий день большевистское войско вошло в Дарницю, где и остановилось. Недолго думая, красные с 7 утра начали ежедневный обстрел Киева из тяжелых орудий, длившийся по 17 часов. По свидетельству Н. П. Полетики, по древнему городу выпускалось от 7 до 10 тыс. снарядов в сутки. Другой очевидец, Ф. Л. Эрнст, сообщает о 250 фугасах, попавших в храмы.

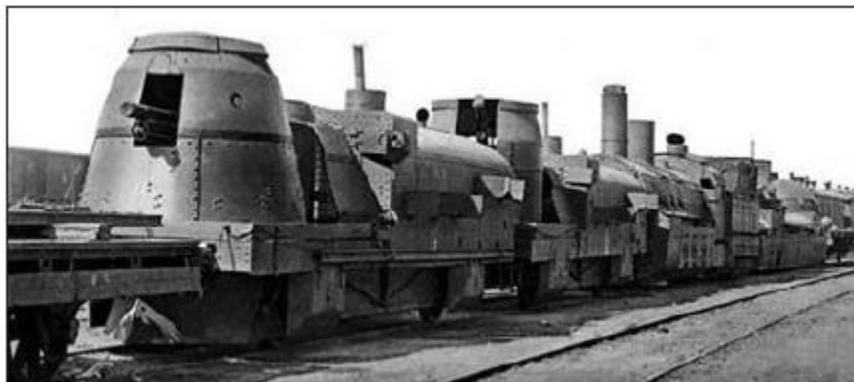
Центральная Рада, несмотря на обстрелы, продолжала издавать давно ожидаемые населением законы — настоящим законодателям, пекущимся о народе, даже снаряды не помеха! Так 25-го января был официально утвержден 8-часовой рабочий день. Стояли трескучие морозы, водопровод не работал, пожары, охватившие город, никто и не пытался тушить.

Ради исторической правды нельзя обойти стороной тот факт, что соревнующиеся в меткости красные артиллеристы стремились попасть в возвышающиеся над городской застройкой объекты, а именно: большие дома и храмы. Так в чердак 6-этажного дома Баксанта на Бибикивском бульваре попал снаряд. Здание пылало до вечера и в итоге полностью сгорело, его тлеющий скелет долго внушал ужас прохожим. Другой подожженный дом, на углу той же улицы и Бессарабки, стал громадным факелом, освещая окрестности, делая их

удобными для стрельбы. Это была собственность Г. И. Богрова, деда убийцы Столыпина.

Расчет большевиков был прост: здание большое — значит, там живут буржуи, а их нужно громить. Одним из самых впечатляющих в городе был доходный дом Грушевского (ул. Паньковская, 9), имеющий выразительные черты украинского национального стиля. Он был построен по проекту выдающегося архитектора и художника В. Г. Кричевского. Сам Василий Григорьевич занимал часть помещений, где размещалось его значительное собрание произведений мирового и украинского искусства, а также уникальная коллекция ковров.

На этаже профессора М. С. Грушевского хранились редкие «стародруки», древние рукописи и ценнейшие грамоты. Там была богатая библиотека, собиравшаяся поколениями. Но у большевиков была одна задача: громить буржуев и «антинародную сволочь» — со всей классовой ненавистью! Бронепоезд под командованием матроса А. Полупанова прорвался на железнодорожную ветку, что была ниже Паньковской улицы. Возвышающийся жилой дом стал желанной целью для красного бандита, предпочитавшего не вступать в бой с войсками, а стрелять по мирным жилищам. После «точечного выстрела» зажигательным снарядом красавец-дом запылал, удалось спасти только беременную жену Кричевского. Все хранившиеся там духовные и исторические сокровища Украины погибли. Впоследствии имя Полупанова носили улицы, одна такая дожила до недавнего времени, в Оболонском районе Киева.

Бронепоезд А. Полупанова. 1918 год. Из архива автора

Обвинять стрелявших по храмам теперь нелепо, по страшной логике, большевики тогда только «пристреливались». Почти все святыни были уже варварски взорваны, остальных ждала та же участь через полтора десятилетия.

Дом М. С. Грушевского после обстрела
с бронепоезда А. Полупанова. 1918 год. Из архива автора

Для православных патриотов древнего города это было страшным преступлением. Эксплуататоры на колокольнях не сидели! Ужасает статистика попаданий снарядов: Военно-

Никольский собор — 35, его колокольня — 28; Михайловский собор — 7; Успенский собор и Большая колокольня — по 8; Александровский костел — 9; Владимирский собор — 8; менее всего пострадала Андреевская церковь — всего 3. О Софийском соборе Федор Эрнст в книге «Художественные сокровища Киева, пострадавшие в 1918 году» пишет: *«...невольно содрогаетесь, когда глядишь на след снаряда, ударившего в древний алтарь Св. Софии. Ударь он на 2—3 аршина правее, и, может быть, рухнула бы Нерушимая стена, погибли бы драгоценные мозаики, краса и гордость мирового искусства, что пережили создальцев, Батыея, литовцев, крымских татар, униатов».*

Нам знакомы точечные бомбардировки Багдада, Белграда, Грозного. Поэтому так понятна трагедия ста тысяч горожан, не привыкших к трудностям, недовольных отсутствием воды, возмущенных тем, что на их головы падают снаряды. Они не понимали причин своих страданий, смертельной опасности, возможной гибели! Откуда им знать о классовой ненависти? Или о заявлении советского командующего Муравьева перед своими войсками: *«Дайте только добраться до Киева. Если понадобится — камня на камне не оставлю в Киеве. Жителей не жалеть, они нас не жалели, терпели хозяйничанье гайдамаков».*

8 февраля войска большевиков входят в Киев. В «Приказе № 1» указывается, что советская власть принесена *«с далекого севера на острие наших штыков, и там, где ее устанавливаем, всеми силами поддерживаем ее силой этих штыков и моральным авторитетом революционной социалистической армии».* Последнее утверждение стало характерным для «средневековья» XX столетия. Разницу между декларациями и наяву происходящими событиями киевляне, как и все советские граждане, хорошо прочувствовали за последующие 72 года.

9 февраля 1918 года в Киеве погибли украинские генералы Яков Гандзюк и Яков Сафонов. Зная о приближении

большевиков, они поспешили за указаниями от руководства Центральной Рады, чтобы участвовать в обороне столицы. Но правительство спешно перебазировалось в Житомир, не сообщив об этом войскам, в том числе и командованию 1-го Украинского корпуса, штаб которого размещался в Белой Церкви. Подозрительное молчание военного министра Николая Порша вынудило командира корпуса генерала Якова Гандзюка самостоятельно выехать для получения распоряжений.

Заснеженным утром 9 февраля, на беду, без какой-нибудь мало-мальской охраны (что сыграло фатальную роль) автокомандующего выехало в Киев. Кроме комкорпуса, в салоне были начальник штаба генерал Яков Сафонов и руководитель оперативного отдела полковник Александр Гаевский. На подъезде к столице автомобиль окружили балтийские моряки... «Братва, к нам генерал-мазепинцы попали!» — восторженно загоготали они, увидев генералов, в полном снаряжении, при орденах.

Пленных доставили непосредственно в резиденцию Михаила Муравьева. Бывший царский подполковник предложил генералам и полковнику перейти на сторону большевиков, на что все трое ответили решительным отказом. *«Вы ошибаетесь, мы украинцы, — сказал генерал Гандзюк. — И нам понятны причины, заставившие воевать с нами».*

Разозленный стойкостью украинцев, Муравьев приказал их расстрелять. Ограбив командиров, матросы доставили их к зданию Алексеевского военного училища (ныне военный лицей им. И. Богуна) — одному из многочисленных мест большевистских казней.

Генерал Гандзюк обратился к своим товарищам: *«Молить о пощаде этих мерзавцев не буду. Это унижительно! Единственное пожелание всем нам — умрем героями!»* Генерал попрощался с

каждым, расцеловался. *«Как командир корпуса, выйду на расстрел первым!»* — сообщил он.

Гаевский вспоминал, что матросы приказали стать к ним спиной, это возмутило генерала: *«Что? Совесть не позволяет смотреть нам в глаза!»* Это были последние слова Якова Григорьевича. А раненый полковник смог бежать, воспользовавшись сумерками.

Генерал Я. Г. Гандзюк

Летом 1918 года, уже при гетмане, жены казненных генералов с помощью вернувшегося в строй Гаевского нашли и узнали тела мужей в одной из братских могил. При активном участии Павла Скоропадского, который хорошо знал и ценил Гандзюка и Сафонова, их с воинскими почестями перезахоронили на территории Свято-Михайловского Выдубицкого монастыря.

Накануне взятия Киева Ю. М. Коцюбинского назначают главнокомандующим всеми советскими войсками Украины. Обозленный лишением лавр единоличного покорителя столицы, Муравьев 4 февраля издает приказ: *«Войскам обеих*

армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции». Это решение не было согласовано с представителями советского правительства Украины и его главой Г. Л. Пятаковым. А Муравьев «революционный порыв» своих войск поддерживал обещанием отдать город на полное разграбление. Таким образом произошел 3-й киевский переворот. О том, как это происходило, лучше, чем словами самого Муравьева, не скажешь: «Нам пришлось прежде всего обрушиться на Киевскую Раду. В одни сутки мы восстановили разрушенный Радой сорокасаженный мост и ворвались в Киев, где дрались 5 дней. Я приказал артиллерии бить по самым большим дворцам, по 10-этажному дому Грушевского. Дом сгорел дотла. Я зажег город, бил по дворцам, по церквам, по попам, по монахам, никому не давая пощады. 25 января оборонческая дума попросила перемирия. В ответ я велел бить химическими удушливыми газами. Сотни генералов, может, и тысячи, были убиты беспощадно. Так мы мстим. Мы были бы в состоянии удержать взрыв мести, но не надо было этого, так как наш лозунг — быть беспощадным».

С приходом новой, петроградской власти был введен «новый стиль», поэтому после ночи 31 января наступило утро 14 февраля 1918 года. Начался период истории Киева, который получил название «пятакщины» или, чаще, «муравьевщины». Комендантом Киева стал уже известный нам своей меткой стрельбой по мирным жителям Полупанов. Советские войска принесли «на острие штыков» террор и неприкрытый наглый грабеж. Больше всего пострадали четыре категории населения:

1. «Буржуи». Их старались арестовать исключительно дома, чтобы полностью насладиться плачем жены, детей. Классовая ненависть находила свой выход вне зависимости от национальности, буржуем считался уже тот, кто был опрятно и хорошо одет. Такого задерживали на улице и для выяснения

личности вели домой, где в первую очередь требовали деньги, золото, драгоценности, хоть не брезговали и мехами, кожей. Обыск сопровождался оскорблениями, вымогательством, грабежом и насилием, особенно над близкими по социальной лестнице, кухарками. Убийства были редки, чаще при сильном опьянении или оказанном сопротивлении.

2.«Щирые украинцы». Так называли национально сознательных патриотов. Особенно страдали те, кто в ноябре 1917-го поспешил получить «красные карточки», удостоверяющие гражданство УНР. Списки получивших их были использованы для ареста и расстрела. Все, что было украинским, подлежало запрету. Если в жилище или конторе находили портрет Шевченко, его срывали и топтали, а присутствующих избивали. Национально-украинские издания были разгромлены. Да что там, на улице и говорить по-украински было опасно! Киевские газеты печатали списки расстрелянных социалистических деятелей, что подогревало ненависть к «убийцам».

3. Особо виновными перед «новой властью» считались сановники старого режима, общественные деятели, иерархи церкви. Были закрыты «Киевская мысль» и «Кіевлянинъ». Собирались казнить В. В. Шульгина как националиста и монархиста, но Городская дума и ее голова эсер Рябцов отстояли его как добившегося отречения царя.

Зверски и нагло, прямо в Лавре, был убит Киевский митрополит Владимир, а в самой Лавре расположился вооруженный отряд. Отбросы общества, одевшись в солдатские шинели и шапки, с дымящимися папиросами врывались в храмы и кельи, устраивали обыски, глумились над испуганными насельниками. Растерянные монахи, подговариваемые архиепископом Алексием (Дородницыным), стали жаловаться

на излишние строгости митрополита Владимира. А он лишь требовал строгого выполнения монастырского устава.

25 января красноармейцы учинили в его покоях наглый обыск, а вечером ворвались пятеро пьяных бандитов. Они грубо втолкнули архипастыря в спальню, стали затягивать на шее цепочку от креста, сорвали с него крест и ладанку, отняли нательный образ. Из спальни Владимира вывели в рясе, белом клобуке и с панагией. Головорезы втолкнули митрополита в автомобиль, отъехали немного и недалеко от обители прикончили. Никто из монахов, включая митрополичьего келейника Филиппа, даже не ударил в набат. Тело священномученика обнаружили лишь наутро. Он лежал на спине в луже крови, без панагии, но в клобуке, с которого был сорван дорогой крест. Митрополит Владимир ныне покоится в церкви в Дальних пещерах.

4. Офицеры. Их массовые убийства, без суда, следствия и оповещения в газетах, были облегчены тем, что Центральная Рада незадолго до этого провела перепись военных, в том числе врачей и чиновников. По регистрационным карточкам их брали прямо на дому. Но этого красным было мало. Людей, имевших внешность или осанку военных, вырывали из очереди, толпы, стаскивали с извозчика. Солдаты и матросы, опоясанные пулеметными лентами, с гранатами, кинжалами, саблями на боку, под видом поиска «офицерни» громили частные дома, квартиры, забирая все, что можно было унести и продать, не забывая при этом кого-то нагло убить или зверски изнасиловать.

Всех арестованных вели в Царский дворец, где располагался штаб командующего Восточным фронтом Муравьева и его помощников, Ремнева и Берзина. Приведем свидетельство очевидца тех событий П. Стефановича: *«Большинство расстрелов производилось на площади перед дворцом, где*

помещался штаб Муравьева, и в расположенном за ней Мариинском парке. Проверку производил даже «сам» Ремнев, который, если отдавал удостоверение личности, отправлял тем самым под арест во дворец. Если же он засовывал бумаги в карман — арестованных отправляли в «штаб Духонина», т. е. расстреливали... По сведениям Украинского Красного Креста (1918), общее число жертв исчисляется в 5 тысяч человек, из коих большинство офицеры».

Их убивали лишь потому, что офицеры представляли опасность для будущей власти. Остальные зажиточные классы были необходимы лишь для повторных грабежей. В моем собрании документов по истории Киева имеется приложение к газете «Известия» № 56, со списком лиц, подлежащих «контрибуции». Со всех, а их была не одна сотня, бралась пошлина в среднем 150—450 рублей, а с «меценатов» (Терещенко, Бродских) — по 2 тысячи. Этот произвол мотивировался «революционной целесообразностью».

М. И. Терещенко.
Из архива автора

В первые дни Муравьев пригласил к себе представителей банков и промышленных кругов. Им в простой и выразительной форме (все-таки царский офицер!) было предложено немедленно внести 10 млн рублей на содержание советских войск в Киеве.

«Сообщаю, дорогой Владимир Ильич, что порядок в Киеве восстановлен... Относительно Киева скажу, что мы действуем решительно, но вполне организованно, всячески помогая Советской власти скорее наладить и закрепить государственный аппарат. У киевской буржуазии я взял 10 млн контрибуции, которая пойдет вся на организацию работ для безработных рабочих и для оказания помощи семьям убитых и раненых рабочих... Из части контрибуции даю вознаграждение войскам. Всячески поддерживаю престиж новой власти...»

Из телеграммы Муравьева В. И. Ленину

В период тотального грабежа и насилия прекратился подвоз продуктов в город. Магазины не открывались по той же

причине. Кто не имел запасов съестных продуктов, стали голодать.

Под видом красногвардейцев квартиры начали грабить уголовники. Оружие было у всех, поэтому обыватели спешно создавали отряды самообороны. Существенную помощь оказывала Грузинская дружина, расквартированная на Пушкинской улице. Вместе с этими мужественными людьми киевляне, случалось, устраивали у своих жилищ целые сражения с грабителями. В последнюю ночь перед прибытием немецкого контингента в помощь УНР было зарегистрировано 176 нападений на квартиры — завоеватели спешили насладиться своей безнаказанностью.

Центральная Рада, что обосновалась в Житомире, обратилась за помощью «в борьбе против большевиков» к Германии, на что имела полное право. Еще 24 января в Берлине совещание руководителей Германии и Австро-Венгрии признало необходимость оказания военной помощи УНР, что через три дня и было подтверждено актом подписания Брестского мирного договора, где Украина была признана независимым государством. При обсуждении вопроса за предоставление военной помощи от Германии проголосовали четыре министра, один воздержался.

«Я перейду наконец к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и на мою речь. Попало здесь особенно лозунгу «грабь награбленное» — лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, не могу найти что-то неправильное... Если мы употребляем слова «экспроприация экспроприаторов», то почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов? (Аплодисменты.)».

В. И. Ленин. Об очередных задачах Советской власти

8 февраля началось беспрепятственное наступление немецких войск на Киев. Советские войска реквизируют все

телеги и подводы в столице Украины и, нагрузив их награбленным домашним скарбом, спешно покинули город. В последний день большевистского беспредела нарком внутренних дел Е. Б. Бош, выступая на митинге в Купеческом собрании, заверяла присутствующих, что оснований для паники нет, город никогда не будет сдан. Не прошло и двух часов, как она и другие члены правительства промчались на автомобилях вниз по Александровскому спуску, для того чтобы через Цепной мост перебраться в Дарницю. Не это ли стало поводом для названия моста двумя годами спустя именем Евгении Бош?

2 марта 1918 года в Киев вступили Отдельный запорожский отряд А. Присовского, Кош Слободской Украины С. Петлюры и Сечевые стрельцы Е. Коновальца.

Все вышеописанные события происходили в период «триумфального шествия советской власти». Поэтому, как было принято в старые, *не добрые времена*, закончу словами В. И. Ленина: *«Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слои трудящихся масс»* (ПСС, Т. 36, с. 79). А так как эти строки были написаны в дни, когда большевики драпали из города, где совершили столько разрушений, убийств и грабежей, то комментарии и выводы можете сделать сами, дорогой читатель.

Пребывание немцев в Киеве: оккупация или сотрудничество?

24 августа 1918 года в Киеве произошло незначительное, на первый взгляд, событие, но оно четко продемонстрировало, что политические силы Украины растягивают страну в разные стороны, как персонажи басни И. Крылова. Оппозиционный по отношению к власти гетмана Украинский национальный союз политических партий, целью которого было создание Украинской державы парламентского типа, выступил с протестом против заявления Головы Рады министров Ф. Лизогуба о возможности возобновления федеративных отношений между Украиной и большевистской Россией.

Политическая обстановка в том году была настолько неопределенной, что не только читатели, но и многие профессиональные историки не могут в ней разобраться, дабы дать хоть какую-то оценку происходившему. Мои читатели знают об этом периоде со слов очевидца — писателя Михаила Булгакова. Но он описывал события декабря, а не лета 1918 года. В отличие от других территорий распавшейся Российской империи, наша страна была занята германскими и австро-венгерскими войсками.

Объяснить весь ход событий я не решаюсь, да и возможно ли это? Опишу лишь некоторые знаковые происшествия периода особой активности «ограниченного контингента» немецких войск в Украине, которые, согласно Брестскому договору, вошли в Киев 1 марта 1918 года, а уже 25-го того же месяца была подписана между Австро-Венгрией и Германией конвенция о сферах влияния: первая империя контролировала Подольскую,

Херсонскую, Екатеринославскую и юго-западную часть Волынской губерний; вторая наводила «немецкий порядок» во всех остальных губерниях, включая Крымский полуостров. Таким образом, «австрийская» часть Украины осталась в прежней юрисдикции.

Мой близкий друг Стефан Машкевич, который прекрасно разбирается в событиях этого периода, сообщил: *«...В феврале 1918 года Центральная Рада «позвала» на помощь немецкие войска, дабы те освободили Украину от большевиков. Кавычки не случайны: текст призыва о помощи был написан немцами, а Центральная Рада впоследствии с интересом узнала, что она кого-то позвала на помощь. 2 марта 1918 года, на следующий день после входа немецких и украинских войск в Киев, премьер-министр правительства Центральной Рады Всеволод Голубович отправил немецкому канцлеру Георгу фон Гертлингу благодарственную телеграмму. Шаг вполне естественный... Меня смутила последняя фраза. Премьер-министр УНР сообщает германскому канцлеру, что «германские войска еще находятся в нашей стране, но <...> будет отдано распоряжение об их отозвании». Кем отдано?! Правительство УНР может отдать распоряжение отозвать немецкие войска? Или это все-таки прерогатива германского правительства? Но если второе, то как может премьер УНР сообщать об этом немецкому канцлеру? Из ответа фон Гертлинга на эту телеграмму: «Я буду с нетерпением ждать ваших сообщений, как только вы сочтете, что работа немецких - войска закончена и что может быть безопасно отдана команда об их отозвании». Дескать, канцлер будет ждать отмашки от правительства УНР и — как только, так и сразу отдаст команду. Ну, какую команду отдали немцы в реальности — в здании Центральной Рады 28 апреля, — прекрасно известно. Но это, опять же, другой разговор».*

Из-за того, что в Киеве, Полтаве и Харькове распоряжались немцы, о них только и говорят, хотя хлеб и другие сельхозпродукты переправляли в обе державы. Большевистская Россия ничего не имела, и отсутствие хлеба из Украины для нее стало катастрофой. Нигде не упоминается, что за обещанные 60 млн пудов хлеба УНР получила с бывших враждебных государств — Австрии и Германии — оплату сполна: оборудованием, техникой, оружием. Но поскольку все перечисленное не доходило до крестьян, у которых забирали продукты, не давая ничего взамен, то они, естественно, оказывали вооруженное сопротивление. И никуда не делись ни царские деньги, ни даже «керенки», их наличный оборот в обществе продолжался.

С приходом немцев в города, особенно крупные, в них воцарился порядок. Грабежи прекратились, вернулись к работе дворники. Ободраный, замусоренный и грязный с первых дней Февральской революции Киев преобразился. 40 девиц легкого поведения были отправлены немецким командованием на три дня мыть и скоблить Киевский вокзал. Поступок, достойный подражания, — сколько сегодня резервов у Киевской мэрии, подумать только! Возобновился график движения поездов, теперь на них можно было даже купить билеты! Немецкие патрули не только следили за законностью, но и заставляли домохозяев убирать дворы, а городское управление — мусор с улиц и площадей. Дворников в Киеве не хватало, они, в основном татары, ушли в революцию и распрощались с метлами, сменив их на маузеры. В наши дни господства «ЖЭКов-потрошителей» и астрономических счетов за коммуналку для уборки дворов, пожалуй, нужно снова привлекать немцев...

Чтобы управлять страной, раздираемой партиями и социальными противоречиями, с недружественным

населением, незадолго до этого воевавшим с Германией, нужен был жесткий правитель. Таким стал германский генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн (1848—1918). Он командовал группой армий в Прибалтике и Белоруссии, а с 31 марта 1918 года — группой армий «Киев».

Опасаясь, что, воспользовавшись отсутствием власти за городом, сельское население не будет засеивать поля, Эйхгорн издает приказ об обязательном и принудительном засеивании всех земель, независимо от того, принадлежат они крестьянам или помещикам. Это вызвало негодование не только на местах, но и в Центральной Раде, которая заявила, что приказ фельдмаршала не должен исполняться, так как *«никакое самовольное вмешательство германского или австро-венгерского высшего командования в социально-политическую и экономическую жизнь Украины недопустимо»*. Что, в свою очередь, не понравилось Вильгельму II, и он сделал ставку на другое руководство, а именно — Павла Скоропадского. Начальник штаба немецких войск генерал Гренер 24 апреля встретился со Скоропадским и согласовал с ним приход к власти.

На следующий же день Эйхгорн вводит в действие немецкие военно-полевые суды, а через сутки разоружает Украинскую дивизию «синезупанников», ранее сформированную из военнопленных украинского происхождения. Эти непродуманные действия оккупационных войск привели к созданию множества банд по всей стране, возглавляемых «батьками-атаманами». Не нравилось это, кстати, не только украинцам. Василий Шульгин, редактор газеты «Кіевлянинъ» и, пожалуй, самая знаковая фигура в Киеве, после входа немецкой армии в город предпринял демарш. Он был арестован месяцем ранее, при большевиках, и, казалось бы, должен был приветствовать освобождение Киева от них. Но он совершил демонстративную акцию — выпустил последний номер газеты

«Кіевлянинъ», в передовой статье которого объяснил: дескать, мы вам, немцам, враги, и мы не можем встать под ваше покровительство и продолжать с вами сотрудничать, мы, мол, верны союзническим обязательствам перед Антантой — таким образом Шульгин «хлопнул дверью». Сразу скажу, что этот его выпуск «Кіевлянина» не стал последним, как можно было бы ожидать.

Закончилась *четвертая* киевская власть, когда немцы, воспользовавшись формальным поводом, задержанием банкира Доброго, разогнали Центральную Раду. Во время заседания вошел немецкий конвой и арестовал управляющего Министерством иностранных дел В. Гаевского, а вечером — и других министров, не явившихся на заседание. В Раду зашел немецкий лейтенант и на русском языке скомандовал: «Всем встать, руки вверх!» Все члены парламента независимого государства подчинились, исключая выразившего слабый протест Михаила Грушевского, который остался сидеть на своем месте. Тем не менее все были выведены из зала и разошлись по домам. На следующий день Центральная Рада еще раз собралась, на свое последнее заседание, на котором буквально бегом была принята конституция Украинской Народной Республики и был избран Президент УНР — Михаил Грушевский (что, возможно, лишь легенда, возникшая позже).

В тот же день, 29 апреля 1918 года, в цирке Крутикова на Николаевской улице главой государства был объявлен гетман Скоропадский — по «рекомендациям» из Берлина. Киевляне с большим изумлением узнали, что вновь живут в монархии, но на этот раз «украинской». Интеллигенция и зажиточные слои с облегчением встретили ее, долгожданную, правда, с немецким душком, но это не очень их смущало, так как во власти гетмана, опирающегося на немецкие штыки, виделась гарантия мира и порядка, отсутствие расстрелов, грабежей и покушений на

собственность. Скоропадский не устраивал лишь национально сознательных украинцев, рабочих (которым, как известно, «нечего терять») и сельскую бедноту.

О том, как этот переворот готовился, известно мало. Так что еще раз прибегну к цитате. Некий господин Левицкий, член партии кадетов, писал несколько позже в мемуарах: *«Самый спектакль был поставлен довольно умело. Был созван съезд хлеборобов, делегаты которого не были посвящены в настоящую повестку дня. Выборы же гетмана произошли так: к одному из русских офицеров вечером приехал бывший член Государственной думы Гижицкий, вынул из кармана 5000 рублей и заявил: «Наберите 30 человек для дела. Пока пусть только ежедневно являются в назначенное Вами место. Платите по 15 рублей в день и выдайте 100 рублей единовременно». Желающих нашлось сколько угодно. Через несколько дней им объявили, что их приведут в цирк, где они по определенному знаку должны кричать: «Гетьмана нам треба, гетьмана!» Если кто будет возражать, спустите с лестницы, не считаясь ни с чином, ни со званием». Все и было исполнено в точности. «Кричали честно», как сами потом, смеясь, рассказывали эти замечательные русские люди». Так что, если кто считает, что оплаченные митинги — это изобретение сегодняшних дней, то он ошибается: без малого сто лет назад все эти технологии уже были отработаны и эффективно действовали.*

Г. фон Эйхгорн и П. П. Скоропадский. 1918 год

Переворот и воцарение гетмана прошли практически бескровно, чем были приятно успокоены киевские обыватели, напуганные кровью январских уличных боев. На защиту Центральной Рады выступили лишь «сечевики», но новая власть благосклонно позволила недовольным частям спокойно выйти из города.

Вместо УНР была объявлена Украинская Держава. Восстанавливалось старое дореволюционное административное деление на губернии, уезды и волости. Вернулись городские думы и земские управы. Но фактически власть оставалась в руках немцев — Эйхгорна и Гренера, а на местах — у комендантов гарнизонов. Новоизбранный на Софийской площади гетман планировал сближение со сторонниками «единой неделимой России», разрешил создание «Русского союза», которому позволили в Киеве провести Всероссийский монархический съезд, отслужить 24 июля панихиду по Николаю II. В пику новой власти 21 мая создается Украинский национально-государственный союз представителей политических партий как аппарат противодействия правлению немцев и их ставленников.

Эти месяцы Украинской Державы, как единодушно соглашаются очевидцы и мемуаристы, стали самым спокойным, стабильным, изобильным периодом в течение всех

описываемых «революционных» лет в истории Киева. И как не отметить, что начало официальной украинизации приходится именно на правление Скоропадского! Стали даже выходить учебники «для змосковленного громадянства». К слову, за все годы Независимости учебники «Української мови» для взрослых так и не появились...

«И здесь же тучу пара вздул
Расстрел небес — грозы разгул.
В дыму рогатые сараи
Метались, воя и сгорая,
Дома и звонницы хлеща
Хвостами вихря по хрящам».

Н. Ушаков

Гетманская власть держалась с апреля по декабрь 1918 года, и в воспоминаниях все единодушно: в магазинах было изобилие, культурная жизнь Киева расцветала. Все это, как мы хорошо помним, прекрасно описал Михаил Булгаков в «Белой гвардии». В Киев бежали из Петрограда и Москвы, город был переполнен беженцами «из большевистского рая», в квартирах ютилось множество людей, спать было негде... Однако такое благоденствие не могло продолжаться вечно. Мемуаристы вспоминают, что у киевского населения того года было почти визуальное предчувствие скоротечности происходящего, ощущение того, что это не навсегда, люди спешили «прожигать» жизнь и напропалую тратить деньги.

Надежды жителей на долговечность власти и жизненный покой вскоре развеялись: 6 июня по Киеву пронесся какой-то грозный звук, словно мощный раскат грома. Он был так силен, что форточки раскрылись, а где были заперты — вылетели стекла. Второй, более мощный, дал понять жителям: взрыв на Печерске. Горожане высыпали на улицы, началось смятение,

которое усиливалось бежавшими в ужасе окровавленными людьми. Паника нарастала и достигла пика после очередного, еще более мощного, третьего взрыва. Почва зашаталась, как во время землетрясения. Поднявшееся огромное зарево пожара напоминало картину «Последний день Помпеи».

Это взорвались склады пороха и боеприпасов на Зверинце. В 10 утра вспыхнул пожар, и они стали взлетать на воздух. Лишь по чистой случайности не сдетонировали пироксеновые склады на Лысой Горе. Все жители, затаив дыхание, молились, чтобы это не произошло — тогда весь город сравнялся бы с землей. Причину пожара и взрыва видели в чем-то злом умысле, но выяснилась, что это имела место тривиальная наша, родная халатность. К слову, в этих местах, в самом центре густонаселенного города-миллионника, громадные запасы взрывчатых веществ хранились вплоть до 1978 года!

Киев тогда сравнительно легко отделался — всего лишь рухнули несколько домов. Не успели похоронить жертв взрыва на Зверинце, как 30 июля между 13 и 14 часами, фельдмаршал Эйхгорн и его адъютант были убиты брошенной в них бомбой. Убийца — Борис Донской, из крестьян Рязанской губернии, в прошлом матрос Балтийского флота, а ныне член боевой группы эсеров. Бомбист, в отличие от бежавшего сообщника, хотел вложить в свой террористический акт максимум агитационного содержания — спровоцировать судебный процесс, чтобы получить возможность объяснить всему миру смысл своего поступка в надежде, что все крестьяне Украины поднимутся на борьбу с немцами.

Об этих далеко идущих планах Донского в 1929 году мемуаристу Николаю Полетике поведал один из лидеров эсеров: *«Партия левых эсеров готовила в 1918 и 1919 гг. ряд покушений. Она считала императора Вильгельма II главным виновником всемирной бойни 1914—1918 гг., во всяком случае ответственным*

за репрессии своего проконсула в Украине фельдмаршала Эйхгорна. Поэтому ЦК левых эсеров поднял вопрос об организации убийства германского кайзера. Но эсеры не могли решиться на такой шаг без согласования с германскими социалистами-революционерами. Для согласования в Берлин был послан один из руководящих партийных товарищей, который там получил отрицательный ответ. Поэтому ЦК эсеров решило ограничиться убийством Эйхгорна, с которым их московские товарищи решили одновременно убрать и посла Мирбаха. Были организованы боевики и с фальшивыми паспортами отправлены в Киев. Тут местные товарищи по партии упростили боевую группу убить и гетмана Скоропадского, не менее виновного в репрессиях против крестьян».

Как только весть об убийстве «германского проконсула» разносилась по Киеву, он обезлюдел. Все жители, как и в январе, спрятались по подвалам, ожидая обстрела города германской артиллерией. Но, убедившись, что этого не будет, обыватели возрадовались. Ими овладели смешанные чувства: хотя немцы и выступали спасителями от большевиков и других бандитов, киевлян возмущали их надменность, чванство, презрительное отношение. Многие злорадствовали. «Таки убили! — не стеснялись громко заявлять на улицах. — Теперь очередь за Скоропадским».

Похороны Эйхгорна состоялись 1 августа. Гробы с убитыми в торжественной траурной процессии всех родов войск от Лютеранской кирхи, где происходило отпевание, направились медленно на вокзал. Был уже вечер, поэтому из-за тысячи марширующих медно-зеленых немецких касок создавалось впечатление, что стальная змея медленно ползет к железной дороге для дальнейшего отправления в Германию. В момент, когда гетман Скоропадский после отпевания должен был выйти из Лютеранской кирхи, группа эсеров собиралась его убить. Но

бомбу вовремя не поднесли, а на следующий день их всех арестовали. Выдал заговорщиков, кстати, не Борис Донской, которого три дня люто пытали в Лукьяновской тюрьме. Не добившись от него ничего, террориста 10 августа судили в тюремной конторе военно-полевым судом. Так он и не добился желанного процесса при полном зале — в 4 часа того же дня его повесили на Лукьяновской площади при большом стечении народа. Измученный пытками, Донской что-то слабо лепетал. Два часа его тело с табличкой «Убийца фельдмаршала Эйхгорна» висело на телеграфном столбе. На следующий день Донского зарыли на Лукьяновском кладбище.

Германские войска в Украине вместо Эйхгорна возглавил генерал-полковник Г. фон Кирхбах. Но с каждым днем немцам в Киеве приходилось все сложнее и сложнее. Все лето 1918 года где-то за городом раздавались заглушенные дальностью расстояния пушечные залпы, в самом городе — выстрелы, а на окраинах — даже стрекот пулеметов. Что делается в окрестностях города, население не знало, связывая тревожные ожидания лишь с отсутствием крестьян на базарах. До горожан доходили слухи, что немцы грабят мужиков, безжалостно расправляясь с непослушными. Вся украинская деревня пылала неприкрытой злобой к гетману, вернувшему землю помещикам. Она помнила все обиды: развороченные артиллерией хаты, спины пахарей, располосованные шомполами гетманских сердюков, расписки немецких офицеров на клочке бумаги: *«Выдать русской свинье 25 марок за купленную у нее свинью»*. Разве могли крестьяне забыть реквизицию скота на нужды какой-то армии, особенно лошадей?

Вот почему мужицкие массы пошли за Петлюрой. За кем же еще идти — за гетманом? Чтобы возвращать помещикам награбленное: мебель и утварь, так хорошо разместившуюся в мужицкой хате? Может, за большевиками пойти? Да там же все

«жиды и комиссары», которые потакают рабочим, а не крестьянам. Зачем они сельской бедноте, мечтавшей о своем клочке земли! Имя Петлюры, освобожденного из секретной одиночки Лукьяновской тюрьмы, стало для крестьян Украины легендой, символом, в котором сплелись и жажда мести, и надежда самим быть хозяевами своей земли.

До революции в Германии 6 ноября оставалось два месяца, гетман считал себя несокрушимой твердыней, издавал указы, основал Украинский университет, открыл Украинскую Академию Наук и Национальную библиотеку, проводил переговоры и обменивался послами с другими государствами и странами...

Директория, как и Центральная Рада, была представлена социалистами, и экономическая программа Петлюры не очень-то отличалась от программы большевиков. Петлюре не хватило прежде всего той решительности, твердости, наглости, которой обладали большевики. В интеллигентской среде Директории царил несоответствующая переживаемым смутным временам атмосфера высшего общества: тенденции к внешнему лоску, красивым словам, популизму без оглядки на результат: гетманский режим, естественно, опирался на буржуазию, на крупных капиталистов. Для примера можно вспомнить, например, такую организацию, как «Протофис» — союз промышленников, торговцев, финансистов, которые до поры до времени поддерживали — сейчас бы сказали, спонсировали — гетмана.

Гетманская держава действительно демонстрировала стабильность, в ней было больше порядка, меньше лозунгов и немало практических дел. Но держалась она в значительной мере на внешней силе, на немецких штыках, поэтому создать из гетманской Украины самодостаточный проект не получилось. Немцы запрещали формирование украинской армии — они ее

опасались, не хотели вооруженных сил внутри страны, которые не были бы под их непосредственным началом. Если бы не это, возможно, у Украинской Державы появилась бы нормальная армия, которая могла бы ее защитить. Формально у Директории армия была, но лишь формально. Как показала жизнь, она оказалась не очень-то боеспособной.

Стоило немцам в ноябре 1918 года проиграть мировую войну, как гетман лишился поддержки. В наступившей лихорадке Скоропадский не нашел ничего лучшего, как издать грамоту о федерации с небольшевицкой Россией. Грамота сама по себе, может, и хороша, да вот незадача: основного субъекта будущей федерации — небольшевицкой России — на тот момент не существовало, так что объявлять объединение было, собственно, не с кем.

Тогда гетман попытался заручиться поддержкой Антанты, но Англия и Франция, естественно, не спешили ее оказывать бывшему ставленнику их противников. Да и, вообще говоря, у них были дела поважнее, чем украинский вопрос. Поэтому гетман остался фактически в изоляции. Продолжая свои хаотические квазиполитические метания, он выпустил под честное слово из тюрьмы Симона Петлюру, который тут же уехал в Белую Церковь, где собрал свою Директорию и возглавил антигетманское восстание. Немцы же тем временем готовились к эвакуации из Киева в связи с окончанием войны.

И вот 14 декабря 1918 года власть гетмана пала, в город вошла Директория под началом Симона Петлюры, который фактически являлся ее идейным вдохновителем и создателем. Киевлянам она запомнилась двумя характерными акциями:

1. Украинизация вывесок. Соответствующий приказ был издан Евгением Коновальцем. Согласно приказу, в трехдневный срок все русские вывески в городе следовало заменить на украинские, причем вывесок на польском языке и на идише эта

акция не касалась. Многие вспоминали, как это было реализовано: как сбивали с вывесок твердые знаки, как заменяли русское «и» на украинское «і» и так далее. Киевляне над этим в основном потешались; следует отметить, что критиковал изданное постановление даже Владимир Винниченко, который был одним из создателей Директории. Он говорил, что это решение никак не затрагивало реальную жизнь и было абсолютно показушным, тоже своего рода «вывеской».

2. Уже под конец новой власти в Киеве были распространены слухи о фиолетовых лучах, и Директория еще раз потешила киевлян, вывесив в какой-то момент объявления о том, что такого-то числа против наступающих на город большевиков будут применены фиолетовые лучи, поэтому населению нужно спрятаться в подвалах и ни в коем случае оттуда не выходить: лучи ослепляют, даже когда вы стоите к ним спиной. Эта фантазия о фиолетовых лучах возникла еще в разгар мировой войны: в киевских газетах сохранились репортажи «очевидцев» применения «фиолетовых лучей» французами против немцев. Путем обсуждения на улицах, и площадях, и на каждом углу у жителей Киева выработалось общее мнение: вначале эти лучи следовало бы применить как раз против Директории, которая вздумала снова поугатать киевлян страшилкой не первой свежести. На самом деле никаких лучей, конечно же, не было. По мнению К. Паустовского, к запугиванию «смертоносными лучами» Директория прибегла, чтобы ей ничто не помешало тихо уйти из города.

5 февраля 1919 года в уже оставленный войсками Директории Киев второй раз вошли большевики с той же упрямой целью — построить советскую Украину, зачаток которой уже существовал в форме харьковской Украинской Советской Социалистической Республики. Одним из ключевых слов того второго большевистского периода в Киеве стало слово

«ЧК», или «чрезвычайная комиссия». Словечко это, острое, как бритва, и взрывное, как граната, не было придумано большевиками, оно берет начало, как и почти вся революционная лексика, в истории Французской революции. Но большевики эту идею не просто переняли, а творчески преобразили и применили со всем своим старанием — деятельность ЧК в Киеве была весьма активной, бурной и ознаменовалась трагедией для многих обывателей.

Во время очередного шабаша у Ларисы Рейснер в Москве, на котором присутствовал О. Мандельштам, пьяный Яков Блюмкин потрясал перед обществом пачкой пустых ордеров на расстрел, подписанных Дзержинским: *«Вот здесь вся русская культура! Вот список!»* — и начал наугад заполнять ордера, составляя список.

Тогда за разглашение кровавых дел ВЧК Блюмкина направили в Киев. Вот тут-то он и показал все свои нерастраченные силы и скрытые способности!

Сохранилось письмо неизвестного автора-эмигранта от 13 января 1921 года: *«...Я обещал тебе написать о «чрезвычайках» Киевских, не знаю, выйдет ли? Слов нет: все краски бледнеют перед тем, что я видел. Итак: ЧК было в Киеве три: Городская, Губернская и Всеукраинская со знаменитым Лацисом во главе. За месяц до ухода большевиков (конец июня 1919 года) все три стали проявлять лихорадочную деятельность, и притом по разрядам: в первую голову были расстреляны буржуи, не внесшие контрибуции, потом юристы, инженеры, поляки, украинцы, педагоги и т. д., и т. д. Люди прямо исчезали. Списков расстрелянных не печатали больше, прямо человек исчез, значит, расстрелян. Придирались к мельчайшему поводу: нашли при обыске 2 фунта сахара или бензин для зажигалки: расстрел чуть ли не на месте...»* Далее на 4-х страницах подробности, которые не хочется приводить.

О «зверствах Киевского ЧК» был снят фильм оператором В. П. Добжанским — родным братом моей бабушки Стеллы. Фильм сохранился в Англии, а дядя погиб в ГУЛАГе.

Вильгельм фон Габсбург-Лотаринген

Многим знатокам отечественной истории он известен как Василь Вышиваный. Этот яркий представитель знатнейшего рода западноевропейского и всемирного масштаба имеет давние корни в Руси-Украине и на протяжении десятилетий представляет собой образ, вызывающий уважение к украинцам. Габсбурги, будучи одним из древнейших королевских домов Европы, являются единственным в мире монаршим родом, который имел в своих рядах украинца, боровшегося с оружием в руках за независимость Украины и погибшего в сталинских застенках.

Василь Вышиваный. 1919 год. Из архива автора

Основательницей ветви, на которой нашлось место для Вильгельма, была императрица Мария Терезия (1717—1780) из дома Габсбургов и ее муж Франц I Стефан (1708—1765) из Лотарингского дома, который, в свою очередь, был потомком

герцога лотарингского Карла III (1543—1608) и его супруги Клод, дочери короля Франции Генриха II (1519—1559) и Екатерины Медичи (1519—1589). Если еще углубиться в родословную, то придется вспомнить, что Генрих II был прямым наследником короля Генриха I (1008—1060) и Анны Киевской — дочери Ярослава Мудрого.

В последней трети XVIII века Европа пережила три раздела Речи Посполитой, проведенные Россией, Пруссией и Австрией. Габсбурги получили Галичину и часть Малой Польши, а впоследствии Буковину. Эти земли назывались Королевство Галиции и Лодомерии. Именно украинская часть со столицей во Львове в XIX — начале XX ст. превратилась в наш Пьемонт. Под скипетром австрийских императоров, ставших австро-венгерскими монархами, получила развитие украинская наука, пресса, среднее и высшее образование. В эти пределы не распространялось запретное самодурство Российской империи на украинскую литературу, издавались книги знаменитых классиков. И с 1848 года украинцы, представленные даже крестьянством, получили свой первый опыт парламентской борьбы — важной демократической практики.

Украинские сечевые стрельцы. Ю. Крайкивский. 1916 год.
Из архива автора

Трудно переоценить вклад Габсбургов в этот необходимый для украинской нации опыт. Королевская династия поддерживала украинцев, видела в них верную опору своего трона, называя выходцев из восточных пределов империи «тирольцами Карпат».

На этом фоне пора обратиться к уже упомянутому габсбургу-украинцу. Вильгельм фон Габсбург-Лотаринген — праправнук императора Леопольда II и троюродный племянник Франца Йосифа I — родился 10 февраля 1895 года вблизи г. Пула (Истрия, современная Хорватия). В 1915 году он закончил военную академию, так что его служба и карьера пришлись на годы Первой мировой войны. В 1916 году умер его дядя, император Австро-Венгрии Франц Иосиф I, и престол занял Карл I.

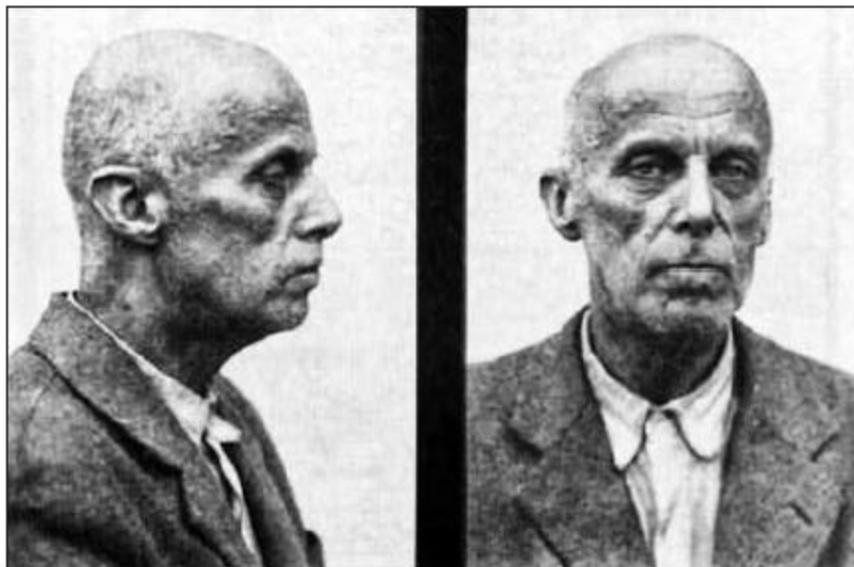
К этому времени Вильгельм, которому было немногим более 20-ти, воевал во главе Легиона Украинских сечевых стрельцов, который имел, в отличие от всех армий мира, боевое подразделение искусств — «Мистецький курінь». И так он увлекся нашей культурой, мирововосприятием, что в силу,

видимо, дальнего родства ощутил в себе пробуждение украинской национальной идеи. Ему не составило особого труда освоить украинский язык как родной. И появился Васыль Вышиваний.

Полковник Вышиваний.
1919 год. Из архива автора

В 1919 году Вильгельм-Васыль стал полковником армии Украинской Народной Республики и сотрудником отдела зарубежных связей Министерства военных дел УНР. После неудачи Украинской революции в 1921 году вернулся в Вену, где ему принадлежал завод по производству красок, и оказался исключением из установленных правил: Габсбургам запрещалось проживать в Австрии.

В. Вышиваный в Лукьяновской тюрьме. 1948 год

Вильгельм полюбил Украину всем сердцем, в 1921 году в Вене вышел сборник его стихов на украинском языке «Минають дні». И потом еще ряд статей в эмигрантской прессе.

В период немецкой оккупации Франции Вышиваный-Габсбург участвовал в Сопротивлении и, чудом избежав смерти в застенках гестапо, от советской контрразведки все-таки уйти не смог — в 1947 году он оказался в Лукьяновской тюрьме, что в Киеве. По официальной версии, он там и умер от туберкулеза 18 августа 1948 года.

Неужели же после этого нужно еще доказывать нашим «патриотам» с Андреевского спуска и не только, что одна из киевских улиц должна носить это славное имя? Да это наша обязанность!

Николай Щорс — человек и памятник

Слава Богу, что больше никто не решает за киевлян, какие памятники нужно сносить. Вот на бульваре Шевченко стоит памятник Николаю Щорсу, открытый 29 апреля 1954 года. Когда-то на этом месте находился элегантный монумент графу Бобринскому — основателю сахарной промышленности в Украине и железнодорожного транспорта в России. Но сменились времена, графа в 1926 году выдворили с его каменного постаamenta и позже увековечили в камне красного командира. Часто, проезжая мимо «монументальных героев», привычных на улицах и площадях, я задаюсь вопросом: а что, собственно, население знает о них и успеет ли узнать, пока эти памятники еще не демонтированы? Например о Щорсе.

Николай Щорс родился и вырос в Сновске Городнянского уезда Черниговской губернии в многодетной семье рабочего-железнодорожника. В июле 1914 года окончил военно-фельдшерскую школу в Киеве, потом — ускоренный курс военного училища в Полтаве. Служил в Анапском пехотном полку, действовавшем на Юго-Западном фронте. В апреле 1917-го удостоен чина подпоручика. Но с открытой формой туберкулеза через месяц направлен был на лечение в Симферополь и вскоре освобожден от военной службы по болезни.

Щорс уехал на родину, но уже в марте 1918 года возглавил повстанческий отряд Новозыбковского уезда. Там Щорс познакомился с Фрумой Ефимовной Хайкиной (1897—1977), а поздней осенью 1918-го они поженились. Невеста уже тогда служила в ЧК, возглавляя местное подразделение в Унече, и была членом ревкома. О ней писали: *«После освобождения*

Клинцов от немцев и гайдамаков революционный порядок в посаде устанавливала жена Щорса — Фрума Хайкина. Это была решительная и смелая женщина. Она разъезжала на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку, который при случае пускала в дело. Ее называли в Клинцах «Хая в кожаных штанах». Под ее началом выявили всех, кто сотрудничал с гайдамаками или сочувствовал им, а также бывших членов Союза Русского Народа и расстреляли на Ореховке, на поляне за городским садом».

В сентябре 1918 года в Унече из разрозненных партизанских отрядов был сформирован 1-й Украинский советский полк им. И. Богуна. 5 февраля 1919 года 23-летний Николай Щорс был назначен комендантом Киева и, по решению Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, награжден почетным золотым оружием. Через пару месяцев Щорс командовал 1-й Украинской советской дивизией, которая в ходе стремительного наступления взяла Житомир, Винницу, Жмеринку, разбила главные силы УНР в районе Сарны — Ровно — Броды — Проскуров, а затем, летом 1919-го, оборонялась в районе Сарны — Шепетовка от польских войск и была вынуждена под давлением превосходящих сил отойти на восток.

30 августа 1919 года в бою с 7-й бригадой 2-го корпуса Галицкой армии около села Белошица (ныне село Щорсовка Коростенского района), находясь в передовых цепях Богунского полка, Щорс был застрелен в затылок с близкого расстояния, предположительно с 5—10 шагов. Позже появится официальная версия: Щорс погиб от пулеметной очереди. Тело комдива перевезли в Самару, где проживали родители его жены, и похоронили на Всесвятском кладбище.

В 1949 году в Куйбышеве была произведена эксгумация останков Щорса. Эксперты-криминалисты подтвердили, что

Николай Щорс был убит с близкого расстояния выстрелом в затылок. Примечательно, что тело оказалось практически нетронутым процессами разложения, хотя и пролежало в гробу 30 лет. Объясняется это тем, что перед отправкой тела Щорса в Самару его забальзамировали, вымочили в крутом растворе поваренной соли и поместили в запаянный цинковый гроб. Редкая забота о том, кого застрелили при невыясненных обстоятельствах почти в упор...

Месяцем ранее без суда и следствия был расстрелян комбриг 44-й дивизии Антон Богунский. Чуть позже во время мятежа при невыясненных обстоятельствах был убит командир Новгород-Северской бригады Тимофей Черняк. А через 10 дней после этого в Житомире внезапно умер Василий Боженко, командир Таращанской бригады. Утверждается, что он был отравлен. Все они — ближайшие сподвижники Николая Щорса.

После 1935 года Сталин начал делать из Щорса *«всенародно любимого героя»*... БСЭ 1952 года в статье об А. Довженко, которому Сталин посоветовал создать фильм о Щорсе, сообщает: *«Важнейшее значение для творчества Д. имели его личные беседы с И. В. Сталиным в 1935—36 гг. Великий вождь подал Д. мысль о воплощении в кино образа «украинского Чапаева» — Щорса»*. Фильм «Щорс» вышел на экраны в 1939 году.

Совмин УССР в 1948 году издал постановление о подготовке проекта памятника. Уже через год прошло обсуждение и был утвержден проект, представленный М. Г. Лысенко.

Получилось настоящее произведение искусства, которое и расположено исключительно удачно. Более гармоничного слияния с рельефом улицы я, объездив всю Европу, не встречал нигде! К тому же Великий Украинец Александр Довженко о земляке, «запачканном кровью соотечественников», фильм бы не снимал. Н. Щорс и правда ни в каких позорных действиях в отношении соотечественников замечен не был.

Евреи в Гражданской войне

О евреях во Второй мировой войне написано много, но об их участии в гражданской войне сегодня почти не вспоминают. Когда-то про те события снимали фильмы и слагали песни, причем образы красных бойцов героизировали, а восставших против советской власти демонизировали. Но далеко не все было черно-белым, особенно в истории гражданской войны в Украине, где более 100 тыс. евреев стали жертвами «белого», «зеленого» и «красного» террора.

О боях в 1919 году у с. Триполье, в 45 км южнее Киева, я узнал в детстве из фильма «Трипольская трагедия», созданного по сценарию Г. Эпика. Позже прочел одноименные поэмы Л. Первомайского и Б. Корнилова. Последующие коллекционные будни вытеснили из памяти эпопею киевского отряда. А в конце 1980-х, посетив с группой туристов Музей трипольской культуры эпохи неолита, я увидел в селе обелиск с барельефами, изображавшими эпизоды сражения коммунаров с зеленовцами. И лишь через десятилетие узнал правду о восставших трипольцах!

«Уходили комсомольцы на гражданскую войну...» Строка из «Прощальной комсомольской» отражает процесс массового вступления молодежи тех лет в РКСМ и Красную армию. Значительную часть добровольцев составляли евреи. Многие из них погибли на войне и позже, под прессом сталинских репрессий. В Украине одним из комсомольских лидеров был Миша Ратманский.

Он родился в 1900 году в Одессе в семье рабочего. Когда мальчику исполнилось 12 лет, семья переехала в Киев, и отец устроил Мишу учеником в мастерскую. Но любознательный

активный подросток увлекся политикой и, как многие евреи, примкнул к большевикам, а вскоре уже руководил марксистским кружком. После Февральской революции Ратманский вошел в группу по организации Социалистического союза рабочей молодежи. Красногвардейцем участвовал в боях против юнкеров в ноябре 1917 года и в последующих сражениях. Так что его гибель от рук не желавших отдавать хлеб крестьян была вполне ожидаемой.

Что, вообще говоря, влекло еврейскую молодежь к коммунистам? Прежде всего провозглашенные большевиками идеи социальной справедливости, равноправия наций и нетерпимости к антисемитизму. Юных романтиков мало тревожил экстремизм коммунистов, неразборчивость в выборе средств достижения поставленных целей. Как многие в те времена, они поддались большевистской демагогии и наивно верили, будто все украинские националисты — контрреволюционеры и антисемиты.

Вместе с тем значительная часть еврейской буржуазии и интеллигенции поддержала Центральную Раду, которая провозгласила УНР. В Раде заседали представители четырех еврейских партий, в правительство входили семь евреев, был принят закон об их национальной автономии. Глава Директории В. Винниченко и головной атаман Петлюра тщетно пытались пресечь еврейские погромы в Житомире, Бердичеве, Каменец-Подольском, Проскурове. На требование расстрелять погромщиков Петлюра в сердцах ответил: *«Не ссорьте меня с моей армией!»* У Нестора Махно тоже были ближайшие соратники-евреи, что не мешало рядовым анархистам грабить еврейское население.

Особенно в этом плане зверствовали деникинцы и партизаны-самостийники, оправдывая свои действия тем, будто евреи-большевики — враги русского и украинского народов,

руководят советскими, партийными, военными и карательными органами. Юдофобские эксцессы случались и среди красноармейцев, но, как правило, карались во исполнение декрета Совнаркома. Историки отмечают, что в 1918—1920 годах только в Украине произошло свыше 1500 еврейских погромов. Было убито и умерло от ран не менее 100 тыс. человек, 300 тыс. детей остались сиротами. Так что понятно, почему еврейские отряды самообороны охотно вливались в ряды Красной армии.

Вот недавно опубликованный материал о знаменитой 1-й Конной армии, когда после тяжелых и неудачных боев в Польше она была переброшена на «врангелевский» фронт. Ее путь пролегал по Украине, где красногвардейцы «героически» предались бесчинствам. Особенно отличились части 6-й дивизии, которые устроили грабежи и погромы, а пытавшегося их остановить комиссара Шепелева просто убили на месте. Реввоенсовет вынужден был констатировать: *«Направляясь в тыл, полки 6-й кавалерийской дивизии, 31-й, 32-й и 33-й учинили ряд погромов, грабежей, насилий и убийств. Эти преступления появились еще раньше отхода. Так, 18 сентября совершено было 2 бандитских налета на мирное население; 19 сентября — 3 налета; 20 сентября — 9 налетов; 21 числа — 6 и 22 сентября — 2 налета, а всего за эти дни совершено было больше 30 разбойничьих нападений. В местечке Любарь 29 сентября произведен был грабеж и погром мирного населения, причем убито было 60 человек. В Прилуках в ночь со 2 на 3 октября тоже были грабежи, причем ранено мирного населения 12 человек, убито 21 и изнасиловано много женщин. Женщины бесстыдно насиловались на глазах у всех, а девушки, как рабыни, утаскивались зверями-бандитами к себе в обозы. В Вахновке 3 октября убито 20 чел., много ранено, изнасиловано и сожжено 18 домов. При грабежах преступники не останавливались ни перед чем и утаскивали даже у малышей-ребят детское белье... Трудовое население,*

встречавшее когда-то 1-ю Конную армию ликованием, теперь шлет ей вслед проклятия».

Член Реввоенсовета К. Ворошилов не мог не признать, что 2/3 состава 6-й дивизии составляет бандитский элемент. После этого Реввоенсовет принял решение расформировать все участвовавшие в погромах части, разоружить, а наиболее активных погромщиков и их командиров расстрелять. Однако вмешательство С. Буденного смягчило наказание. Расстреляли лишь несколько рядовых участников, а командир 6-й дивизии Апанасенко отделался только увольнением с поста. Остальных вернули в части, порядок кое-как установили.

Бегом через Киев

«Пахнут смертью господские Липки».

О. Мандельштам

Два года Киев считался литературно-художественным центром и, смело можно сказать, культурной столицей распавшейся империи, став магнитом, притягивавшим все творческие силы самых разных направлений. Трудно найти более-менее популярного украинского писателя или поэта, не прожившего хотя бы короткое время в лоне «матери городов». Сюда попадали кто за заработком, кто за спокойствием и размеренной жизнью, большинство же — по непонятным для нас политическим причинам, так хорошо отраженным Михаилом Булгаковым в пьесе «Бег».

Напротив церкви Сретения Господня на Сенном базаре поселился Илья Эренбург. По соседству жил Бенедикт Лившиц. Эренбург ходил в те времена в длинном, волочившемся по замусоренным тротуарам пальто и в испанской широкополой шляпе, выдавая себя не то за католика, не то за православного. В его комнате на окнах, стульях, столах — всюду лежали сборники стихов.

Проездом в эмиграцию промелькнули Семен Юшкевич и Иван Бунин, в «Интимном театре» они читали свои стихи и рассказы. Ждали в Киеве и ставшего популярным впоследствии певца эмиграции и сталинских подвигов Алексея Толстого, но он как-то проехал мимо. Веру Холодную и Осипа Рунича сменяли Аркадий Аверченко и Николай Евреинов. Событием в городе стала «Леда» Анатолия Каменского. 13 октября 1918 года

появилась на киевских улицах приехавшая из Петрограда веселая газета «Чертова перечница», о которой можно было услышать: «Ново! Небывало!» — детище Александра Дейча и Михаила Кольцова с иллюстрациями Бориса Ефимова (умер недавно на 106 году жизни).

«...Такая огромная и богатейшая страна в руках дерущихся дикарей — и никто не смирит это животное! Какая гнусность!.. С утра до вечера только разговор, как бы промыслить, что сожрать. Наука, искусство, техника, всякая мало-мальская человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все прихлопнуто, все издохло. Да, даром это не пройдет!..»

Из дневника И. Бунина

Корабли Антанты покачивались на Новороссийском и Одесском рейдах. После убийства на Печерске фельдмаршала Эйхгорна и повешения эсера Донского в германском Совете солдатских депутатов в Киеве председательствовал Кирхнер, родственник известного издателя российских календарей.

Так неся по рельсам и чадил паровоз 1918 года — достойный пример надоевшей, опостылевшей жизни, в которой все запуталось в какой-то непонятный клубок партий, человеческих судеб, военных, куда-то переходящих соединений — поток событий, которые не могут быть разгаданы и постигнуты. Даже страшный взрыв на Печерском Зверинце не напугал обывателей. В город то входили, то его покидали — и так 14 раз — различные противоборствующие войска и группировки, это уже перестало кого-либо интересовать.

Так что Каменский продолжал читать лекции о женских победах и о целомудрии, а на «Киевском Олимпе» появился Владимир Маккавейский — поэт в академическом сюртуке, весьма высокопарный, горделивый, мечтавший выпустить к своему сборнику стихотворений «Стилос Александрийский» несколько томов комментариев. Ему нельзя было отказать в

глубоких знаниях — талантливому переводчику Ж. Мореаса и Р. Рильке на русский язык, Александра Блока и Вячеслава Иванова — на французский.

Бенедикт Лившиц уже тогда был известен за пределами Киева, города, который он впоследствии довольно изысканно описал в воспоминаниях, названных «Полутороглазый стрелец». «Чтец-декламатор» фактически канонизировал Павла Тулуба. В конце 1920-х в городе из символистов осталась только Зинаида Тулуб, впоследствии прославившаяся добротными историческими романами.

Был еще Котляр-Юнонин — версификатор с лицом семинариста и визитными карточками уездного факира. Он приходил в бывшую 14-ю аудиторию университета Св. Владимира и безрезультатно убеждал юристов заниматься с ним поэзией. Успеха он смог добиться лишь в «брачной газете».

Родившийся в Киеве Александр Вертинский, выступая с театром в Москве, решил переехать на более хлебное место. Но театр, всю труппу везти не было возможности. Поэтому с одним только антрепренером они вдвоем приезжают в Киев.

У власти гетман. По улицам ходят немецкие солдаты. Вертинский дает десять выступлений в «Интимном театре», печатает свои произведения в многочисленных журналах и газетах, альманахах и вообще где придется, даже если выпуск издания ограничивается одним номером. Чаще всего так и было...

Потертый Ротгауз в серых гетрах, серой бекеше и с серыми стихами «пасся» на Фундуклеевской, Крещатике и в модных ресторанах, расположенных на чуть похужей на «Елисейские Поля» Николаевской улице.

В тот же период Коте Марджанишвили задавал тон в театре, Исаак Рабинович и Александра Экстер — в живописи, Илья Эренбург, выпуская в Киеве сборник за сборником, — в поэзии.

Плотники тесали на Стрелецкой улице доски для будущего мистико-эротического театра «Крест и роза», их зарисовывал, готовясь к большому полотну, Александр Богомазов. А тем временем, за неимением спонсоров, дирекция ради заработка варила мыло в киевских пригородах — от актеров шел такой аромат, что во время выступлений первые места были свободны.

Но наибольшего накала в Киеве достигала творческая жизнь богемы в месте, получившем расхожее прозвище ХЛАМ. Расшифровывалось просто: художники, литераторы, артисты, музыканты. ХЛАМ заполнил собой подвальчик на Николаевской улице, тогда в доме № 5. На улицах города, как никогда, было сыро и грязно, их некому было убирать. Дворники — в прошлом тайные сотрудники полиции, разоблаченные в 1917 году, уловив момент, бежали, а дворники-татары, которые при царе в силу неграмотности не могли даже писать доносы, стали лидерами национально-освободительного движения. Так что город и двор на Николаевской, 5 не подметался не то с залпа «Авроры», не то даже с телеграммы Бубликова. Из подвала сквозь завалы мусора за мутными стеклами еле-еле проглядывали австрийские ботинки мимоидущих и щелкающих семечки красноармейцев, их сменяли сапоги гайдамак, краги греков и англичан, фантастическая обувь зуавов, босые ноги китайских коммунистов...

Было время, когда красных изгнали из Одессы, а в ХЛАМе подавали бифштексы и вина. Поэты вежливо просили, чтобы публика не звенела ложечками о стаканы. Эренбург читал по записям в институтском дневнике о детях, играющих в революцию, любили декламировать свои произведения Лев Никулин, Бенедикт Лившиц, Давид Бурлюк, Натан Венгер, Владимир Маккавейский. За это их кормили бифштексами и поили сколько угодно чаем.

Но все это меркло на фоне перманентных дебошей футуристов. Названия поэтических групп соперничали с именами звезд и римских богов второго плана. Стихи поэтов слушали комиссары, национальные вожди, студистки и гурманы. А если у читающего стихи автора в спецодежде или кожаной тужурке можно было получить должность и продпаек, то внимали и поэты. Кушать-то хочется всегда и всем! Поэтому лучше всех здесь принимали комиссаров, им бурно аплодировали, стараясь попасть на глаза. Дело ведь было не только в еде — невнимательно слушающего, как «контру», могли пустить в расход.

Любили тут бывать — хотя и не часто, так как считали себя элитой и не нуждались в пайке — эстетствующие искусствоведы Николай Макаренко, Григорий Лукомский, Георгий Нарбут и Борис Рерих.

На Пасху прибыли Осип Мандельштам и Рюрик Ивнев. И сразу огласили новость: Зеленый собрался взять Киев. Этого ХЛАМ не пережил и в мае 1919 года прекратил свое существование: в окруженный бандами город не завозили мясо — из чего же делать котлеты и бифштексы прикажете?

Будущие классики стали собираться мелкими группками в квартирах, где, несмотря на тесноту, с ними всегда были девочки из балетных студий. А четверка упомянутых искусствоведов засиживалась за чаем в доме Ханенко.

*«Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.
Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.
Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
— Мы вернемся еще — разумеете...»*

Это стихотворение-воспоминание О. Мандельштама — о прибытии в Киев в 1919 году, в дни ухода из города Красной армии, когда Осип Эмильевич познакомился со своей женой Надеждой. Ключевой образ произведения — мертвый город, и гоголевский Вий здесь, кроме всего прочего, должен напомнить о сюжете одноименной повести: о мертвецах и о панихиде.

Антон Иванович Деникин действительно был рассержен: его части взяли Харьков, но банды с окрестных сел не пропускали ни одного транспортного средства в сторону Киева, чтобы не ограбить. Тут еще восстал один из красноармейских полков, и Киев поставили на военное положение. Но аресту подвергались фактически только поэты, потому что только они имели наглость ходить по улицам ночного города. Их, конечно же, отпускали, едва приведя в участок, ибо пытки вдохновенной декламацией стихов могли выдержать далеко не все представители органов правопорядка. До наступления времен расстрела за поэзию оставалось еще два десятилетия...

Чаще всего арестовывали Эренбурга. Он основал на Печерске мастерскую художественного слова, а там хозяйничало ГубВЧК.

Когда чекисты выходили из прокуренной, спертой атмосферы в сад или на улицу продышаться при свете луны, их взорам представало длинное, до пят пальто, увенчанное широкополой шляпой и размахивавшее рукавами, в котором при дальнейшем приближении угадывалась длинноволосая, не всегда аккуратно причесанная фигура «опасного террориста». От соблазна задержания мог удержаться не каждый.

Жестикулировал Эренбург как бы в продолжение своих лекций, для него — вокруг внимали слушатели, для чекистов — нет. А лекции эти были обо всем: о детских стихах, об ассонансах, о благочестии и разбое Франсуа Вийона, о доброй любви протоиерея из Иты, о заговорах против зубной боли, о том, что Бальмонт похож на попугая, а Гумилева воспринимать невозможно, достаточно одного Брюсова...

Но не Эренбургом единым. В. Маккавейский по огромному фолианту зачитывал свою работу о псевдоклассицизме, а Осип Мандельштам хотел заниматься со студистами, но был терроризирован поклонниками Апухтина — температура поэтической жизни Киева зашкаливала. В 1919 году вышел альманах «Гермес» с Николаем Асеевым, Григорием Петниковым, Виктором Шкловским, Бенедиктом Лившицем. Петникову, например, не нужно было думать о пропитании: он возглавил Всеукраинский комитет Наркомпроса.

Гражданская война затухала, если не считать короткого эпизода с пришествием поляков. Интеллигенция занималась балетом или огородничеством, на улицах губернского города паслись козы, прекрасные, словно с картин Марка Шагала, появились «аровские» жиры, похожие на вазелин, а господствующей религией стал имажинизм со своими киевскими пророками.

Уже позже, в 1925 году, выступал в Киеве один из знаменитых теноров — гениальный Л. Собинов, родом из Ярославля. Несмотря

на то что уже полным ходом шла «украинизация», такому мэтру даже не предлагали петь по-украински. Тем не менее на родном языке он исполнил прославленную свою партию «Лоэнгрин» Р. Вагнера. В воспоминаниях писал: «Это же звучит совсем по-итальянски — хорошо, звонко, благородно, поэтично». Особенно Собинова захватила легкость партии Ленского в «Евгении Онегине»: «Куда, куда вы удалились...» В окружении близких людей Собинов пел эту арию по-украински.

Киевская опера славилась богатством голосов — как перед революцией, так и после. Первоклассные голосовые таланты часто переходили с киевской сцены на столичную, петербургскую и московскую, и в дальнейшем уже не возвращались в Украину.

1919 год закончился закрытием ХЛАМа и прекращением курсирования после ограбления пассажиров дилижанса Житомир — Киев, с оставлением Киева большинством творческих людей, ринувшихся кто куда — на юг или на запад, в какой-то нескончаемый марафон, никому непонятный «Бег»...

Как Харьков в 1919 году стал столицей Украины

Время бежит и не останавливается, день за днем, год за годом. И вдруг ты как бы приходишь в себя, включаешься — и вот, настоящее — уже никакое не настоящее, а прошедшее, и оно навсегда ушло от тебя прочь. Немногие могут вспомнить в наше время, что когда-то Крещатик назывался улицей Воровского, а Харьков 15 лет был столицей Украины, аж до 1934 года.

В 1918 году, когда не прошло предложение Скрипника о создании отдельной партии большевиков Украины, была организована КП(б)У как часть Всероссийской партии большевиков. Тогда же было создано правительство Советской Украины с дислокацией в Москве. Нужно отметить, что в Украине коммунисты были весьма малочисленны, в июле 1918 года их насчитывалось всего 4364, причем в основном они пребывали на территории России.

20 ноября 1918 года в Москве под руководством Ленина было создано новое украинское правительство, которое вначале возглавил Григорий Пятаков, но вскоре его сменил болгарский румын Христиан Раковский, украинцев на руководящих постах было раз, два, да и обчелся. Но уже через полгода, получив поддержку атаманов Григорьева и Махно, Советы стали контролировать большую часть Украины.

Ленин называл этот период «крестовым походом за хлебом» и по сути был прав, поскольку следом за войсками было отправлено 3 тыс. рабочих для «сбора продовольствия». Это сразу взбесило местное население. Тогда за работу, засучив рукава, взялось украинское ЧК во главе с Мартыном Лацисом.

В итоге все эти меры, вместе взятые, вызвали такой отпор в рядах Красной армии, вплоть до угрозы ее полного разложения, что пришлось и этому второму правительству возвращаться в Москву.

Коммунист Павел Дыбенко и анархист Нестор Махно

Один из лидеров украинских большевиков, памятник которому когда-то «украшал» Печерск, — член правительства, прославившийся подтасовкой бюллетеней на выборах генсека И. Сталина на XIX съезде ВКП(б), — Дмитрий Мануильский саркастически заметил: *«Каждую весну мы отправляем в Украину очередную театральную труппу, которая, сделав свое турне, возвращается в Москву»*. Подтверждением этому служат слова командующего Красной армией в 1920 году Льва Троцкого: *«Советская власть продержалась в Украине до сих пор (а держаться было нелегко) в основном силой Москвы, великорусских коммунистов и Красной армии»*.

11 декабря 1919 года в Харьков, изгнав части Деникина, вошли советские войска. И конечно же, вновь из Москвы прибыл поезд с правительством Украины, уже третьим по счету. В нем украинцев было уже больше, но они все равно ничего не решали, так как не занимали ключевых позиций. В тот же день

был создан Всеукраинский Революционный Комитет — чрезвычайный орган, к которому перешла законодательная и исполнительная власть в Украине. Только в феврале 1920 года этот орган был преобразован во Всеукраинский центральный исполнительный комитет и Совет Народных Комиссаров Украины. Чтобы далее не рисковать руководящими товарищами, а также учитывая близость границы с Советской Россией, было решено сделать временной столицей Украины Харьков.

Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Так что почти полтора десятилетия партийные, советские и другие органы власти вместе с творческими союзами группировались в большом промышленном городе. Как ни парадоксально, но в социалистическом государстве причины переноса столицы оказались империалистическими. В Харькове на момент его назначения столицей было много рабочих и мало интеллигенции, любившей проживать в «Донбассе культуры», — так называли в то время Киев, из которого она тут же и хлынула в новый центр нового мира.

Самозванные бесы над Киев-городом...

Большевики раздражали изначально. Одним из показателей этого возмущения стало так называемое Куреневское восстание атамана Струка 10 апреля 1919 года (некоторые исследователи засчитывают его как еще **две смены власти** (само восстание и его подавление). Мне не представляется это правильным, потому что мятеж длился всего один день, захвачены были лишь некоторые районы города, так что нельзя сказать, что в городе что-то реально изменилось. Но М. Булгаков, проживавший в непосредственной близости от происходивших боев, видел в этом смену власти.

В какой-то момент Струк сотоварищи решили, что час настал, что можно попытаться захватить Киев. Организовано это было следующим образом: на крестьянских подводах под видом подвоза продуктов было доставлено в город оружие. Местом восстания стал Житный рынок на Подоле, поскольку на рынок регулярно съезжались крестьяне с продуктами, — он с утра и стал центром выступления. К исходу дня в руках восставших была Куреневка и большая часть Подола, то есть северо-западная часть Киева. Чтобы отбросить струковцев от Крещатика, в решающую контратаку красных бойцов пришлось вести самому Климу Ворошилову. Как в песне пелось: *«И первый маршал в бой нас поведет...»*. Подтянув резервы, большевики атаковали защитников Подола. Силы, как говорится, были неравны. Поэтому буквально в течение суток выступление струковцев было подавлено.

Чернобыльский атаман Илько Струк был типичным авантюристом того времени. Капитан царской армии, он выступал то под флагом УНР, то под знаменами армии

Деникина. Вот и это поражение не изменило его натуру — в мае 1920 года Струк снова принимает участие в штурме Киева, на этот раз уже вместе с легионами Юзефа Пилсудского. Однако, когда поляки стали отступать на запад, атаман Струк с ними уходить не захотел. Лесными дебрями он прорвался в свое родовое гнездо, в Чернобыльский уезд...

Захватив Чернобыль, летом 1920 год Струк рассылает свои «загоны» на территорию Чернобыльского, Киевского, Мозырского и других уездов. Взрывая железнодорожные пути и мосты, струковцы, по некоторым данным, воспрепятствовали инспекционной поездке к польской границе самого председателя РВС Льва Троцкого. Зимой 1920/21 года повстанцы врываются в Овруч, Мозырь, Наровлю и Комарино. Но вот их «свобода» от большевистской власти выглядела уж слишком кроваво. Только в Комарино было вырезано более 30 человек. В захваченных местечках и городах рекой лилась кровь мирных жителей. Черный след еврейских погромов и расправ над комбедовцами протянулся за струковскими бандами на много километров.

Струк даже сделал попытку организовать на Припяти собственную речную эскадру (ведь военную службу он начинал в 3-м гвардейском флотском экипаже), тогда против него со своей базы в Гомеле была выдвинута Днепровская военная флотилия. Канонерские лодки и десантные команды быстро покончили с флотскими амбициями новоявленного «хозяина Полесья». Но изворотливому атаману, которого отличала не только волчья жестокость, но и лисья хитрость, осенью 1922 года все же удалось уйти от заслуженного наказания в Польшу. Говорят, он прожил в эмиграции еще 40 лет и умер в Чехословакии в 1969 году.

Вирус самозванства, с губительной настойчивостью, даже назойливостью, атаковавший историю Государства Российского,

добрался и до Киева. В сумятице и в метельной круговерти гражданской войны потеряли всякий смысл понятия «законной» и «незаконной» власти. Переворот следовал за переворотом, и самозванные бесы, мчась сломя голову, рой за роем налетали на Город.

Подавив восстание Струка, большевики приступили к помпезному празднованию 1 Мая, которое теперь они могли отметить на государственном уровне. Царские памятники, которые еще оставались в Киеве, были задрапированы, дабы не мозолить глаза. Вместо них были поставлены многочисленные временные памятники. Знаковым для своего времени «монументом» стала четырехугольная колоннада на Караваевской площади, украшенная портретами Маркса, Либкнехта, Троцкого и Шевченко...

К лету 1919 года стало ясно, что положение большевиков, мягко говоря, шатко. На Город с двух сторон двигались: с юго-запада — объединенные армии УНР и УГА под командованием Петлюры, а с востока — белогвардейские войска, представленные Полтавским отрядом генерала Бредова. Украинцы первыми успели в Киев, опередив белогвардейцев буквально на один день, и вечером 30 августа заняли Город. На следующий день был намечен парад по поводу торжественного въезда Петлюры в Киев. К нему стали готовиться, даже не успев как следует занять город.

Бенито Муссолини (тогда еще малоизвестный журналист газеты *Il Popolo D'Italia*) об освобождении украинскими войсками Киева от большевиков 31 августа 1919 года писал: *«...Это эпохальное событие. Еще никогда никакой народ не боролся за свою свободу с большей верой и в сложнейших условиях. Находясь под угрозой польских и румынских претензий, подавленный сторонниками «единой и неделимой», без оружия, сам и один, под безучастным наблюдением всей Европы, украинский народ*

освобождает свою территорию от большевистской чумы и вновь овладевает своей столицей... Киев... наконец свободный от азиатской орды».

Однако восторги Муссолини оказались преждевременны. Именно 31 августа, с самого утра, в Киев с Печерска, через Днепр, начали просачиваться белогвардейские войска. Встреча захватчиков с обеих сторон произошла на Думской площади. На здании Думы уже развевался желто-голубой флаг; когда же подошли белогвардейцы, в результате коротких переговоров было решено вывесить рядом и российский трехцветный флаг — в ознаменование того, что город занят двумя вроде бы не враждующими антибольшевистскими силами. Два флага провисели всего около часа — на площади показался отряд «черных запорожцев» под командованием полковника Владимира Сальского. Увидев российский флаг на Думе, запорожцы заявили: *«Перед московским прапором не будем парадовать»*, — и, угрожая начать стрельбу, потребовали снять флаг со здания Думы, что и было сделано. Но после этого раздались выстрелы с другой стороны. На площади возникла суматоха, толпа в панике разбежалась, а командовавший 3-м Галицким корпусом, занявшим Киев, и старший по чину среди украинских войск генерал Краус спешно поехал на Печерск, дабы вступить в переговоры с генералом Бредовым и каким-то образом прийти к взаимопониманию между двумя армиями. Генерал Бредов, к слову, киевлянин, в ультимативной форме потребовал оставить Киев, заявив, в частности: *«Киев, мать городов русских, никогда не был украинским и не будет»*. Хотя украинцев было приблизительно втрое больше, они подчинились ультиматуму и в течение суток ушли из Киева. Так за два дня состоялись **8-й и 9-й перевороты**, в результате которых город перешел под власть Белой гвардии. В украинской историографии за этим событием закрепилось определение

«киевская катастрофа»; в российской, соответственно, — как освобождение Киева.

Генерал А. И. Деникин

Заняв город, белогвардейцы стали в какой-то мере восстанавливать старые порядки. Отменили все декреты и распоряжения Советов, часы были переведены на Петроградское время, календарь — на старый стиль. Практически одновременно с войсками генерала Бредова в Киев вернулся Василий Шульгин — и тут же возобновил издание газеты «Кіевлянинъ». На первой странице первого номера (этот экземпляр имеется в моем собрании) красуется большой, в полполосы портрет Деникина, под ним — статьи, заголовки которых не нуждаются в комментариях: «Они вернулись!», «Мне отмщение и аз воздам»...

* * *

Одной из знаковых тенденций жизни города первых дней под белогвардейской властью, одним из компонентов дебольшевизации было раскрытие жесткости чрезвычайек.

Печерск был буквально наводнен, как сейчас бы сказали, офисами чрезвычайной комиссии. Теперь в них был открыт доступ, были вырыты ямы, в которых обнаружались трупы расстрелянных, раскрыты зверства большевиков.

Зрелище было, конечно, не из приятных, и с тех пор маятник качнулся в другую сторону, в том смысле, что начались уже антибольшевистские репрессии. Достаточно было крикнуть кому-то на улице, указав пальцем на прохожего: «Большевик! Коммунист!» — чтобы толпа растерзала беднягу в буквальном смысле прямо на месте.

* * *

Родной брат моей бабушки В. П. Добжанский, окончив двухлетнее училище, с 1909 года стал «летописцем» всех значительных событий Киева. В 1909—1915 годах снял более 100 хроникальных сюжетов, таких как пребывание в Киеве Николая II и П. А. Столыпина в сентябре 1911 года (единственные сохранившиеся кадры российского премьера); закладка памятника Столыпину 5 сентября 1912 года; похороны Н. В. Лысенко 28 сентября 1912 года (сюжет был запрещен).

В это время у П. Н. Нестерова созрела мысль совершить рекордный перелет в составе отряда без всякой подготовки в условиях, максимально приближенных к боевым. Необходимо отметить, что это был первый в мире перелет строем, с четырьмя посадками на выбранных с воздуха, не подготовленных заранее площадках, а кроме того — первая в мире киносъемка с аэроплана. 10—11 августа 1913 года группа из трех самолетов во главе с П. Нестеровым перелетела по маршруту Киев — Остер — Нежин — Киев. Отснятый Владимиром Добжанским 30-минутный фильм несколько дней с большим успехом демонстрировался в кинотеатрах Антона

Шанцера, потом, в 1919 году, в Украинском кинокомитете, а с 1925 года — в «Пролеткино» и с 1927-го — в «Узбеккино».

Некоторые сюжеты были слишком смелыми. Так, В. Добжанский умудрился снять фильм о киевском ЧК. Пленка сохранилась в Англии, а дядя потом скрывался от известных органов в Средней Азии.

* * *

Власти заставляли всех желающих служить в Белой гвардии пройти через фильтрацию, доказать, что они не сотрудничали с большевиками. Так в армию были призваны и мой дедушка, бухгалтер М. К. Борисенко, и врач М. А. Булгаков. Такой люстрацией белогвардейцы успели настроить против себя заметное количество потенциально сочувствующих им. И тут абсолютно неожиданно для деникинцев 14 октября 1919 года в город с запада вошли большевики.

Утром этого дня население еще убеждали, что ничего страшного не происходит, ситуация под контролем, хотя в городе уже отчетливо была слышна канонада. Белогвардейцам пришлось в срочном порядке покинуть город, и это событие стало известно как Дарницкий исход: перейдя через Днепр, белые оставили мосты в своих руках и отошли до Дарницы, не пустив большевиков на левый берег. А через несколько дней, словно придя в себя, снова перешли через Днепр и вернули себе город. Так случились **10-й и 11-й киевские перевороты**, с интервалом в три дня.

В воспоминаниях утверждается, что Дарницкий исход был первым эпизодом, когда вместе с отступающей армией из города ушли и обыватели. Но ушли, естественно, не все. И вот, после возвращения началось выяснение отношений между теми, кто ушел, а потом вернулся, и теми, кто не уходил вообще.

Ушедшие говорили оставшимся: «Что, захотели остаться при большевиках?» И не только говорили! Больше всех, по некоторым данным, в дни, следующие за восстановлением в Киеве белой власти, пострадали евреи, которые этой властью ассоциировались с большевиками. В первые же дни после повторного занятия Киева был опубликован список адресов домов, из которых якобы стреляли вслед уходящим белогвардейцам да еще и обливали их серной кислотой. Список этот был проверен: все до единого адреса оказались фальшивкой. Но, как говорится, процесс уже был запущен и вылился в знаменитый киевский «тихий погром» октября 1919 года — «тихий», потому что погромщики просто стучали в квартиры евреев и «вежливо просили» чем-нибудь с ними поделиться. Кричали в ответ как раз сами евреи, целые кварталы начинали стучать в медные тазы, призывая: «Спасайте такой-то квартал!»

Погром продолжался дня три — при попустительстве со стороны властей. Именно по итогам этого погрома Василий Шульгин опубликовал в «Кіевляніне» короткую заметку, ставшую очень знаменитой, потому что она была в каком-то смысле знаковой. Заметка называлась «Пытка страхом». Суть ее, в двух словах, сводится к следующему: евреи перепуганы, они ночами кричат, они не знают, что им делать. Сделают ли евреи выводы, поймут ли они, почему с ними это случается? Поймут ли они, что значит разрушать государства, не ими созданные, и выберут ли они правильный из двух путей? Один путь — это продолжать в том же духе, а второй — покаяться, стать на правильную сторону и продолжать работать вместе.

Эта заметка вызвала, говоря современным языком, резонанс в тогдашней местной прессе. Хорошо известны как минимум два ответа на нее, опубликованных в течение нескольких последующих дней. Один ответ написал Илья Эренбург — «О чем

думает жид». Суть его сводилась к тому, что, дескать, я, еврей Эренбург, в эти дни научился еще больше любить Россию. Евреи должны сделать выводы и любить Россию еще больше. Вторая заметка появилась в газете «Кіевская жизнь», автор — городской голова Евгений Рябцов: «*Пытка срамом*». В ней утверждалось, что происходящее — стыд и срам для белой власти.

Шульгину не было суждено принять покаяние от евреев или от кого-либо еще, потому что осенью 1919 года дела Белой гвардии стремительно покатались под уклон. Шульгин позже в мемуарах назовет этот период киевской белогвардейской власти емким словом «догорание». Оно закончилось 16 декабря 1919 года, почти в годовщину свержения гетмана. Тогда был выпущен последний номер газеты «Кіевлянинъ», а Шульгин покинул Киев вместе со значительной массой обывателей, которые в гетманские времена бежали в Город из Москвы и Петрограда, а теперь рванули в Одессу.

В Киев снова пришли большевики — как они сами утверждали, в третий и последний раз. Строго говоря, этот раз не был третьим, потому что большевики не считали короткое пребывание в Киеве в октябре, так что он был четвертым. А через несколько месяцев окажется, что не был и последним. О его отличии от первых двух коротко сказал известный мемуарист Алексей Гольденвейзер, оставивший воспоминания обо всем периоде гражданской войны в Киеве: «*В 1918 году мы увидели буйную молодость большевизма, в 1919-м он предстал пред нами во всем своем жестоком размахе. В 1920 году (с декабря 1919) начались большевистские будни — картина серая и мутная, настроения томительные и скучные. Большевики полиняли и выдохлись. Исчезло увлечение юности и энергия зрелого возраста; наступила усталость*».

Конечно, с высоты того, что мы знаем сегодня, следовало бы возразить, что это далеко не было усталостью или, скажем,

закатом большевизма. Расцвела бюрократия, все надо было доставать через какие-то организации, по каким-то бумажкам, все было формализовано, забюрократизировано, продукты — по карточкам и так далее. Большевики в очередной раз пытались строить светлое социалистическое будущее, теперь уже фактически не расстреливая — только, согласно воспоминаниям, изредка: валютчиков и спекулянтов.

В апреле 1920 года состоялись выборы в Киевский совет, на которых большевики одержали убедительную победу благодаря умению считать голоса. Вскоре состоялось очередное празднование 1 Мая, к нему приурочили коммунистический субботник, так что жизнь начала приобретать устоявшиеся на долгие годы советские очертания.

Этот, **12-й переворот**, был прерван лишь однажды — предпоследним, **13-м**, произошедшим 7 мая 1920 года, когда большевиков из Киева выгнала наступавшая с запада польская армия в рамках кампании по восстановлению Великой Польши *od morza do morza*. Программа-максимум у поляков не задалась, но похозяйничать около месяца они смогли. Показательным эпизодом, относящимся к этому перевороту, следует считать занятие Киева отрядом польских добровольцев, стоявшим в Пуще-Водице. Добраться в центр города было не на чем, кроме как на трамвае. Недолго думая поляки приказали водителю ехать в центр и захватили город. Не на лошадях, тачанках и броневиках, а на трамвае!

Троцкий

Захватив город, оставленный без боя войсками Директории, большевики занялись самым простым и незатруднительным — переименованием: пора было строить свой «новый мир», при этом разрушив «старый». Аккурат к майским праздникам была организована кампания повсеместной смены названий. Начали с улиц. Фундуклеевская стала улицей Ленина, Мариинско-Благовещенская отныне называлась улицей Пятакова, Бибиковский бульвар стал бульваром Шевченко — и дальше, веером по всему городу. Привычные названия с легкостью меняли в честь «героев революции», о многих из которых обыватели даже не слышали.

Потом взялись за памятники. Не задумываясь снесли монументы в честь Кочубея, Николая I, Александра II... Не угодил новым властям и установленный на могиле бюст Столыпина, и даже архистратиг Михаил, красовавшийся тогда на здании Городской думы, — его поменяли на звезду. На площадях появились новые идолы: памятники Карлу Марксу, Розе Люксембург, Якову Свердлову. Устанавливали их наскоро и временно, на фанерный постамент водружалось гипсовое изваяние. Подобных странных композиций в городе появилось несколько десятков, и жители, махнув рукой, перестали обращать внимание на чудачества новых властей. Самым же необычным сооружением стала возведенная неподалеку от Софиевского собора фанерная триумфальная арка. Здесь ежедневно проходили маршем красноармейцы киевского гарнизона, играл духовой оркестр, а рядом на деревянных тумбах наблюдали за происходящим гипсовые бюсты Ленина и Троцкого.

Архистратиг Михаил

Переименование улиц — самое безобидное, что могли сделать в Киеве большевики, детские шалости. А к приезду Троцкого нужно было совершить нечто запоминающееся. Реальное. Кровавое.

Л. Д. Троцкий

В Киеве начинается «красный террор». *«Мы должны убивать, чтобы не быть убитыми врагом,* — оправдывался руководитель Киевской ЧК Мартын Лацис в середине мая 1919 года. — *Это не*

убийство. Нет, это вынужденный поступок ради собственной защиты».

Врагов долго не искали. Согнали всех оставшихся в городе членов Клуба русских националистов и расстреляли в рамках подготовки к визиту Троцкого. Среди жертв оказались 64-летний профессор киевского университета Тимофей Флоринский, 56-летний Сергей Щеголев — врач, лечивший весь Киев, 69-летний профессор, геолог Петр Армашевский и еще около сотни чиновников, купцов, ученых и преподавателей, определявших внутренний и моральный уклад города. Киев остался без духовных авторитетов, без «цвета нации».

Популярный «мужской праздник» День защитника Отечества пришелся на 23 февраля. В советское время всех кормили байкой, будто бы именно в этот день только что сформированные части Красной армии наголову разбили германские войска под Псковом и Нарвой. Уже в постсоветские годы эта история заняла положенное ей место среди развенчанных мифов. Широкое распространение получила версия о том, что учредителем торжественной даты был Лев Троцкий (Бронштейн). В этом нет ничего удивительного, ведь официальное празднование 23 февраля началось с первой годовщины, в 1919-м, когда Троцкий был наркомвоенмором, то есть главой Наркомата по военным и морским делам, а заодно председателем Высшего военного совета и Реввоенсовета. Большевистские газеты той поры дружно называли его *«вождем Красной армии»*.

Так писали о нем и в майские дни 1919 года, когда Троцкий, объезжая войска и гарнизоны, посетил Киев. Наркомвоенмор приехал сюда 19-го утром. В тот же день он выступил на объединенном заседании ЦИК Киевского совета и партийных организаций, проходившем в Оперном театре. А потом вышел на балкон Оперы и обратился к толпе под зданием театра.

На следующий день «вождь» занимался своими прямыми обязанностями. В полдень принимал парад на Софийской площади, где уже стояли изваянные к Первомаю бюсты вождей — Ленина и его собственный. Перед двумя Троцкими — живым и гипсовым — прошли части киевского гарнизона, революционные матросы, отряды «интернационалистов-китайцев» и, наконец, сформированный из партийцев Коммунистический полк во главе с самим председателем Совнаркома Украины Христианом Раковским.

Плакат, напечатанный в Киеве
в 1919 году.
Из архива автора

Лев Троцкий выступил с речью прямо на Софийской площади, перед войском и киевлянами. Он даже не подозревал, что в этот миг находится на волоске от гибели. Так, по крайней мере, утверждал в своих воспоминаниях знаменитый Серж Лифарь. По его словам, среди юных фанатиков-антибольшевиков в Киеве созрел заговор.

Китайские красногвардейцы на площади Богдана Хмельникого.
1919 год

Один из них должен был, явившись на площадь, взорвать «демона революции» гранатой. По каким-то причинам это не произошло. Сам Лифарь, присутствовавший на том параде вместе с другими заговорщиками, признавал, что *«в резких, подчеркнутых чертах лица Троцкого было что-то необычное, дающее власть этому человеку над другими людьми»...*

Приведенные ниже фрагменты из выступлений Л. Троцкого схожи с сегодняшними, произносимыми «за поребриком».

«Советская власть есть не что иное, как сам организованный рабочий класс, олицетворение трудового народа. Если власть рабочих еще не поставлена на должную высоту, то это является следствием оставшейся от старого режима темноты и невежества масс».

«У нас нет теперь власти в буржуазном смысле слова. Буржуазия от власти прогнана железной метлой рабочих и крестьян. Не выручила буржуазию и ее хитрая механика парламентаризма, которым долгое время дурачили рабочих».

«Вам известно, товарищи, как трудна борьба с буржуазией, как трудно изменить ее привычки, уничтожить ее аппетиты. Вам это особенно известно, ибо здесь у вас, на улицах Киева, буржуазия не чувствует себя еще опрокинутой и представляет собою тот бульон, в котором усиленно развиваются микробы всяких заговоров».

«У нас и теперь имеются такие, которые говорят, что рабочим рано взять власть в свои руки, ибо надо им еще поучиться. Мы говорим, что рабочие должны учиться управлять государством и строить свою жизнь на новых коммунистических началах не в академиях, а на практике».

«Я уверен, товарищи, и ни на одну минуту не сомневаюсь, что руководимые вашим рабоче-крестьянским правительством, возглавляемым тов. Раковским, вы дружно и сплоченно подавите мятеж пьяного бандита (атамана Григорьева. — В. К.) и других прислужников буржуев и помещиков».

«Если отсюда будет брошен клич «Киев в опасности», то петроградские, московские, иваново-вознесенские и другие рабочие немедленно ответят: «Мы здесь!» У нас одна цель, общие интересы и один идеал».

«Между рабоче-крестьянской Россией и крестьянско-пролетарской Украиной не может быть никакой вражды. Общие усилия советских стран будут направлены к тому, чтобы больше не уступить никому наших советских территорий».

К ночи пламенный оратор отбыл в своем особом «поезде Предреввоенсовета», который служил ему домом на колесах в течение почти всей войны.

Это был, к слову, не первый приезд Троцкого в Киев. Он не раз бывал в нашем городе еще в царские времена. Так, в бурном 1905-м ему удалось прожить здесь несколько недель по подложному паспорту отставного прапорщика Арбузова — буквально под носом у киевских жандармов. Он часто менял

адреса, ради конспирации притворился даже пациентом глазной клиники — причем медсестра, не посвященная в революционные секреты, аккуратно делала ему впрыскивания в глаза.

Задолго до того, как на слуху у всей страны оказалась фамилия «Троцкий», многим в Киеве был хорошо известен другой псевдоним того же Льва Бронштейна. Выступая в ипостаси журналиста, Лев Давидович нередко подписывался «Антид Ото» (от слова «антидот» — противоядие). Такое имя он ставил в материалах на страницах «Киевской мысли». Самая популярная газета придерживалась либерального направления и пользовалась финансовой поддержкой «сахарного короля» Льва Бродского — богатейшего из киевлян. Благодаря этому «Киевская мысль» могла предложить популярному журналисту Антиду Ото довольно приличные гонорары и не боялась штрафов, которые то и дело накладывали власти за острые публикации. Троцкий был тогда политэмигрантом и считался ее заграничным корреспондентом. Позже он вспоминал: *«"Киевская мысль" была самой распространенной на юге радикальной газетой с марксистской окраской. Такая газета могла существовать только в Киеве, с его слабой промышленной жизнью, неразвитыми классовыми противоречиями и большими традициями интеллигентского либерализма».*

Дебютировав в этом издании в 1908 году, Лев Давидович печатался в нем вплоть до мировой войны, причем газетного заработка ему вполне хватало для сносной жизни. То были аналитические статьи, военная корреспонденция, очерки по литературе и искусству... Автор не дал всему этому умереть на страницах газеты, уже после революции нарком Троцкий составлял из своих публикаций тех лет тома, которые печатали советские издательства.

В 1920-е годы, когда многие исторические улицы Киева были переименованы в честь революционных вождей, новое поветрие коснулось и фамилии Троцкого. Ее присвоили бывшей улице Львовской. Но кое-кому этого казалось недостаточно. В мае 1926 года некий «рабочий-сахарник, беспартийный» направил в горсовет, Всеукраинский ЦИК и ЦК партии следующий документ (обнаружен Михаилом Кальницким в Государственном архиве Киевской области):

Плакат. Дени. 1937 год

«Вношу предложение переименовать город Киев — в гор. Троцкиев.

Гор. Троцкиев не будет более напоминать о мифическом Кие.

Гор. Троцкиев названием своим будет рассказывать трудящимся о той великой революционной работе, которую проделал тов. Троцкий на Украине в годы жесточайшей классовой борьбы по поручению ЦК РКП(б)».

Когда Петроград переименовали в Ленинград, появилось предложение изменить название планеты Ю-питер, на Ю-ленин.

Город Троцкий

Правда, инициатор уже должен был понимать, что незыблемый прежде авторитет Льва Троцкого к тому времени изрядно поколебался. Потому предусмотрительно подписался неопределенно: «Як. К-ский». Уже в следующем, 1927 году Троцкого исключили из большевистской партии, а имя предали анафеме и вычистили с карт советских городов. Киевскую улицу Троцкого вновь переименовали — в честь большевика Артема (Сергеева), погибшего в 1921-м в транспортной катастрофе. Ведь в его смерти обвинили... лично Льва Давидовича!

Американские асы в небе Киева

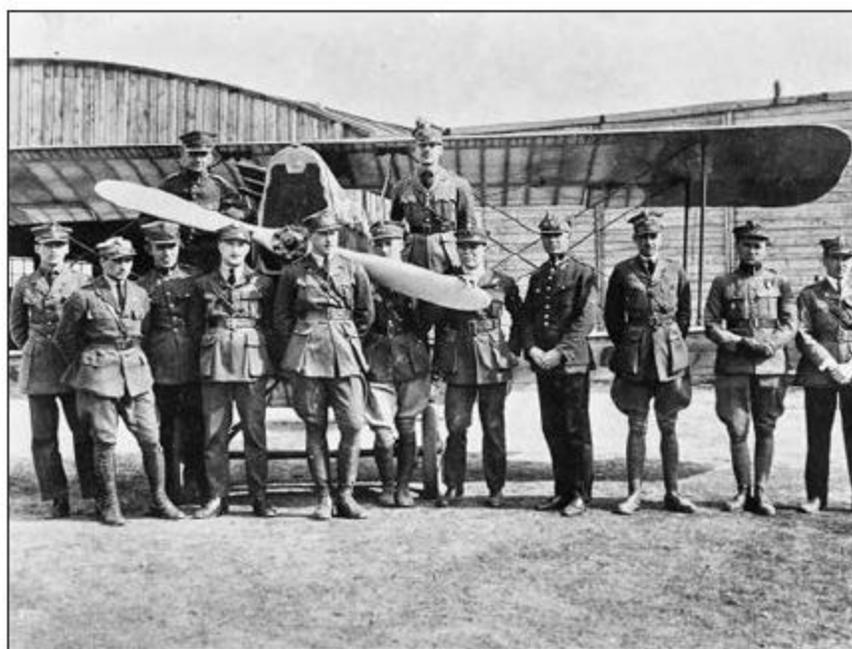
Одна из моих любимых историй — о том, что в освобождении нашего города от большевиков принимала участие американская эскадрилья. Впервые я узнал об этом, рассматривая открытку 1930-х годов с изображением памятника на братской могиле американских летчиков во Львове. По обе стороны фигуры пилота стояли бойскауты в галстуках и характерных головных уборах. Не обладая информацией, вначале только для собственного любопытства я, где мог, вел расспросы, листал периодику. В течение десятилетия не получил никаких результатов, пока не обратился к вездесущим коллекционерам Львова, Вильнюса, Кракова. И только тогда постепенно передо мной вереницей стали выстраиваться давнишние события. И чем больше я выяснял подробности, тем сильнее было желание узнать все до конца и, самое главное, поведать всем о подвиге добровольцев — американцев и французов, сражавшихся за нашу свободу.

Дело было в 1919—1920 годах, когда американцы, организовав свою собственную эскадрилью, воевали в польской форме вместе с украинскими войсками против Красной армии, в период так называемого 3-го похода Антанты.

Июнь 1919 года. Во время заключения Версальского мирного договора, по которому Восточная Галиция и Западная Волынь вошли в состав Польши, к премьер-министру Польской республики Игнацию Падеревскому и генералу Розвадовскому подошли два офицера. Это были летчики из США капитан Мериан Купер и майор Фаунт ле Рой. Они и предложили создать американскую летную эскадрилью в составе польской армии. Летчиков вдохновлял поступок Т. Костюшко и аристократа из

Украины К. Пулавского, приехавших в XVIII веке бороться за независимость Американских Штатов от Англии. В Вашингтоне им поставлены памятники. Руководители Польши встретили предложение с большим пониманием. А идейный вождь поляков Юзеф Пилсудский сказал по-военному коротко: «Покажите, что можете!»

При помощи главы американской миссии во Львове Гувера, люто ненавидевшего большевиков, была создана Боевая эскадрилья им. Тадеуша Костюшко. Костяком сформированного подразделения стали семь летчиков, ушедшие в отставку из армии США и приехавшие во Львов.

Эскадрилья им. Т. Костюшко. 1920 год. Из архива автора

Остальные присоединились несколько позже. Перечислим их поименно: полковник Цедрик Е. Фаунт ле Рой (Cedric E. Faunt le Roy), подполковник Мериан К. Купер (Merian C. Cooper), майор Джордж М. Крафорд (George M. Grauford), капитаны Артур Х. Келли (Artour H. Kelly), Т. В. Маккаллум (T. V. McCallum), Эдвард К. Копси (Edward C. Copsi), поручики Элиот В. Чес

(Elliot W. Chess), Карл Х. Кларк (Carl H. Clark), Эарл Ф. Эванс (Earl F. Evans), Томас Х. Гарлик (Thomas H. Garlik), Эдмунд П. Гравес (Edmund P. Graves), Дж. Инглис Мейтланд (J. Inglis Maitland), Кеннет М. Мюррей (Kenneth M. Murrau), Э. Х. Ноубл (E. H. Noble), Х. К. Рорисон (X. C. Rorison), К. О. Шреусбори (K. O. Shrewsbury), Джон К. Спикс (John C. Speaks) — всего 17 граждан США и пять поляков. 7-я эскадрилья совершила 462 боевых вылета, в воздушных сражениях провела 682 часа. Кроме французов, которых было 55 человек, воевали также летчики из других европейских стран: Бельгии, Англии, Италии — но под Киевом сражались только американцы.

Формирование 7-й эскадрильи происходило во Львове, на Левандовке. В первые дни летчики выполняли лишь учебные полеты, привыкая к новым для себя машинам «Альбатрос ДШ». Потом наиболее опытные начали проводить воздушную разведку. По трагической случайности из-за неполадки в моторе 22 ноября 1919 года погиб поручик Эдмунд Гравес (родился в Бостоне, штат Массачусетс, в 1891 году). Это была первая потеря, но она не сказалась на боевой обстановке в эскадрилье. Повсюду слышалась английская, польская, украинская речь. Рядом располагалась часть, где было много добровольцев из Франции.

После договора, заключенного 21 апреля 1920 года в Варшаве между правительствами Польши и Украинской Директории, была объявлена война Советской России. В сражениях на стороне польско-украинских войск принимали участие волонтеры из США, Франции, Италии, Англии и Бельгии. Обстановка на фронте была непростой, весь личный состав эскадрильи, изнывавший от скуки в львовских «кавьярнях», просился на фронт. Только после личного обращения к самому Пилсудскому в начале апреля их передислоцировали в маленькое предместье Полонное, где не было ни кафе, ни

прелестниц. Да и времени на них тоже не было. Подразделение перешло на боевой режим.

Американцы готовились к совместным действиям вместе с украинскими частями. Командование разрабатывало против Красной армии Киевскую операцию. Первые воздушные сражения начались под Чудновым. В отличие от польских летчиков, американцы здесь применили маневр, которому научились у английских асов: приблизившись на низкой высоте к цели, внезапно атаковать. Вскоре этому приему научились все эскадрильи и успешно применяли в борьбе с кавалерией.

Эффективные действия летчиков позволили занять Чуднов практически без потерь. На станции в панике бежавшие красные оставили много ценного имущества. Удачу под Чудновым удалось развить под Бердичевом. Сперва были сфотографированы укрепления и расположения неприятеля, а потом, после блистательных атак с применением пулеметов и точного бомбометания, и этот город был оставлен бежавшими в панике войсками. И снова победителям достались богатые трофеи.

Под Бердичевом пулей «дум-дум» был тяжело ранен в локоть поручик Э. Х. Ноубл. Его после ампутации руки отправили на родину. Из Бердичева эскадрилья переместилась в Белую Церковь, где после небольшой остановки на одном из киевских аэродромов, скорее всего Сырецком, расположилась стационарно.

Киев летчики полюбили, ибо скучали по оживлению крупных городов. Для прогулок по городу им предоставили шикарную американскую машину. На ней они ездили в центр по Святошинскому шоссе, там пили, пели, восхищенно показывали друг другу церкви и другие крупные сооружения, впервые увиденные еще с самолета. На Крещатике больше всего любили

кафе «Самадени», где чокались за здоровье своих друзей, а в церквях молили Господа о спасении от пуль и аварий.

Мериан Купер. Эскадрилья им. Т. Костюшко. 1920 год.
Из архива автора

Сегодня есть что вспомнить. Например, как под Киевом тройка самолетов под командованием капитана Купера, атаковав 3-ю и 16-ю эскадрильи красных, вылетевших из Черкасс и Ржищева, сорвала планы бомбардировки города и обратила противника вспять. Сражение происходило над Днепром, чуть ниже Корчеватого. Самая ответственная операция проводилась против кораблей, переправлявших войска через Днепр. Самолеты под командованием майора Крафорда пошли в атаку, почти касаясь воды. Истратив свой боезапас, повернули назад на аэродром. И тут они были атакованы, а один из них подбит. Раненые Копси и Рорисон еле избежали плена и чудом спасли машину, дотянув до украинских позиций. При помощи наших земляков они, перевязав раны, подлатали самолет. А через день, отдохнув, вернулись в расположение части к неописуемой радости потерявших всякую надежду однополчан.

Фронтные будни в стане эскадрильи, в Белой Церкви, тянулись, как густой кисель. Наконец эскадрилья получила новые итальянские самолеты «Балилла». Это произошло в один день с тревожным сообщением капитана Крафорда: совершив посадку, он взволнованно рассказал о больших скоплениях красной конницы. «Кажется, что во всем мире нет столько кавалерии, сколько там», — закончил он свой доклад командиру эскадрильи Фаунту ле Рою. Это подходила спешно переброшенная с Дона конница Буденного.

К этому моменту 7-я эскадрилья уже имела опыт ведения подобных боев и даже получила название «антикавалерийская». Сражения шли днем и ночью, постепенно перемещаясь под Белую Церковь, которую обложили буденновцы. Асы проводили неустанные атаки на кавалерию. Их встречали интенсивным огнем с земли, установив на тачанках пулеметы дулом вверх. В боях были ранены поручик Чес и два польских подпоручика — Сенковский и Вебер.

Утратив надежду задержать красные части под Белой Церковью, союзники отступили к Казатину. С аэродрома взлетали последними, без боезапаса, наблюдая за въезжающими в город с гиканьем кавалеристскими сотнями. Но и в Казатине не довелось передохнуть. Польско-украинскую армию от отчаянных конников Буденного и стремительных тачанок спасала только 7-я эскадрилья им. Костюшко. Уже сам американский флаг на фюзеляжах наводил ужас.

Проводя рекогносцировочный полет вдоль железнодорожной линии Казатин — Липовец, майор Фаунт ле Рой заметил, что один из летучих отрядов кавалерии, спешившись, закладывает мины под шпалы. Это была одна из самых оживленных тыловых линий. По ней к заминированному месту двигался состав. Командир эскадрильи стал совершать предупредительные виражи перед поездом, делал всевозможные знаки, требуя

остановиться. Состав встал, и рядом приземлился самолет. Майор указал место засады. Так был спасен 19-й полк пехоты, ехавший на фронт. Впоследствии Фаунту ле Рою, уже полковнику, маршал Пилсудский собственноручно вручил орден «Вертути Милитари», означающий «Боевая Доблесть».

Во время непродолжительной передислокации из Казатина в Бердичев летчики увидели опасный прорыв буденновской конницы, оказавшейся в 20-ти километрах от Житомира. Своевременное предупреждение спасло от плена весь штаб генерала Листовского, успевшего покинуть этот город, захваченный спустя несколько часов.

Даже спустя 90 лет кажутся фантастикой действия летчиков в Бердичеве. Капитаны Купер и Крафорд летали на изрешеченных машинах, сквозь пули и осколки снарядов, не переставая атаковать кавалерию, прикрывая перелет своих однополчан в Звягель (ныне Новоград-Волынский). Не обошлось без потерь: были отправлены в госпиталь Ноубл, Чес, Рорисон и другие. Смертельная усталость асов и критически поврежденные самолеты заставили армейское руководство перевести эскадрилью на заслуженный отдых во Львов.

Но отдыхать, увы, долго не пришлось. Уже 13 июня 1920 года 1-я Конная была под городом. Для борьбы с авиацией военспецы красных придумали «ложные» отряды кавалерии. На участке Луцк — Дубно — Ровно они специальными приспособлениями типа «борона» поднимали тучи пыли, среди которых можно было заметить тачанки с укрепленным по центру колесом, на котором был установлен крупнокалиберный пулемет. Это было грозное оружие против авиации — потери пошли одна за другой. 26 июня не вернулись из боя и капитан Купер, получивший ранение и попавший в плен, и поляк капитан Цесарский, только прибывший в эскадрилью; погиб капитан Артур Келли.

Келли совершал разведывательный полет на участке Луцк — Клевань. В тот день чудом спасся только Фаунт ле Рой, на последних каплях бензина долетевший до своих позиций. Капитан Крафорд при вынужденной посадке был атакован отрядом казаков. Разгорелось целое сражение. Сверху летчика прикрывал пулеметными очередями капитан Копси, не подпуская врагов к своему товарищу. Эти несколько минут дали возможность Крафорду сменить сальник и взлететь над приближавшимися к нему галопом всадниками.

Вскоре после перевода Фаунта ле Роя на должность командира 3-го дивизиона командовать американской эскадрильей стал капитан Крафорд. Восторгаясь подвигами американцев, генерал Розвадовский отсылал депешу за депешей во славу заокеанских союзников, вернувшихся в свое первоначальное расположение на Левандовке. Все осталось как прежде, изменилось только название подразделения — 3-я Охотничья эскадрилья. В последние дни августа 1920 года погиб капитан Маккаллум. Во Львове закончился боевой путь героев-американцев, которым руководители стран-союзниц, Украины и Польши, Симон Петлюра и Юзеф Пилсудский передали: *«Поклон вам, американские летчики»*.

Ветераны, бывшие добровольцы никогда не забывали свой боевой путь. На десятилетие эскадрильи прибыл в Украину капитан Копси. Приезжали американцы и на открытие памятника своим трем погибшим товарищам во Львове. Их похоронили с подобающими почестями на примыкающем к Лычаковскому Военном кладбище. Среди тысячи могил польских солдат и офицеров восстановленного после разрушения в 1960-х годах мемориала — памятника Славы защитникам Львова — нашли свое место монументы французским пехотинцам и американским летчикам.

Памятник американским летчикам оказался особенно примечательным и удачным: во весь рост фигура пилота с крыльями Икара на фоне символического треугольника. Надпись на английском и польском языках гласила: *«Погибшим американцам, защищавшим Польшу в 1918—1920 годах»*. Ниже шли имена и звания, даты рождения и смерти трех погибших. Создатели памятника — скульптор Юзеф Старжинский, архитектор Юзеф Розинский, инженер Юзеф Кадзеровский. Памятник был сооружен на деньги польской общины города Чикаго и торжественно открыт 30 мая 1925 года в присутствии однополчан погибших, гостей из США, польских военачальников, представителей посольства США.

В 1963 году ночью памятник разрушили. Осталось самое массивное основание, что не удалось наспех сломать. По этим остаткам я смог сориентироваться и точно определить место могил американцев. Но то, что я увидел, стало для меня шоком. На месте захоронения стоит собачья конура, никто, кроме работников кладбища, там не ходит. Неужели нам безразличны эти трое американцев, чьи останки находятся в оскверненном нами месте?! Прах молодых защитников свободы — нашей свободы! — взывает к нам. Они сражались и погибли за Украину, а мы?.. Стыдно и больно!

Напомню их имена:

капитан Мериан К. Купер (Merian C. Cooper)

капитан Артур Х. Келли (Artour H. Kelly)

капитан Т. В. Маккаллум (T. V. McCallum)

* * *

При поляках была создана номинальная украинская власть под началом Петлюры, но украинское правительство так и не переехало из Винницы в Киев. Министры просто не успели. Сам

С. Петлюра совершил визит в Киев всего на пару дней, так что сотрудничества не получилось. Поляки оставили Киев 12 июня 1920 года, и так состоялся последний, **14-й киевский переворот**. А уходя из города, поляки на прощание взорвали все четыре киевских моста через Днепр: красавец Цепной мост, два железнодорожных моста и деревянный стратегический мост, который находился приблизительно на месте нынешнего моста Патона. Были также сожжены несколько значительных зданий в городе — в том числе генерал-губернаторский дворец, который служил резиденцией гетману Скоропадскому.

Не удивительно, что первым лозунгом вернувшихся в город Советов стал *«Все на восстановление мостов!»*. Что вскоре и было выполнено. С этого момента начались большевистские будни, которые уже фактически ничем не прерывались. Все производство было национализировано, оставлены только какие-то мелкие кустарные лавки, жизнь забюрократизировалась, возникла страшная дороговизна, нищета, антисанитария, продукты отпускались, в основном, по карточкам, которые получали далеко не все, — в общем, незавидная городская жизнь.

С водой были большие перебои. Имеются воспоминания, согласно которым вода подавалась эпизодически — причем в некоторых районах города специально сигнализировали, что вода в водопроводе уже есть; в значительной части Киева имелись колодцы, так что там обходились как-то, а в другие районы воду развозили в бочках.

К чести большевиков следует отметить, что они все-таки умели не только ломать, но и строить. Как известно, *«весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...»*. А затем все-таки *«мы наш, мы новый мир построим»*. Так вот, задача построения нового мира — в том виде, в котором большевики его видели, конечно, — по большому счету была решена. Если мы говорим о

1927-м, 1928-м и последующих годах — периоде индустриализации, коллективизации, — то, как бы мы ни относились к большевикам, а надо признать, что экономические достижения были немалые. После сворачивания политики НЭПа в экономических отношениях разверзлась яма, и достаточно глубокая, но в последующие годы город из этой ямы все-таки в меру благополучно выбрался.

21 апреля 1921 года в городской Совет были избраны 956 депутатов, из них по партийной принадлежности: 759 членов КП(б)У, 3 члена УКП, 21 эсер, плюс меньшевики и анархисты.

Пожалуй, последним отголоском революции стала попытка большевиков ввести новое летоисчисление — на французский манер времен Великой их революции: годы было предложено считать не от Рождества Христова, а от революции. И сохранились киевские газеты, датированные четвертым годом революции, который начался в ноябре 1920 года. Однако это новшество продержалось очень недолго, буквально месяц. Вскоре вернулись к старому летоисчислению и жизнь пошла далее своим чередом. Потом еще предлагали, как французы при Робеспьере, переименовать месяцы в термидоры и т. п., а летоисчисление начать с «Залпа Авроры». Но киевляне эти нововведения лишь высмеивали, откровенно подшучивая.

Большевики продержатся в Киеве еще 70 лет с небольшим перерывом... Во все времена, и сейчас тоже, предпочтением среднестатистического аполитичного киевлянина была какая угодно власть, лишь бы она нас не трогала. И, как экспериментально выяснилось — назовем это так — ни у одной власти, помимо большевиков, *не было сил*, чтобы удержаться.

Большевики, кроме силы, удержались умными лозунгами, потому что были прирожденными популистами и знали, как привлечь народ на свою сторону. А, скажем, в воспоминаниях

белогвардейцев и сочувствующих им — того же Шульгина — читаем покаянно-высокоинтеллектуальные романы о том, что мы, дескать, не смогли найти общий язык прежде всего — с деревней и, в конечном счете, — с городом... А погромы, налеты, грабежи (неслучайно Добровольческая армия заслужила прозвище «грабьярмия»); а те же массовые расстрелы; а та же самая фильтрация-люстрация, которая ничем не отличала их от большевистских банд?.. Все это оттолкнуло от белогвардейцев прежде всего настоящих офицеров, которым такие методы были противны.

Ленин — всегда живой?

Дискурс об истории XX века, касающийся не только Киева, но и всего мира, вращается вокруг нескольких личностей, политических гениев-злодеев: Ленина, Сталина, Гитлера... Как-то не хочется добавлять сегодня четвертого... Только Сталин бывал в Киеве мимоходом, от остальных Бог миловал! Но от их деятельности мой Город, как и вся моя Родина, пострадали более всего. Об этих «демонах» исторического процесса созданы сотни томов, увековечивших их имена, и всего лишь несколько десятков статей, показывающих злобно-сатанинскую сущность Ленина, Сталина, Гитлера.

О Владимире Ленине в последнее время было написано немало разоблачительных материалов, я повторяться не буду. Для некоторых читателей это свержение идола стало шоком. Особенно для старшего поколения, искренне идеализировавшего Ленина и верившего, что был на земле такой самый добрый и душевный человек («все лучшее — детям!»). Это разрушение непререкаемого авторитета, падение веры, сродни предательству значительной части своей души, были слишком жестокими. Но что же делать, если на самом деле Ленин был жестоким тираном и своими приказами требовал расстреливать или решать вопрос своевременной зарплаты на заводе «путем сокращения количества едоков»...

В России насчитывается около 1800 памятников Ленину и до двадцати тысяч бюстов. Более пяти тысяч улиц носят его имя. Во многих городах скульптуры Владимира Ильича возвышаются на центральных площадях. А ведь если бы люди знали о «великом вожде» всю правду, эти памятники давно оказались

бы на свалке. Что сделали — и справедливо! — в последнее время в Украине.

Вождь ненавидел и громил Русскую православную церковь. Так, в день Николая Чудотворца, когда нельзя было работать и велось разбирательство по поводу сорванной не явившимися на субботник погрузки дров в вагоны, Ленин подписывает приказ от 25 декабря 1919 года с гневной резолюцией: *«Мириться с «Николой» глупо, надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за “Николы”».*

В то же время Владимир Ильич весьма лояльно относился к католичеству, буддизму, иудаизму, мусульманству и даже к сектантам — короче, ко всем конфессиям, кроме Русской православной. В начале 1918 года он вообще намеревался запретить православие и заменить его католичеством.

В своем письме к Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 года «вождь мирового пролетариата» настаивал на необходимости использовать массовый голод в стране, дабы обобрать православные храмы и расстрелять при этом как можно больше *«реакционных священнослужителей»!*

Мало кто знает о ленинском документе от 1 мая 1919 года за номером 13666/2, адресованном Ф. Дзержинскому. Вот его содержание: *«...необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады».*

Сегодня медики подтверждают, что у Ленина наблюдались психические отклонения. Но широкая общественность давно заметила, что лидеры СССР и России страдают от них постоянно!

Грицько Чупрынка — поэт и борец с большевиками

«Чтобы узнать, что должно случиться, достаточно проследить, что было. Это происходит от того, что все человеческие дела делаются людьми, которые имели и всегда будут иметь одни и те же страсти и поэтому неизбежно будут должны давать одни и те же результаты».

Никколо Макиавелли

Никколо Макиавелли считал важнейшей движущей силой истории политическую борьбу, а способом прогнозировать будущее — изучение истории.

Имя этого поэта-воина в качестве псевдонима взял командующий УПА 1940-х годов генерал Роман Шухевич. Но по сей день в столице Украины нет улицы его имени и, как ни прискорбно, нет памятных знаков в тех местах, где жил и творил поэт. Только в 1996 году он был реабилитирован Киевской областной прокуратурой.

Чупрынка Григорий Аврамович (27 ноября 1879 г., с. Гоголев, Остерский уезд Черниговской губернии — 28 августа 1921, г. Киев) — поэт, писатель, революционер, социалист и, прежде всего, патриот.

Григорій (Грицько) Чупрынка

Родился в семье местных русинов-«руських», казаков Поднепровья с деда-прадеда. С детства воспитывался в казачьей среде Приднепровья, демонстрировавшей умения в разных областях народного творчества, впитывал рассказы и истории из славного, героического прошлого Украины.

Обучался в Гоголевской народной школе, а потом в Киевской и Лубенской гимназиях. Молодость Чупрынки пришлась на годы господства социалистических идей в украинской общественной мысли. Как и большинство тогдашних поэтов Приднепровья, Чупрынка начал писать стихи на русском языке, так как на родном языке свои произведения ему было негде публиковать. *«Грицько зразу в наше життя вніс дух непокори, протесту, бунтарства, навіть анархічності й бурлацтва, — вспоминал его товарищ по гимназии Микола Галаган. — Став верховодити на квартирі та в гімназії, де був організатором різних акцій проти начальства й протестів проти суворих правил. Учителі просто боялися викликати його до дошки — щоб не потрапити в якусь неприємну історію з “отчаянним сорвіголовой”».*

Чупрынка на выпады в его сторону неизменно отвечал стихотворными каламбурами или сатирическими стихами. Как-

то из села приехал его отец в колоритном жупане. Гимназисты начали посмеиваться. Тогда Грицько Чупрынка *«з усією своєю нестриманістю й безоглядністю»* морально поставил на место своих обидчиков, гордо заявив, что они с отцом наследники казацкого рода и не дадут себя в обиду.

Григорий Чупрынка был влюблен в Елену Ниговскую — учительницу начальных классов Гоголевской школы, которая работала там с 1912-го. Он заходил к ней домой, садился на маленькую табуреточку и говорил: *«Вы царица моего сердца, я сяду возле Ваших ног и прочитаю Вам свои новые стихи»*, — рассказывала впоследствии учительница, на то время несколько опасавшаяся страстного молодого кавалера. Немало своих творений Чупрынка посвятил именно ей.

С 1905-го до 1907 год Чупрынка входил в состав Гоголевского и Требуховского комитетов РСДРП, находился под особым надзором полиции, несколько раз был заключен в Лукьяновскую и Смоленскую тюрьмы и лишен права въезда на Черниговщину. *«Вірний своїй вдачі, — писал про Чупрынку Владимир Дорошенко, — що не терпіла утертих шляхів та не зносила громадської дисципліни, жив він правдивим бурлакою. Мешкав в якихось сумесних квартирах, де займав один з кутів. Водив компанію здебільшого з «бувшими людьми» по різних чайних та глухих куточках на Деміївці або на Подолі. Мав там серед злодіїв та проституток знайомих і приятелів, що любили його і називали нашим поетом. Відкидаючи з огидою облудний і фарисейський світ «приличних людей» за його неправду і низькопоклонство, почував себе Чупрынка добре лише на дні»*.

Именно в этот период Грицько Чупрынка написал наиболее удачные поэтические циклы, а 13 мая 1907 года в киевской газете «Рада» опубликовал свое первое стихотворение на родном языке под названием «Моя кобза». Однако народнический период прошел для поэта довольно быстро, и

уже с 1909-го началось сотрудничество с журналом «Украинская хата» — центром украинского модернизма, на страницах которого он высмеивал в стихах склонность народнических поэтов к «перлам драгоценным» и «красноречивым словам».

Пятилетняя полемика между «радянами» и «хатянами» была элементом поиска украинскими интеллектуалами путей модернизации общества. Центральным пунктом разногласий был выбор принципов национального возрождения: верность традициям, культурничество и федерализм, предлагаемые народниками, — или принципы модернизации, западничества и ориентации на независимость, которых придерживались модернисты. Эта классическая украинская коллизия получила также ожидаемое решение — бдительные стражи российского самодержавия дали указание закрыть одновременно оба издания. Поэзия Г. Чупрынки имеет все основные признаки символизма. Достаточно привести только названия самых известных его книг: «Огнецвіт», «Метеор», «Ураган», «Сон-трава», «Контрасти». Он называл себя «эстетом» и в своем воспевании красоты и греховности, в противопоставлении поэта толпе был близок к любимым им Бодлеру, Верлену, Рембо и Бальмонту.

С началом украинской революции Чупрынка записался в 1-й Украинский казачий полк, а с первых дней 1919 года руководил повстанческими отрядами на Черниговщине. Его авторитет среди крестьян был громадный. По первому призыву они вступали в отряд «атамана Григория Аврамовича». Киевским чекистам удалось в августе схватить Чупрынку. Возможно, тогда Грицька спасло от расстрела ходатайство писателей группы «Музагет» и заступничество наркома образования Олексы Шумского, который лично обратился к председателю Всеукраинского ЧК Мартыну Лацису с призывом учесть особые заслуги Чупрынки как поэта. Отступая из Киева, большевики

перевезли его в подмосковный Кожуховский концлагерь. Через два года он был освобожден по амнистии, вернулся в Киев, но не смирился духом.

В 1921 году Григорий занимался налаживанием контактов между подпольными группами и партизанскими отрядами, сформированными на контролируемой большевиками территории, согласовывая свою деятельность с правительством УНР. Как участник военного съезда атаманов Холодного Яра он вскоре, в августе 21-го года, был арестован Киевским ЧК и 28 августа расстрелян вместе с Иваном Андрухом за попытку *«установления Украинской Народной Республики против воли рабочих и крестьян»*. Документы с датой исполнения приговора на сегодняшний день не найдены.

В печати Г. Чупрынка дебютировал в 1907 году, регулярно печатался в журнале «Українська хата». Широкому читателю он запомнился как автор сборников стихов «Огневіт», «Метеор», «Ураган» (1910), «Сон-трава», «Білий гарт» (1911), «Контрасти» (1912), поэмы «Лицар-Сам» (1913), а также литературно-критических статей и рецензий.

Григорий Чупрынка не имел и не имеет на сегодняшний день так много ценителей его таланта, как, например, поэты Антонич или Плужник, тем не менее привлекает внимание исследователей, пытающихся обозначить его место в сложном и неоднозначном украинском литературном процессе XX столетия. Академик Николай Жулинский совершенно справедливо считает Чупрынку поэтом переходной эпохи, исследователи еще ищут эпитеты, которые четко подчеркнули бы его роль и место в украинской литературе.

Творческую струну поэта, как и в судьбе многих талантов, оборвала подлая чекистская пуля, его песнь осталась до конца не спетой. Тем не менее Грицько Чупрынка — один из творцов украинской литературы нового времени, его стихи размещены

на страницах хрестоматий и учебников. Оценки и оценщики, комментаторы сменяют друг друга, ориентируясь на флюгер политических процессов, а литература остается. И в ней всегда останется место для светлого поэта, который любил «убогі села», свой «рідний край, такий веселий, такий сумний», останется память о Чупрынке.

* * *

Как профессионального историка меня радует, что мои коллеги за последние 30 лет провели большую и кропотливую работу по реанимации истории Украины, освобождения ее от тенденциозных наслоений истории СССР, построенной на мифе о Великой Октябрьской социалистической революции. Избавление от советской мифологии, угнездившейся в сознании многих людей, происходило не в академической кабинетной тишине, а в жестокой, беспощадной борьбе. Еще недавно в Верховной Раде заседала фракция коммунистов, и до сих пор официальные российские историки упорно не хотят признавать факт существования Украинской революции, твердят про единственную Русскую революцию с небольшими региональными особенностями, про гражданскую войну на классовой основе.

Утверждение в современной исторической литературе термина «Украинская революция» опирается прежде всего на определение лидеров и первых историков революции: М. Грушевского, В. Винниченко, П. Христюка, Д. Дорошенко. Современные исследователи делают акцент на принципиальных отличиях Украинской и Русской революций. Если для последней главной целью была монополизация власти, то для первой — государственное строительство и демократические ценности. Это задания разной сложности! Одно дело захватить власть и с

помощью террора использовать старые государственные институты и их кадры и совсем другое — создавать государство с чистого листа. Прошел достаточно долгий срок, чтобы вынести из исторической памяти массу вторичных событий, отобрать и оставить в ней только самые важные, над которыми время не имеет власти.

Рожденная распадом российского империализма, Украинская революция в процессе своего развития приобрела выразительные формы, преобразовалась в феноменальное явление XX века, оставившее глубокий след в сознании народа, и стала источником государственных стремлений нескольких грядущих поколений.

Революция была вызвана рядом факторов: в первую очередь желанием народа реализовать свое естественное право на национальную и государственную самостоятельность. Ее идеология сформировалась на фундаменте европейских демократических ценностей, а государственные стремления стали стержнем Украинской революции. По ее ходу было испробовано несколько моделей национальной государственности: демократическая (Украинская Народная Республика), консервативная (Украинская Держава гетмана П. Скоропадского), левodemократическая (Украинская Народная Республика времен Директории), либерально-демократическая (Западноукраинская Народная Республика).

Кто-то во время гражданской войны сказал: «Не трогайте проституток, артистов и извозчиков — они служат любой власти». Я бы добавил в этот перечень и журналистов. В советской и современной российской литературе понятия «революция» и «гражданская война» тесно взаимосвязаны. Современная историография фактически отказалась использовать термин «гражданская война» в контексте событий Украинской революции, мотивируя свой отказ отсутствием

масштабной внутренней войны на идеологическом основании. УНР приходилось вести оборонные военные действия исключительно на своей территории против вооруженной экспансии армий неукраинского происхождения. Что происходит и сегодня на востоке страны.

Отличительной чертой революции было противостояние с Россией. Народам Украины приходилось бороться за свои права в соперничестве с российскими политическими силами разных социальных направлений, которые в едином порыве мыслили категориями *«единой и неделимой»*. По ходу революции произошло несколько российско-украинских войн — как с «красной», так и «белой» Россией. В конце концов Украина была захвачена и оккупирована Красной армией. Сражения с большевиками продолжались несколько лет, и война эта уже тогда носила признаки *«гибридных войн»*. Кремлевские верховоды на словах признавали право наций на самоопределение, при этом требуя перевыборов Центральной Рады по собственному сценарию. Создавали свои карманные *«радянські уряди України»*, на помощь которым посылали армейские силы, подпольно организовывали вооруженные восстания, вели подрывную работу среди украинского политикума при помощи левых элементов. На захваченных украинских территориях устанавливали жестокий оккупационный режим, в основе которого был *«красный террор»* и политика *«военного коммунизма»*, прикрывавшая банальный грабеж.

Поражение Украинской революции вызвано внешними обстоятельствами, у ее главных лидеров не было понятия управления государством, зато налицо отсутствие единства, профессиональных менеджеров, опытных военных специалистов. Однако, во избежание огульно критического восприятия результатов революции, нам всем желательно

помнить, что у истоков революции стояли первопроходцы государственного строительства, которые согласились на невероятно трудное задание во благо народа, не считаясь с собственными интересами. Негативный опыт — это тоже опыт, который дорогого стоит. В конечном итоге без событий 1917—1921 годов не было бы и сегодняшней Независимости.

Несмотря на потерю в конце 1920 года государственности, революционный потенциал народа не был исчерпан. Он проявился в массовых антикоммунистических выступлениях. Движение за независимость было не локальным явлением и не ограничилось 1921 годом, затухание революционного подъема было постепенным, а ряд процессов на этом пути стали необратимыми. Прежде всего это касается массового сознания. Так, в середине 1920-х органы НКВД фиксировали даже в самой обывательской среде неоднократные вспышки пропетлюровских настроений. В Украине развернулась масштабная дискуссия о направлениях развития украинской культуры. Ее суть была ярко выражена лозунгом Н. Хвелевого «*Геть від Москви!*». И подлое убийство С. Петлюри (вроде бы за «*покровительство погромам*»), организованное советскими спецслужбами, и Голодомор, и судебные расправы над украинской интеллигенцией 1930-х стали расплатой за революционную непокорность.

История революции, освещенная академически или популярно, в школьных или вузовских учебниках, показанная в литературе или кино, а особенно в публичном, медийном пространстве — это громадный ресурс мобилизации нации, формирования национальной идентичности. Не стоит и нельзя им пренебрегать!

* * *

Здесь позволю себе отдельно остановиться на своем собрании материалов об украинском государственном строительстве и борьбе украинцев за независимость. Напомню: я употребляю этнографический термин «украинцы» в широком смысле: не конкретный этнос, а все народы, объединенные проживанием на территории Украины и мечтой о построении своего независимого и процветающего государства.

От отца у меня польско-украинская кровь, а мама — из донских казаков, и, хоть в паспорте был записан русским, но уже 35 лет собираю все, что связано с борьбой за независимость и государственность Украины и украинцев. За последние два десятилетия провел почти полсотни выставок «Державотворення та Незалежність України», на которых бесплатно экспонировал свою коллекцию из более чем тысячи уникальных предметов: плакатов, книг с автографами лидеров национально-освободительного движения, открыток, фотографий, пластинок, листовок 1915—1930-х годов. И не только экспонировал, но и «давал почитать». Часть экспонатов не вернули, часть попортили...

Вопрос, что я с этого имею, неуместен, потому что цель состояла в другом, но я отвечу. Получил пару грамот районного масштаба. Но мой порыв не утих с годами, я — «вічний експозиціонер»! Уже несколько лет мечтаю создать или хотя бы принять участие в создании Государственного музея борьбы за Независимость Украины. Но власти предрержающим это не нужно... Кричать «Слава Украине!» могут многие, а вот неустанно работать на воспитание патриотизма и национальной идеи — преступно мало!

Но и один в поле воин — правда ведь?..

Уже более 10 лет я собираю все, что связано с моим любимым историческим персонажем — Иваном Мазепой. Сейчас в коллекции более 500 предметов начиная с XVIII века... Но показать в Украине это собрание у меня возможности нет. Никому не нужно! Моя экспозиция, посвященная Славному Гетману, с успехом демонстрировалась в Ленчопинге (Швеция), в Украинском музее (Нью-Йорк) — возил экспонаты за свой счет. Но только не в моей родной стране, только не в родном Городе...

Вспоминаю, какая была волокита с Комитетом по перемещению культурных ценностей, забравшая немало здоровья и денег! А ведь Мазепинская коллекция находится у меня дома и только и ждет пробуждения национального сознания у власти! Эх, тяжелая это работа — тянуть интеллигента из болота...

Масоны в Киеве и окрестностях

На протяжении последних ста лет устоялось и упрочилось мнение, к Февральской революции в Петрограде и Украинской революции в Киеве были причастны масоны. Об этом я уже упоминал в томе «Киев капиталистический». Да и о возникновении и распространении масонства в России в целом уже немало рассказал в своих предыдущих книгах. Так что перейдем сразу к историческому периоду, которому посвящен этот том.

Как известно, с 1822 года масонские ложи, согласно указу Александра I, были запрещены, что лишь придало заседаниям флер таинственности, которого, признаться, масонам, не лишенным романтизма, так не хватало. Только массовые репрессии, произведенные после мятежа на Сенатской площади и восстания Черниговского полка, руководимого братьями-масонами, на долгие годы опустили плотную завесу между обществом в целом и деятельностью тайных обществ.

Воскресает же, становится на ноги и практически выходит из подполья киевское масонство — в беспокойное время начала XX века. И здесь наиболее характерной иллюстрацией стала история масонской ложи «Гизбар».

В 1914 году студент историко-филологического факультета Киевского Университета Св. Владимира Евгений Владимирович Крамаренко — сын врача, работавший над вопросами эсхатологии, ранее принимавший участие в нескольких оккультных организациях (в которых состояли Александр Константинович Анохин и другие известные особы), — решил основать в Киеве орден «Гизбар» и тем продолжить традиции

тамплиеров. Крамаренко считал себя реинкарнатом (перевоплощением) Жака де Моле².

² *Жак де Молé* (фр. *Jacques de Molay*; между 1244 и 1249—1311 или 18 марта 1314) — двадцать третий и последний Магистр ордена Тамплиеров. — *Прим. ред.*

В Ордене состояли преимущественно студенты разных вузов: русские, украинцы, поляки, евреи, немцы. В 1915 году на период Первой мировой войны Киевский университет эвакуировался в Самару — переехали 20—30 человек из Ордена, часть же осталась в Киеве (таким образом, в Самаре был основан филиал Ордена).

Орден ставил перед собой глобальные цели реинкарнации человека и установления Мирового Братства, для реализации этих планов в Киеве планировалось построить Храм-Университет. Члены Ордена обладали своими плащами и головными уборами. Было установлено 9 ступеней (степеней) восхождения к просветлению (магистр стоял на 4-й ступени — эконт), из которых выделялись две: рассмотрения (*consideratio*) и жертвы (*sacrificatio*); основные же семь шли в такой последовательности: рыцарь, мист, адепт, эконт, маг, пресвитер Храма, брокер. После возвращения в Киев в ордене Св. Владимира был уже отработан точный ритуал. Магистр Крамаренко выдавал участникам мантрамы, они знакомились с нужной литературой, получали ряд этических и мистических разъяснений.

Деятельность ордена «Гизбар» осуществлялась беспрепятственно благодаря личности Крамаренко. Нельзя не удивляться его биографии: одно время даже служил большевикам, будучи военным комиссаром в одной из дивизий Красной армии. В Самару он не поехал, остался руководить в Киеве, а Орден со временем переехал с улицы Марино-Благовещенской на Осиевскую.

У Ордена была своя общинная организация жизни — все общее, имущество и питание. Почти все общинники обучались медицине, все работали на Орден. Финансовый совет решал, кто и сколько должен вносить. На этих началах Орден просуществовал с 1914 года 7 лет и 4 месяца. При первом приходе большевиков в Киев Крамаренко арестовали, но вскоре выпустили. После революции Крамаренко работал в военкомате (на Жилянской улице), в Ордене на то время состояло около 80 человек. К Сергею Константиновичу Моркотуну и Александру Константиновичу Анохину приходили с обыском, однако ничего не нашли и от них ничего не узнали — Орден оставили в покое, так и не разобрав, кто там старший. А старшим был Моркотун.

В 1921 году Крамаренко и многих других снова арестовали, но через несколько дней всех освободили. Крамаренко не мог сдерживать ликования: ему поручили написание монографии про все религии бывшей Российской империи. Наверх часто доносили о разных орденах, поэтому власти нужны были подробности.

В декабре 1921 года Крамаренко умер от тифа, которым заразился в тюрьме. Орден распался. Большая часть его членов уехала в Ташкент, где с гизбаритами работал сотрудник ГПУ Андрей Станишевский. В итоге члены ложи сожгли книги и атрибуты Ордена, часть киевлян уехала в Брянск, а Сергей Моркотун вывез за границу все масонство, остававшееся в Киеве.

Скажем несколько слов об этой легендарной, но очень неоднозначной личности. Сергей Моркотун родился 15 июля 1893 года в Санкт-Петербурге в семье доктора медицины Константина Моркотуна и Лидии Орловской, дочери настоятеля Десятинной церкви в Киеве. После гимназии он продолжил учебу в Киевском университете на историко-филологическом и юридическом факультетах.

По личной рекомендации знаменитого оккультиста-розенкрейцера Папюса Моркотун был принят в Шотландскую ложу и появился вновь в Киеве в 1917 году как руководитель ордена мартинистов, имея 18-й градус масонского посвящения и будучи кавалером ордена Розового Креста. Такой чести С. Моркотун был удостоен в немалой степени благодаря своему отцу, который был личным врачом царской семьи и помимо этого занимал высокое положение, имея в Киеве недвижимость.

Сергей Моркотун

Получив назначение на должность начальника милиции Юго-Западной железной дороги, Сергей Моркотун основал тайную франкофильскую политическую организацию «Молодая Украина», в которую вскоре вступили Симон Петлюра и Павел Скоропадский. Тогда же он привлек к работе в движении поэта Максимилиана Волошина. Прийдя к власти, в 1918 году гетман Скоропадский назначил С. Моркотуна личным секретарем, так как был уже давно дружен с его отцом и обязан спасением собственной жизни его матери.

Сергей Константинович снискал себе репутацию искусного дипломата, ездил в Берлин на переговоры с кайзером Вильгельмом и, пользуясь масонской властью, уговорил

гетмана выпустить арестованного С. Петлюру, а позднее, когда в Киев вошли войска Директории, запретил преследовать свергнутого гетмана. Почувствовав, что Петлюра претендует на масонское лидерство, С. Моркотун опубликовал открытое письмо, в котором обвинил того в узурпации должности «великого мастера», которая нужна ему лишь для укрепления своей власти. Более того, он направил в Великую ложу Франции записку, в которой говорилось о преобладающем в Украине влиянии Германии и Ватикана — давних врагов французской масонерии.

В Париже, куда С. Моркотун отбыл в 1919 году, им был создан Украинский Национальный Комитет, издававший журнал *La Jeune Ukraine*, и от имени этого Комитета участвовал в переговорах с генералом П. Врангелем в 1920 году. Будучи секретарем Объединения славянских масонов, в мае 1922 года С. Моркотун снова отправился в Украину, где вел секретные переговоры с Председателем Совнаркома Х. Раковским, после которых некоторые представители эмиграции стали подозревать его в связях с ГПУ. В конечном итоге Моркотун заключил с Раковским сделку: Украинский Комитет выступит с декларацией в пользу Советской Украины при условии, что ему, Моркотуну, хорошо заплатят и назначат посредником между Москвой и Францией в торговых делах (речь шла даже о его назначении торгпредом в Париже).

Раковский согласился, в Моркотуне он видел высокие связи, большие возможности и умение ладить с людьми. А главное — Раковский считал, что в то время, когда большевики только начинали выходить в Европу, люди вроде Моркотуна будут иметь большую ценность. Согласился он и с предложением главы Украинского Комитета, что тот беспрепятственно съездит в Россию для восстановления деятельности масонских лож: в связи с ожидавшимся приходом к власти во Франции левых

масоны могли сыграть большую роль в вопросе восстановления франко-советских отношений.

Только из всей этой программы ничего не сработало. Раковский щедро заплатил Моркотуну за его декларацию, но парижским торгпредом был назначен бывший меньшевик Скобелев. Поездка же Моркотуна в Россию чуть не закончилась для него трагически. ГПУ настаивало на аресте Моркотуна с последующим расстрелом за то, что он перед своим отъездом в Россию якобы взял поручения от разных иностранных разведок. Если бы не заступничество Раковского, европейца по натуре, которому претило азиатское вероломство, ГПУ не выпустило бы Сергея Константиновича живым из России, ведь, как на беду, Моркотун *из осторожности* поехал в Россию не один, а в сопровождении чиновника французского МИДа, что было бы использовано в подтверждение подозрений на его счет.

В 1923 году С. Моркотун создал Великую Национальную Ложу Румынии, которая подчинялась Великой Ложе Украины, собрав вокруг себя многих русских и украинских мартинистов-беженцев. А основанная им ветвь Киевской Ложи Святого Апостола Андрея действовала в Париже вплоть до конца 1930-х годов.

В 1932 году С. Моркотун решил объединить все оставшиеся подпольные ложи в СССР и для руководства направить туда поэта Юрия Терапиано, который срочно был посвящен в 33-й градус.

В 1939 году С. Моркотун переехал на Канарские острова, где занялся научным и литературным трудом. Перед своей кончиной, имея уже статус Царя-Гермеса, он определил своим преемником Ю. Терапиано и предоставил ему Хартию для управления мартинистами, а также дал разрешение Арману Туссену на учреждение брюссельской ложи Рыцарей Христа.

Умер Сергей Константинович в своей вилле на Канарских островах 15 января 1971 года в окружении детей и внуков.

В начале XX века одним из активных деятелей масонского братства был известный киевский доктор и тяжелоатлет Александр Константинович Анохин (1882—1920). Он блестяще владел техникой гипноза и был одним из руководителей капитула «Нарцисс». Окончив медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира, Анохин увлекся сокольской гимнастикой, обладал дипломом тренера по тяжелой атлетике и возглавлял оргкомитет Киевской Олимпиады 1913 года. Он также был автором курса «Волевая гимнастика. Психофизические движения» — системы упражнений без снарядов путем сознательного напряжения и расслабления мышц. Возглавив Киевское спортивное общество, Александр Константинович создал первую в городе скаутскую организацию, собиравшуюся на Андреевском спуске в доме № 17, а спустя год собрал первый отряд девушек-разведчиц «герлскаутов», которые наравне с юношами участвовали во всех общественных и благотворительных мероприятиях.

А. К. Анохин

Доктор Анохин жил на улице Львовской, 47. Каким-то образом, и скорее всего, неслучайно, этот дом стал центром киевского масонского движения в последние годы существования империи и во время революции. В 1929 году, выгораживая своих братьев-масонов на допросе в НКВД, один из лидеров УНР Сергей Ефремов свидетельствовал: *«В Києві незалежно і паралельно існувала ще якась інша масонська організація, яка купчилася коло доктора Анохіна. Про неї я випадково дізнався, розбираючи р. 1917 архив охранки, де знайшов «дело» з списком її членів».*

Адрес этот был хорошо изветен Симону Петлюре, входившему в масонскую ложу «Нарцисс». Указывается адрес этого дома и в воспоминаниях известного историка и политического деятеля Дмитрия Дорошенко, проживавшего по соседству с А. Анохиным. Как выяснилось, в квартире Дорошенко периодически происходили тайные встречи «братьев» с руководителем масонского движения «Великий восход народов России» Михаилом Грушевским и митрополитом Андреем Шептицким. Кто знает, какие еще

тайны хранит этот доходный дом на теперешней улице Сечевых стрельцов и свидетелем каких необычайных событий он был в бурные годы украинской революции...

После падения Украинской Державы Александр Анохин остался в Киеве на нелегальном положении, но 1 марта 1920 года был выслежен и арестован. Долгое время среди масонов ходила мрачно-романтическая легенда о самоубийстве доктора, задушившего себя шарфом со скаутским узлом.

Нельзя не сказать здесь несколько слов и о другом видном киевском масоне — оккультисте В. Н. Гориновиче (1900—1979).

С начала 1920-х годов он проживал в Боярке. Вместе со своей супругой Ниной Семеновной Гаевской (поженились в 1924 году) они работали в школе, пока не началась война. Владимир Николаевич ушел добровольцем на фронт и воевал на передовой до 1942 года, когда, раненный при выполнении боевого задания, оказался в глубоком тылу противника и был захвачен немцами. Из плена бежал, но потом судьба его бросала по советским лагерям.

Только в июне 1947 года Владимир Николаевич вернулся в родное село, к своей семье. Работал на Киевском шлифовально-полировальном заводе, где стал мастером высочайшего класса (о его «золотых руках» писали газеты).

Когда Горинович вышел на пенсию, его активная жизнь отнюдь не утихла, а только продолжилась. Он активно помогал местным краеведам, участвовал в создании Музея Павке Корчагину, стал одним из создателей Краеведческого музея в Боярке.

В. Горинович не только состоял в Киевском теософском обществе и в ордене «Гизбар», но был одним из создателей этого ордена, а впоследствии ввел в него выдающегося санскритолога Б. Л. Смирнова и стал в сотрудничестве со своим старым другом

в некотором смысле крестным отцом «Махабхараты» в русском переводе, который он редактировал и подправлял.

Общение Гориновича и Смирнова было прервано войной и другими обстоятельствами на многие годы. Вновь же познакомил их сын Владимира Николаевича, Михаил, обнаруживший в газете «Правда» статью об академике Б. Л. Смирнове. Когда Михаил отправил академику письмо, представившись сыном Владимира Гориновича, то вскорости получил ответ — так завязалась переписка двух братьев-масонов, переросшая в совместную плодотворную работу.

Б. Л. Смирнов

Но о Борисе Леонидовиче Смирнове разговор особый. Будущий врач и санскритолог, академик Академии наук Туркменской ССР, переводчик философских текстов «Махабхараты» родился 15 декабря 1891 года в с. Козлянич Сосницкого уезда Черниговской губернии в семье земского врача. Учился в Киевской гимназии вместе с М. А. Булгаковым. В 1907 году переехал с семьей в Санкт-Петербург, где в 1914-м окончил Военно-медицинскую академию.

С началом мировой войны был мобилизован, служил в медицинской части, расположенной на территории Польши, где не упустил возможность изучать польский язык и идиш.

В 1918 году вернулся в родное село Козлянич, работал врачом. С 1922-го получил назначение в Киевский медицинский институт в качестве ассистента кафедры невропатологии. С 1927 года — приват-доцент. Читал в Киеве публичные лекции на тему «непосредственной передачи мысли» (с демонстрацией опытов!). 1 марта 1920 года, будучи еще никому не известным выпускником Киевского медицинского института, по рекомендации Гориновича был принят в орден «Гизбар».

Борис Леонидович увлекался оккультизмом и даже изучал Каббалу у одного из еврейских учителей еще во время военной службы в Польше. Он утверждал, что готов был ночевать на крыльце дома своего наставника, только бы тот научил его Каббале.

Впоследствии Смирнов возглавил ветвь оккультного ордена, названную им «Гармахис» (масонское имя Е. В. Крамаренко). Смирнов собирался продолжить дело Крамаренко и, говорят, какое-то время воспитывал его дочь Риту.

Как участник «религиозно-философского кружка» в 1927 году Б. Л. Смирнов был арестован и в январе 1928-го выслан на 3 года в Йошкар-Олу. После ссылки получил запрет на проживание в Москве, УССР (поэтому не мог вернуться в Киев) и ряде крупных городов СССР.

Смирнов стал известен прежде всего благодаря переводам индийского памятника литературы и философии «Махабхарата». Академик перевел около 23 тыс. шлок и мантр. До него переводы делались с английского или немецкого языков, Смирнов же впервые передал русскому читателю бесценное содержание книг «Махабхараты» с языка оригинала.

Умер выдающийся киевский оккультист, медик и подвижник
в 1967 году в Ашхабаде.

Как Украина вошла в ЭСЭСЭСЭР

Датой образования СССР считается 29 декабря 1922 года. В этот день РСФСР, Белоруссия, Украина и республики Закавказья подписали договор об образовании нового государства. Уже на следующий день, 30 декабря, он был одобрен на Всесоюзном Съезде Советов. В соответствии с договором все республики формально считались независимыми. Год образования СССР ознаменовался окончанием гражданской войны. Советские республики находились в тяжелой экономической ситуации. Главной предпосылкой создания СССР стало пребывание у власти во всех вошедших в состав республиках одной партии — большевистской, таким образом создавалась видимость национальных большевистских движений.

Высшим органом власти в стране стал Всесоюзный Съезд Советов, рабочим органом которого в период между съездами являлся Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Высшую исполнительную власть представлял Совет Народных Комиссаров (Совнарком).

Важно отметить, что форма нового государственного образования предполагала наднациональный характер Союза и потенциальную возможность объединения множества равноправных республик. Исходя из тезисов большевиков о грядущей мировой революции, такая форма была единственно возможной. Вначале Ленин назвал эту федерацию «Союз Советских Социалистических Республик Европы и Азии». Но потом последние два слова отпали. Молодая страна была объявлена государством диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Первая Конституция СССР была принята уже в

январе 1924 года и во многом копировала принятую еще в 1918 году Конституцию РСФСР. Основной Закон страны будет изменен только в 1936 году. К тому времени в состав СССР действительно войдут новые республики, в корне изменится внешнеполитическая ситуация, произойдет, в результате введения НЭПа, восстановление промышленности и сельского хозяйства, разрушенных гражданской войной.

В ходе распределения полномочий между Украиной и Россией произошло несколько конфликтов. В марте 1922-го Украина настаивала на том, чтобы ту формальную независимость, которую Россия признала в 1920 году, наполнить реальным содержанием. И в мае заместителем председателя Совнаркома УССР М. Фрунзе даже была создана украинско-российская комиссия по этому вопросу.

Дискуссии вокруг договора о создании Советского Союза велись до июня 1923 года. И только тогда, фактически под давлением центра, договор был таки заключен. В него добавили то, против чего Сталин был изначально категорически против, — Палату национальностей. Фрунзе в феврале 1923-го на Пленуме ЦК РКП(б) смог переубедить всех участников, включая Сталина, и доказать, что такая Палата просто необходима. При этом формально Фрунзе исполнял постановление высших органов Компартии Украины.

Украинская сторона потребовала, чтобы Украине передали уезды и территории, прилегающие к ней, на которых преобладали этнические украинцы. Но вышло так, что в 1925 году самые большие территории подмяла под себя Россия, в частности Таганрог и Шахты, Украине же были переданы лишь небольшие участки Слобожанщины.

В общем и целом все, что произошло после декабря 1922 года, очень напоминает печальные последствия Переяславской рады.

Формирование украинско-российской административной границы в 1918—1928 годах

В последнее время весьма актуальным, животрепещущим и даже кровавым стал вопрос о восточных границах Украины — тех, что с Россией. Тем более что нынешний кремлевский «владыка» очень однобоко и политически нагло освещает историю их формирования. Вот несколько его заявлений как бы на исторические темы: *«Вы что, не знаете, что эти земли были в 1922 году при создании Советского Союза переданы от России Украине?», «В общем-то, всегда исторически называли эти земли Новороссией. Почему? Потому что это по существу был один регион с центром в Новороссийске, поэтому назывался Новороссией».*

Это голословное утверждение, и оно не соответствует действительности! Никакие земли в 1922 году не были переданы Украине, а термин «Новороссия» находился в активном употреблении не «всегда», но только с 1760-х до 1870-х годов, после чего вышел из употребления и в течение последующих полутора столетий практически не использовался. В истории существовало четыре административно-территориальных образования с названиями, в состав которых входило слово «Новороссия»:

1. «Первая» Новороссийская губерния (1764—1783).
2. «Вторая» Новороссийская губерния (1796—1802).
3. Новороссийское генерал-губернаторство (1802—1822).
4. Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство (1822—1874).

Термин «Новороссия» не происходил и не мог произойти от названия города «Новороссийск», так как Екатеринослав (нынешний Днепр) был переименован в Новороссийск только в 1796 году — то есть только через 32 года после образования «первой» Новороссийской губернии (1764). И уже через 6 лет — в 1802 году — городу было возвращено имя Екатеринослав. В течение 123 лет (до 1925 года) Екатеринослав являлся центром не Новороссийской, а Екатеринославской губернии (1802—1925).

В течение более двух столетий (с 1802 года) в Российской империи, СССР, Украине, России не было никаких Новороссийских губерний и областей, а с 1874 года в Российской империи, СССР, Украине, России не существовало каких бы то ни было административных единиц с термином «Новороссия» в своем названии.

Харьков никогда не входил ни в одну административно-территориальную единицу, в названии которой присутствовал бы термин «Новороссия». Население на территории Харькова непрерывно проживает с 1630 года, когда там поселились украинские казаки с Поднепровья. Историческая область, в центре которой находится Харьков, называется Слобожанщина. В Российской империи Харьков был центром Украинской губернии (1796—1835), затем — Харьковской губернии.

Формирование современной российско-украинской границы происходило несколько иначе. 7 ноября 1917 года своим III Универсалом Центральная Рада провозгласила создание Украинской Народной Республики (УНР) в границах девяти губерний Российской империи с преобладающим украинским населением: *«К территории Народной Украинской Республики относятся земли, заселенные преимущественно украинцами: Киевщина, Подолье, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной*

Республики, касательно присоединения частей Курщины, Холмищины, Воронежчины и смежных губерний и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено с согласия организованной воли народов».

По договору от 12 июня 1918 года РСФСР признала Украинскую Державу в ее границах.

По договору от 10 марта 1919 года УНР передала РСФСР:

а) Крымскую часть Таврической губернии (Крымский полуостров);

б) полностью Сурожский, Стародубский, Мглинский уезды и большую часть Новозыбковского уезда Черниговской губернии.

16 июня 1920 года согласованным постановлением ВЦИК, СНК РСФСР и ВУЦВК «Об образовании Донецкой губернии» РСФСР передала Украине некоторые территории Области Войска Донского:

а) станицы Гундоровскую, Каменскую, Калитвинскую, Усть-Белокалитвенскую, волость Каршово-Обривскую Донецкого округа;

б) станицы Владимирскую, Александровскую Черкасского округа;

в) город Таганрог с Таганрогским округом.

В августе 1920 года РСФСР передала УССР станицу Луганскую.

28 декабря 1920 года между РСФСР и УССР был заключен договор о сотрудничестве в военной и хозяйственной деятельности, который не затрагивал вопросы границ.

30 декабря 1922 года был заключен Договор об образовании СССР, также не затрагивавший вопросы границ между входящими в него республиками.

16 октября 1925 года постановлением Президиума ЦИК СССР «Об урегулировании границ Украинской Социалистической Советской Республики с Российской Социалистической

Федеративной Советской Республикой и Белорусской Социалистической Советской Республикой» был произведен взаимный обмен территориями между УССР и РСФСР.

Украина передала РСФСР:

а) город Таганрог, Федоровский, Николаевский, Матвеево-Курганский, Советинский, Голодаевский районы и восточную часть Екатериновского района Таганрогского округа;

б) город Шахты, Глубокинский, Ленинский, Каменский, Усть-Белокалитвенский, Владимирский, Сулинский, Шахтинский районы и части территории Сорокинского и Алексеевского районов Шахтинского округа.

РСФСР передала Украине:

а) Семеновскую волость Новозыбковского уезда Гомельской губернии;

б) селение Знобь Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии;

в) селения Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии: Фатевиж, Барановку, Демьяновку, Муравейню, Толстодубово (Лемешковской волости), Сельцо-Никитское, Сетное, деревню Грудскую (Подыводской волости);

г) весь Путивльский уезд (с городом Путивлем), за исключением Крупецкой волости;

д) Криничевскую волость Суджанского уезда Курской губернии;

е) южную часть Грайворонской волости Грайворонского уезда Курской губернии;

ж) южную часть Муромской волости Белгородского уезда Курской губернии;

з) Троицкую волость и часть Уразовской волости Валуйского уезда Воронежской губернии.

16 октября 1928 года постановлением Президиума ЦИК СССР был произведен обмен территориями между УССР и РСФСР.

УССР передала РСФСР: селение Знобь Трубчевской волости Почепского уезда и деревню Грудскую Подыводской волости Севского уезда Брянской губернии.

РСФСР передала УССР:

а) селения Рашковичи и Смокаревку Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии;

б) селения Старицы, Прилипки и Огурцово Муромской волости Белгородского уезда Курской губернии;

в) селения Великая Рыбица, Мирополье, Студенки, Запселье, Песняки, Александрию, Васильевку и Новую Деревню Миропольской волости Грайворонского уезда Курской губернии.

26 апреля 1954 года Верховный Совет СССР передал УССР Крымскую область.

8 декабря 1991 года Соглашением о создании Содружества Независимых Государств Россия и Украина признали территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих между ними границ.

14 января 1994 года, подписав Будапештский меморандум, Россия обязалась уважать независимость, суверенитет и существующие границы Украины, а также подтвердила свое обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Украины. Она также приняла на себя обязательство в том, что никакие ее вооружения никогда не будут применены против Украины, кроме как в целях самообороны или каким-либо иным образом в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

30 мая 1997 года Договором о дружбе, сотрудничестве и партнерстве Российская Федерация в соответствии с положениями Устава ООН и обязательствами по Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе обязалась уважать территориальную

целостность Украины и подтвердила нерушимость существующих между Россией и Украиной границ.

* * *

Многие годы МССР и УССР были объединены одними государственными органами, например МВД. Эта традиция взяла свое начало с 12 октября 1924 года, когда третья сессия ВУЦВК VIII созыва утвердила решение «Про утворення в УСРР Автономної Молдавської СРР». В ее состав вошли часть территории Балтского и Одесского округов Одесской губернии и Тульчинского округа Подольской губернии. Границей АМССР на западе и юго-западе была объявлена «западная граница СССР», которая проходила по рекам Прут и Дунай (Бессарабия на то время входила в состав Румынии). Именно через эту границу переходил в финале «Золотого теленка» Остап Бендер, до своей «переквалификации в управдомы».

До революции на территории Херсонской губернии оседали переселенцы из-за Днестра, в результате чего там собралось достаточно многочисленное молдавское население, чем после создания СССР решило воспользоваться большевистское руководство. Одержимый идеей «всемирной революции», Кремль решил создать Молдавскую автономию в границах УССР, поводом для чего стал февральский доклад 1924 года тоскующего за Кишиневом (Румыния) Григория Котовского, в котором, в частности, подчеркивалось, что *«Молдавская республика может играть ту же роль политико-пропагандистского фактора, что и Белорусская республика касательно Польши и Карельская — к Финляндии»*. То есть Бессарабии следовало противопоставить советскую Молдавию при «помощи», конечно же, Красной армии. Зампредседателя СНК УССР М. Фрунзе получил из ЦК РКП(б) поручение очертить

границы молдавской автономии, чтобы она могла стать противовесом аннексированной румынами Бессарабии.

Появление новой республики произошло по-большевистски традиционно — после «обращений общественности». В прессе появилось множество сообщений о разных встречах, что дало основание утверждать о «сотне собраний и митингов», на которых молдаване выражали горячее желание создать свою автономию со столицей в Балте. Одной из главных причин такого решения стало расположение в этом городе управленческого аппарата и соответствующих зданий.

Однако в состав автономии вошла не только территория, где молдаване составляли большинство населения, но и районы, где преобладали украинцы. Согласно переписи 1926 года, молдаван было больше только в Дубоссарском (67,0 %), Слободзейском (64,7 %) и Григориопольском (45,7 %) районах. Всего в АМССР на территории 8288 кв. км проживало 546 тыс. человек, в том числе 48,5 % украинцев, 30,1 % молдаван, 8,5 % евреев, 8,5 % русских. То есть в формировании автономии преобладал политический смысл, и границы ее прокладывали произвольно. Только по этой причине в республике производилось книгопечатание и школьное обучение на молдавском языке (с использованием кириллицы), развивалась молдавская литература, издавалась газета «Плугарул рош» («Красный пахарь»).

В составе Автономной Молдавской Социалистической Советской Республики оказалось 11 районов Левобережья Днестра. По Конституции УССР 1929 года, за АМССР фактически признавалось право выхода из состава УССР — об этом свидетельствовало положение, в котором говорилось, что их «объединение» происходит на основе «права на самоопределение вплоть до отсоединения». Такого права не было больше ни у одной из автономных республик в СССР, что лишний раз

свидетельствует о политико-идеологическом обосновании создания АМССР, столицей которой в 1929 году стал Тирасполь.

После входа Красной армии в Бессарабию в 1940 году, как и планировалось, Молдавия стала союзной республикой. При этом на основе этнического критерия произведен новый передел республиканских границ. По его результатам в составе новой союзной республики остался только узкий участок Левобережья Днестра, на котором ныне и расположена самопровозглашенная Приднестровская Молдавская Республика (ПМР).

Публичное распространение В. Путиным искаженных, фальсифицированных, не соответствующих действительности интерпретаций исторических фактов свидетельствует не столько о его неинформированности, сколько о сознательных действиях, позволяющих судить о характере мышления Президента РФ, а также о его возможных предстоящих шагах.

«Шутки» Днепра в 1931 году

Чернобыльская катастрофа 26 апреля 1986 года печально заявила о Киеве на весь мир. Но сегодня мало кто вспоминает события весны 1931 года, когда могучая украинская река продемонстрировала свой неукротимый характер! Днепр нередко досаждал низко расположенным районам Киева, но когда по поверхности протекали реки Глубочица и Почайна, то затапливался только Левый берег, где до середины XIX века не было постоянных поселений. Они — Труханов остров и Предмостная Слободка — появились после строительства Цепного моста... Первые поселенцы, обосновавшиеся там, и были его строителями. Частые наводнения вынуждали каждую весну быть наготове, сооружать свои жилища на сваях. Эти жилые поселки были сожжены оккупантами в 1943 году и уже не возобновлялись в послевоенное время. Теперь тут парк.

Еще со времени сооружения Цепного моста в середине XIX века началась деформация речного русла, которая усилилась через десятилетия постройкой железнодорожного моста в районе Дарницы, — в результате русло Днепра несколько понизилось. Некоторое влияние на углубление русла реки в описываемом районе оказало закрытие левого рукава Чертороя и притоков на пойме и направление меженного течения в правый рукав у города, где имелась гавань. С другой стороны, возведение многих дамб для подпоров Дарницкого, Наводницкого, Цепного и Петровского мостов через пойму значительно повышало уровень вод и влияло на направление и силу их потока.

После снежной зимы резкое весеннее потепление в верхних притоках Днепра привело к большому паводку и к катастрофическому наводнению. Тут сказалась и нещадная вырубка лесов, которая проводилась и до этого события.

Весна 1931 года выдалась весьма теплой и дождливой, бурное течение Днепра в окрестностях Киева могло пригнать обильные воды. Но и тогда синоптики, согласно установившейся позже традиции, утверждали, что на этот раз разлив Днепра будет не угрожающим. А тут неожиданно для всех 2 мая уровень воды достиг 853 см и стал выше на 78 см небывалого наводнения 1917 года — этот паводок до сих пор считается самым сильным за всю описываемую историю Киева.

Когда уровень воды в Днепре стал резко подниматься, то 26 апреля была создана Чрезвычайная комиссия с расширенными полномочиями по борьбе с наводнением. Ей беспрекословно подчинялись все организации, задействованные в борьбе со стихией. Население города днем и ночью делало все возможное и невозможное.

Несмотря на то что значительная часть Киева находилась под водой, парад и демонстрацию 1 Мая никто не отменил — какая параллель с чернобыльским 1986 годом! Только по окончании парада колонны трудящихся и воинские части в полном составе направлялись на усмирение разбушевавшейся стихии. Особенно отличились легендарная 45-я Волынская дивизия (командир Борисенко Антон Николаевич), защищавшая ЦЭС и КРЭС, которые удалось уберечь от серьезных разрушений, и создавшая условия для бесперебойной подачи электричества в город.

Когда поздно ночью натиск воды грозил разрушить запруды и залить Слободку, а меры, которые принимали студенты и работники водного транспорта, оказались недостаточными, то школе имени С. Каменева (теперь Военный лицей им. Пилипа Орлика), поднятой по тревоге и направленной на опасный

участок, за пару часов удалось укрепить берег возле Слободки и предотвратить его размыв.

На протяжении двух недель бурные потоки воды на- двигались на город, его заводы, мосты, элеватор, продуктовые склады, расположенные на набережных, железнодорожные и автомобильные пути, могли лишить население электричества и воды, угрожая зданиям, имуществу и жизням почти двухсоттысячного населения Петровки (Подола) и прибрежных сел — Труханова острова и двух Слободок. На них находились многолюдные поселения. Безотлагательно необходимо было вывезти с городских территорий заготовленное сырье, кожу, зерно и муку.

Наводнение на Подоле в 1931 году

Особенно остро стоял вопрос о спасении населения, которое оказалось отрезанным от коммуникаций, без связи со спасателями и остальным миром, без освещения, в полной темноте. Вода постоянно поступала и захватывала все больше улиц, заливала дворы, подсобные помещения, заставляла людей искать спасения на крышах домов, куда они пытались

взгромоздить свое скудное добро. Обезумевшие от ужаса люди воочию убеждались в своей неотвратимой гибели, но помощь приходила своевременно. Их вывозили в безопасное место, где расселяли, кормили, оказывали необходимую медицинскую помощь. Хорошая организация этой операции позволила избежать человеческих жертв, и не только: приходилось спасать домашних животных: коней, коров, свиней...

Трудно представить себе эту грозную лавину, которая перемещалась почти пятнадцатикилометровой волной, разрушая все, что попадалось на ее пути. На гребнях неслись деревья, бревна, доски, сараи, крыши зданий и целые дома, плыли оторванные от причалов баржи, и все это мчалось со скоростью 25 км/час, представляя опасность для мостов, дамб. В Наводницкий мост все-таки врезалась оторванная от причала баржа.

1 мая в 6 утра уровень воды поднялся на 838 см, а вечером стал еще на 12 см выше нормы. После Первоя вода продолжала прибывать, но уже не так интенсивно, достигнув на следующий день высшей отметки — 853 см. Опасное положение усугублялось небывалой грозой с молниями.

В течение недели уровень воды пошел на убыль, но не так заметно, как повышался, так что на восьмой день понизился лишь до уровня 1917 года, который до этого считался рекордным. На лодках можно было плыть только в границах затопленных улиц, потому что на просторе не все катера и моторки могли побороть сильное течение — для отвода баржи, бревен и пр. приходилось использовать значительный отряд пароходов и моторок.

Вышли из строя сливные стоки и канализация. Вода затопила Введенскую сливную станцию, пришлось приостановить ее работу, но это не остановило население на возвышенностях, не затронутых наводнением, и канализационные стоки оттуда

добавляли свой «аромат» в затопленные Куреневку и Подол, а Днепр это все разносил по нижележащим районам. Старожилы утверждали, что урожайность земель после таких «удобрений» значительно усилилась.

Наводнение в Киеве. 1931 год. Из архива автора

Вокруг Киева неожиданное бедствие захватило 12 сел, сейчас некоторые из них входят в городскую черту. Вот они: Троещина, Вигуровщина, Воскресенская Слободка, Позняки, Осокорки, Вита-Литовская, Пирогово, Бортнички, Мышеловка, Пуховка, Зазимье и Погреба. Жителей вовремя не предупредили, и помощь пришла не сразу. Там даже не было хотя бы по одному милиционеру на селение для наведения порядка. Хорошо, что близкое расположение к реке многих жителей вынуждало запастись лодками и другими плавсредствами, но не было телефонной связи с городом, а киевским властям было не до этого.

Сообщение 30 апреля с Воскресенской Слободки: *«Вал, который 4 дня сдерживал воду, прорвало. Дома разрушаются. Население в панике. Нужна помощь продуктами. Дети голодают».*

Из Зазимья на следующий день: *«Село под водой. Скотина тонет. Нужна помощь лодками».* Вблизи села был небольшой

холм, на котором, окруженные водой, с тревогой ждали люди и животные: на помощь был послан катер из Киева.

Стихия принесла большие убытки. Снесено 580 домов, 1290 клунь, разрушено 6 мельниц, 120 колодцев, 24 общественных здания... Ущерб был нанесен запасам зерна, кормам для скота...

Наводнение 1931 года оказалось самым страшным, но люди с ним справились, объединившись перед лицом смертельной опасности: коллективная энергия вместе с трудом, наукой и большевистским наказом победить стихию любой ценой сделали свое дело.

Одной из причин наводнения мог стать ДнепрогЭС, его величественная плотина, сооружение которой шло с 1927 года. Перегородив Днепр, она уже через 5 лет открыла прямой судоходный путь от Киева до Черного моря, однако вмешательство в дела Природы, в свободное течение Днепра даром не проходит.

После создания Киевского моря, плотин и шлюзов появилась возможность регулирования уровня Днепра в районе Киева с предотвращением затопления. Что же касается Киевского водохранилища, то оно находится в системе подобных водных бассейнов по всему Днепру (Каховское, Кременчугское и пр.) и, конечно же, влияет на погоду и паводки. Например, у друга в Сухолучье летом уже много лет наблюдается такое же явление, как на море, — утренний и вечерний бриз, когда море отдает тепло в направлении берегов: наступает затишье, а потом, примерно с час, идет теплый воздух с Днепра. Зимой же лед на нем тает медленнее, чем на быстрине в Киеве. Происходит аккумулятивное накопление воды-льда, а потом сброс в направлении Киева.

Сразу после строительства Киевского моря возник побочный эффект в виде подтопления подвалов и погребов, тянувшихся на

десятки километров от водоема, что вызвало недовольство населения. Другим побочным эффектом стало заиливание Каховского водохранилища: вода стала, течение прекратилось — а это огромная проблема не только для рыбы, но и для населенных пунктов, расположенных по берегам на территории Запорожской и Херсонской областей. Произошло то, что было необъяснимо с точки зрения «пролетарской логики» и не подвластно указаниям из Кремля. Поэтому не признавалось и не освещалось средствами массовой информации.

«Ушла весна, настало лето, спасибо партии за это!»

Тем не менее наводнение в Киеве 1931 года стало последним бедствием, так полно освещенным. После этого до самого развала СССР для населения в стране «ничего не происходило». Может быть, даже Войну 1941—1945 годов «не заметили» бы, кабы не указания товарища Сталина, без которых ее и «не было» в первые дни...

Никакая стихия не укладывалась в «социалистические рамки», а природа не желала их учитывать! Все обязано было происходить по директивам КПСС — и точка!

Политика ВКП(б) на искоренение интеллигенции, или Почему «вождь пролетариата» не любил интеллигентов

Как и было заявлено с самого начала, эта книга главным образом, с первой до последней страницы, посвящена борьбе бескомпромиссной власти против интеллигенции. Для начала разберемся, кто такие интеллигенты. В Древнем Риме основной силой государства была армия. И служили в этой армии все граждане Рима. Если ты не служишь или не работаешь на армию Рима, то ты не гражданин Рима и не римлянин, соответственно. В этом вся система Римского государства.

Римская армия состояла из легионов, легионы — из когорт, когорты — из центурий, центурии — из манипул. Отсюда и пошло слово «манипулировать». Легион включал в себя 5 когорт, когорты — 10 центурий, центурия — 10 манипул из 10 легионеров каждая. Исходя из этого, можно рассчитать численный состав легиона — 5 тыс. воинов. Легионеры разделялись на новичков, обученных, опытных, ветеранов и элиту. Новички составляли обычно первую когорту, во второй сражались воины, побывавшие в сражении, в третьей — побывавшие в нескольких сражениях, четвертая когорты — это ветераны, за плечами которых целые кампании. И наконец, пятая когорты, называемая «непобедимой», или «последней тысячей», представляла собой, как бы сейчас сказали, «войска специального назначения», она вступала в бой в самый решающий момент схватки и решала исход сражения. Эта когорты никогда не отступала без приказа — она побеждала

противника или погибала! Потому и называлась «непобедимой», ее можно было только уничтожить. Разбив эту последнюю когорту, противник уже уничтожал весь легион, так как основной его костяк — это именно те воины, которые и были хранителями орла легиона.

Так вот, именно легионеры элиты — последней когорты — и назывались в Древнем Риме интеллигентами, что означает «понимающие». Этим людям не надо было ничего объяснять, они сами все понимали, что и когда им делать. Именно в них была сосредоточена всеокрушающая мощь Рима, из них набиралась преторианская гвардия и когорты сената. Быть интеллигентом, то есть воином последней когорты, считали за честь для себя патриции, сенаторы, трибуны, цензоры, преторы и другие сливки общества. Интеллигенция — это становой хребет Римской империи и скелет римского общества.

Таким образом, термин «интеллигенция» в изначальном своем, функциональном смысле указывал на колоссальный опыт, сублимированный в горниле мысли до состояния понимания без слов и уплотненный в мыслительные блоки знания. В социальном значении слово стало использоваться с середины XIX века — в отношении прослойки общества, обладающей критическим способом мышления, высокой степенью рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта.

В словаре В. Даля интеллигенция — *«разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»*. Дореволюционные журналисты применяли слово «интеллигенция» в социальном значении и утверждали, что заимствовали этот термин из немецкой культуры, где он использовался для обозначения того слоя общества, представители которого занимаются интеллектуальной деятельностью. Журналисты определяли интеллигенцию как лиц *«высокой разумной и этической*

культуры», а не как «*работников умственного труда*». То есть в обществе имелось *понимание*, что об интеллигентности свидетельствуют мышление, развитая речь, творчество, отношение к окружающим, а не занимаемая должность или выполняемая профессия.

В этом смысле «советская интеллигенция» — это чисто отечественный социальный феномен. К интеллигенции в этом понимании можно относить людей разных профессиональных групп, имеющих пусть разные политические взгляды, но — главное! — обладающих общей идейно-нравственной основой, удовлетворяющей Систему. В других языках понятие «интеллигенция» употребляется довольно редко. На Западе более популярен термин «интеллектуалы» (*intellectuals*), которым обозначают людей, профессионально занимающихся интеллектуальной (умственной) деятельностью, не претендуя, как правило, на роль носителей «высших идеалов». Основным признаком для выделения такой группы является разделение труда между работниками умственного и физического труда.

Люди, профессионально занимающиеся интеллектуальными видами деятельности (учителя, артисты, врачи и др.), существовали и в Античности, и в средневековье. Но крупной социальной группой они стали только в Новое время, когда резко возросло количество людей, занятых умственным трудом. Только с этого времени можно говорить о социокультурной общности, представители которой своей профессиональной интеллектуальной деятельностью (наука, образование, искусство, право и т. д.) генерируют, воспроизводят и развивают культурные ценности, способствуя просвещению и прогрессу общества, воспитанию его представителей.

В отечественной дореволюционной культуре в трактовке понятия «интеллигенция» критерий занятий умственным трудом отошел на задний план. Главными признаками

интеллекта стали выступать черты социального мессианства: гражданская ответственность; стремление к социальной критике, к борьбе с тем, что мешает национальному развитию (роль носителя общественной совести); способность нравственно сопереживать «униженным и оскорбленным» (чувство моральной сопричастности). Интеллигенция стала определяться в первую очередь через противопоставление официальной государственной власти — Системе. При этом понятия «образованный класс» и «интеллигенция» были частично разведены: не любой образованный человек мог быть отнесен к интеллигенции, а лишь тот, который был способен и имел смелость выражать свое мнение критически относительно «отсталой» формы власти.

Критическое отношение к царскому правительству предопределило симпатии российской интеллигенции к либеральным и социалистическим идеям. Понимаемая как совокупность оппозиционных к власти лиц умственного труда, она оказалась в дореволюционной России довольно изолированной социальной группой. На интеллигентов смотрели с подозрением не только официальные власти, но и «простой народ», не отличавший интеллигентов от «господ». Контраст между претензией на мессианство и оторванностью от народа приводил к культивированию в интеллигентской среде жупела перманентного самобичевания и неизбежного покаяния. И сегодня еще в Украине с большим подозрением относятся к такой интеллигенции, а в путинской России «интеллигент» зачастую отождествляется с «евреем».

Как не вспомнить уничижительное высказывание Ленина об интеллигенции: *«Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно».* (Из письма к

Горькому 15 сентября 1919 года.) Вот еще: *«Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам... с ними надо расправляться, при малейшем нарушении... В одном месте посадят в тюрьму... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами... В четвертом — расстреляют на месте... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...»* (24.12.1917). И о парламентаризме: *«Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом... Тяжелый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца, который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мертвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом еще беспорядочного и недоданного, но живого и жизненного советского аппарата».* (06.01.1918). Это сказано о Всероссийском Учредительном собрании — первом российском парламенте, который по приказу Ленина разогнали, что сопровождалось расстрелом мирных демонстраций в его поддержку в Петрограде и других городах.

В 1930-е же годы совершилось и новое, уже необъятное расширение «интеллигенции»: по государственному расчету в новый советский класс были включены миллионы государственных служащих, а вернее сказать — вся интеллигенция была зачислена в служащих, иначе и не говорилось и не писалось тогда, так заполнялись анкеты, так выдавались хлебные карточки. Этим строгим регламентом интеллигенция была вогнана в служебно-чиновничий класс, да и само слово «интеллигенция» было заброшено, упоминалось почти исключительно как бранное. Даже представители

свободных профессий через «творческие союзы» были доведены до состояния служебного персонала.

При этом массово уничтожалась национальная интеллигенция, в первую очередь украинская, литовская, еврейская... На Украине появился термин, обозначающий целый период репрессий в среде деятелей культуры, — «Розстріляне Відродження»! Но репрессии эти проводились скорее на основе идеологических критериев, а не этнических. Партийное и государственное руководство, правящий класс в довоенные годы не давали себя смешивать ни со «служащими» (они оставались «рабочими»), ни тем более с какой-то прогнившей «интеллигенцией», отчетливо отгораживаясь как «пролетарская» кость. С тех пор и пребывает интеллигенция в этом резко увеличенном объеме, искаженном смысле и умаленном сознании.

Только по окончании Великой Отечественной слово «интеллигенция» восстановилось отчасти в правах, правда теперь уже с вовлечением в «прослойку» (как называл ее Сталин) многомиллионного мещанства служащих, выполнявших любую канцелярскую незамысловатую работу. Тогда, а особенно в 1950-е и еще более в 1960-е годы, когда увяла и «пролетарская» терминология, все более преображаясь в «советскую», когда и видные представители интеллигенции все более допускались на руководящие посты, правящий класс все же позволил называть себя «интеллигенцией». Насколько дико было до революции назвать интеллигентом священника, настолько естественно теперь так назвать партийного функционера, бизнесмена или депутата.

Так и не получив четкого определения интеллигенции, мы как будто и перестали нуждаться в нем. Под этим словом понимается в нашей стране теперь весь образованный слой, все, кто получил образование выше семи классов школы. По словарю

Даля, «образовать», в отличие от «просвещать», означает «придать лишь наружный лоск». Хотя и этот лоск у нас скорее третьесортный, правильно по-русски и верно по смыслу будет сей образованный слой называть «образованщиной».

На протяжении обозримого исторического периода критерий классической эпохи, все реже и реже употребляемый, совесть, уступает место двум другим, старому и новому: просвещенность и интеллигентность как простая и естественная способность чувствовать в ближнем равного и относиться к нему с уважением. Остается надеяться, что понятие «интеллигент» в итоге этого поступательного снижения не самоотождествилось, размываясь, с понятием «просто хороший человек», ведь уже нескромно будет сказать «я интеллигент» — это все равно, что назвать себя «хорошим человеком».

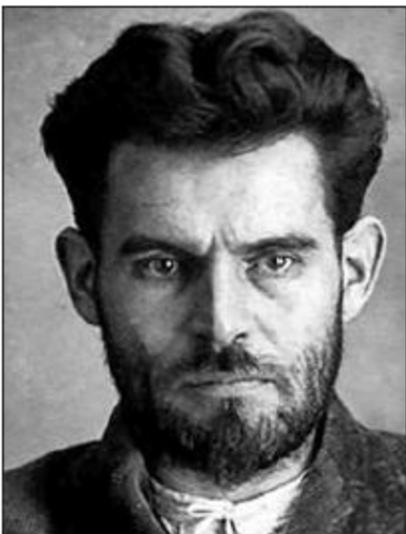
В ответ на возможные недовольные реплики позволю себе еще раз повториться: эта книга посвящена теме беспощадной, перманентной борьбы власти против истинной интеллигенции, которая при множественных крутых поворотах «колеса истории» XX века постоянно оказывалась под этим колесом. Украинская интеллигенция с конца 1920-х годов по большей части или уничтожалась, или «перелицовывалась». Еврейскую интеллигенцию в те годы почти не трогали, за нее взялись в конце 1940-х. Но об этом позже.

Ленинское племя

Как не сказать несколько слов о главных действующих лицах украинской советской государственности: Шумском, Скрипнике, Любченко...

О них стараются не вспоминать — ведь не поэты, не художники... Но это несправедливо! Они были *преданы* своей идее построения социализма в Украине, но были *преданы* однопартийцами и... *погибли* за *гибельные* убеждения.

Настоящим апостолом национального, независимого от Москвы коммунизма считался А. Я. Шумский, против которого боролись видные представители партии, в первую очередь Скрипник. В результате этой борьбы Александра Яковлевича, который в 1920 году был недолгое время даже членом Политбюро КП(б)У, а в 1923—1925 годах начальником Отдела Агитпропа ЦК КП(б)У, отстранили от всякой деятельности в Украине. Шумский всегда активно работал в социалистических организациях. В 1917—1919 годах был одним из лидеров левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров, затем входил в ЦК партии «боротьбистов». В январе 1918 года вместе с другими левыми украинскими эсерами выступил против Центральной Рады. Во время второго прихода советской власти в Украину в 1919 году он уже занимал пост народного комиссара просвещения. В период наступления Врангеля и Пилсудского был командирован Президиумом ЦИК Украины на должности председателя сначала Полтавского, а потом Одесского губернского исполкома; входил он и в Реввоенсовет 12-й армии.

А. Я. Шумский

С 1920 года Шумский работал в народном комиссариате иностранных дел, в составе делегации участвовал в мирных переговорах с Польшей, после чего в 1921—1923 годах являлся полпредом УРСР в Польше. В 1921 году на 3-м конгрессе Коминтерна был избран членом Исполкома. Далее карьерная лестница привела его в Президиум ЦИК СССР и в 1924—1927 годах — к должности наркома просвещения.

Уже в 1925 году, когда Шумский назвал КП(б)У партией оккупантов, ему этого не простили, как и активную политику украинизации, как и предложение выдвинуть на пост председателя Совнаркома Григория Гринько, а на пост Политсекретаря ЦК КП(б)У — Власа Чубаря. Наконец в 1927 году в связи с дискуссией по национальному вопросу позиция А. Шумского была осуждена партией и Коминтерном и он был откомандирован, фактически изгнан из Украины, на работу в Ленинград, где руководил высшими учебными заведениями. Несмотря на развязанную в СССР кампанию против «шумскизма», со смещенным наркомом просвещения солидаризовалось большинство в Компартии Западной Украины.

Закончилось все трагически. 13 мая 1933 года Шумский был арестован по обвинению в принадлежности к «украинской военной организации» и 5 сентября приговорен Коллегией ОГПУ к 10 годам содержания в Соловецком лагере. Через два года заключение в лагере было заменено ссылкой в Красноярск. 17 июля 1946 года Шумский попытался покончить жизнь самоубийством. Вскоре сотрудниками НКВД под руководством Судоплатова он был вывезен из Красноярска и 18 сентября 1946-го в Саратове (по дороге в Киев) убит по указанию опасавшихся его возвращения Кагановича и Хрущева.

Здесь, к слову, о Г. Ф. Гринько. Он из Харьковской губернии. Обучался на историко-филологических факультетах Московского и Харьковского университетов (не окончил). Григорий Федорович — активный участник революционного движения в Украине. В 1912 году вступил в Украинскую партию боротьбистов, а в 1920-м — в РСДРП(б). В 1920—1922-м назначен наркомом просвещения Украины. В 1922—1923-м и 1925—1926 годах Гринько уже председатель Госплана УССР, а в промежутке между этими двумя назначениями председательствовал в Киевском губисполкоме и Киевском горсовете. Его работа в Госплане республики не осталась незамеченной, и в период 1926—1929 годов он уже заместитель председателя Госплана СССР.

Также успел поработать заместителем наркома земледелия СССР и наркомом финансов. 13 августа 1937 года Гринько от этой должности был освобожден и через три дня арестован. Содержался в Лефортовской тюрьме. На допросах признал себя виновным. Обвинялся он в *«троцкизме, сотрудничестве с немецкой, итальянской, японской и американской разведками, подготовке убийства Сталина, Ежова и других членов правительства»*. В последнем слове Гринько заявил: *«Я смею сказать о моей радости по поводу того, что наш злодейский*

заговор раскрыт и предотвращены те неслыханные беды, которые мы готовили». Расстрелян 15 марта 1938 года на полигоне «Коммунарка».

Когда Гринько еще занимал должность народного комиссара финансов, в обращении находились бумажные деньги достоинством в 1, 3 и 5 рублей, на которых стояла его подпись. После ареста Гринько обращение денег с подписью «врага народа» выглядело, с политической точки зрения, «неправильным». В связи с этим было принято решение выпустить денежные знаки тех же номиналов с аналогичным внешним видом, но уже без подписи Гринько, причем во избежание повторения подобной ситуации предусматривалось впредь выпускать бумажные деньги уже без изображения чьих-либо подписей, например подписи преемника Гринько на посту народного комиссара финансов — В. Чубаря. Решение действительно оказалось предусмотрительным, поскольку Чубарь позднее также был арестован и расстрелян.

* * *

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 24 января 1933 года, в Украину был направлен Павел Постышев. Он стал формально вторым секретарем ЦК КП(б)У, а фактически его руководителем, поскольку оставался секретарем ЦК ВКП(б). Главной задачей его деятельности стало не уморение голодом украинского села (все самые решительные меры уже были предприняты до него), а окончательная расправа с «украинским духом», с теми признаками автономии национально-культурной жизни, которые мешали укреплению тоталитаризма и, таким образом, представляли действительно реальную опасность для сталинского режима. Недаром одним из первых решений Политбюро ЦК КП(б)У, когда Постышев овладел

ситуацией в ЦК КП(б)У, было мартовское 1933 года постановление «Об учебниках», которое стало первым шагом в ускоренной унификации украинских учебных программ и учебников с российскими.

Но главным действующим лицом в Украине был в то время Н. А. Скрипник.

Скрипник Николай Алексеевич. Впечатляет уже само перечисление его должностей в УССР: нарком внутренних дел (1921), нарком юстиции и Генеральный прокурор (1922—1927), нарком образования (1927—1933), а с 23 февраля 1933 года — зампред Совнаркома и председатель Госплана. Член ЦК, член Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, академик АН УССР.

Родился Николай Алексеевич в 1872 году в селе Ясиноватая Екатеринославской губернии в семье железнодорожника. С 1897 года влился в революционное движение. «Боевое крещение» получил в марте 1901 года во время демонстрации протеста против политических преследований студентов Киевского университета. Тогда был впервые арестован и выслан в Екатеринослав. Затем последовали одно за другим новые наказания и заключения. Всего арестовывался 15 раз, 7 раз ссылался. В сумме был осужден на срок 34 года и один раз приговорен к смертной казни, 6 раз бежал.

С декабря 1917 года жизнь и деятельность Н. Скрипника связана с Украиной, куда на работу он прибыл по распоряжению В. Ленина. Некоторое время колебался, неуверенность была вызвана слабым знанием новых украинских реалий, запутанностью, противоречивостью процессов в Украине, где все более обострялось противостояние между СНК России и УЦР.

Находясь на должности народного секретаря, Н. Скрипник к любому вопросу подходил из национальных интересов. В частности, он практически в одиночку боролся против

выделения из состава Украины Донецко-Криворожской области и создания на ее базе Донецко-Криворожской Советской Республики. Когда после неудач с австро-германскими войсками в советском правительстве Украины возник кризис, Н. Скрипника 4 марта 1918 года назначили главой Народного секретариата. Он поддержал Брестский мир, по условиям которого связь Украины с Россией разрывалась. Тогда же в марте II Всеукраинский съезд Советов в Екатеринославе объявил Украину независимой советской республикой, заверив, что взаимоотношения с Россией остаются прежними. Для достижения договоренности о форме взаимоотношений между РСФСР и Советской Украиной в конце марта было решено направить в Москву чрезвычайное полномочное посольство ЦИК Советов Украины и Народного секретариата, которое и возглавил Скрипник. В специальном мандате значилось: *«Именем Украинской рабоче-крестьянской Республики. Рабоче-крестьянское правительство Украины — Центральный Исполнительный Комитет Всеукраинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Народный Секретариат Украинской Народной Республики уполномочивает Чрезвычайное Полномочное Посольство декларировать самостоятельность Украинской Советской Федеративной Республики перед Правительством Российской Советской Федеративной Республики и вести переговоры с Советом Народных Комиссаров относительно заключения договора между обеими Советскими Федерациями — Российской и Украинской».*

В Москве Скрипник в статье «Новое состояние революции в Украине» дал полную и точную информацию о событиях в республике, которые тенденциозно освещались российской печатью. Он разъяснил расстановку сил, настроения масс, отношение к Брестскому миру, взаимоотношения с левыми эсерами, перспективы дальнейшей революционной борьбы.

Специально выделялся раздел «Цель приезда в Москву», в котором говорилось: *«Нас послал Центральный Исполнительный Комитет украинских Советов и Народный Секретариат, чтобы официально заявить перед Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом о провозглашении II-м Всеукраинским съездом Советов независимости Украины. Мы приехали как посольство от независимого государства, чтобы заявить, что наше отношение к Российской Федерации будет целиком дружественным. Мы хорошо понимаем, что в данный момент Советская власть России не может нам прийти на помощь, но мы надеемся на свои собственные силы, которые возрастают с каждым днем...»* После выступления Скрипника на заседании ВЦИК РСФСР 1 апреля и объявления декларации полномочного посольства Советской Украины СНК и все руководство России приняли резолюцию, в которой высказывалось *«сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины»*.

Скрипник считал разрыв федеративных связей между советской УНР и РСФСР сугубо формальным, а объединение обеих республик обязательным, несмотря на возникшие осложнения в отношениях между руководством советских образований.

Н. А. Скрипник и И. В. Сталин на XV съезде ВКП(б).
Декабрь 1927 года

В ответ на требование наркома по делам национальностей РСФСР И. Сталина к украинцам бросить *«играть в правительство и республику»*, а украинскому советскому центру оставить Таганрог Скрипник оперативно подготовил специальное протестное заявление, что не могло не сказаться на дальнейших личных отношениях с затаившим обиду злопамятным Сталиным.

Народному секретариату Украины и его главе пришлось работать в экстремальных условиях военного времени, неудержимого процесса территориальных потерь Советской Украины по мере ее оккупации иностранными войсками. Менее чем за три месяца правительство сменило пять мест пребывания: Харьков — Киев — Полтава — Екатеринослав — Таганрог). Статус Украины как национально-государственного образования вызывал сомнения, постоянно изменялся под влиянием факторов политического, дипломатического характера, в частности — условий Брестского мира.

К весне 1918 года Скрипник взял на себя одну из определяющих ролей в процессе объединения украинских большевистских организаций в едином партийном центре. Проекту Э. Квирина «создать автономную партию со своим Центральным Комитетом и со своими съездами, но подчиненную общему Центральному Комитету и съездам Российской коммунистической партии» Н. Скрипник противопоставил свой проект: «Создать самостоятельную коммунистическую партию, которая имеет свой Центральный Комитет и свои партийные съезды, и связанную с Российской коммунистической партией через международную комиссию (III Интернационал)».

Участники созванного в Таганроге совещания большинством голосов вновь поддержали Скрипника. Среди тех, кто голосовал за предложенную им резолюцию, были и единомышленники Г. Пятакова — «левые коммунисты», сторонники образования отдельной коммунистической партии в Украине. Их расчет был простым: организационно оторванная от РКП(б), КП(б)У станет орудием для срыва Брестского мира.

Для подготовки съезда большевистских организаций Украины было сформировано организационное бюро, в которое вошли А. Бубнов, Я. Гамарник, В. Затонский, С. Косиор, И. Крейсберг и др. Возглавил оргбюро (стал его секретарем) Н. Скрипник. По его же предложению постановили назвать будущую партийную организацию Коммунистической партией (большевиков) Украины. Однако на I съезде КП(б)У в Москве 5—12 июля 1918 года Н. Скрипник не смог укрепить своих позиций. Само место проведения значит немало! Предложенные им проекты резолюций, в частности принципиально важной — «О текущем моменте», — были заблокированы. Как и на Таганрогском совещании, Скрипник предложил съезду редакцию документа об образовании отдельной, организационно самостоятельной Компартии Украины, но

после обсуждения проектов резолюций снял свой вариант. Было принято предложение Э. Квирина об образовании КП(б)У на правах филиала РКП(б).

Коммунистическую партию Украины Н. Скрипник всегда считал своим детищем. Правда, судьба сложилась так, что ему никогда не пришлось возглавлять КП(б)У, хотя, казалось бы, оснований для этого у него было предостаточно. Первыми секретарями ЦК КП(б) избирались Г. Пятаков, Э. Квининг, С. Косиор, которые по многим принципиальным вопросам того непростого времени нередко придерживались, как официально оценивалось в соответствующих документах, *«ошибочных взглядов»*. За что и поплатились своей жизнью. Скрипник же не стремился примкнуть ни к одному из течений, которые тогда формировались и проявляли себя нередко с полярных позиций. Он никогда не стремился к фракционности, к объединению вокруг себя какой-то группы людей, всегда хотел быть выше такого поведения, надеялся, что принципиально отстаивает общепартийный интерес. Так что, пока шла борьба между представителями «левых» и «правых», он, естественно, не мог реально претендовать на первую роль в партии, за которую нередко шло отчаянное соперничество.

В январе 1922 года в отсутствие главы правительства Х. Раковского, который находился в командировке, Скрипника на короткое время назначили заместителем председателя Совнаркома. Однако буквально через несколько дней зампреда СНК стал Д. Мануильский, а за Н. Скрипником оставили лишь наркомовские прерогативы. В апреле 1922 года Николай Алексеевич переведен на должность наркома юстиции Украины. В июле-августе 1922 года Н. Скрипник снова работал заместителем председателя СНК, а с января-февраля 1923 года занял должность Генерального прокурора республики, оставаясь наркомом юстиции.

В 1932—1933 годах Скрипник выступал против повышенных темпов хлебозаготовки, о чем специально «настучал» в своем письме к Сталину Каганович летом 1932 года. В 1920-е годы Н. Скрипник много и плодотворно занимался разработкой теории национального вопроса, поисками путей оптимального решения украинской проблемы в процессе строительства социализма. Его авторитет в этой области был неопровержим не только в Украине, но и вообще в СССР. Скрипник был участником всех масштабных публичных дискуссий, форумов, на которых обсуждались актуальные вопросы развития многонационального государства, национального возрождения и развития в союзных республиках.

Возглавляя наркомат образования УССР, Скрипник курировал вопросы орфографической реформы украинского языка — так называемое харьковское правописание, принятое в 1920—1930 годах, именуется также «скрипниковским». В эти годы он руководил развитием общего начального и среднего образования, высшей школы, науки, литературы, театра, кино, музыки, изобразительного искусства. При наркомате образования существовали отделы Главнауки (в ведении которого были все научно-исследовательские учреждения, включая УАН); Главполитпросвета, направлявшего деятельность городских и сельских клубов, изб-читален, библиотек, а также соответствующих учебных заведений; Главлита, который контролировал издательский процесс в республике. Ему было подчинено и Государственное издательство Украины с Книжной палатой.

Параллельно с этим Н. Скрипник руководил Ассоциацией историков, был секретарем фракции УАН, главным редактором Украинской советской энциклопедии, заведовал кафедрой национального вопроса. И все свои возможности он старался максимально использовать для всестороннего развития нации,

осуществления политики украинизации. Среди достижений — значительные успехи в деле подготовки кадров разного уровня квалификации из представителей коренной национальности, очевидное расширение сферы употребления украинского языка, развитие украинской культуры, создание благоприятных возможностей для активизации национально-культурной жизни за пределами УССР. Много делалось и для обеспечения национально-культурного развития всех национальных меньшинств, проживавших в Украине. Усилиями Н. Скрипника и его окружения УССР стала своего рода лабораторией решения национального вопроса. Однако демократическая, гуманистическая направленность этого процесса постепенно входила в непримиримое противоречие с укреплением тоталитарной системы в СССР. Да и сам Н. Скрипник не мог примирить, органически соединить боровшиеся в нем два начала — как можно больше послужить своему народу и как можно последовательнее осуществлять интернациональный курс, на практике способствовавший преобразованию СССР из федеративного государства в унитарное, где все больше ограничивались возможности национального обустройства.

Уже с 1926 года причастность к украинизации стала квалифицироваться — как враждебная социализму. В последний год жизни Скрипника против него велась интенсивная кампания. В его выступлениях и публикациях неустанно выискивались *«извращение ленинизма»*, *«националистические ошибки»*, *«вредительство в языкознании»* и т. п. Скрипнику выдвигалось требование составить покаянный документ с признанием своих «ошибок». Неоднократно этот вопрос выносился и на заседания Политбюро ЦК КП(б)У, на которых рассматривались объяснения Н. Скрипника, и все они признавались неудовлетворительными. Вначале арестовали

двух его помощников — Ерстенюка и Бадана. Их избивали до полусмерти, пытались вытрясти показания против шефа.

7 июня 1933 года в начале очередного заседания Политбюро, где снова стоял вопрос об украинской позиции Н. Скрипника, обо всех его «ошибках», «уклонах» и «перегибах», он оставил зал заседаний, из своего кабинета в Госпроме позвонил жене, сказал, что сейчас застрелится, и попросил заботиться о сыне. После чего выстрелил себе в сердце. Но не попал...

Умирал Скрипник долго и мучительно... Его партийные соратники, Балицкий, Косиор, стояли растерянные у его кровати. Он, вообще, редко усмехался, а тут в какой-то момент сделал над собой усилие и, показывая на свою грудь, прошептал: *«Это последняя ошибка Скрипника!»*

Официальное сообщение о смерти старого большевика пришло не от ЦК КПУ. Ждали реакции Москвы. И она поступила — не как некролог, а как программа уничтожения *«украинских националистических элементов»*, в связях с которыми Скрипник запутался! Через пять лет его жену Раису Леонидовну арестовали, а сына забрали в детский дом для детей репрессированных. Похоронен Н. Скрипник в Харькове.

На самоубийство Н. Скрипника из эмиграции откликнулся Владимир Винниченко: *«Скрипник лишил себя жизни... Чтобы своей смертью дать лозунг другим товарищам, которые хотят быть честными, искренними, последовательными коммунистами, чтобы доказать им, что его политика не была ошибочна, не была в интересах его амбиций, или выгод, или каких-то иных личных национальных намерений. Ибо какой аргумент может быть убедительнее смерти?..»* Но самоубийством Скрипник не смог остановить оголтелую травлю его взглядов касательно украинского языка. Травлю, которая продолжалась не одно десятилетие! Да и закончилась ли она?

Портреты Скрипника долгое время принадлежали к привычной советской портретной галерее. Однако этот вождь был совсем не похож на других. Он носил галстуки и белые воротнички, не надевал френч и кожаную куртку, которые были обязательной униформой почти для всех — от Косиора до председателя райисполкома. Усы и борода были также известны как специфически скрипниковские. В то же время, в начале 1920-х, Христиан Раковский давно сбрил свою бороду, с которой он вышел из Ясской тюрьмы после Февральской революции. Раковский отрекся ради пролетарской обывденности от элегантности тех времен, когда в Париже совмещал изучение ресторанов Больших Бульваров с теорией марксизма. Даже Шумский простился со своей бородой, только Скрипник не брился. Уже немолодой, он среди советских персонажей был по-своему живописен, когда на санях ехал по Крещатику, пряча чуть поседевшую бороду в бобры дорогой шубы и бросая на все из-под бобровой же шапки, нависшей над мефистофельскими буйными бровями, свой пронизательный взгляд. До революции такие шапки любили носить актеры, адвокаты и раввины.

Говорил Скрипник коротко, голосом отрывистым и хриплым, очень много курил. Выходя сквозь его прокуренные усы, даже обычные фразы звучали как декрет. Об упрямстве Скрипника ходили анекдоты. Кое-кто неделикатно называл эту черту его характера самодурством. Во всяком случае было достаточно оснований считать Скрипника «железным большевиком», если использовать термин, популярный в то время. Авторитет этого художавого партийца повышал и тот известный факт, что Скрипник готовил переворот в октябре 1917 года вместе с Лениным. Джон Рид, американский журналист, автор нашумевшей книги «Десять дней, которые потрясли мир», вспоминал в ней Скрипника в Смольном институте среди главных действующих лиц, а вот о Сталине у него ни слова.

А теперь на контрасте следовало бы изобразить иную властную фигуру того времени.

Высокий мужчина с холеным лицом и осанкой военного тех полков старой армии, которые считались элитными и требовали от офицера определенного, дорогого стиля жизни, он обладал вальяжными манерами человека, наделенного большой властью, но при этом чувствующего, как должны вести себя важные вельможи с подчиненными — сдержанно и даже тепло. Шинель его была пошита с тем кавалерийским шиком, который в пехоте не носили, — чекисты любили соблюдать шинельно-мундирный шик царской России, где жандармы одевались подчеркнуто элегантно...

Всеволод Аполлонович Балицкий родился в г. Верхнеднепровске Екатеринославской губернии в 1892 году в семье служащего. Юридический факультет Московского университета не закончил — увлекся революционными идеями. Член РСДРП с 1913 г., поначалу — меньшевик, в 1915 г. перешел к большевикам. Был призван в армию, стал прапорщиком, но на фронт не попал. С декабря 1918 г. — член Коллегии Всеукраинской ЧК, потом — Киевской ЧК, одновременно — полпред ВЧК в Правобережной Украине. Прославился беспощадностью к «врагам революции». В 1923—1931 гг. — председатель ГПУ Украины и, одновременно, с 1924-го по 1930 г. — нарком внутренних дел УССР. Несет прямую ответственность за репрессии против украинского крестьянства в годы «коллективизации»: обеспечивал аресты и высылку «кулаков», сопровождавшуюся, как правило, «ликвидацией» многих из них войсками ГПУ. В карьерных целях «выявлял» десятки «националистических» и «шпионско-подрывных» организаций. Особенно впечатляет в этом плане «дело» «Союза украинской молодежи», куда записывали даже тех, кто просто предпочитал украинский язык или пел украинские песни.

В 1934—1937 гг. дослужился до наркома НКВД УССР. Однако в мае 1937 года вдруг переведен на Дальний Восток, где 7 июля 1937-го арестован и расстрелян... по обвинению в шпионаже в пользу Германии. В 1998 году действия В. А. Балицкого были квалифицированы как военные преступления, а сам он признан не подлежащим реабилитации.

Вы видите стадион, который теперь носит имя В. В. Лобановского. Хотя при открытии был назван в честь В. А. Балицкого, после расстрела которого получил имя еще одного «достойного человека» Н. И. Ежова.

Стадион им. Н. И. Ежова. Из архива автора

В отличие от последнего, имя Балицкого забыто, что не совсем правильно: народ должен знать своих негодяев — чтобы не было повторов, чтобы такие больше никогда не рождались. Описание этих законченных мерзавцев обязательно, как анализ кала, по которому определяется здоровье организма — общества, государства, — где эти бациллы вели свою разрушительную жизнедеятельность.

Стадион им. В. А. Балицкого. Из архива автора

Вот еще один персонаж.

Головокружительная карьера, которую делали многие управленцы СССР, в 30-е годы часто заканчивалась в одно мгновение. Но приключенческая история наркома внутренних дел УССР А. И. Успенского настолько из ряда вон, что похожей на нее, пожалуй, не найти.

Сын лесника, Успенский получил образование в трех училищах, одно из которых — духовное (к слову, эти учебные заведения дали СССР многих функционеров высокого ранга). В годы гражданской войны вначале руководил местной милицией, после его перевели в ВЧК...

А. И. Успенский

А теперь — интрига! 5 ноября 1938 года нарком внутренних дел Украины, комиссар государственной безопасности 3-го ранга А. И. Успенский загадочно исчезает. Накануне работал в обычном режиме: принимал людей, допросил нескольких арестованных, просматривал документы к очередному заседанию «тройки», читал поступившую почту, в шесть вечера уехал домой и через три часа возвратился. До пяти утра сидел в кабинете, не отвечая на телефонные звонки, и над чем-то усиленно работал. Сотрудники решили, видно, готовится к выступлению на пленуме ЦК КПУ. С рассветом Успенский вышел из здания НКВД Украины, сказал шоферу, что домой пойдет пешком, а на следующий день его не оказалось ни дома, ни на работе.

Открыв дверь его кабинета запасным ключом, помощник вместе с секретарем нашли записку: *«Прощайте, хорошие товарищи! Труп мой ищите, если он нужен, в Днепре. Так вернее — застрелиться и в воду... Без осечки. Успенский»*. Одежда наркома,

аккуратно сложенная, действительно обнаружилась на берегу Днепра, там же были документы. Самого же утопленника, несмотря на все поиски, так и не нашли, хотя были привлечены опытнейшие водолазы.

И тогда в Москве и Киеве пришли к выводу, что это инсценировка самоубийства. «Утопленник» — он же нарком, комиссар госбезопасности — сбежал и где-то прячется от своих бывших коллег! Но с какой стати?

В январе 1938 года Хрущева направили в Украину — первым секретарем ЦК Компартии республики. Согласовывая со Сталиным, кого взять с собой в Киев, Хрущев сказал, что наркомом внутренних дел Украины Ежов рекомендует назначить Успенского. С Хрущевым Александр Иванович связи не терял еще с Москвы, где началось их сотрудничество. Бывая в столице, заходил к Никите Сергеевичу запросто, и тот всегда его принимал по-дружески.

— Где член Политбюро ЦК Украины нарком Успенский? — Голос Сталина в трубке спецсвязи не радовал своим нарочито размеренным тоном.

— Пропал, ищем, — признался, как первоклашка, Хрущев, вытирая платком мгновенно вспотевший лоб.

— Как это пропал? — произнес вождь едва ли не по буквам. — Это что, иголка? Рядовой гражданин у нас пропасть не может, а у вас исчез нарком внутренних дел! Вы его привезли в Киев из Москвы — теперь везите обратно, и поскорее!

Раздались короткие гудки...

С приездом Хрущева и Успенского репрессии в Украине усилились. Поиски «врагов народа» под руководством нового наркома велись дено и нощно. Вскоре в Киев приехал Ежов, чтобы вместе с Успенским нанести «сокрушительный удар по окопавшимся в руководящих органах республики националистам — шпионам, вредителям и диверсантам». В итоге нарком

Успенский получил от Ежова санкцию на арест 36 тыс. человек с указанием решить их судьбу во внесудебном порядке — постановлением «тройки» при НКВД Украины.

В Киеве уже поговаривали, что *«первый чекист Украины»* скоро переберется в Москву и займет кресло заместителя наркома внутренних дел, но... Неожиданно позвонил Ежов: *«Тебя вызывают в Москву. Плохи твои дела. Сам смотри, как и куда тебе ехать...»* Вот тогда и пришлось бежать, чтобы не отвечать за содеянное.

Дело Успенского контролировал лично Сталин. Были созданы специальные группы по поиску беглеца в масштабе всей страны. Фотографиями Успенского с описанием его примет снабдили всю милицию, включая транспортную. В штаб по розыску регулярно поступали сигналы, мол, там-то и там-то видели Успенского. Но все они оказывались ложными...

А беглец в ночь побега явился на вокзал, сел в поезд до Воронежа (билет заранее купила и передала ему вместе с вещами жена Анна), но вышел в Курске и четверо суток отсиживался в квартире паровозного машиниста. Затем отправился в Архангельск в надежде устроиться рабочим на лесоразработках. Однако в отделе кадров, взглянув на импозантную фигуру бывшего наркома и его мягкие, ухоженные руки, решили, что на лесоруба он никак не тянет.

Тогда первым же поездом Успенский отправился в Калугу и представился ночному сторожу, у которого снял квартиру, таким образом: *«Командир в запасе. Готовлюсь поступать в Военную академию»*.

Устроиться удалось сторожем в промысловой артели. Как-то, придя с дежурства, Александр Иванович узнал от хозяина о визите участкового — тот желал переговорить с квартирантом... и рванул в Москву к бывшей любовнице Марисе Матсон. Осознав, во что вляпалась, Матсон сообщает Успенскому, что

больше не желает иметь с ним дел. Тот пытается убедить в своей любви и преданности, но все тщетно! Тем временем жена Успенского Анна уже была арестована и давала показания.

Под пытками она «вспомнила», что видела у мужа паспорт на имя Шмаковского Ивана Лаврентьевича. Областные управления НКВД тут же получили дополнительную ориентировку с указанием примет Успенского.

Подобно загнанному зверю, метался по стране бывший первый чекист Украины в надежде найти для себя хоть какое-то пристанище. Добрался даже до Оренбурга, где когда-то работал начальником областного управления НКВД. Но, только выйдя на перрон, увидел знакомого и тут же помчался в кассу за билетом на первый попавшийся поезд — до Уфы, а оттуда — в Челябинск. Оперативники между тем расширяли сферу поисков.

— Когда поймаете Успенского? — допытывался Сталин. Чекисты старались изо всех сил, но докладывать пока было нечего.

15 апреля 1939 года в камеру хранения станции Миасс некий гражданин Шмаковский сдал большой чемодан. Когда поклажу открыли, то среди личных вещей обнаружился револьвер с запасом патронов. Было организовано круглосуточное наблюдение. Однако владелец чемодана не пришел! Александр Иванович приехал в Миасс, чтобы устроиться здесь рабочим на золотых приисках.

Успенский решил попытать счастья. Однако в отделе кадров потребовали военный билет и прописку. А кадровик заметил, что он «слишком уж смахивает на интеллигента». Опять надо было бежать, но куда?..

В вокзальном ресторане Успенский заказал себе обед и сто грамм водки. Время тянулось невыносимо долго. Оглянувшись, в очередном посетителе чекист нюхом профессионала опознал чекиста. Бросился бежать, но далеко не ушел.

— Гражданин Шмаковский? Иван Лаврентьевич? — Звонко щелкнули наручники. Александр Иванович шел по миасскому перрону в плотном кольце своих недавних коллег. «Мучительный конец лучше бесконечного мучения», — вспомнилась любимая поговорка Ежова...

Когда бывшего наркома доставили на Лубянку, он, понимая, что обречен, признался во всем, что ему хотели приписать: и в шпионаже в пользу Германии, и в участии в возглавляемой Ежовым террористической организации, и во многом другом... И был расстрелян. За помощь мужу в организации побега жена Анна тоже была приговорена к смертной казни.

* * *

За три недели до неудачного выстрела Скрипника себе в сердце популярный литератор Микола Хвелевой обзвонил своих друзей и пригласил к себе домой, обещая прочитать отрывки из своего нового произведения, которое он начал писать в порядке соцсоревнования с другим литератором — Григорием Эпиком. Через пару часов гости начали подтягиваться. Это были украинские «пролетарские» писатели, бывшие члены литературного объединения ВАПЛИТЕ: Григорий Эпик, Олесь Досвитный, Майк Йоганнсен и другие. Ничто не предвещало трагической разрядки, обычные писательские посиделки. Гости и хозяин с женой выпили чаю, потравили анекдоты, продекламировали «Бесы» Пушкина, попели романсы и вскоре перешли к спиртному. Микола Хвелевой находился в приподнятом настроении и все время рассуждал о своей любви к жизни. В самый разгар застолья он объявил гостям, что сейчас их удивит своим новым произведением, и направился в кабинет. Через несколько минут послышался выстрел. Перепуганные гости и жена хозяина кинулись в кабинет. Там в

кресле сидел писатель. Из виска текла кровь, на столе лежала последняя записка, а на полу — наган с серебряной пластиной, которым Хвyleвой был награжден в честь 10-летия ЧК—ГПУ. Это случилось 13 мая 1933 года.

Предсмертная записка Хвyleвого фактически ничего не объясняет: *«Арешт Ялового — це розстріл цілої Генерації... За що? За те, що ми були найщирішими комуністами? Нічого не розумію. За Генерацію Ялового відповідаю перш за все я, Микола Хвильовий... Страшенно боляче. Хай живе комунізм. Хай живе соціалістичне будівництво. Хай живе комуністична партія».*

Так что же произошло? Хвyleвой, встревоженный сложившийся ситуацией в начале 1933 года (Голодомор, принудительная коллективизация), выехал на Полтавщину, чтобы своими глазами это увидеть. Когда вернулся в Харьков, был ошеломлен текущими событиями: началось иезуитское (хотя куда монашескому ордену до энкавэдистов!) издевательство над снятым с должности Скрипником, в Наркомземе СССР «раскрыли» «контрреволюционную организацию», возглавляемую украинцем Ф. Конаром. Но острее всего Хвyleвого поразила арест Михаила Ялового — одного из ближайших его единомышленников и друзей... Это был страшный удар по писательской среде!

Кем же был Михаил Яловой (в художественной литературе известен как Юлиан Шпол), которого хорошо знали в 1920-х, а сегодня он неведом даже историкам литературы? Родился на Полтавщине. Учился в миргородской гимназии, потом — на медицинском факультете Киевского университета, который бросил, уйдя с головой в революционную деятельность. Во время гражданской войны был большевиком, возглавлял Червоноградский совет. С 1918 года член Украинской компартии. И, хотя потом перешел в КП(б)У, все же вся предыдущая деятельность Михаила была подана как

контрреволюционная деятельность и стала причиной ареста. В итоге — ссылка в Соловецкий концлагерь, откуда Яловой уже не вернулся.

После пересмотра дела «особой тройкой» Ленинградского НКВД 3 ноября 1937 года расстрелян вместе с большой группой интеллигенции за украинское происхождение. Это еще одно подтверждение «морали» жестокой советской «басни»: кто связался с «Красным Дьяволом», от него и гибнет!

Николай Хвылевой (настоящая фамилия Фитилев) был одним из самых ярких талантов украинской литературы XX века, его по праву называют основоположником прореволюционной украинской прозы. Личность Николая Хвылевого закалялась в горниле Революции и гражданской войны. Она стала прочным сплавом идей всемирной большевистской революции и революционного преобразования общества. Являясь ярким сторонником революции, он не только вел пропаганду ее необходимости, но и короткое время в 1919 году возглавлял ЧК Богодуховского района. По некоторым сведениям, Хвылевой отличался крайней жестокостью, которую проявлял при аресте недовольных советской властью. Он с гордостью писал о себе как о «чекисте — чернорабочем Революции».

Николай (Микола) Хвилевой

Свое отношение к работе чекистов видный представитель революционного романтизма выразил в новелле «Я (Романтика)». Главный герой — чекист, который ради революционных идеалов приговаривает собственную мать к расстрелу. Новелла написана в 1919 году, когда Хвилевой вступил в компартию, и в ней писатель выразил свою четкую позицию: революция не выполнила обещанного, она, заставляя человека разрываться между двумя совершенно разными мирами, не приносит ничего, кроме горя и боли утрат. Чекист из произведения не имеет имени — он безлик, у него нет индивидуальности, а значит, нет и души, и только страшный поступок заставляет его вспомнить, кто же он. При этом автор не осуждает своего героя за такой поступок — он лишь ставит его на перепутье.

После службы у красных, где возглавлял Особый отдел 13-й армии, Хвилевой в 1922 году демобилизовался и переехал в Харьков. Интересно, что мать Хвилевого-Фитилева говорила, что ее сын страдает от слуховых и зрительных галлюцинаций

(иногда ему казалось, что по телу ползут гадюки и «волосатые твари»), он с трудом засыпал ночью из-за страха темноты. Кроме того, современные психиатры склонны считать, что Хвылевой страдал от раздвоения личности, косвенным подтверждением чего является упомянутая новелла.

Развернутая в 1920 году большевиками политика коренизации населения (в Украине называлась «украинизацией») носила скорее губительный характер и сама с треском провалилась. Хвылевой был ее ярим сторонником. В эти годы большевики объявляли, что горе людям принес великорусский шовинизм, и его проявления надо «выкорчевать». Громче других Микола Хвылевой заявлял, что российский вектор развития для Украины неприемлем, что у Украины должен быть — и есть! — свой собственный путь. Тогда родился самый известный в те времена лозунг Хвылевого «Прочь от Москвы!». Как и Нестор Махно, бросивший в массы лозунг «За Советы без коммунистов!», Микола Хвылевой призывал к возвращению к украинской культуре и ее развитию без русских вливаний. Примечательно, что за критику политики коренизации большевиками были предусмотрены сроки в тюрьмах и ссылки.

Теперь следует вспомнить еще об одном поэте, политическом и общественном деятеле — Василии Эллан-Блакитном (Василии Михайловиче Элланском). Родился он в 1894 году в с. Козлы, Черниговской губернии. Отец, священник, рано умер и оставил троих сыновей и дочь на иждивении матери. Единственным источником существования семьи была материнская пенсия.

Василий Элан-Блакитный

В 1903 году семья Эланских переехала в Чернигов, и с 1910 года будущий писатель учился в Черниговской духовной семинарии, которую изо всех сил терпел, в душе ненавидя. В те времена он посещал знаменитые «субботы» в гостинной Михаила Коцюбинского, где его первые стихи (которые он начал писать с 1912 года) были восприняты с доброжелательным вниманием мастера. По окончании 4-го класса (1914) Василий поступил на экономическое отделение Киевского коммерческого института, где уже учился его давний, еще с бурсы, приятель — Павло Тычина.

Всю свою короткую жизнь Элан-Блакитный был фанатичным книгочеем. Даже обедая, он держал при себе книгу. Нельзя сказать, что социально-экономические дисциплины были ему не по душе, однако институт он не окончил. С 1917 года недавний студент полностью погрузился в революционную пучину: кружки, общество «Просвіта», участие в организации уездного крестьянского съезда... Все это закономерно привело Эланского в партию украинских эсеров, от которой он вскоре стал председателем Черниговского

губернского комитета. Во времена Центральной Рады Василий Михайлович попал в Лукьяновскую тюрьму за антиправительственное обращение «К рабочим и крестьянам Украины». В беспокойные революционные годы Элланский участвовал в создании подпольной типографии в Одессе, руководил восстанием против гетмана в Полтаве; во время наступления Деникина, скрываясь в сторожке на Байковом кладбище, руководил киевским боротьбистским подпольем. А после слияния украинских коммунистов-боротьбистов с КП(б)У вел неуклонную борьбу против шовинистических и национал-нигилистических тенденций в партии и государстве (знаковой стала его «оппозиционная» речь на конференции КП(б)У в ноябре 1920 года), бросил все свои силы и энергию на организацию культурного возрождения.

Блакитный стал первым редактором правительственной газеты «Известия» и приложения к ней — «Литература. Наука. Искусство» (позднее «Культура і життя»). Основал и редактировал журналы «Всесвіт», «Червоний перець». Одно время был председателем коллегии Государственного издательства Украины. Организовал и взялся руководить Первым союзом пролетарских писателей «Гарт», который имел филиалы во многих городах Украины и даже в Канаде.

«Конечно, у нас могут быть две партии... одна у власти, другая в тюрьме».

Ответ К. Радека на вопрос об однопартийной системе

Тяжелая болезнь сердца, которой с раннего детства страдал Эллан-Блакитный, привела к смерти на 32-м году жизни. Он умер 4 декабря 1925 года. Но даже преждевременная смерть не остановила его травлю — Элланский был провозглашен «буржуазным националистом» и «бандитом». В 1934 году памятник Эллану-Блакитному, поставленный его друзьями в Харькове, был демонтирован, произведения писателя

запрещены, а все его товарищи по партии боротьбистов расстреляны или сосланы в Сибирь.

Из вышеперечисленных деятелей периода Расстрелянного возрождения более всего с Киевом был связан Панас Любченко, который родился в Кагарлыке в 1897 году, а в 1914-м окончил военно-фельдшерскую школу в Киеве. С 1913 года Любченко — украинский эсер, позже — боротьбист, а с 1920 года — член КП(б)У. К тому времени он уже успел побывать членом Киевского совета и ревкома (1917—1918).

П. П. Любченко

После войны Любченко занимал посты председателя Черниговского губисполкома, Всеукраинского союза сельхозкооперации, Киевского окружного исполкома и Киевского горсовета, председателя Киевского губисполкома, так что в 1927—1934 годах он уже секретарь ЦК КП(б)У и кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Одновременно, с 1933 года, — заместитель, а потом, на протяжении четырех лет, председатель СНК УССР. Делегат XV, XVI, XVII съездов ВКП(б), на XVII съезде

избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и впоследствии принят в ЦИК СССР.

Любченко входил в состав редакционной коллегии журнала «Більшовик України», награжден орденом Ленина, выступил гражданским обвинителем на процессе «Союза Освобождения Украины». В начале 1930-х именно П. Любченко сыграл руководящую роль в коллективизации и конфискации урожая у крестьян, что привело к Голодомору 1932—1933 годов в Украине.

Но это его не спасло. По указанию из Москвы Любченко на августовском пленуме ЦК КП(б)У обвинили в руководстве контрреволюционной националистической организацией в Украине. Он отверг все обвинения, а во время перерыва в работе Пленума зашел домой, застрелил свою жену, после чего покончил с собой.

В юности нам вдалбливали замусоленные строки В. Маяковского *«Да будь я и негром преклонных годов и то без унынья и лени я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин»*. Так вот, «неграм» в СССР было жить очень хорошо, а национально сознательным украинцам — смертельно опасно!

А сейчас еще об одном «солдате революции». У этого стахановца революционных процессов, хоть и волей-неволей, но руки по локоть в крови. Солдат, о котором пойдет речь, преуспевал в строевой подготовке настолько, что, идя в ногу с «кремлевским мудрецом», пережил его даже в изрядно поредевших от репрессий рядах Коммунистической партии.

Мануильский Дмитрий Захарович родился в 1883 году в с. Святец Кременецкого уезда в семье православного священника. Окончив Острожскую гимназию, учился в Петербургском университете. В том же году стал членом РСДРП.

Как один из организаторов Кронштадтского, затем Свеаборгского вооруженного восстания арестован и приговорен

к ссылке; бежал из тюрьмы в Киев, где вошел в комитет РСДРП. В 1910—1912 годах пребывал в эмиграции во Франции. В 1911 году окончил юридический факультет Сорбонны — за какие деньги, история умалчивает.

С 1912 года вел нелегально партийную работу в Петербурге и Москве, а с началом Первой мировой вместе со многими «непреклонными революционерами», дабы не попасть в армию и на фронт, бежал за границу.

В мае 1917 года Мануильский вернулся в Россию и вступил в ряды партии большевиков. В октябре 1917-го он уже член Петроградского ВРК. Во время Корниловского похода был комиссаром Царского Села. С февраля 1918 года назначен заместителем народного комиссара по продовольствию, а в апреле того же года в ранге заместителя председателя большевистской делегации был направлен вместе с Христианом Раковским в Украину для переговоров с гетманским правительством Украины, в результате которых 12 июня были подписаны условия прелиминарного мира.

В январе 1919 года Дмитрий Мануильский вместе с Инессой Арманд был направлен в составе миссии Красного Креста во Францию (интернирован в Дюнкерке). После обмена отправлен восвояси.

Вскоре начинается период неуклонного восхождения Мануильского к высотам советской власти. С 1920 года он член Всеукраинского ревкома, а по совместительству народный комиссар земледелия УССР. С 1921 года — бессменный, аж до 1952-го, член ЦК ВКП(б). С 1922 года — на руководящих постах в Коминтерне. В годы Великой Отечественной как член ЦК ВКП(б) получает участок работы в Главном политическом управлении РККА. С июля 1944 года — заместитель председателя СНК УССР и народный комиссар иностранных дел УССР. В период 1946—1953 годов Мануильский — заместитель председателя Совета

Министров УССР. Вот тогда он и стал инициатором, идеологом и руководителем новой кампании борьбы против «українського буржуазного націоналізму», развернул широкомасштабную акцию по преследованию и третированию интеллигенции, в частности известных историков и писателей: Ивана Крипякевича, Александра Довженко, Владимира Сосюри, Юрия Яновского, Максима Рыльского, Мирона Петровского и других.

В разгар очередной реформы ВСНХ Радек предложил слить все наркоматы в три, которые следовало назвать Наркомтяп, Наркомляп и Наркомдуб.

В апреле 1945 года Мануильский вместе с делегацией УССР прибыл на международную конференцию в Сан-Франциско, которая оформила создание ООН. Там он возглавлял комитет по подготовке текста преамбулы и первого раздела Устава ООН «Цели и принципы». В отчете о работе, который Мануильский направил Хрущеву, отмечалось: «Свою роль украинская делегация видела в том, чтобы по основным вопросам, в которых кровно заинтересовано наше советское государство, всемерно поддерживать линию Союзной делегации. Но по второстепенным вопросам, как в обсуждении, так и при голосовании, занимать самостоятельную позицию. И эту линию поведения делегация проводила от начала конференции и до конца». С определенным удовлетворением своей хитростью Мануильский отмечал, что некоторые расхождения в позициях с союзной делегацией вызвали заинтересованность и недоумение участников конференции. А украинская поддержка предложения американцев по названию — «Организация Объединенных Наций» — была отмечена американцами публично с выражением благодарности «за это исключительное понимание психологии американского народа». В дальнейшем Мануильский участвовал в работе первых четырех сессий Генеральной Ассамблеи ООН, а в следующем после учредительного 1946 году,

также во главе украинской делегации, принимал участие в Парижской мирной конференции.

С 1953 года ушел на заслуженный отдых как персональный пенсионер. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Красной Звезды и медалями. Умер и похоронен в Киеве, где 1 октября 1966 года удостоен увековечения в памятнике, который, правда, в 2014 году был сброшен с постамента.

Тот, кто это сделал, точно что-то знал о «главном преступлении» Мануильского. Он был делегатом доброго десятка съездов партии, с X-го по XIX. То есть присутствовал и на XVII съезде ВКП(б), о котором Н. С. Хрущев в своем докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС сообщил: *«Из 1956 делегатов... 1108 были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях (56,6 %)*». Это могло произойти лишь в силу явной фальсификации Мануильского: большинство делегатов съезда проголосовали против кандидатуры Сталина, его не хотели видеть главой партии. Но бюллетени против Иосифа Виссарионовича были изъяты, так что страной продолжил править «друг советских физкультурников».

В результате этой подтасовки были, употребляя официально принятый термин, *«незаконно репрессированы»* из общего числа в 139 человек 97 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранного на XVII съезде, пятеро покончили жизнь самоубийством и еще один (Киров) был убит в результате покушения. Из этих 97 уничтоженных (почти 70 % состава ЦК) 93 ликвидированы в 1937—1939 годах. Убивали их зачастую целыми группами: более половины из делегатов были расстреляны в течение первых восьми дней.

Гид по расстрелянному возрождению (для тех, кто не понимает сути настоящей декоммунизации)

От характеристики некоторых руководящих лиц обратимся к обстановке в УССР в целом.

«Почистив» Харьков, НКВД взялся за Киев... Когда захватчики пытаются покорить страну, они пускают в атаку не только солдат, они атакуют национальную идентичность, меняют картину мира, ценности, борются с инакомыслием и уничтожают в первую очередь деятелей культуры. Потому что литература, язык, духовность — это точки соприкосновения, самоидентификации, которые объединяют народ.

Элементарные знания о том, что произошло в 1920—1930 годах, помогут разобраться, что происходит сейчас. Почему, например, украинская интеллигенция такая малочисленная?!

Народу, кроме политиков-полководцев и экономистов, нужны интеллектуальные, духовные лидеры. Вы смотрите остроумных блогеров в *YouTube*, читаете злободневные колонки в *Facebook* — так формируются наши социальные ценности. Представьте себе, если бы нашего любимого блогера расстреляли за пару критических строк о политике, — мы бы, видимо, негодовали. Но наше возмущение никак не проявилось бы, если бы и *YouTube*, и *Facebook* успели закрыть и оставили только официальные сайты, воспевающие государственную идеологию. Сейчас интернет-пространство «корректируется» в Мьянме, Китае, Тунисе. Планируется то же сделать и в России.

Когда-то Евгений Евтушенко патетически произнес: «*Поэт в России больше, чем поэт!*» Так вот, за 40 лет до этой тирады поэты были — как Интернет и *YouTube*, и собирали стадионы. На их выступления приходили не только послушать стихи, но познакомиться лично, обсудить тенденции развития общества, идеи, условно говоря, «как нам обустроить Россию». Их статьи в газетах и журналах обсуждали и передавали из рук в руки — прямо как сейчас комментируют публикации.

Но что случилось потом? Издательства и СМИ оказались под контролем большевиков, и устные каналы информации были ликвидированы.

Чтобы построить страну, в которую согнали много разных народов, очень важно было контролировать умы. Эта идея и сейчас актуальна: гибридная война ведется за мозги — чтобы мы меньше обдумывали происходящие социально-экономические перемены, а больше заботились о себе.

Четверть века тому назад в Киеве вышел сборник статей «Розстріляне Відродження», где размещена и моя статья о Николае Макаренко. Он принадлежал к украинской интеллигенции, которую целенаправленно уничтожили в 1920—1930 годах. Почему мы говорим «відродження» — потому что вначале партия провозгласила политику «украинизации», официально поддержала развитие украинского языка и культуры, и за этим последовал настоящий бум произведений на родном языке, создатели которых ориентировались на европейскую культуру. А потом, выявив таким образом всех самых активных, та же партия расстреляла эту волну возрождения национальной культуры. Расстреляла фактически за то, что творцы писали, рисовали — творили.

Часть историков действительно считают, что украинизация была продуманной масштабной провокацией — способом выявить сторонников украинской идеи, чтобы потом

уничтожить. (Тут я несколько поправлю сам себя — в те грозные годы происходило массовое истребление интеллигенции любой национальности, не только украинцев.)

Н. Е. Макаренко

После уничтожения культурной элиты самобытное украинское искусство потеряло целые направления. Вот почему мы сейчас читаем европейских классиков, восхищаемся полотнами западных художников и порой жалуемся, что у нас нет подобного. И невольно приходит мысль, что украинская культура слабее зарубежных. На самом деле ситуация была бы другой, не приступи коммунисты к расстрелам по творческому признаку — в 1920-х годах в украинской культуре как раз начали зарождаться новаторские направления, в том числе те, которые сегодня считаются «модными». Только в одной литературе перечислять и перечислять:

— неоромантизм, экспрессионизм — Микола Хвильовий³, Андрій Головка, Юліан Шпол, Микола Куліш;

³ Имена и псевдонимы приведены здесь в украинской орфографии намеренно — поскольку в этом контексте они уже не столько имена, сколько бренды, творческие патенты. — *Прим. ред.*

— импрессионизм — Григорій Косинка;

— экзистенциализм — Валер'ян Підмогильний;

- символизм — Олександр Олесь, Павло Тичина;
- футуризм — Михайль Семенко, Олекса Влизько, Гео Шкурупій, Олекса Слісаренко;
- неоклассицизм — Микола Зеров, Павло Филипович, Михайло Драй-Хмара;
- историческая проза — Клим Поліщук;
- юмористическая проза — Василь Чечнявський, Пилип Капельгородський.

То же самое в других видах искусства. Живопись — Михайло Бойчук, Іван Падалка. Книжная графика, декоративно-прикладное искусство — Василь Седляр. Театр — Лесь Курбас...

Целенаправленным уничтожением деятелей искусства занимались исключительно во время сталинских репрессий, которые начались еще до заведомо спланированной организации Голодомора. Еще в 1926 году Сталин пишет письмо Кагановичу: ему не нравится, что движение за украинскую культуру стало чересчур антироссийским.

Первый удар пришелся по людям, которые умели выразить затаенное и невысказанное в народе и пытались донести до окружающих свои мысли. Вдумаемся: началом украинских бед при сталинском режиме был не ужасный искусственный голод, а облава на интеллигенцию — уничтожение тех, кто стремился хотя бы словом защитить свой народ. После этого сметать остальных людей, даже не опасаясь огласки, стало проще.

За воспевание советской власти хвалили и поощряли, но писатели не спешили слагать оды о том, чего не было. Как и современные блогеры, они считали самым важным показать изъяны и язвы власти, калечащей народы, красочно расписать, как все есть на самом деле, — без фантастики про счастливые народные массы, обожающие советскую власть. И вроде бы им даже разрешали это делать — как оказалось, только на словах. Причем умалчивалось главное: негоже какому-то там

национальному искусству развиться сильнее и масштабнее, чем российскому.

Некоторым писателям досталось за то, что они не хотели быть «винтиками в системе». Советский Союз рассматривал единственно допустимую роль для литератора: он должен воспевать партию и распространять ее пропаганду. И значительная часть литераторов согласилась. Первым в этом ряду назову А. П. Довженко. В случае с ним все сложилось идеально: и «комплекс разночинца», и амбиции, и «эго», и мстительность касательно «обидчиков».

Тут же нужно отметить и самого знаменитого киевлянина — М. А. Булгакова, ставшего, как и Александр Петрович, автором добротных агитационных произведений, которые советская пропагандистская машина подхватила и раскрутила — ей надо было любой ценой погасить память о Киеве петлюровском. Так Булгаков в «Белой гвардии» создал миф о Киеве «белогвардейском», а Довженко в «Арсенале» — тоже миф, о Киеве «красном». Оба, по большому счету, служили режиму — служили и терзались этим. Эта внутренняя боль усиливалась еще и тем, что Сталин не оценил порыв ни того ни другого, выраженный в пьесе «Батум» и фильме «Щорс». Что говорить, не позавидуешь такой судьбе.

Есть такой термин «патернализм» (от лат. *paternus* — «отцовский, отеческий»). Это система отношений, при которой власти обеспечивают потребности граждан, которые в обмен на это позволяют диктовать им модели поведения как публичного, так и частного. Патернализм отражает узость перспективы, социальное объединение путем принятия единственного кодекса этики, ограничения интересов и форм опыта теми, которые уже установились как традиционные. Патернализм характерен для всей не подвергшейся репрессиям советской интеллигенции, причем во все времена. Яркий пример —

П. Г. Тычина. Гуманист от природы, очень чуткий к музам, Павел Григорьевич оторвался от своей гениальной лирики, чтобы написать «Партія веде». До сих пор не угасает недоумение, как же он решился умереть как поэт, чтобы жить в принципе. Но у ряда авторов были другие представления о творчестве: им хотелось индивидуализма, выражения чувств — собственно, того, что у нас сейчас и принято называть искусством. А заодно они доказывали, что украинская литература — самостоятельная и имеет право котироваться на мировом уровне.

Литераторы 1920-х годов собирались в организации. Были у них для этого и прагматические причины: на творческие организации выделялись продовольственные карточки. Названия этих «клубов» выдержаны в советском стиле: «Ланка», «Плуг», «Молодняк», «Західна Україна». Самым влиятельным среди них был «Гарт» позже преобразовавшийся в ВАПЛІТЕ — «Вольную Академию Пролетарской Литературы».

«Хай живе 8 березня!» Художник Оксана Павленко

Именно это последнее объединение сделало больше, чем все остальные: организовывало чтения произведений с последующим обсуждением в узком кругу, начало публиковать статьи с рассуждениями о роли писателя в обществе, будущем украинской литературы и о том, что ориентироваться в искусстве стоит на Европу, а не на Россию. Все началось с публикации лидера ВАПЛІТЕ Николая Хвильевого, в которой он раскритиковал низкопробную *«красную графоманию»* — произведения, единственным *«достоинством»* которых было то, что они хвалили большевистский строй.

Ответом стал поток пререканий, растянувшийся на три года, с 1925-го по 1928-й, и набравший около 1000 *«комментов»* с аргументацией в периодике. Именно эта *«литературная*

дискуссия» (такой появился гордый термин) особенно раздражала власть, как и то, что в итоге аргументация проукраинских писателей победила.

Только вот радоваться было рано. Если ты решишь вести дискуссии с накачанным гопником, будь готов, что ему в конце концов надоест поток твоих умных слов и красивых оборотов речи и он просто засадит тебе в глаз. Приблизительно так же и случилось с нашей красноречивой интеллигенцией, которую начали просто расстреливать. Правда, для начала требовалось выдумать криминальные дела: то, что какой-то писатель не рассказал о преимуществах работы на какой-то фабрике, еще не было поводом его убить. Другое дело, что поиск этого повода проходил в лучших традициях средневековой инквизиции. Если поборники религии кого угодно записывали в еретики, то советская власть навешивала на литераторов-еретиков ярлык «буржуазный националист».

Понемногу хватать украинскую интеллигенцию начали с 1930 года. А массовым это явление стало одновременно с организацией Голодомора — историки считают началом эпохи Расстрелянного возрождения 12 мая 1933 года, когда был арестован писатель Михаил Яловой, что стало одной из причин самоубийства Николая Хвелевого. Стандартными обвинениями для всех арестованных были шпионаж, антисоветская деятельность, создание террористических организаций.

Приведу самые яркие примеры.

Дело несуществующего «Союза освобождения Украины», в который втянули 474 человека, среди них академики, историки, языковеды, писатели.

Дело такого же мифического Украинского национального центра, который якобы хотел восстановить УНР, причем, что ужаснее всего, — с капиталистическим строем.

Дело «Контрреволюционной боротьбистской организации», ставшее, по сути, «чисткой» бывших членов Украинской коммунистической партии — «конкурентов» большевиков на территории Украины.

Не будем выяснять, посредством каких чудес НКВД умные, творческие, даже волевые люди, на все 100 % уверенные в своей непричастности к терроризму, стали давать «добровольные» свидетельства о том, как создавали преступные организации. На невероятных изменениях в высказываниях и свидетельствах обвиняемых, зафиксированных в стенограммах допросов, лучше не останавливаться.

Кульминацией уничтожения интеллигенции стал массовый расстрел к юбилею, 20-летию «Октябрьской революции». Не всех осужденных уничтожали сразу же, самым распространенным был вариант отправить в лагеря на несколько десятилетий, а еще лучше — пожизненно. В таких диких условиях некоторые писатели еще и успевали творить: к примеру, Валерьян Пидмогильный в Соловецком лагере делал переводы, писал повести, роман; Тамара Гнедич по памяти перевела поэму «Дон Жуан» Байрона, а Николай Зеров завершил перевод «Энеиды» Вергилия.

В 1937 году дела украинцев пересмотрели, и 3 ноября более сотни заключенных Соловецкого лагеря расстреляли.

Творческой и партийной интеллигенции властью был оставлен только такой выбор: или застрелиться, или расстреляют. Большинство представителей «Розстріляного Відродження» попали в лагеря смерти, выйти из которых удалось единицам. Другие, не выдержав давления властей, не стали дожидаться своей участи и совершили самоубийство — как Хвелевой. Но некоторым повезло не попасть в тюрьму сразу, и они предпочли чем-то пожертвовать, чтобы остаться в живых. Отказываться при этом доводилось или от

привязанности к родным местам, или от идеологических принципов.

Иные же эмигрировали и продолжали развивать украинское искусство — а качестве примера можно привести творчество Пражской школы. Живя в Европе или Америке, они следили за новостями из Украины, выступали с критикой большевизма и даже писали письма руководителям СССР — так Владимир Винниченко из Франции пытался вести диалог со Сталиным, не получая ответов на свои письма.

В особую когорту выделились те, кто предпочли «переобуться в воздухе» — быстренько переориентироваться на воспевание партии.

А потом расстрелы были преданы забвению и замалчиванию — совершенно в духе Советской власти.

В конце 1950-х, когда случилась десталинизация, дела репрессированных подняли и пересмотрели. Тогда большинство осужденных признали жертвами и реабилитировали. Однако для многих признание властью своей неправоты уже ничего не значило, поскольку реабилитация происходила посмертно. Если кому и посчастливилось пережить два десятилетия между арестом и установлением невиновности, то их здоровье было уже не вернуть. Так, Остап Вишня умер через год после того, как был реабилитирован.

Всеволоду Мейерхольду после всех изощренных пыток сломать морально сломали по-очереди все пальцы, а потом утопили его в нечистотах. Для отчетности написали, как положено: расстрелян, похоронен в общей могиле. Мейерхольд не подписал бумагу о троцкистском заговоре, в котором якобы участвовали Эренбург, Леонов, Пастернак, Катаев, Эйзенштейн, Шостакович и многие другие — благодаря чему их не тронули. После пыток он подписал бумагу только на себя одного, чем страшно разозлил энкавэдэшников.

Бабеля в 1940 году не расстреляли, нет. Он просто шел по этапу и, обессилев, упал. И его просто оставили умирать на дороге. Написано, что его похоронили в общей могиле — можно подумать, что кто-то вернулся за ним, мертвым, чтобы донести его тело до общей могилы. Выдающийся писатель умер в сугробе, в лесу, в середине XX века.

Место смерти Осипа Мандельштама — лагерный пункт Вторая речка. Так называемые зимние трупы складывали штабелями, а весной хоронили в братских могилах. В одной из таких безымянных могил покоится и замечательный поэт.

Даниил Хармс в феврале 1942 года умер от голода в отделении психиатрии тюремной больницы в «Крестах»...

Это лишь несколько примеров. А было их страшное множество.

Конечно же, признание преступлений сталинского режима вовсе не означало, что о них публично расскажут и допустят обывателей к архивам и творчеству несправедливо осужденных. Информацию о судебных процессах начали рассекречивать только в 1990-х и до сих пор продолжают. Произведения репрессированных в СССР или запрещались, или признавались «нежелательными к ознакомлению». Что касается погибших деятелей науки и искусства — предпочтительнее было молчать, что такие вообще существовали.

Если писателям к моменту реабилитации удавалось выжить, а их произведения вписывались в идеологию соцреализма, то они, так и быть, признавались и издавались. Даже были случаи, когда они попадали в школьную программу — так случилось с некоторыми пьесами Николая Кулиша.

Так что, когда раздался выстрел Скрипника, население встретило эту весть согласно психологической атмосфере того сурового времени, пребывая умом и сердцем среди апокалиптических могил миллионов замученных голодом

украинских крестьян. Это была уже безэмоциональная реакция на появление очередного покойника, которую можно наблюдать среди людей, долго живущих возле кладбища. Интеллигенция же затаилась так, что перестала даже дышать в ожидании очередных арестов.

Смерть Блакитного имела более литературный характер. Украинизировать гильотину не удалось. Вся советская эпоха была насыщена террором, особенно тяжелейшей и наихудшей его формой — государственным. Большевистская система террора была введена повсюду, куда могла проникнуть, по якобинским образцам, но в Украине действовала с особой жестокостью.

Один из сыновей М. Коцюбинского устроился радистом на острове Диксон. Там и отсидел!

Есть слова, которые не переводятся адекватно на другие языки. Нельзя назвать Гитлера вождем, а Сталина — фюрером. Рейхстаг есть рейхстаг. Центральная Рада в народной памяти остается Центральной Радой, а не Центральным Советом. Точно так же нельзя перевести ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ...

Внутренние тюрьмы не имеют специфических обонятельных эффектов — всероссийского сортирного духа, дезинфекции, креозота. Внутренняя тюрьма НКВД УССР была мало похожа на другие тюрьмы, пахла одеколоном, тюремщики все сплошь в форме с новыми орденами, которые с 1937 года правительство массово раздавало сотрудникам репрессивных органов. Начальник тюрьмы НКВД Кобеняк, весь надушенный розовощекий красавец, также ходил с новым орденом на груди. В коридорах — дорожки. На Печерске был филиал Внутренней тюрьмы НКВД УССР, прямо напротив Лавры (теперь тут «Мистецький Арсенал»). Бывшая гауптвахта была ограждена высоким забором — там не принимали передач, и вообще, мало кто знал, что там внутри. Время от времени только открывались

ворота, впускающие «черный ворон». Иногда возили заключенных в легковом автомобиле, на фальшивом окне будто бы висела шторка, за которой — стенка.

Помощник Григория Петровского Александр Ксенофонович Фесенко работал в ЦК «незаможных» крестьян. Был арестован и посажен как уругвайский шпион, повод — его товарищ служил дипломатом в этой далекой стране. Сам Фесенко, как и его дознаватели, понятия не имели об этом Уругвае.

Власть всегда старалась влиять на умы людей через представителей творческих профессий. Так были созданы Союзы писателей, художников, композиторов... Одновременно почему-то были закрыты Клубы по интересам — филателистов, книголюбов... При этом стали активнее преследовать людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. А. М. Горький 7 марта 1934 года обещал, что вскоре исчезнет гомосексуализм и фашизм, а Г. Ягода угрожающе заявлял, что гомосексуализм сродни контрреволюции.

В конце 1932 года, для того чтобы сломить сопротивление коллективизации и заставить крестьян вступать в колхозы, Политбюро приняло ряд постановлений по организации тотальных хлебозаготовок в Украине, на Дону и Кубани, на Нижней Волге, в Казахстане. В результате этих мероприятий в следующем году возник голод, невиданный в истории по количеству жертв. Уже давно известно, что это была организованная акция по истреблению свободных собственников, не желавших вступать в советские колхозы. Жертвами Голодомора 1933 года стало невиданное доселе число людей. По некоторым данным, количество погибших превышает 6,5 миллиона человек.

В. Гроссман в своей повести «Все течет» описывает, как в 1933 году, проезжая через голодную Украину, вышел на перрон какой-то станции. Повсюду — голодные люди, некоторые уже

мертвые, по ним ползают тощие ребятишки. Когда автор подошел к витрине с газетой «Правда», то увидел статью правдолюба и гуманиста Максима Горького, которая называлась «О характере советской игрушки».

Честное слово, хочется писать веселую, завлекательную книгу, а не «роман ужасов». Но не получается! Какой год советского «средневековья» ни возьми — нет там всеобщей человеческой радости и благополучия. Ведь постоянно шло ожесточенное сражение! И не только на фронтах Великой Отечественной, а повсюду, ежедневно шла борьба: за кадры и их расстановку, за урожай и приплод свиноматок, за показатели, за школьную успеваемость и дисциплину, за чистоту улиц и партии, за пролетарскую литературу...

Это последнее особенно удивляло. Пролетарий — это же тот, кому нечего терять, потому что он ничего не имеет, — так зачем ему литература?! Еще встречалось такое определение, даже на почтовых конвертах, — «писатель-коммунист». Как это было понять — он что, пишет Устав партии? Однажды до меня дошло, почему в отечественной литературе отсутствовали романы ужасов, мистические книги о монстрах и вампирах... Да все — не только писатели, но и обыватели — эти ужасы видели в повседневной жизни: на улице, работе, в быту...

* * *

Вот цифры, иллюстрирующие влияние сталинского режима на убыль населения. В 1913 году в Российской империи проживало 170 млн человек, или 10 % населения Земли. Сейчас на территории России проживает 140 млн человек, или 2,4 % населения Земли. СССР занимал одну шестую часть суши и имел одну десятую населения. Теперь Россия занимает одну девятую часть суши и имеет 2,4 % населения. Подобные диспропорции

не сохраняются длительное время, в исторической перспективе они приводят к дальнейшему распаду государства и отходу земель к более многочисленным и сильным соседям.

Что же случилось? Почему в начале XX века наши соседи были третьими в мире после Китая и Индии, а сейчас вот-вот уступит Пакистану и Нигерии? Куда делось население?

Умерло!

«Говорят, что мы сослали 10 млн человек, — повернулся Молотов к Феликсу Чуеву. —

Это неправда, мы выслали 20 млн человек!» — победоносно подчеркнул он.

«Каждую ночь в Харькове собирают по 250 умерших от голода и тифа. Замечено, что большое число из них не имеет печени, из которой готовят пирожки и торгуют ими на рынке». Это свидетельство итальянского консула в Харькове о голоде 1932 года. Всего количество жертв этого рукотворного сталинского голода составило не менее 10 млн человек. А ведь люди умирали не только от голода — их сослали, и прежде всего «кулаков» и «подкулачников», то есть умелых хозяйственников, основу нации.

Что же произошло с высланными? Вот отчет инструктора Нарымского обкома партии о ситуации на острове Назино, куда в апреле 1932 года отправили кулаков, большинство из Украины: *«На острове не оказалось никаких инструментов, никаких построек, ни семян, ни крошки продовольствия... Люди начали умирать... Вскоре началось в угрожающих размерах людоедство... из 6100 человек, прибывших из Томска, к 20 августа осталось в живых 2200 человек». А сколько умерло до Томска? А сколько погибло к марту? Будем считать, что не три четверти из 20 млн умерли, допустим, только половина. Тогда прибавим к*

10 млн человек, погибших от голода, еще 10 млн, погибших от холода в Сибири.

Сталин спрашивает у Радека: «Как же мне избавиться от клопов?» Радек отвечает: «А вы организуйте из них колхоз — они сами разбегутся».

А теперь приплюсуем к этому количеству жертв террора. В 1937—1938 годах органами НКВД было арестовано 1,5 млн человек, из них 680 тысяч были расстреляны, а 115 тысяч погибли под пытками или в лагерях. В 1940-м осудили уже 2,4 млн человек. Из них накануне войны в лагерях оставалось 1 млн 900 тысяч человек. Посчитайте, сколько было замучено и убито!

Зададимся вопросом: ради чего Россию превратили в ГУЛАГ? Да чтобы создать военного монстра, который должен был покорить весь мир! Вся территория России была превращена в единую сборочную фабрику, где ценой величайших лишений создавалось наступательное оружие. Американец Джон Скотт провел пять лет на промышленных стройках Урала. В книге, выпущенной в Стокгольме в 1944 году, он свидетельствовал: *«Советский Союз уже с 1931 года находился в состоянии войны, и его народ исходил потом, кровью и слезами. Людей ранило и убивало, женщины и дети замерзали, миллионы умерли от голода, тысячи попали под военные суды и были расстреляны в боевом походе за коллективизацию и индустриализацию...»*

Homo soveticus

Зачем в СССР отменяли историю

«Нам бы всю историю взять и отменить!»

В 1918 году Наркомат просвещения РСФСР отменил преподавание истории в школах. Вернули ее только после постановления ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах Союза ССР». Причина была в тезисе большевиков о том, что история — самая классовая и партийная наука. Луначарский, Крупская и другие товарищи-педагоги единогласно решили: учебники необходимо писать только на основе учения Маркса, а пока их нет — преподавание истории в школе отменить! Заменить краеведением с обществоведением и на уроках на примерах из прошлого рассказывать о труде и классовой борьбе. В скором и успешном завершении этого проекта товарищи полагались на Маркса с Энгельсом да на еще живого Ленина... Но в «исторической обойме» был лишь старый историк-большевик Михаил Покровский, который учился у Ключевского. А товарищи, возложившие свои надежды на Маркса, даже не подозревали, во что вляпались. Оказалось, что Маркс не оставил цельной историософской схемы. В своей работе «К критике политической экономии» он сообщил лишь, что были античный, азиатский, феодальный и буржуазный способы производства. И все, далее не углублялся! В «Капитале» упоминаются отдельно античный и рабовладельческий способы производства, и еще мелкотоварный (мелкобуржуазный). Энгельс же прямо называл Россию, Индию и Индонезию странами первобытного коммунизма и деспотизма с родовым строем и, соответственно, отнес их к азиатскому способу производства.

В 1920—1930-х марксисты в СССР сумбурно решали, что Маркс имел в виду под азиатским способом производства, пока Сталин безапелляционно не внес свое указание (о котором позже). В «Нищете философии» Маркс сообщил: капитализм невозможен без рабства — и указал на Юг США, чем поставил между формациями знак равенства. Через 18 лет после публикации этих строк рабство в США отменили, но Энгельс в переиздании этого опуса Маркса дал сноску такого содержания: мой покойный друг был прав, капитализм таки невозможен без рабства, теперь негров-рабов заменили рабочие из Китая. В 1884 году Энгельс, уже без Маркса, открыл в Германии и Индонезии еще один способ производства — государственный социализм, назвав его «заразой» и обвинив во всем Бисмарка и голландских колонизаторов.

Но для создателей «советской истории» большей проблемой стало то, что Маркс в 1877 году прямо написал журналу «Отечественные записки», а затем, в 1881 году, Вере Засулич: *«Я не создал никакой всеобщей историческо-философской теории со сменой формаций для всех времен и народов, так как создать ее нельзя по определению. Все это вы, русские, сами выдумали и приписываете мне, а я всего лишь утверждаю: подобно тому, как капитализм сменил феодализм, так и его сменит коммунизм»*. В Европе многие тогда считали, что создать такую теорию не представляется возможным, эта точка зрения доминирует и по сей день.

Да, с Марксом нашим коммунистам не повезло: он оставил такое сумбурное наследие, что даже Энгельс не смог его упорядочить. Но с работами Ленина дела обстояли еще хуже. В 1921 году вместе со словом «НЭП» Ильич ввел и понятие «уклад», которого нет в немецком языке, сакральном языке марксизма. Ленин заявил о наличии в СССР четырех укладов: патриархального (натурального хозяйства), мелкотоварного,

частного капитализма и государственного капитализма. Но вскоре вождь умер, так и не объяснив партии, в чем их отличие от способов производства и формаций.

Самостоятельно же партия смогла признать наличие элементов капитализма не только в Московской, но и в Киевской Руси, благо Маркс с Энгельсом тоже писали о роли средневекового торгового и ростовщического капитала в генезисе капитализма. Но отказаться от москвоцентризма и «собирания русских земель» была не в силах, так как сама интенсивно занималась «собираательством» под видом всемирной революции. Получался парадокс: партия имела на руках книги Покровского, марксиста с 1896 года, члена РСДРП с 1905 года, с тех времен знакомого с Лениным, но не хотела издавать на их основе учебники.

В это время в Украине Матвей Яворский концепцию Покровского в форме учебников не только изложил, но и переиздавал. Однако то, что можно было делать в Украине, было не позволено в остальном СССР. С Украиной пока заигрывали, в ней еще проводили украинизацию бывшие госслужащие империи, которые теперь служили СССР. Большевики были научены войной с УНР, Махно, Зеленым и другими «батьками» и не хотели повторять ошибку Николая II, который 22 апреля 1915 года приехал в занятый российской армией Львов и сразу объявил, что никакой Галичины нет, а есть Русская земля до Карпат, приказал переименовать украинцев в русинов и все делопроизводство и публичные выступления вести на великорусском языке.

Большевики, чтобы не наступать на эти грабли, даже пригласили вернуться в Украину гегельянца Грушевского, в концепции истории которого украинский национальный дух последовательно вселялся в киевских князей, в Данилу Галицкого, в литовцев Олельковичей, в казаков Хмельницкого и

в Мазепу. Большевики надеялись: Грушевский поселит этот дух и в Совнарком УССР, чем снимет все проблемы строго по Гегелю. Грушевский был не против, но настаивал: история Украины обособлена от истории Московии, с чем красные «собиратели» согласиться не могли. Последней надеждой большевиков стали массы и их коллективное творчество. Тогда массам, чтобы могли высказаться, создали в 1926 году журналы «Историк-марксист» в РСФСР и в 1927 году «Прапор марксизму» в УССР. А в 1931 году, когда уже всюду шла «зачистка», в этот ряд стал еще и партийно-правильный журнал «Классовая борьба» под лозунгом «*Массы творят и пишут историю*».

Но возникли проблемы. Со времен Николая I официальная доктрина истории империи утверждала: в России, в отличие от Европы, никогда не было феодализма и поэтому не будет ни капитализма, ни революции. Россия развивается особым путем, в ней всегда был особый социальный строй, основанный на единстве царя и народа. Но за сто лет общепринятого названия ему так и не придумали. Народники эту точку зрения тоже разделяли, почему и искали способ, как перепрыгнуть в социализм, минуя ужасы капитализма и Маркса, и видели в общине «трамплин» для прыжка.

В начале XX века версия «особого пути» всем так надоела, что старая и «красная» профессура единодушно признали: в России, как и в Европе, был феодализм, начинался капитализм, но от его ужасов нас спасла революция. Однако в Европе, по Марксу, был еще и рабовладельческий строй, который он назвал античным, и его надо было найти где-то в начале истории Киевской Руси, чтобы не портить всю диалектику, а еще что-то решить с азиатским способом производства. У них получилось — о рабах в Киевской Руси источники сообщали чаще, чем о феодалах.

С феодализмом, кстати, тоже возникли проблемы, и чем глубже вникали в них большевики, тем отчетливее понимали: феодализм в свое время в российской почве укоренился надолго и основательно. Поэтому стали присматриваться, что там у буржуев.

А на загнивающем Западе, как давно было принято, царили вопиющий идеологический разброд и бесклассовое шатание. В рабство как в самостоятельный способ производства там уже мало кто верил и в существовании феодализма тоже начали сомневаться. Но «полное разложение» все-таки давало немало примеров того, что схема Маркса весьма далека от фактов истории, в чем большевики и сами убедились, когда стали писать историю СССР с древнейших времен. Оптимизм вселяла лишь партия Гитлера. Она бодро рассказывала об особом пути Германии и демонстрировала чудеса патриотического воспитания с использованием мифов о «Кольце Нибелунгов» и Земле Туле. Большевики могли лишь завидовать немцам, у которых все концы истории благополучно сошлись в «Кольце Нибелунгов», — что ни говори, а русские былины не дотягивали.

Наконец функционеры с партийным билетом в нагрудном кармане поняли, что с азиатским способом производства и феодализмом они могут разбираться еще сто лет и ничего хорошего для них из этого не получится. Пролетарские массы хотели простоты с ясностью — сейчас и с именем Маркса, и им было плевать, что Основоположник ничего такого подходящего не написал.

Наконец товарищ Сталин, все время чутко прислушивавшийся к настроениям в партии, в феврале 1933 года на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников на пробу огласил истинно марксистскую схему истории из пяти способов производства, в которую «азиатский способ» просто не попал. Колхозники не возражали, а партия этого давно ждала и

была готова вступить в идеологическую схватку. С конца 1929 года партийные идеологи уже начали погром школы Покровского и других «уклонистов». Тогда же был арестован, лишен звания академика и исключен из партии Яворский, а вскоре вновь арестован и уже расстрелян — как националист. Атакам подвергся и сам Покровский, но успел умереть в 1932 году, чем облегчил ликвидацию всей школы. Его книги изъяли и отправили в спецхран, куда после ареста Грушевского в 1931 году попали и его книги. Покровского в СССР вообще старались не упоминать, а из Грушевского сделали куклу для битья. В 1929—1931 годах прошло и «Академическое дело», во время которого из научных учреждений уволили свыше 600 историков. Таким образом, оглашению Сталиным «истины» предшествовала большая «чистка» кадров.

Приход к власти Гитлера ускорил принятие партией в 1934 году решения о возвращении истории в школу. Но оказалось, во-первых, что авторы пробных учебников репрессированы, упоминать их нельзя; а во-вторых, в этих «пробах пера» без обвиняков обличается колониальная политика Москвы — в полном соответствии с дореволюционной линией партии. Тогда Сталин и сталинисты приняли соломоново решение: обличения удалить, вернуться к москвоцентризму Карамзина и учебникам Иловайского, но наложить на них схему якобы Маркса и разрешить славянам «перепрыгнуть» через рабовладельческую формацию. Последнее было принципиально, поскольку объясняло, как якуты и чукчи смогли от первобытного коммунизма «перепрыгнуть» в настоящий коммунизм. Были даже произведены попытки сделать их «русскими», но из общих черт удалось выделить лишь поголовный алкоголизм.

С 1936 года учебники стали поступать в школы, хотя в СССР продолжали «прыгать» в коммунизм по учебникам Иловайского

и Сталина. Обоих скромно не упоминали, так как учебники считались коллективным творчеством партии. Главным по надзору за освещением истории Киевской Руси назначили Бориса Грекова (1882—1953), для чего в 1935 году дали звание академика. За верность делу партии Грекову даже простили, что в 1920 году он приветствовал в Крыму Врангеля. От Грекова это бремя перешло к Борису Рыбакову, а в Украине должность «надзирателя» стремился подмять под себя Петр Толочко.

Так в СССР официально было доказано: без истории жить можно, но недолго.

В дальнейшем было установлено всего три жестких правила: азиатский способ не признавать, «схеме Маркса» не изменять и от линии на москвоцентризм не уклоняться. Эти правила в РФ действуют и по сей день, но при этом проявляется все усиливающееся громадное желание вернуться к имперской доктрине об «особом пути».

Первая, Российская, империя тоже любила играть в разные «освобождения» по формуле «Московский царь — друг всех угнетенных»: он устраняет плохих воевод или начальников и назначает хороших. Вторая империя, СССР, вывела игру на новый уровень. Для этого КПСС от имени пролетариата выписала себе эксклюзивный мандат на освобождение всех угнетенных на Земле и в соседних галактиках. Лично Сталину во исполнение этого решения присвоили титулы *«товарищ»* и *«вождь всех трудящихся»*, чтобы даже у инопланетян не было сомнений в его полномочиях.

Советские ученые под чутким руководством партии также установили, что Московское царство и Российская империя — это, конечно, «тюрьма народов», но прогрессивная и более комфортная, чем другие места заключения на земном шаре. Поэтому *«русский»* человек еще до своего выхода из нее, а особенно после *«Великой Октябрьской социалистической*

революции», всюду нес свет, сеял разумное, доброе, вечное и всем *«трудящимся»* дарил освобождение. Республики Новгорода и Пскова он избавил от произвола бояр, их коррупции и прочих ужасов демократии и установил там прогрессивные режимы царей Ивана III и Ивана IV (и тот, и другой имел прозвище Грозный). У эстонцев и латышей этот русский богатырь изгнал страшных немецких феодалов методом сохранения за ними поместий и назначения на высшие должности в империи. За это немец Миних завоевал для империи Крым. У литовцев немецких феодалов не было, но их тоже от чего-то освободили. От чего — советским историкам так и не удалось определиться. У народов Кавказа убрали турок, персов и родоплеменную знать, по установившейся традиции приняв ее на службу империи — как сейчас Кадырова. У советских историков Кавказа проблема была только с Шамилем, пока не было замечено, что никакой он в сущности не герой борьбы с самодержавием, а попросту англо-турецкий агент.

Вот и из Украины сначала надо было изгнать польскую шляхту, а саму Польшу в то же время освободить от шведов. После чего Петр I лишил украинцев *«коррупцированной казацкой старшины»* и заменил ее учтивыми чиновниками империи, благородными российскими дворянами и той самой шляхтой, от которой Москва уже освободила Украину столетием ранее.

На Кавказе вон уже идет четвертая волна освобождения, после царского, советского и ельцинско-путинского. Освобождают, как обычно, от коррупции и произвола местных кланов и элит, то есть, на советском языке — от произвола родоплеменной знати. Освобождают, освобождают — уже два столетия! — и все не устают удивляться: откуда у этих горцев снова золото и серебро, ведь мы их уже не раз освобождали?!

Только вот заняться своим собственным освобождением — до этого у россиян, как всегда, руки не доходят, поскольку по

уши влезли в борьбу с угнетателями других стран, даже за тридевять земель...

Народ российский и советский за то и любил царей и Сталина, что они периодически всякое начальство сажали и даже убивали, чем доказывали: царь — с народом. Начальство уважало Сталина за то же самое — ведь посадки одних открывали перспективы для карьерного роста других и стимулировали ум к выявлению «врагов народа», растратчиков и коррупционеров. У авторитарных режимов своя логика развития, периодические «чистки» и посадки не устраивают только «очень отсталые и застойные страны».

Российские власти считали, что народ российский по своей натуре не расист, охотно всех принимает в свое лоно, особенно с землей, но потом очень не любит, когда принятые с таким радушием народы слишком долго не устают рассказывать о своем генезисе. Украинцам этого совсем простить не могут и периодически убеждают себя, что нас никогда не было и нет. Население РФ скорее признает существование марсиан, чем украинцев!

Вообще, россиянам явно не помешал бы «Институт восстановления памяти». Быть может, тогда вспомнили бы, откуда на Оку и Волгу пришли славяне и почему города там имеют названия Галич-Мерский, Переяславль-Залесский, Стародуб, Владимир-на-Клязьме.

И сегодня в РФ продолжается электоральный цикл под лозунгом *«Московский царь — самый главный»*, пишите ему прямо в Кремль. Это особенно заметно, когда «кремлевский владыка» снисходит к журналистам во время пресс-конференций и возвещает свое личное представление об истории народов. Только что-то не заметно, чтобы все это вызывало потоки оптимизма и энтузиазма. Россия сейчас похожа на заключенного, который в суде уныло ждет

объявления известного приговора о продлении срока отсидки, и у него лишь одно желание: поскорее бы вернуться в тюрьму, к привычной жизни и не опоздать на жрачку.

Воспитание литературой

Взяв власть, большевики, образно выражаясь, решили сменить аз-бу-ку на бук-варь, тем самым лишив общество азбучной истины: *«Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно»* (Конфуций).

Спустя всего 10 лет после Октябрьского переворота стало проявляться негласное, а вскоре и возмутительно грубое давление партийных органов на национальные культуры, сначала на украинскую, впоследствии, не особо задерживаясь, перешли и на еврейскую. Возник термин «пролетарская культура», сокращенно «пролеткульт» — в самом названии присутствует умственное ограничение.

Пролеткульт — литературно-художественная и культурно-просветительская организация, образованная в феврале 1917 года и просуществовавшая до апреля 1932-го. Деятельность Пролеткульта объединяла по всей стране до 400 тыс. рабочих. Помимо литературных, печаталось свыше 3 млн экземпляров музыкальных произведений и до 10 млн просветительской продукции. Идеология пролеткульта основывалась на понятии классовой культуры, которое выдвинул марксист В. Плеханов и развил ведущий теоретик А. А. Богданов. Рассматривая искусство в качестве *«самого могущественного орудия организации классовых сил»*, Богданов настаивал на необходимости формирования пролетариатом своей культуры, проникнутой идеей трудового коллективизма. Одно из главных положений пролеткульта — приоритет коллективного сознания и массового творчества перед индивидуальным: *«...творческую самодеятельность масс он ставит в основу своей деятельности»*. Изгнание интимного и лирического, гиперболизация темпов

строительства во всем, невозможность индивидуального мышления, технизация слова — такой представлялась культура будущего.

Это сейчас нам понятна убогость явления, которое в будущем ожидал тупик! А тогда было понятно далеко не всем. Наиболее ярко программа пролеткульта воплотилась в поэзии, которая волей-неволей поставила в центр произведений собирательный образ пролетария, «бесстрашного работника — творца — человека». Основными темами поэзии пролеткульта были труд, коллектив, пафос преобразований *«Демократии Грядущей вселенной»*, Мировой революции. А какая могла быть у пролетария особая классовая культура, если это человек, не имеющий никакой собственности, никаких определенных средств к существованию и живущий только своим трудом, на ежедневный заработок, с лишением которого ему грозила полная нищета...

Само слово «пролетарий» вынесено на штыки русской революции из Древнего Рима — так характеризовался беднейший класс общества, освобожденный от воинской повинности и от налогов. Это вопиющее бескультурие насильно внедряли в СССР — стране бесправия и социального примитивизма. Всякий художник, литератор, любой творец обязаны были подстраиваться под всеобщую серость и тупость. Яркий пример — *«Бедный Демьян — поэт рабочих и крестьян!»* Всеобщий восторг в музыке вызывали блатные песни, а изобразительное искусство было низведено до татуировки на теле.

Пионер пишет имена тех, кто отмечал Пасху

Школьное образование повсеместно нивелировало проявление индивидуальности и яростно боролось с духовными выскочками из «серой» массы, готовя каждого человека-винтика к выполнению своей узкой функции в государственной машине, придерживаясь «духовного ГОСТа».

Так формировалась общность «советский народ», среди ценностей которого отсутствовали национальность, вера, личная собственность, индивидуальность... Вот почему наше всеобщее образование было «средним» — то есть незатейливым. Каждому такому воспитаннику царско-капиталистическое прошлое виделось ужасным, а будущее — вечно светлым. Мечта о коммунизме — где все есть и не надо ничего делать — действительно совершенно советская.

Реклама кондитерской
фабрики. 1930 год

Я не буду здесь останавливаться на роли агитационных плакатов, которые стали яркой иллюстрацией идеологии тоталитарных государств. Советские и нацистские образцы этой безусловно высокохудожественной продукции достигали верха совершенства. Произведения в этом жанре советских мастеров — Родченко, Клуциса, Эль Лисицкого — стали ярким явлением во всемирной культуре и искусстве.

На бульвар привезли бочку кваса. Продавец отцепляет ее, готовится торговать. Подходит мужик:

— Сколько стоит вся бочка?

— Ну, считай: двести литров, по тридцать копеек кружка — сто двадцать рублей.

— Вот тебе деньги, — говорит мужик, — иди отдыхай, развлекайся. Вечером придешь за пустой бочкой.

Продавец с готовностью уходит, а мужик разворачивает плакат: «Квас бесплатно».

Народ сначала удивился, потом стали подходить. Потом очередь образовалась. Потом длинная очередь. Наконец толпа — мат, крики: кто без очереди лезет, кому-то не досталось. Началась драка, дошло до поножовщины.

Приехала милиция, толпу разогнали, зачинщиков — в кутузку. И мужика туда же.

Пришло время его прессовать.

— Говори, с какой целью спровоцировал драку?

— В мыслях не имел!
— Незаконной торговлей занимался?
— Бесплатно людей квасом угощал. Есть свидетели.
— Значит, квас ворованный!
— На свои кровные купил. Имею право.
— Может, ты псих?
— Да нормальный я. У меня и справка есть.
— Ладно, мужик, мы тебя отпустим, — согласился капитан милиции, — только скажи, зачем ты это сделал. Зачем свои деньги тратил? В чем фишка?
— Ладно, так и быть, — говорит мужик, — скажу. Человек я уже немолодой. До коммунизма точно не доживу. А так хотелось посмотреть, как оно будет!

Почтовая карточка из архива автора

А где советская молодежь могла слушать музыку? Дребезжание из радиотарелки, так называемой точки, эстетически выравнивало Баха не только с Оффенбахом, но и просто со звукоподражанием «бах!». Поэтому знакомство с прекрасным происходило на парадах, демонстрациях... похоронах, где играли, скорее издавали громкие звуки, духовые

оркестры. Им не обязательно было не фальшивить — откровенной фальшью уже было ими исполненное. Слово «музыка» здесь неуместно. В сознании широких масс слово «консерватория» ассоциировалась со складом консервов — ха-ха-ха!..

Плакат 1925 года

Оценки реалий дореволюционного прошлого утверждались специальными пропагандистскими органами и закреплялись в словарях, энциклопедиях. Ответственные чины вешали ярлыки на персонажей ушедших столетий: «гениальный», «выдающийся», «замечательный», «известный»... Поэтому в справочных изданиях все стояли по утвержденному партией ранжиру. Использовались и другие определения, особенно об интеллигенции: «запутавшийся», «не сумевший оценить», «не понявший», «растерявшийся»... словно отечественная история делалась второгодниками и двоечниками!

«Давай наставления только тому, кто ищет знаний, обнаружив свое невежество».

Конфуций

Российская империя расширялась и крепла, несмотря на то, что ее создатели были эксплуататоры, продажные чиновники, мечущаяся, «гнилая» интеллигенция (по Ленину), пьяницы рабочие и голодное крестьянство. Да еще бездельники духовенство и «кровососы» ростовщики! А государство крепло, и если бы не беды на фронте и бунт в столице, то могло бы стать по-европейски развитой страной. Но история не признает сослагательного наклонения, поэтому-то и произошел распад империи в 1917 году. А что потом? *«Мы наш, мы новый мир построим! Кто был никем, тот...»* — хочет **всё!** Вот я добавил заветные три буквы — и как изменился смысл «Интернационала» — гимна КПСС! Объясните кто-нибудь: почему все описанное в научной фантастике сбывалось на Западе, а все, что в сатире, антиутопиях и ужасах, — в СССР?!

Плакат 1926 года

Кто хочет услышать что-то радостное об СССР — смотрите советские фильмы. В этой книге столько в процентном отношении хорошего, сколько было в реальной жизни. Советская власть с самого начала пыталась создать «нового человека», что значило «свободного от буржуазных предрассудков, морали и мышления». Человек советский зримо отличался от несоветского. Это правда, что людей, похожих на него, можно найти и в Англии, и во Франции, и вообще где угодно. Но речь идет о масштабности этого образа, его повсеместности на определенной территории, очерченной государственной границей, — такого распространения Homo soveticus, как в России, уж точно нет нигде в мире!

Можно выделить портретообразующие черты этого «нового человека», выведенного советской властью. Он крайне инфантилен, так как социально беспомощен. Он не умеет бороться за свои права, отвечать на насилие насилием — об этом писал еще Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Людям звонили в дверь, и они не притаивались с топором, а спокойно отдавали себя во власть тех, кто их приходил арестовывать, эти люди даже не возражали, а лепетали что-то вроде «это какая-то чудовищная ошибка...» Советский человек — кто угодно, но не бунтарь, не борец за свои права и интересы. При этом он может проявлять массовый героизм, когда речь идет об общем порыве — например на фронте.

Плакат Г. Шубина. 1940 год

Из-за этого самого свойства — назовем его инфантилизмом — советский человек приспособлялся к чему угодно. Если мы перелистаем романы конца 1970-х годов, прежде всего тексты Юрия Трифонова, то увидим советского человека во всей его неприглядной красе. Он образованный, неглупый, вроде бы и неплохой человек, но при этом готовый на любую подлость, способный в фигуральном смысле перегрызть горло ближнему своему ради чего угодно — ради квартиры, должности, прибавки к жалованию и так далее. Это люди, для которых не существовало высших ценностей. Зато на бытовом уровне советский человек очень адаптивен: там, где представитель западного мира просто бы умер или устроил резню, наш говорит: *«Ничего-ничего, мы приспособимся, в очереди постоим два раза, если в одни руки только одну курицу дадут, а чтобы не узнали, нахлобучим шапку и поднимем воротник»*.

Номо soveticus довольно злобен в своей инфантильной агрессии, которая направлена не на защиту себя и своих близких (советский человек с легкостью сдавал жену, детей в 1930-е годы, например). Но он всегда был настроен на «халяву» — ухватить кусок! У одного замечательного писателя я

встречал слова о том, что эти люди совершали подлости не потому, что боялись смерти, а потому, что боялись вместо черной икры есть красную. Советский человек — закоренелый потребитель, любящий вещи красивые и не очень, он скопидом, жадный, заглывающий персонаж.

На самом деле советский человек жил в жестком вертикальном мире. Популярная поговорка насчет начальника и дурака совершенно справедлива применительно к советской действительности. Советский человек истово верил, что начальник имеет право бить, издеваться, недоплачивать, воровать, носить часы стоимостью в десятки тысяч долларов. И беда в том, что такие люди до сих пор составляют значимую часть нашего общества.

Не буду говорить, насколько реальна фигура Павлика Морозова, — советской власти было важно растить в людях сознание такого рода. Вся идеологическая мощь государства была направлена на то, что ему, государству, важнее всего. Вырастить таких людей не удалось, но заставить их так себя вести в ряде случаев — да.

Этот человек никогда не терял страха перед властью. У Гроссмана в «Жизни и судьбе» описывается громадное светящееся синими буквами слово «Госстрах». Оно воспринималось совсем не так, как бренды каких-нибудь страховых компаний. Если говорить о том, как удавалось корезить души людей и мучить их, то чувство страха было главным оружием.

Сколько мы знаем историй, как родители скрывали от детей репрессии, которым подвергались ближайшие родственники, берегли их от этого — потому что все знали, что лучше будет не заронить в детях ни этот страх, ни желание сопротивляться ему. Я не верю в то, что люди, занимавшие, казалось бы, самые высокие посты, предавая своих жен, чувствовали себя после

этого счастливыми. Но они знали, что в той обстановке выбора у них нет. Вариантов всего два: остаться самому в беспомощном, униженном положении или лишиться последней надежды помочь близкому человеку, хотя бы даже увидеться с ним!..

Большевики не могли изменить существовавшие между людьми подлинно человеческие отношения. Но если мы говорим о любви и настоящей дружбе, то, я думаю, далеко не статистическое большинство представителей людской породы на Земле способно на такие чувства, потому что эти чувства невозможно описать словами, а значит — можно назвать любыми, хотя по большей части люди не умеют испытывать ничего подобного. Кто-то не умеет любить, кто-то не умеет дружить. Лишь думают, что способны на это, но по существу своему лишены даже счастья знать, что это такое.

Кто же, как писал Довлатов, настроил те «четыре миллиона доносов»? Ассоциировал ли себя советский человек с палачом или с жертвой? И то, и другое. Ложные цели одурманивали. Жена могла действительно назвать мужа врагом — в том смысле, в каком это видела власть. Другое дело, что он не становился личным врагом для своей семьи. Почему человек сотрудничал с властью? Один так приспособлялся, другой зарабатывал на бутерброд с черной икрой, третий — от страха, потому что был уверен, что за ним постоянно следят или даже провоцируют его донести, «настучать»... Нельзя жить в одномерном пространстве и считать, будто все писали доносы по одной причине. Отсутствие нравственности в любой среде — будь она ориентирована на создание типа «нового человека» или на что-то другое — обуславливает ситуацию, в которой все остальное начинает рушиться.

Власть смогла воспитать советского человека и большевики произвели революцию в области человеческих ценностей потому, что царская власть, при всей ее жестокости, стремилась

к добру в конкретном смысле. Во время царизма не было слышно даже таких слов и выражений, как «уничтожать», «расстрелять, как бешеных собак», «ликвидировать как класс», «стереть с лица земли». Ни один русский поэт, даже самый реакционный, не мог написать, как Сергей Михалков: *«Ты будешь стерт с лица Земли, чтоб мы спокойно жить могли».*

Иван Солоневич в своей книге «Россия в концлагере» заметил замечательную вещь: революционность большевиков состояла в том, что они сделали ставку на мерзавцев. Власти других стран ставили на хороших людей, благородных, умных, а большевики — наоборот. Может быть, поэтому после их прихода «преступный мир» стал героизирован. Котовский и Камо были и остались бандитами! Во всем СССР горланили пьяными голосами: «Мама, я жулика люблю!» — или: «Мурка! Ты мой котеночек...» Как верно определил Солоневич, ставка была сделана на людей *«с мозгами барана, моральным чувством инфузории и волчьими челюстями — на человека, который в групповом изнасиловании участвует шестнадцатым».* Точнее не скажешь.

Большевики были лишены какой бы то ни было морали. Хотели ли они светлого и хорошего? Нет. Большевистская сволочь, придя к власти, хотела только одного: грабить, издеваться, убивать и держаться у власти до последнего. Строительство танковых заводов, перекрытие рек, лесополосы — все это было сделано для того, чтобы Сталина не повесили. Когда мы это поймем? Когда мы перестанем заниматься словесной эквилибристикой — мол, об этом рассуждать сложно... Да ничего сложного!

**ОРГАН
ЦК и МК ВЛКСМ**
30 сентября 1939 г., суббота
№ 133 (2303)

**О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА
О ВЗАИМОПОМОЩИ И ТОРГОВОГО
СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СССР
И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.**
В течение 14—28 сентября в Москве проводились переговоры между представителями этих государств в Рижском Консульстве Дип. Училища и Советом по вопросам и заключению пакта о взаимопомощи и торгового соглашения между Советским Союзом и Эстонией. В переговорах участвовали ил. Савина и Уткина, а со стороны Эстонии — Председатель Государственной Думы профессор Ю. Уртли, профессор А. Пабо и Эстонской Республики В. А. Раа.
Переговоры закончены, подписаны 28 сентября пакт о взаимопомощи и торгового соглашения. Этот пакт о взаимопомощи и торговом соглашении является важным.

**ПАКТ О ВЗАИМОПОМОЩИ
МЕЖДУ СССР
И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.**
Представители Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Представители Эстонской Республики, с другой стороны, в целях развития установившихся хороших отношений и в целях дружественных отношений, заключили на взаимной государственности и независимости на взаимной дружбе пакт о взаимопомощи и торговом соглашении.

**К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЕРМАНО-СОВЕТСКОГО
ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ
МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ.**
В течение 27—28 сентября в Москве проводились переговоры между Председателем Совнаркома СССР и Народным Канцлером Голландии и Министром Иностранного Дела Германии г. фон-Риббентропом по вопросу о заключении германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией.
В переговорах принимали участие тов. Савина и немецкий посланник в Германии г. Шольцман, а со стороны Германии — германский посланник в СССР г. Шулльберг.
Переговоры закончились подписанием германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией в здании правительства СССР в Берлине, а также обмена посланки между г. Шольцманом и г. фон-Риббентропом по взаимности вопросов. Пакт является советско-германским договором.

**ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ
И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ.**
Представители СССР и Германии в Берлине подписали пакт о дружбе и границе между СССР и Германией. Этот пакт является советско-германским договором о дружбе и границе между СССР и Германией.

**Сообщение ТАСС
О РАТИФИКАЦИИ СОВЕТСКО-ЭСТОНСКОГО ПАКТА
О ВЗАИМОПОМОЩИ
ПРЕЗИДИУМОМ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР.**
Президиум Верховного Совета СССР 28 сентября ратифицировал пакт о взаимопомощи и торговом соглашении, заключенный в Москве 28 сентября с. г.

**Заявление министра
иностранного дела
Германии
г. фон-Риббентропа
сотруднику ТАСС**
Перед отъездом из Москвы министр иностранных дел Германии г. фон-Риббентроп заявил сотруднику ТАСС следующее заявление: «Мне чрезвычайно приятно было кратким и лаконичным

«Пионерская правда». 30 сентября 1939 года

Пришли преступники, мерзавцы, подонки, уголовники — такие, которых в любой камере утопили бы в параше. Вот кто правил нами на протяжении десятилетий! И когда мы это поймем — тогда и сможем наконец выдохнуть и справедливо оценить и советскую литературу, лизавшую задницу этим подонкам, и советское искусство, изображавшее этих мерзавцев, и советский театр, ставивший про этих негодяев «Гибель эскадры» и «Оптимистическую трагедию».

Давайте же, хотя бы сейчас прожив сто лет после «Великого Октября», откроем истину о себе и своей стране. Мы же взрослые люди, седовласые мужчины, мускулистые юноши, женщины-матери, — давайте же скажем правду: ничего хорошего не было в те годы. Ни-че-го. И «новый человек» вышел достаточно паршивеньким. Вот чтобы он стал хоть немного лучше, надо начать с малого — говорить правду.

***

С раннего детства я рос фанатичным книголюбом. Меня как личность сформировали книги и наставники-библиофилы.

Семенá, посеянные в душе в те годы за чтением, превратились в развесистые древа моих книг, которые я постоянно предлагаю читателям. Мое многолетнее непосредственное общение с людьми, ранее на экскурсиях, а теперь на Андреевском спуске, позволяет распознать индивидуума, воспитанного книгой, от простого обывателя, позволившего телевидению сформировать свое мироощущение. Также не представляет сложности почувствовать разницу в менталитетах представителей разных «братских» стран, проходивших мимо меня. Это не касается «московско-питерских» интеллигентов, прибывающих в Киев из разных континентов и ярко выделяющихся своими гуманитарными познаниями и начитанностью.

В послереволюционные годы ощущался повсеместный интерес к книге, привитый еще в Российской империи, где и власть, и общественность, и клерикальные круги стремились к повышению образованности всех слоев населения. В селах открывались чайные, где можно было почитать хорошие литературные произведения в финансово доступных изданиях А. Ф. Маркса и П. П. Сойкина.

«Пионерская правда». Октябрь 1935 года

Думающая общественность понимает, что в наше время падение интереса к книге имеет глубокие корни в прошлом. Уже по одним только спискам литературы, рекомендованным школой, можно определить настроение и запросы населения. И понять причину неуклонной его деградации. Какие книги читали в СССР, что рекомендовали детям и молодежи серьезные тети в школах и дяди в партийных органах? Как проводились уроки литературы у наших родителей, бабушек и дедушек, какие книги им рекомендовали читать и для каких целей? Быть может, кое-кто из моих читателей будет удивлен приведенными ниже школьными программами, но ознакомиться я все-таки советовал бы, поскольку в них, в этих программах, — причины сегодняшнего духовного убожества населения и катастрофического падения интереса к книге, формирующей основы гражданского общества.

Есть ли возможность исправить это положение? Чему отдать предпочтение в издательской политике: учитывать коммерческий интерес? Взять за приоритет нужность именно этой книги в современной обстановке? Традиционно ожидаемым результатом изучения литературы в школе считается освоение книг, входящих в так называемый национальный литературный канон. Чьи имена и произведения должны там быть? У каждого писателя есть свое «лобби» в академических и педагогических кругах — те авторы, что при жизни претендуют на статус классиков, могут лично принять участие в борьбе за право очутиться в учебнике. Возникло даже понятие «школьный канон» — это тоже список, иерархически организованный и производный от национального литературного продукта.

Коль уж духовность населения формируется самими учреждениями культуры — по крайней мере, так было в СССР, — то обязательный список внеклассного чтения для учащихся (к примеру, на летние каникулы) составлялся строго попартийному. На отбор произведений для школьного канона, помимо общепризнанной художественной и культурно-исторической ценности, влиял и возраст читателя, и наглядность воплощения литературных или общественных явлений, на которые в большей или меньшей степени обращают внимание в школе — при этом средние, прямолинейные и незатейливые художественные произведения считались предпочтительнее шедевров, — и наконец, воспитательный потенциал литературного источника.

Каким образом заложенные в тексте ценности, идеи, даже его художественные особенности могут благотворно повлиять на еще формирующееся сознание школьника? Самым прямым. В СССР школьный канон стремился к неизменности, при этом постоянно меняясь. Программы по литературе разных лет — 1921, 1938, 1960, 1984 годов — отражали происходившие в стране

социально-политические перемены, а также процессы в самой литературе и системе образования.

1921 год. В самом начале социалистического строительства в методике обучения еще оставались внимание к ученику и отсутствие жесткого регламента. Военный коммунизм заканчивался, начиналась эпоха НЭПа. Новое правительство считало образование одним из приоритетных направлений своей деятельности, но кардинально перестроить дореволюционную систему обучения не позволял начавшийся после революции кризис и отсутствие кадров. (Тут уместно напомнить события в Украине после 1991 года. Указания есть, а патриотически мыслящих педагогов — нет!) Положение «О единой трудовой школе РСФСР», которое гарантировало всем право на бесплатное, совместное, внесловное и светское образование, вышло еще в октябре 1918 года, но только через три года Наркомпрос рекомендовал первую стабилизированную программу. Она составлялась для школы-девятилетки, но ввиду отсутствия в стране денег на образование и общей разрухи обучение пришлось сократить до семи лет и поделить его на две ступени: 3-й и 4-й годы II-й ступени соответствовали последним двум выпускным классам школы.

Сразу бросается в глаза, что *список книг этой первой программы в основном повторял дореволюционные гимназические программы.* Новый список некому было разрабатывать!

3-й год II-й ступени. Устное поэтическое творчество: лирика, старины, сказки, духовные стихи. Старинная русская письменность: «Слово о полку Игореве», «Повесть о Юлиании Лазаревской»; повести о Ерше Ершовиче, о Горе-Злочастии, о Савве Грудцыне, о Фроле Скобееве. Михаил Ломоносов. Лирика. Денис Фонвизин. «Недоросль». Гаврила Державин. «Фелица», «Бог», «Памятник», «Евгению. Жизнь Званская». Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву» (избранные

главы). Николай Карамзин. «Бедная Лиза», «Что нужно автору?». Василий Жуковский. «Теон и Эсхин», «Камозэнс», «Светлана», «Невыразимое». Александр Грибоедов. «Горе от ума». Александр Пушкин. Лирика, поэмы, «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Повести Белкина». Михаил Лермонтов. Лирика, «Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени», «Песня про купца Калашникова». Николай Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинель», «Портрет», «Ревизор», «Мертвые души». Алексей Кольцов, Евгений Баратынский, Федор Тютчев, Афанасий Фет, Николай Некрасов. Избранные лирические стихотворения.

4-й год II-й ступени. Александр Герцен. «Былое и думы» (отрывки). Иван Тургенев. «Записки охотника», «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Новь», «Стихотворения в прозе». Иван Гончаров. «Обломов». Александр Островский. «Свои люди — сочтемся» или «Бедность не порок», «Доходное место», «Гроза», «Снегурочка». Михаил Салтыков-Щедрин. Сказки (три-четыре по выбору преподавателя), «Пошехонская старина». Федор Достоевский. «Бедные люди», «Братья Карамазовы» или «Преступление и наказание». Лев Толстой. «Детство», «Отрочество», «Юность», «Война и мир», «Хаджи-Мурат», «Исповедь», «Алеша Горшок». Глеб Успенский. «Нравы Растеряевой улицы», «Власть земли». Всеволод Гаршин. «Художники», «Красный цветок». Владимир Короленко. «Сон Макара», «Слепой музыкант», «Река играет», «Лес шумит». Антон Чехов. «Степь», «Мужики», «Вишневый сад». Максим Горький. «Челкаш», «Песня о Соколе», «Бывшие люди», «Песня о Буревестнике», «На дне», «Мать», «Детство». Леонид Андреев. «Жили-были», «Молчание», «Жизнь человека». Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок. Избранные

стихотворения. Крестьянские и пролетарские поэты нашего времени.

В 1921 году Госсовет Наркомпроса после пореволюционной неразберихи представил в «Программах для I и II ступеней семилетней единой трудовой школы» первый стабильный список. Работой по созданию программы по литературе руководил Павел Сакулин, и в ней отчетливо просматриваются идеи, обсуждавшиеся в педагогической среде незадолго до революции.

Однако литературное образование с дореволюционными корнями категорически не устраивало партийных идеологов, поскольку литература наряду с другими родами и видами искусства служила пропаганде. Так что уже через несколько лет регулирующий документ потерял силу.

1938 год. Программа была издана под девизом «Учитель и учебник — единственные источники знаний». Сразу скажем, что между программами 1921-го и 1938 года лежит такая же пропасть, как между революцией и последними предвоенными годами. Смелые поиски 1920-х годов в самых разных областях науки, культуры и образования постепенно сошли на нет, во главу угла была поставлена задача строительства индустриального, милитаристского и тоталитарного государства. В результате чисток и политических репрессий кардинально изменился и состав тех, кто руководил изменениями в образовании и культуре. И конечно же, не в лучшую сторону!

Состав программы: *80 % русской классики, 20 % советской литературы.*

8-й класс. Устная народная поэзия (фольклор). Русские былины. «Слово о полку Игореве». Михаил Ломоносов. «Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны», «Разговор с Анакреоном». Гаврила Державин.

«Фелица», «Приглашение к обеду», «Памятник». Денис Фонвизин. «Недоросль». Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву» (отрывки). Николай Карамзин. «Бедная Лиза». Василий Жуковский. «Светлана», «Теон и Эсхин», «Лесной царь», «Море», «Я музу юную, бывало...». Кондратий Рылеев. «К временщику», «Гражданин», «Ах, тошно мне...». Александр Грибоедов. «Горе от ума». Жан-Батист Мольер. «Мещанин во дворянстве». Александр Пушкин. Лирика, оды, «Цыганы», «Евгений Онегин». Виссарион Белинский. «Сочинения Александра Пушкина». Джордж Гордон Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда» (отрывки). Михаил Лермонтов. Лирика, «Герой нашего времени».

9-й класс. Николай Гоголь. «Мертвые души», т. 1. Виссарион Белинский. «Похождения Чичикова, или Мертвые души», письмо Гоголю от 3.07.1847. Александр Герцен. «Былое и думы». Иван Гончаров. «Обломов». Александр Островский. «Гроза». Иван Тургенев. «Отцы и дети». Николай Чернышевский. «Что делать?». Николай Некрасов. Лирика, «Кому на Руси жить хорошо». Михаил Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы». Лев Толстой. «Анна Каренина». Владимир Ленин. «Лев Толстой как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Л. Н. Толстой и его эпоха».

10-й класс. Антон Чехов. «Крыжовник», «Вишневый сад». Максим Горький. «Старуха Изергиль», «Коновалов», «На дне», «Дело Артамоновых». Владимир Ленин о Максиме Горьком. Вячеслав Молотов. «Памяти А. М. Горького». Александр Серафимович. «Железный поток». Александр Фадеев. «Разгром». Владимир Маяковский. Стихи, поэмы. Николай Островский. «Как закалялась сталь». Михаил Шолохов. «Поднятая целина». Песни народов СССР.

К 1923—1925 годам литература как предмет исчезла из учебных планов, растворившись в обществоведении. Отныне

литературные произведения использовались в качестве иллюстраций к изучению общественно-политических процессов и явлений, чтобы воспитать подрастающее поколение в коммунистическом духе. Впрочем, во второй половине 1920-х годов литература вернулась в сетку предметов, и значительно обновленной. Следующие 15 лет программу будут шлифовать и утрамбовывать, насыщая произведениями советских авторов. Учителям давалось все меньше прав заменять одни произведения другими. Все больше внимания уделялось идеологии — прежде всего революционным идеям и их отражению в литературе прошлого и настоящего. Половина выпускного класса школы-девятилетки была отдана советской литературе, только справившей свой десятилетний юбилей: рядом с Горьким, Блоком и Маяковским имена Константина Федина, Владимира Лидина, Леонида Леонова, Александра Неверова, Лидии Сейфуллиной, Всеволода Иванова, Федора Гладкова, Александра Малышкина, Дмитрия Фурманова, Александра Фадеева, большинство из которых почти не известны постсоветскому поколению. Программа обстоятельно излагала, как трактовать и под каким углом рассматривать то или иное произведение, учитывая марксистскую идеологию.

В 1931 году был подготовлен проект еще более идеологически выверенной стабилизированной программы. Однако сами тридцатые годы, с их потрясениями и постоянным политическим авралом, «чисткой» элит и перестройкой всех начал, на которых держались и государство, и общество, не позволяли программам устояться: за это время сменилось целых три поколения школьных учебников. Стабильность наступила лишь в 1938—1939 годах, когда наконец была подготовлена программа, без особых изменений продержавшаяся до хрущевской оттепели, а в основном своем ядре в России — и до сегодняшнего времени. Утверждение ее

сопровождалось пресечением любых попыток экспериментировать с организацией учебного процесса: после признанных неудачными опытов с внедрением американского метода, когда учитель должен был не столько давать новые знания, сколько организовывать самостоятельную деятельность учеников в их поисках и применении знаний на практике.

Система вернулась к традиционной, известной с дореволюционных времен классно-урочной форме, где учитель и учебник — основные источники знаний, закрепление которых осуществлялось по учебнику — единому для всех школьников, который следовало читать и конспектировать, а полученные знания воспроизводить максимально близко к тексту. Программа жестко регламентировала даже количество часов, отводимых на ту или иную тему, причем это время предполагало не подробную работу с текстом, но получение, заучивание и воспроизведение готовых знаний о тексте без особой рефлексии над прочитанным. Важнейшее значение в программе придавалось заучиванию наизусть художественных произведений и их фрагментов, перечень которых был также жестко определен.

Русская литература XIX века так и не смогла выдвинуть положительного, патриотически настроенного Героя — одни печорины и базаровы... Разве что Тарас Бульба, но он-то украинец! Настоящего эпического Героя типа Захара Беркута в русской литературе золотого века нет.

На совещании, посвященном преподаванию литературы в средней школе, 2 марта 1940 года известный педагог Семен Гуревич высказал большие опасения по поводу нового подхода: *«Прежде всего одна большая неприятность у нас в преподавании литературы — это то, что преподавание стало трафаретом... Трафарет невероятный. Если выкинуть фамилию и начать рассказывать о Пушкине, о Гоголе, о Гончарове, Некрасове и т. д.,*

то все они народные, все они хорошие и гуманные. Если несколько лет назад ребята выходили из школы с мнением, что Некрасов — это кающийся дворянин, Толстой — это философствующий либерал и т. д., то сейчас все писатели — такие изумительные люди, с кристальными характерами, с замечательными произведениями, которые только и мечтали, что о социальной революции».

В конце 1930-х годов общий список курса литературы более чем на две трети совпадал со списком 1921 года. В основе все так же были произведения русской классики, но главная задача этих произведений была переосмыслена: им предписывалось рассказывать о «свинцовых мерзостях жизни» при царизме и вызревании революционных настроений в обществе. О том же, к чему привели эти настроения и каковы успехи построения нового государства рабочих и крестьян, повествовала молодая советская литература.

Отбор произведений определялся не только их безусловными художественными достоинствами, но и способностью встроиться в логику советской концепции литературного развития Нового и Новейшего времени, отражающей поступательное движение страны к революции, построению социализма и коммунизма. В 1934 году школьное образование стало десятилетним, и историко-литературный курс занимал уже три года вместо двух. Перед произведениями фольклора, русской и советской литературы стояла еще одна важная воспитательная задача — давать образцы подлинного героизма, боевого или трудового, на которые могли бы равняться юные читатели.

После разрухи военных и первых послевоенных лет наступило время жесткого идеологического прессинга и репрессий, объектами которых становились целые отрасли науки, факты искажались в угоду идеологии (к примеру,

превозносилось превосходство русской науки в мире и ее первенство в большинстве отраслей научного знания и техники). В этих условиях учитель превращался в проводника официальной линии в образовании, а школа — в место, где ученик подвергался настойчивой идеологической «прошивке» в строго заданных рамках. Школьное образование все более утрачивало свой гуманистический характер.

Смерть Сталина в 1953 году и наступившая следом оттепель сопровождалась надеждой на изменения в стране — в том числе и в области образования. Казалось, вот-вот школа обратит внимание на ученика и его интересы, а учитель получит больше свободы в организации учебного процесса и отбора учебного материала. Известие о появлении новой программы для средней школы было воспринято с наилучшими ожиданиями.

1960 год. *Третий курс отдан советской литературе, существенно сокращены древнерусская литература, литература XIX века и зарубежная литература.*

8-й класс. «Слово о полку Игореве». Денис Фонвизин. «Недоросль». Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву» (избранные главы). Александр Грибоедов. «Горе от ума». Александр Пушкин. Лирика, «Цыганы», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка». Михаил Лермонтов. Лирика, «Мцыри», «Герой нашего времени». Николай Гоголь. «Ревизор», «Мертвые души», т. 1.

9-й класс. Иван Гончаров. «Обломов» (избранные главы). Александр Островский. «Гроза». Иван Тургенев. «Отцы и дети». Николай Чернышевский. «Что делать?» (избранные главы). Николай Некрасов. Лирика, «Кому на Руси жить хорошо». Михаил Салтыков-Щедрин. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Коняга», «Премудрый пискарь». Лев Толстой. «Война и мир». Антон Чехов. «Ионыч», «Вишневый

сад». Уильям Шекспир. «Гамлет». Иоганн Вольфганг Гете. «Фауст», ч. 1.

10-й класс. Максим Горький. «Старуха Изергиль», «На дне», «Мать», «В. И. Ленин» (в сокращении). Владимир Маяковский. «Левый марш», «Прозаседавшиеся», «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», «Стихи о советском паспорте», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», вступление к поэме «Во весь голос». Николай Островский. «Как закалялась сталь». Михаил Шолохов. «Поднятая целина». Александр Фадеев. «Молодая гвардия».

Как уже было сказано, сложившийся к концу 1930-х годов советский школьный канон впоследствии почти не изменялся. В нем пока еще не было места «сомнительным» Достоевскому и Есенину, мелодраматическая «Анна Каренина» с ее «мыслью семейной» была заменена на патриотический роман «Войну и мир» с его «мыслью народной» в годы войны, а модернистские течения рубежа веков были втиснуты в шесть часов под самый конец 9 класса.

Десятый, выпускной, класс был полностью посвящен советской литературе. В этот период определяется квадрига русской классики. Два великих поэта: русский дореволюционный гений Пушкин и советский Маяковский — и два великих прозаика: дореволюционный Лев Толстой и советский Максим Горький. Особенно много времени составители программы отводили изучению Пушкина: в 1938 году — 25 часов, в 1949-м — уже 37. Остальным классикам часы пришлось подрезать, так как они попросту не умещались во все разбухающий, прежде всего за счет совклассиков, школьный канон. Его начали облегчать только во второй половине 1950-х годов, когда стало ясно, что страна взяла курс на некоторое смягчение тоталитарного режима.

Однако долгожданная программа, вышедшая в 1960 году, стала большим разочарованием для всех, кто надеялся на

перемены. Большой объем нужно было втиснуть в еще меньшее количество часов — составители предлагали учителям каким-то образом успеть пройти все предписанное не в ущерб глубине постижения. Не спасало ни изучение произведений в сокращенном виде, ни уменьшение часов на зарубежную литературу. В учебном курсе провозглашались принципы систематичности и историзма: все уложить в ленинскую концепцию «трех этапов революционно-освободительного движения в России». Материал по-прежнему требовалось просто запоминать в изложении учителя или учебника, при этом утрачивалась образно-эмоциональная сущность произведения.

1984 год. Лейтмотивом этой программы стало воспитание чувств вместо идеологии.

После оттепели вся страна выстроилась в очереди за дефицитом — и не только за югославскими сапогами или отечественными телевизорами, но и за хорошей литературой, полками с которой стало модно украшать интерьеры квартир. Расцвет книжного рынка, в том числе стихийного, репринтного, самиздатовского, советских литературных и иллюстрированных журналов, телевидения становился серьезной конкуренцией унылому советскому школьному предмету «литература», спасаемому лишь отдельными учителями-подвижниками. На смену идеологии в школьную литературу приходит воспитание чувств: в героях начинают особенно цениться их душевные качества, в произведениях — поэтика.

Состав программы постепенно расширялся за счет прежде не рекомендованных произведений русской классики (Достоевский, например) и произведений советской литературы последних лет, с которыми следовало ознакамливаться самостоятельно, с последующим обсуждением на уроках.

8-й класс. «Слово о полку Игореве». Жан-Батист Мольер. «Мещанин во дворянстве». Александр Грибоедов. «Горе от ума».

Александр Пушкин. «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), «К морю», «Я помню чудное мгновенье...», «Пророк», «Осень», «На холмах Грузии», «Я вас любил...», «Вновь я посетил...», «Я памятник себе воздвиг...», «Евгений Онегин». Джордж Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда» (I и II песни), «Душа моя мрачна». Михаил Лермонтов. «Смерть поэта», «Поэт», «Дума», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «Выхожу один я на дорогу», «Родина», «Герой нашего времени». Николай Гоголь. «Мертвые души». Виссарион Белинский. Литературно-критическая деятельность.

Для бесед по советской литературе. Анатолий Алексин. «А тем временем где-то...», «В тылу, как в тылу». Чингиз Айтматов. «Джамия», «Первый учитель». Василь Быков. «Альпийская баллада», «Дожить до рассвета». Олесь Гончар. «Человек с оружием». Савва Дангулов. «Тропа». Нодар Думбадзе. «Я вижу солнце». «Имена на поверке. Стихи воинов, павших в Великой Отечественной войне». Вадим Кожевников. «Заре навстречу». Мария Прилежаева. «Удивительный год», «Три недели покоя». Юхан Смуул. «Ледовая книга». Владислав Титов. «Всем смертям назло». Михаил Дудин, Михаил Луконин, Сергей Орлов. Избранные стихи.

9-й класс. Александр Островский. «Гроза». Николай Добролюбов. «Луч света в темном царстве». Иван Тургенев. «Отцы и дети». Николай Чернышевский. «Что делать?». Николай Некрасов. «Поэт и гражданин» (отрывок), «Памяти Добролюбова», «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...»), «Кому на Руси жить хорошо». Михаил Салтыков-Щедрин. «Премудрый пискарь», «Дикий помещик». Федор Достоевский. «Преступление и наказание». Лев Толстой. «Война и мир». Антон Чехов. «Ионыч», «Вишневый сад». Уильям Шекспир. «Гамлет» (обзор). Иоганн Вольфганг Гете. «Фауст» (обзор). Оноре де Бальзак. «Гобсек».

Для бесед по советской литературе. Алесь Адамович. «Партизаны». Сергей Антонов. «Аленка», «Дожди». Мухтар Ауэзов. «Абай». Василь Быков. «Обелиск». Борис Васильев. «А зори здесь тихие...». Ион Друцэ. «Степные баллады». Афанасий Коптелов. «Большой зачин», «Возгорится пламя». Вилис Лацис. «К новому берегу». Валентин Распутин. «Уроки французского». Роберт Рождественский. «Реквием», «Письмо в ХХХ век». Константин Симонов. «Живые и мертвые». Константин Федин. «Первые радости», «Необыкновенное лето». Василий Шукшин. Избранные рассказы.

10-й класс. Максим Горький. «Старуха Изергиль», «На дне», «Мать», «В. И. Ленин». Александр Блок. «Незнакомка», «Фабрика», «О, весна без конца и без краю...», «Россия», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «На железной дороге», «Двенадцать». Сергей Есенин. «Русь советская», «Письмо матери», «Неуютная жидкая лунность...», «Каждый труд благослови, удача!», «Собаке Качалова», «Спит ковыль. Равнина дорогая...», «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Отговорила роща золотая...», «Не жалею, не зову, не плачу...». Владимир Маяковский. «Левый марш», «Прозаседавшиеся», «О дряни», «Блэк энд уайт», «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», «Разговор с фининспектором о поэзии», «Стихи о советском паспорте», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос». Александр Фадеев. «Разгром». Николай Островский. «Как закалялась сталь». Михаил Шолохов. «Поднятая целина», «Судьба человека». Александр Твардовский. «Я убит подо Ржевом», «Две кузницы», «На Ангаре» (из поэмы «За далью — даль»).

В 1960—1970-е годы по многим упомянутым произведениям снимаются фильмы, сразу же приобретающие широкую популярность: они решают проблемы, исключая чтения. Их

воспринимают широкие массы, перенося акцент с идейной проблематики на сюжет, чувства героев и их судьбы. Произведения о революции, гражданской войне и коллективизации уходят в сокращенное или обзорное изучение (четыре часа на «Как закалялась сталь») либо на внеклассное чтение, объем которого все возрастает. Список составляется на летние каникулы. Зато все больше произведений — о Великой Отечественной войне. Литература последних десятилетий читается дома самостоятельно, после чего в классе обсуждается одна из четырех тем: Октябрьская революция, Великая Отечественная война, образ Ленина, наш современник в произведениях современных авторов. Из 30 прозаических произведений советских писателей, предложенных на выбор для обсуждения в 8—9 классах, десять книг посвящены военному времени, три — революции и гражданской войне, пять — жизни и деятельности Ленина. Девять из 24 писателей представляют национальные литературы СССР.

Литературное образование позднесоветского времени предлагало сфальсифицированную, идеологически и цензурно обкромсанную историю русской литературы, в которой многому очень важному не нашлось места. Авторы программы 1976 года, текст которой почти без изменений перекочевал в программу 1984-го, этого не скрывали: *«Одна из важнейших задач учителя — показать учащимся, что роднит советскую литературу с передовым наследием прошлого, как она продолжает и развивает лучшие традиции классической литературы, и вместе с тем раскрыть качественно новый характер литературы социалистического реализма, являющейся шагом вперед в художественном развитии человечества, классовую основу ее общечеловеческого коммунистического идеала, многообразие и эстетическое богатство советской литературы».*

Уже через несколько лет на месте СССР возникнет другое государство, а на месте раздутого обязательного списка — еще более объемный рекомендательный, наконец-то вновь, как в начале 1920-х годов, доверивший учителю право самому из предложенного перечня выбрать имена и произведения с учетом интересов и уровня учеников. Пусть меня читатель простит за столь подробный разбор этапов обучения литературы, но без этого нам сложно будет понять нижеизложенное, причины несовершенного развития общества, упадка культуры, потому что именно художественная литература главным образом формирует человека, гражданина, патриота...

«Сталина бы сейчас!» Киев с «отцом народов» и без него

В Музее восковых фигур ветеран труда Сидоров В. И. три часа перед фигурой вождя жаловался на свою судьбу.

Значительная часть истории Киева заявленного в этом томе периода представляет собой события сталинской эпохи. Повествуя об этом времени, нужно учитывать громадное влияние самого Сталина на жизнь всей страны и неотъемлемой ее части — Киева. Поэтому прежде, чем перейти к рассказу о Городе 1930-х и последующего десятилетия, нужно сказать о Сталине, о культе его личности и последствиях его правления... Это важно, поскольку и по сей день нередко слышится: «Сталина бы сюда!» — причем не только из уст старшего поколения.

В полдень 5 марта 1953 года умер глава правительства СССР и руководитель правящей Коммунистической партии И. В. Сталин (Джугашвили). Он правил страной более трех десятилетий. Со дня смерти Иосифа Виссарионовича прошло уже 67 лет, что позволяет сделать вполне определенные выводы.

Восхваляющие вождя любят ссылаться на то, что Сталин осуществил модернизацию слабой, отсталой России, превратив ее в могущественное государство. И те, кто до сих пор выходит на праздники с портретами генералиссимуса, и те, кто только в откровенном разговоре признают, что жертвы были необходимы, готовы простить ему жестокость, деспотизм и обильно пролитую кровь невинных.

Все, что в моей памяти связано со Сталиным, это лишь траурные дни после его смерти. Тогда к нам в малюсенькую квартирку на Энгельса, 6 прибежал мой дедушка Александр Осипович: «Что с нами будет?!» Он искренне рыдал. Это был

мужественный человек, бывший «25-тысячником» — так называли председателей колхозов, партийцев, направленных партией на коллективизацию. Участник войны... Плачущим я его видел всего один раз.

А как объяснить искренние слезы пожилых колхозниц — женщин, социально угнетенных, лишенных элементарных прав, без возможности выбора места жительства, похоронивших столько родных и близких, немало потерпевших от тирании «усатого»? Я еще долго не мог понять, почему плакали люди, не видевшие ничего хорошего от «вождя всех народов». Это не были слезы потери кого-то близкого, слезы сочувствия, сожаления, что присуще каждому свидетелю последнего прощания. Люди были охвачены тревогой, страхом перед неизвестностью, они боялись будущего — поскольку разучились распоряжаться собой. Сталинский режим все стремился расписать и регламентировать: 1 апреля — обязательное снижение цен, на копейки, но ежегодно; 1 мая — День международной солидарности трудящихся и разрешенная всенародная выпивка; потом подписка на государственный заем, который на селе брался продуктами и превращался в бесстыдный грабеж; потом, без огласки, снижение расценок на все виды заводских работ и т. д.

Плакат. М. В. Симаков. 1921 год

Образ Сталина сопровождал все явления жизни, и казалось, без него невозможными будут простейшие житейские процессы. Сталин сотворил самое страшное, что можно сделать с человеком: он лишил его инициативы, самостоятельности, привив ощущение безысходности.

Идеология сталинского всевластия была глубоко противоречивой. С одной стороны, это был чрезвычайно пышный культ Вождя, *«самого гениального полководца, строителя и мыслителя всех времен и народов»*. С другой — едва ли не самой большой добродетелью была его невероятная скромность, проявлявшаяся в поведении, манере одеваться, будничном аскетизме. А еще — в отношении к Ленину, еще при жизни которого стал употребляться термин «ленинизм» — как высший этап марксизма. Казалось бы, почему не ввести и понятие «сталинизм», что соответствовало бы еще более высокому этапу, но Сталин пресекал разговоры своих приближенных на эту тему, что удивляло всех и каждого. Он то и дело напоминал, что является всего лишь *«одним из учеников и последователей великого Ленина»*. В то же время «Ленин и

Сталин» стали сакральной парой, выразителями исторической судьбы, но при этом остались «поразительно человечны». Ленин носил бородку, галстук и кепку, Сталин — усы, полугражданскую-полувоенную куртку и сапоги, эти атрибуты и стали символизировать принадлежность «боголюдей» к нашей повседневности.

Маркса — в массы! 1920-е годы

Конечно, за противоречивостью идей и ритуалов стояли реальные отношения обычных людей. В ленинское время, когда еще не были официально утверждены степени поклонения власти, в одном из приветствий очередному съезду РКП(б) высказывалась преданность *«главарям нашего освободительного движения тов. Владимиру Ильичу Ленину, великому народному вождю Красной армии тов. Троцкому и всем соратникам нашей великой грозной армии — тт. Зиновьеву, Каменеву, вам всем товарищам вместе!»*

В ходу была формула «Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий», но чаще она упрощалась до «Ленин и Троцкий». В Киеве несколько недель в 1919 году простоял памятник Ленину и Троцкому.

Сталин оставался где-то там, среди «всех товарищей», не выделяясь, — сама скромность!

«Кто считает, что социализм и принуждение — это разные вещи, тот ничего не понимает в социализме. Со стихийной Русью пора покончить. Мы должны организовать население в трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Эти армии должны работать по методу принуждения. А чтобы принуждение для них не было столь тягостным, мы должны быть хорошими организаторами. Сопrotивляющихся принуждению мы должны карать, а подчиняющихся поощрять системой премиальных, дополнительной оплатой, повышенной пайкой хлеба».

Из доклада Л. Троцкого на XII съезде ВКП(б). 1921 год

Которая, «скромность», совершенно не отвечала его реальному весу в партийном руководстве. Правда, он не мог, как написал Ленин в одном из писем, *«сосредоточиться на какой-то одной работе»* и использовался главным образом в делах наведения порядка — как беспощадный комиссар-контролер во всех узких местах на фронте и в тылу, как нарком «рабоче-крестьянской инспекции», представитель ЦК партии, в ЧК и т. д. Но при этом с 1917 года Сталин оставался членом узкого руководства большевистской партии (Политбюро), имел прямое отношение к стратегическим решениям, всем критическим ситуациям и скрытым конфликтам. И объяснялось это тем, что в руководстве партии Сталин играл не самостоятельную роль, а был поставлен противостоять бескомпромиссному Л. Д. Троцкому.

В международной социал-демократической среде Льва Давидовича воспринимали неоднозначно; многих раздражали его эгоцентризм, позерство, самовлюбленность. Но причина даже не в личных слабостях Троцкого, Ленин так и не смог забыть его меньшевистского прошлого. *«С нами, но не наш»*, —

жаловался он М. Горькому. Действительно, Троцкий не был «нашим» для ядра большевистской партии, а вот Сталин был «наш», пусть и никудышний оратор, да и как партийный литератор тоже хуже некуда. Он выбрал себе другой имидж — человека не слова, а дела, функционера молчаливого, спокойного и надежного, самозабвенно преданного делу до конца. Такому образу больше соответствовала маска *«верного ученика и последователя Великого Ленина»*.

Портреты Сталина изображали мужчину заметного роста, несколько сурового вида, по-своему довольно привлекательного. В действительности Сталин был невысоким, коренастым, лицо изрыто оспой, одна рука короче другой. Но умные, недоверчиво прищуренные, почти желтые глаза и заметно раздвоенный подбородок делали его внешность незаурядной. Он старался производить впечатление уравновешенного, даже флегматичного человека. На самом деле спокойствие давалось ему не просто, под маской непоколебимой уверенности проходила напряженная эмоциональная жизнь.

Сталина захватывали вспышки сильного гнева, который он лишь изредка выплескивал наружу. Ни гнев, ни страх не проходили, аффект поддерживали не новые обиды и переживания, а простое воспоминание, особенно когда затрагивались личные интересы и самолюбие. Чрезмерная подозрительность Сталина свидетельствует о «застревающей личности», а напряженная политическая жизнь с высокой степенью риска, длительным чередованием успехов и провалов содействовала развитию параноидальных черт, жестокости и садизма. Если говорить о комплексе неполноценности, то здесь очевидны и психологические, и социальные корни.

Большинство политиков, ушедших в революцию в то время, были родом из «образованных классов», хотя почти никто не

доучился до получения диплома. Сталин принадлежал к так называемым кухаркиным детям, и в прямом, и в переносном смысле слова (его мать была кухаркой в Гори у местного священника). Интеллигент Ленин ненавидел свой класс, а вот кухаркин сын Сталин ему импонировал. Российской интеллигенции было присуще чувство вины за неисполненный социальный долг перед народом. А Иосиф Джугашвили обладал крайне острым чувством обиды на весь несправедливый мир и был преисполнен жажды мести. Этот лейтмотив его личности постоянно прослеживается в юношеских статьях молодого Сосо Джугашвили, когда его партийное псевдо было еще не Сталин, а Коба. В узком кругу большевистской верхушки знали о фразе, брошенной им на подмосковной даче во время ужина с Каменевым и Дзержинским: *«Самое большое наслаждение — наметить врага, подготовиться, отомстить как следует, а потом уйти спать»*. Мироощущение хищника поражало ближайших соратников, и все же один за другим они попадались в сети, расставленные Сталиным, — и были уничтожены!

Накануне Первой мировой войны Сталин побывал в Вене, и Ленин писал Горькому, что здесь работает над книгой *«один чудесный грузин»*. Через десяток лет, перед смертью, Ленин уже отмечает грубость Сталина, рекомендует партии заменить его на посту генсека, разрывает с *«чудесным грузином»* личные отношения — но политически, как *«нашему»*, не высказывает ему никаких претензий.

На карьере Сталина это не повлияло, он признал, что бывает грубым в борьбе с врагами партии, — и победил! Один за другим *«враги партии»* были уничтожены — сначала идеологически, а потом и физически. Собственно, о карьере здесь говорить трудно: Сталин не продвигался по ступеням иерархии власти,

он оставался генсеком ЦК с 1922 года почти до самой смерти, но эта власть превращалась в беспредел.

В немалой степени понять феномен Сталина мешает миф о «генеральной линии КПСС». Нам твердили, что, несмотря на смену личностей у руля партии и допущенные ими «ошибки», «генеральная линия КПСС» остается неизменной. На самом же деле не существовало заранее заданного направления или линии, определявших масштаб перемен. Несгибаемые коммунисты не колебались в проведении генеральной линии — они колебались вместе с ней. Цели и прогнозы оказывались иллюзиями, изменения в линии партии делались наугад, тенденции и возможности частично были реализованы, а частично утрачены, так и оставшись в формате сослагательного наклонения, которого якобы история не знает.

Можно вполне уверенно говорить об общей либерализации коммунистического режима после болезни и смерти Ленина. Лидерами этой «перестройки» были Бухарин и Сталин, и ее можно назвать — согласно тогдашним понятиям — «социал-демократическим уклоном», кстати, такой же политической тенденцией стала более поздняя горбачевско-яковлевская перестройка.

Уже в конце 1927 года либерализация захлебнулась, успев принести лишь первые плоды. Сталин сделал резкий поворот к тотальной диктатуре, перенес огонь на своего недавнего друга Бухарина, чем открыто продемонстрировал, что СССР не является правовым государством. Самое ужасное в том «великом переломе», осуществленном в 1-ю пятилетку, — хладнокровное планирование миллионов смертей. Модернизацию страны Сталин начал с массовых убийств и депортаций. Суть «перелома» заключалась не в создании хлебного резерва, а в том, чтобы **сломать** хребет среднему классу. Сталин провозгласил политику «ликвидации кулачества

как класса» — без пояснения, кто кулак, а кто нет, в директивах «разъяснялось» только, что кулак сильно маскируется и поддается определению только в конкретной ситуации.

30 января — черный день в истории белорусских и украинских фермеров. В этот день в 1930 году Политбюро приняло секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое открыло дорогу принудительному созданию колхозов. Члены Политбюро — Сталин, Ворошилов, Калинин, Молотов и другие высокопоставленные большевики — установили карательные лимиты. В соответствии с ними одна группа крестьян обрекалась на расстрел или заключение в концлагерь, другая — на лишение всего имущества и высылку в места с нечеловеческими условиями существования. Всего в Советском Союзе были раскулачены более миллиона крестьянских хозяйств, а в каждом было по 5—6 человек. За десять предвоенных лет примерно миллион человек распрощались с жизнью в спецпоселках в отдаленных районах. Сколько крестьян было уничтожено «в первой категории», точно не известно. Подсчитано лишь, что около десяти миллионов мужчин и женщин, стариков и детей были изгнаны из отчих домов без вещей и запасов пищи, их гнали среди зимы по морозу, весной и осенью под ливнями, по колено в болоте, выбрасывали из подвод где попало, посреди поля, вместе с мертвыми и умирающими. Закон от 7 августа 1932 года в народе был более известен, как «колоски»...

В «сторазрастерзанном» Киеве Павел Тычина чувствовал себя «двестираспятым».

На основании явно предвзятого отношения к украинскому народу это массовое уничтожение людей принято называть геноцидом. Следует иметь в виду, что у Сталина всегда была определенная национальная политика в отношении каждого

народа. Была антипольская, антитатарская, антиеврейская предвзятость, присутствовала и антиукраинская. Этим объясняется Голодомор и репрессии против украинской интеллигенции.

Возле Крещатика, 25 вывешивали расстрельные списки, где однажды появилось имя Григория Чупрынки. Тогда, в дни процесса «Спілки Визволення України», над Владимиром Чеховским стоял Панас Любченко и кричал: *«Как так можно — объединить саблю гайдамаки и крест святителя?!»*

Сущность «великого перелома» открывает «массовый террор». Цифры лишь подчеркивают его масштаб: в работе XVII съезда ВКП(б) (1934) принимали участие 1966 делегатов, из них в годы террора расстреляны 1108. Это партактив эпохи коллективизации — те, кто выгонял крестьянские семьи из их домов, забирал у детей последний кусок хлеба! Надо думать, что Сталин планировал уничтожение своих опричников еще тогда, когда бросил их на «построение социализма», чтобы потом свалить на них вину за все так называемые перегибы?..

У Сталина были параноидальные склонности, измена мерещилась ему на каждом шагу. Но как деспот он отличался не только особой жестокостью. Сталин авансом «раскрывал» еще не существующие заговоры; бытует предположение, что он сам их и планировал. Ему было достаточно узнать, что в некоторых кругах велись определенные разговоры, — и немедленно «говоруны» как возможные «предатели» подлежали уничтожению или помещению в лагерь. Ужасает то, что и «суды», и сами подсудимые воспринимали слова сомнений, сказанные близким или записанные в дневник, как преступление!

В разгул террора Сталин инициирует написание новой Конституции страны, прославление неслыханных трудовых подвигов специально подобранных людей, нагнетание

истерической атмосферы небывалого счастья. Кардинально меняется риторика власти: она делает вид, будто у нас существует правовое государство. Идеологи «полезной смерти» сами попадают под расстрелы, а разоблачает их главный правовед, лицемерный и жестокий Вышинский, придающий законный вид судебным и внесудебным расправам. Бытие советского человека словно распадается на два не связанных между собой пласта: один — парадный, с острым ощущением победы и высокой патетикой, второй — будничным, полный страха и неопределенной тревоги. Цель сталинского террора — не изъятие из общества группы нежелательных людей, а создание для всех определенной атмосферы. Иррациональный террор и бессмысленные обвинения должны «внушить» каждому, что он может быть стерт в порошок и лагерную пыль в любую минуту без каких-либо на то оснований.

Пересмотру подлежала сама легитимация государственности, которая стала самоцелью и самооправданием СССР. Собственно, и идея мировой пролетарской революции оказалась лишней. В центральной печати появилась статья о «советском патриотизме» (вспомним, что Ленин употреблял слово «патриот» только в бранном смысле). Это уже была не «полезность» для какого-то дела, а иррациональная преданность. И по-новому зазвучали слова «Россия», «патриот». «родина». Последнее слово, еще недавно символизировавшее «великодержавный шовинизм», стало писаться с большой буквы, и суть обвинения «измена Родине» стала еще страшнее.

Уже в середине тридцатых началась кампания по восстановлению исторической преемственности российской государственной традиции — от мифосозданного Александра Невского до детоубийц Ивана Грозного и Петра I. Теперь, казалось бы, можно было полностью перечеркнуть наивные

утопии и вернуться в русло великодержавной традиции. Как тут не вспомнить отказ обменять Якова Джугашвили на маршала Паулюса...

В 1920-е годы и либерально-демократическая, и социалистическая общественность мира ожидали термидорианского переворота в России. Термидор действительно произошел, но оказался совершенно не таким, каким его ожидали. То, что было сделано Сталиным, можно определить словом «коррупция». Только в очень широком смысле: не просто как подкуп материальными ценностями, и прежде всего деньгами. Следует иметь в виду также подкуп властью, которая приносит часто куда больше благосостояния, чем деньги, — ради власти люди нередко отказывают себе во всем. Более того, необходимо говорить и о коррупции идей, если они служат обогащению или власти. Идеи могут так же стареть, покрываться пылью и превращаться в мертвые формулы, как и другие богатства. Это и называется догматизмом. Если определенные круги принимают идеи не потому, что они истинные, а потому, что принять их удобно именно этому кругу, то идеи превращаются в инструменты власти. Монополия на истину — путь к ее смерти.

Между немолодым лысым господином в старательно заштопанном поношенном костюме, каким в революционные годы был вождь большевиков, и генералиссимусом в специально для него созданной (очень скромной!) униформе с золотыми погонами — колоссальное различие. Как не вспомнить историю с костюмом генералиссимуса. Когда Сталину присвоили это звание, встал вопрос о парадном военном костюме. Начали разрабатывать. Наконец пришло время примерки. Костюм ладно сидел на манекене, до мельчайших подробностей повторяющем фигуру вождя. Сталин дважды обошел этот манекен, покуривая трубку, повторил

несколько раз: «Красиво... очень красиво!» И вдруг: «Подарите Чейбалсану». Вскоре лидер монгольских коммунистов уже стрелял из лука в этом наряде.

Во времена Ленина существовала диктатура партии. Диктатура, которая, однако, еще не стала режимом личной власти. Чрезмерную концентрацию власти в руках своего секретариата Ленин заметил, когда уже было поздно. Потому что дьявольское изобретение — однопартийная система — создало заверченный механизм бесконтрольности власти. Те жалкие крохи нэповского благосостояния, перепавшие номенклатуре двадцатых годов, не идут ни в какое сравнение с дарованной Сталиным роскошью высшим чиновникам режима. Но это все равно не могло сдержать жадного стремления к власти, которая была единственной возможностью оставаться наверху. Так что время от времени Сталин прибегал к репрессиям, которые своей иррациональностью восстанавливали атмосферу ужаса.

В свое время историк Василий Ключевский отмечал, что Петр I, как и все российские цари-реформаторы, пытался перенять у Запада материально-технические достижения, полностью игнорируя идейный, политический, духовный опыт. Между прочим, Ключевский был домашним учителем истории в царской семье, однако ученики плохо усвоили его уроки.

Теперь историческую науку приходится усваивать нам. Требование модернизации экономики и культуры является сегодня обязательным. Определенным политическим кругам кажется приемлемой модель общества, в которой экономическое реформаторство соединялось бы с жестким авторитарным руководством. Можно быть уверенным, что результат такого реформаторства был бы и аморальным, и — что экономически, что политически — малоэффективным. Потому

что монополия мысли и власти, как и однопартийная модель, — залог того, что все идеи будут мертворожденными.

Постепенный отказ коммунистической власти от сталинского наследия начался со дня смерти «отца народов», и уже через три года на закрытом заседании XX съезда партии прогремел доклад Хрущева о «культе личности Сталина», который, несмотря на все более поздние колебания, означал кардинальный разрыв с прошлым. При этом слова хотя бы легкой критики в адрес Ленина так и не прозвучали. Наоборот, чем больше подвергались сомнению коммунистические верования, тем громче были клятвы в верности ленинскому учению. Критика Ленина осталась делом главным образом профессиональных антикоммунистов, а в левом лагере, «изнутри» о ней не говорилось ни слова. И это странно, поскольку феномен Сталина вырос не на пустом месте — ведь именно Ленин учил свою партию, что диктатура является ничем не ограниченной властью, то есть когда власти все разрешено. А на проклятой 58-й статье, созданной по указанию Ленина, держались приговоры сталинского режима. И не случайно письма Ленина наркому юстиции, в которых обсуждались расстрельные статьи, были опубликованы в знаковом 1937 году.

До определенной степени неприкосновенность характеристики Ленина объясняется тем, что в личном плане сталинский поворот был изменой по отношению ко всем его партийным товарищам. Ведь почти все ленинские соратники, за исключением тех, кому «посчастливилось» умереть раньше в своей кровати, и еще нескольких безвредных старых большевиков, были ликвидированы, то есть застрелены профессиональным выстрелом в затылок в подвалах органов безопасности.

Забавный случай произошел в 1930-е годы. Тогда еще не сильно усердствовали с охраной высших лиц, так что Иосиф

Виссарионович со товарищи ехал поездом на Кавказ, на отдых. На станции в Ростове-на-Дону первым из вагона вышел Ворошилов. Увидев наркома обороны, народ, стоявший на перроне, так и ахнул: «Ворошилов!» Но вслед за Ворошиловым появился глава правительства. Публика пришла в еще большее волнение: «Молотов!» И тут на перроне появился сам товарищ Сталин. Люди испытали настоящий шок, смешанный с крайним восторгом. И, выстроившись стройными рядами, начали бурно аплодировать вождю. Ведь никто не ожидал увидеть так запросто всю верхушку руководства страной, причем в такой свободной атмосфере! Когда овации поутихли, из тамбура внезапно показался где-то замешкавшийся Буденный. Увидев его, кто-то в толпе не смог сдержать высоких частот: «И Буденный здесь, твою мать!» Народ взорвался безудержным хохотом. Смеялся и сам товарищ Сталин. С тех пор всякий раз при встрече на любых заседаниях, едва только завидев Буденного, Иосиф Виссарионович шутя повторял: «И Буденный здесь, твою мать!»

Критика «культы личности» порождалась не идейными соображениями, а простым страхом потомков перед неминуемой ликвидацией. Было ясно, что послесталинский режим сможет стабилизироваться только тогда, когда самые сильные «ученики и последователи» загрызут слабейших, так что шансы выйти живыми имеют лишь единицы. В сущности, попытки Хрущева «вернуться к ленинским нормам и принципам партийной жизни» означали только освобождение высшей власти от надзора Госбезопасности, а вся ликвидация так называемой банды Берии в действительности была отстранением политической полиции от руководства. Хрущев хотел оставить ту же сталинскую властную систему, только без всевластия Лубянки.

Крах сталинизма уже сам по себе являлся огромным ценностным достижением, поскольку открывал путь к обществу

свободы, справедливости и солидарности. Но перед нами всегда выбор из разных альтернатив. И то, что есть у нас сегодня, — это только возможность получить и отстоять духовные ценности.

Павел Потоцкий — генерал украинской истории

П. П. Потоцкий происходил из украинского старшинского рода с Полтавщины. Отец Платон Александрович — судья Кобеляцкого уездного суда, маршал и предводитель дворянства этого уезда. Павел Платонович окончил Полтавскую Петровскую гимназию, Полтавский кадетский корпус и Петербургскую артиллерийскую академию. Участник русско-турецкой и русско-японской войн. В 1917 году был генералом артиллерии. Всю свою жизнь собирал украинскую старину и коллекцию эту хранил в Санкт-Петербурге, а в 1926 году передал ее правительству Украины. Собрание экспонатов получило название «Музей Украины (коллекция Потоцкого)». В его составе живопись, гравюры, рисунки, атласы, оружие, драгоценности, печатки, рукописи (среди которых немало гетманских универсалов), коллекции меню, фарфора, фаянса, 20 пудов серебряных изделий, более 5 тыс. карт и около 12 тыс. книг — в их числе значительное количество изданий, посвященных коневодству.

Генерал П. П. Потоцкий

Потоцкий увлекался батальным искусством, стал в нем профессионалом. Он не потерял юношеского интереса к истории, исследовал события боевого прошлого, комментировал архивные документы, создавал военные музеи, был консультантом ряда научных учреждений, наконец, хранителем Интендантского музея в имперской столице.

Павел Платонович стал одним из самых активных членов Общества украинской истории, письменности и языка — Общества, основанного в Петербурге, где представители украинского землячества выступали с докладами и рефератами по истории, археологии, искусству, книгопечатанию, фольклору. Потоцкий не разменивался на мелочи, он зачитывал свои доклады на темы «Украинские ученые и деятели о М. А. Максимовиче», «Журнал «Основа» и его основатели», «Библиотека Т. Г. Шевченко», делал немало интересных сообщений об экономическом положении Слободской Украины в XVIII в., о казацких летописях и гетманских универсалах. Слушателям открылось, что этот генерал посвятил всего себя

служению национальной истории и уже собрал просто фантастическую коллекцию украинской старины. К счастью для отечественной истории, он обладал достаточно широкими возможностями и личными качествами, способствовавшими формированию целого музея. Это прежде всего феноменальная эрудиция, удача собирателя, это и доходы от имений на Полтавщине.

С целью передачи своей коллекции украинским властям в апреле 1926 года был подписан документ между ним и наркоматом образования, согласно которому *«в качестве дара в полную собственность и распоряжение украинского правительства в лице его народного комиссариата... переходила коллекция Павла Потоцкого»*. Правительство УССР приняло коллекцию и предоставило под нее площадь на территории Киево-Печерской лавры — корпус № 6, «певческий», где жили митрополичьи певцы. Заведующим-куратором Музея, по условию передачи, был поставлен сам Потоцкий, правда, со скромной зарплатой. Музей Потоцкого разместился в 14-ти комнатах, которые посетили ученые, ценители из разных стран.

Павел Платонович не почивал на лаврах, он продолжал расширять собрание, его знали все киевские антиквары и букинисты. В новых социальных условиях он уже не имел и намека на те финансы, которыми обладал ранее, однако все свои средства отдавал на приобретение новых экспонатов — государство денег не выделяло.

И вот — коллекция пропала...

Группа исследователей начала искать следы утраченного Музея Потоцкого, составлять библиографию печатных и утерянных работ этого удивительного человека...

Павел Платонович Потоцкий еще со времен русско-японской войны любил сидеть на лавке при входе в Ближние Пещеры в своем военном кителе цвета хаки и встречать посетителей.

Несложно представить окруженный строениями тихий малолюдный дворик Лавры, куда не заходили ни паломники, ни экскурсанты. Корпус Музея, залитый потоками мягкого света, приглушенные шаги людей в храме культуры, тихие голоса, пытливые глаза, спокойствие и умиротворение — все казалось таким несовместимым с теми процессами, которые царили за стенами Лавры, тогда музейного городка.

В своей автобиографии Потоцкий вспоминал: *«Передав свое собрание, я посвятил всего себя упорядочению, описыванию, обеспечиванию, дополнению, популяризации и помощи многочисленным представителям науки и искусства»*. За несколько лет существования Музей обогатился на более чем 5 тыс. экспонатов. СобираТЕЛЬСКИЙ энтузиазм Потоцкого не угасал ни на минуту, проводил он и выставки. Однако эта идиллия в Лавре царила недолго. Что-то совсем другое появилось в самом воздухе, во взглядах государственных чинов, обращенных на Потоцкого...

В начале 1934 года вышел приказ наркома образования В. Затонского, согласно которому соглашение между Потоцким и наркоматом от 28 апреля 1926 года, на основании которого, собственно, и создан музей, признается... антисоветским. Согласно этому вердикту, коллекционер обязывался передать все, что называлось музеем его имени, в распоряжение Киевского исторического музея.

Но это еще был не конец. Коллекция Потоцкого вошла в структуру Исторического музея, а самого Павла Платоновича даже назначили его старшим научным сотрудником. В это время с экспозицией знакомятся Петровский и Орджоникидзе и дают наивысшую оценку собранию Потоцкого. Однако в 1937 году принимается решение разделить коллекцию Потоцкого на части, которые надлежало передать в различные музеи. Директор Исторического музея приказывает закрыть

проход из квартиры Потоцкого в экспозиционные помещения. Собиратель пытается жаловаться, подает петиции высоким властным чинам. Он пишет И. Сталину: *«Я утверждаю, что распыление музея приведет к уничтожению его исключительной и неповторимой ценности и никто, кроме меня, который отдал десятилетия на его собрание и устройство, не знает и не может знать всей его значимости...»*

Тут пришло послабление, но временно. В поддержку еще вчера одиозного генерала Потоцкого выступила... газета «Правда». Однако статья была опубликована не столько в защиту Потоцкого и его музея, сколько как обвинение тогдашнего руководства УССР, которое захлестнула очередная волна репрессий. Павлу Платоновичу в пору было успокоиться и смириться, но он к тому времени уже наглотался большевистского дерьма, так что не смог расслабиться. Потоцкий уже был обречен, хотя сам об этом не догадывался.

21 июня 1938 года старший лейтенант НКВД А. Троицкий составил справку на арест: *«Потоцкий П. П., в прошлом граф, служил в царской армии в чине генерала. Потоцкий был близок к врагу народа Затонскому. По ходатайству последнего получает персональную пенсию. Кроме того, Потоцкий подозревается в принадлежности к антисоветской военно-повстанческой офицерской организации «РОВС». На основании изложенного Потоцкий подлежит аресту»*. На следующий день нарком внутренних дел, которого вскоре расстреляли, подписал ордер на арест. Эту акцию против создателя музея проводили с большим рвением. У Потоцкого было что украсть! Потом генерала арестовали, но «неугомонный старичок» избежал допроса — скончался по дороге. По другой версии — 27 августа умер в тюремной больнице от паралича сердца. Было высказано мнение, что этот приступ вызван побоями. «Старичку» шел 81 год.

Его коллекция по большей части разграблена. На сегодняшний день есть фундаментальное исследование С. И. Белоконя «Музей України (Збірка П. Потоцького)».

Конечно, большей части коллекции Потоцкого не вернуть, не восстановить его богатейший архив — значительное количество исторических документов изъяли у него при аресте и уничтожили, остались только свидетельства о его собрании. Но нельзя нам забыть имя этого благородного человека, его жизнеописание и действительно ощутимые масштабы его подвижничества!

Тайна Донбасса, которую скрывают от жителей Юго-Востока Украины и России

Донецкие олигархи, даже временно пробравшись во властные структуры в Киеве, скрывали от всех жителей, от политиков и бизнесменов сведения о том, что всю промышленность Донбасса и Востока Украины спроектировали США, навязав советскому правительству строительство всех больших заводов и шахт в Донбассе, сотнями кораблей присылали оборудование и опытных специалистов. Начав индустриализацию СССР с Донбасса, американцы пошли дальше — построили Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, и еще «всего-навсего» 546 крупных предприятий!

До того как американцы построили и реконструировали индустриальные гиганты по всему Востоку Украины (Донецкая, Луганская, Харьковская, Запорожская и часть Днепропетровской области), на этой территории проживало 4,5 млн человек (по переписи 1926 года). Для работы на строительстве спроектированных и оборудованных американцами заводах дополнительно согнали миллионы советских граждан. Так, по плану, разработанному в США, образовался промышленный Восток Украины с численностью населения почти в 15 млн человек.

Все значимые предприятия были спроектированы и оснащены следующими концернами. Фирма Альберта Канна, архитектора заводов Форда, действовала в Москве под вывеской НИИ «Госпроектстрой». Хью Купер — американский строитель гидросооружений и главный консультант Днепростроя: на Днепрогэс 8 турбин было поставлено американской компанией

Newport News Shipbuilding and Drydock Company, первые 5 генераторов — *General Electric*. Во время реконструкции «Луганского паровозного завода» в 1931 году за 180 рабочих дней был выпущен первый опытный грузовой паровоз-гигант «американского типа» мощностью 3200 л. с.

Построены и реконструированы с помощью США Криворожсталь, Харьковский тракторный (танковый) завод, Харьковский турбинный завод, Краматорскмашстрой, Запорожсталь, Днепроалюминийстрой, Азовсталь, шахты в Сталино (Рутченковская № 17-17бис, Буденновская № 6 и др.), четыре металлургических завода (Днепродзержинский, Днепропетровский, Коммунарский, Макеевский), а также Луганский паровозостроительный завод. Одним из решающих обстоятельств в выборе консультантов из США сыграла воля Сталина, который определял суть ленинизма так: «*русский революционный размах и американская деловитость*». Впоследствии, по советской традиции, факт американской помощи был нивелирован, а все, кто много об этом распространялся, изолированы — часто вообще от жизни! Американская «технологическая инъекция» сделала возможной индустриализацию и значительный прирост населения Востока Украины.

На общем собрании колхоза стояли два вопроса: ремонт сарая и построение коммунизма во всем мире. Председатель объяснил, что, поскольку досок на ремонт сарая нет, то надо сразу переходить ко второму вопросу.

До современной российской агрессии множество предприятий Донбасса, Харькова, Луганска в основном развалились и перестали быть высокотехнологичными, в производственных корпусах разместились супермаркеты, людям уже негде было работать и зарабатывать. Предполагалось, что США восстановят наши заводы, построят

американский автомобильный завод, как у Форда, чтобы было где трудиться жителям Донбасса. Считалось, что заокеанские друзья передадут технологии для реконструкции Луганского тепловозостроительного завода, Луганского патронного завода, перепрофилировав их под стандарты США, — и так со временем можно будет обновить все заводы Луганщины и Донбасса. Но восточный сосед грубо помешал этим планам своим военным вторжением, как и добыче сланцевого газа там же, в тех же восточных областях.

Бессарабский рынок. 1936 год. Из архива автора

Одним из самых распространенных обвинений, предъявляемых Украине, является то, что страна «продалась американцам». Кроме положительного результата, лично я в этом ничего не вижу.

Американцы, вместе со всеми, разгромили фашистскую Германию, затем они предложили немцам план Маршалла и построили современную экономически мощную страну. Сталину был предложен тот же вариант экономической

помощи, но гордый горец отказался, и мы имеем современную Россию в виде гигантской «автозаправки».

В 1945 году американцы покорили Японию и предложили помощь в построении эффективной экономики. Так Япония стала одной из самых мощных стран в мире, генератором новейших технологий, разработок в области электроники.

В начале 1950-х годов США вливали средства в Израиль — и теперь это развитая страна, одна из передовых в области высоких технологий.

В 1953 году США выступили в корейском конфликте на стороне Южной Кореи, затем помогли ей встать на ноги, и сегодня это одна из самых высокотехнологичных экономик в мире. Северной же Корее помогал СССР — и что сегодня? Отсталая и одичалая страна.

В 1975 году закончилась война во Вьетнаме, а в 1995-м Вьетнам подписал договор с США о дружбе и взаимопомощи, потому что там поняли, что с Россией страну поднять невозможно. Сейчас Вьетнам подымается и становится одной из самых передовых стран в Азии.

В 1999 году США бомбили Югославию и снесли режим Милошевича. А после этого подписали договор с бывшими югославскими странами, и теперь их темпы развития поражают!

Сегодня американцы предлагают Украине свой план Маршалла — и у нас появилась реальная возможность стать одной из самых развитых стран бывшего СССР. Так что в этом кого-то не устраивает? Да, американцы свергают диктаторов, которые используют свою власть, чтобы угнетать собственный народ. Так это плохо или хорошо? А назовите хоть одну страну, которой помог СССР или современная Россия? После себя россияне оставляют выжженную землю и нищую казну, коррупцию и олигархические кланы. Это все, на что способен Кремль в любом его формате.

Я не против России, я просто возмущен тем, что сделали коммунисты и путинцы с этим государством.

Киевские «жрицы любви» и последователи Паниковского

Когда вижу городские скульптуры с Паниковским или Голохвастовым, то понимаю, что это памятники великолепным актерам З. Гердту и О. Борису. Эти персонажи напоминают мне криминальные особенности моего города, причем не самые ужасные — ведь мошенники угрожали карманам, а не здоровью и жизни. Киевский криминалитет был гуманнее, чем, скажем, в ганстерской Одессе, — здесь чаще орудовали обманщики и шулера, и не только в высокой политике.

Если в Одессе бравых налетчиков на страницах своих книг образно обрисовал Исаак Бабель, то киевских мошенников — Иван Руденков. Не спешите к энциклопедиям и справочникам, там нет имени того, чье шеститомное собрание произведений вышло в 1920 году. Трудно сдержать смех, когда читаешь рассказы этого любимца киевской публики о спекулянтах и «шахраях».

А теперь поговорим о киевских «шатиях», большинство которых были похожи на современных «агентов канадских фирм», предлагающих — «только для вас!» — редкую возможность приобрести какой-то уникальный массажер или другую никому не нужную ерунду.

Вообще говоря, уличная торговля, которая у нас в неблагоприятный сезон переходит в подземные туннели, характерна для стран со стихийной, неуравновешенной экономикой. В особо определенных местах сразу после гражданской войны и до конца 1930-х, а также с 1944-го по 1950 год часами стояли торговцы всяких ненужных вещей — или

же остро необходимых, но за большие деньги. Основным местом такой торговли стал Евбаз, положение на котором, в общем-то, было схожим с другими рынками Киева и других городов Советского Союза, только общая картина выглядела значительно оживление и масштабнее.

Торговля пряниками
на Контрактовой площади.
1930 год

Только коренные киевляне знают, что такое Евбаз. Площадь Победы, названная так в 1952 году, с 1869 года была Галицкой. Но для киевлян нескольких поколений ее название звучало исключительно как Евбаз — сокращение от «еврейский базар».

Женщина с бутылками молока. 1930 год

Он начал работать в 1860 году, и все знали, что здесь можно приобрести любой товар, как и везде — в частном магазинчике или деревянной лавке с крышей, но чаще всего — у разносчика с рук. Продавали все: бумагу от насекомых, бензин, кремь для зажигалок, средства от пота и зубной эликсир. Сложно себе представить, чего там не было...

— Яша! А какой город торжественно отметил победу Израиля над арабами в 1947 году?

— Киев, конечно, Киев! Там переименовали Евбаз в Площадь Победы!

Контрактная площадь. 1938 год. Из архива автора

В советские времена всеобщего и полного дефицита, когда необходимые вещи выискивали и доставали, а не покупали, за всем необходимым приходилось идти на Евбаз. До закрытия в 1948 году это было любимейшее место «шопинга» для значительной части населения города и его гостей, где задолго до Горбачева сложились крепкие рыночные отношения. Евбаз был, можно сказать, клубом интересных встреч — и с людьми, и с вещами.

О Еврейском базаре любят рассказывать старожилы, в том числе и мой отец: все важнейшие городские события периодов НЭПа, первых пятилеток, послевоенных лет получали свое отражение на этой колоритной торговой площадке. На Евбазе продавались, кроме старых и новых вещей повседневного употребления, гороскопы и карты с голыми женщинами, картины типа «Лебеди на озере» и настоящие живописные полотна фламандцев XVII века, ханжа (денатурат, пропущенный через фильтр противогАЗа) и изысканные вина из графских подвалов...

Да разве под силу перечислить все, что можно было отыскать на Евбазе, отличавшемся от других рынков страны того времени исключительной шумливостью и размерами. А какие там были воры! Как они ловко умели украсть все — от калош до шкафа. Как мастерски они вырезали кошельки и снимали часы...

И. Ильф и Е. Петров в проходимце Остапе Бендере вывели персонажа 1920-х годов. Тогда городские базары заполнили люди, которых народ назвал «шатиями». Их и сейчас тоже немало. Шатий — не бандит, не вор, а какой-то ненадежный человек, не вызывающий доверия. Ни то ни се, неизвестно кто, слоняющийся в поисках какого-либо занятия. Пить-есть хочется, а денег нет, нищенствовать не желает, а на преступление не хватает смелости. В селе, откуда подобных шатиев выбросили обстоятельства, было иначе. Сельская железная и благотворная дисциплина втянет в работу любого лодыря, тем паче в маленьких поселениях. Там одного обманешь — плохая слава будет на всю жизнь, не то что в большом городе.

Несколько слов следует сказать и о женщинах, без которых не может обойтись ни один рассказ о Киеве. В 1920-е годы значным местом «жриц любви» была улица Николаевская (теперь Архитектора Городецкого). В связи с тем, что рядом находился самый фешенебельный ресторан и отель «Континенталь», где всегда проживали иностранцы, именно тут можно было встретить «профессионалок высшей пробы», которые брали «за чувства» большие деньги. Они, по договоренности со швейцарцами, занимали места в холле или в самом ресторане. Ни один фильм о криминальном прошлом не обошелся без этого, потому подробности я опускаю.

Уличные «дамы» высшего разряда искали клиентов в самом центре, на Крещатике, возле Облисполкома (Майдан Незалежности). Перед солидным домом стоял бюст Карла

Маркса, поэтому девушек, что слонялись около него, называли: «марксистками». В 1930-е не стало ни Маркса, ни его окружения. В те же годы те, что брали меньше денег (то есть «второй сорт»), собирались в районе улиц Калинина, Постышева, Парижской Коммуны. До перестройки центральной площади там стояли одно- и двухэтажные домики с небольшими квартирками, куда заводили клиентов.

Но древнейшим ремеслом промышляли не только «профессионалки», а и «любительницы». Это были одинокие женщины, желавшие весело провести несколько часов, их интересовало только приятное знакомство, вечер в ресторане или в каком-нибудь уютном месте. И для них нашлись специальные места для встреч — вдоль улицы от нынешнего Центрального универмага до Оперного театра (тогда его называли «Держопера») и на Владимирской. А наиболее популярным местом знакомств «любительниц» был Золотоворотский скверик.

За что мы так с Паустовским...

Чтобы больше любить, перечитывайте его!

Трудно писать главу о самом любимом писателе. Что ни напишешь, будет банально, известно не только специалистам, но и любому просвещенному читателю. Но все-таки попробую, тем более что как-то содействовал паустовсковедению.

Если из документального цикла «Люди, годы, жизнь» Ильи Эренбурга мы узнавали историю нашей современной культуры, то из Паустовского — все о жизни нашего народа. Даже невероятная популярность Михаила Булгакова расцвела благодаря тому, что они, эти два великих киевлянина — Эренбург и Паустовский, один по рождению, другой по духу, — взрыхлили, подготовили почву для прорастания зерен гуманизма и духовности. Первым, кто первозванно поманил нас, ищущих подростков, в заветные дали современной отечественной литературы, был К. Г. Паустовский. Уже после него за свои мемуары взялись Катаев, Каверин, Шагинян — однако, как говорил их современник Аркадий Райкин, *«конечно, есть кое-что, но... не то!»*

Время от времени стучится тревожная мысль, что Константин Георгиевич стал забытым писателем. И забытым не только новоиспеченными интеллигентами или школьниками, которым сложно изучать Булгакова и Винниченко, потому что они не подготовлены книгами Паустовского, на первый взгляд довольно простыми и не перегруженными символами и литературными изысками. Думается, потому и принуждены мы ощущать некоторую черствость в наших сегодняшних

отношениях с окружающими — благодатного очищения прозой Паустовского больше нет...

Учащийся 1-й киевской
гимназии
Константин Паустовский

Расскажу об одной памятной встрече. Мне, все собиравшему о Паустовском, как-то попала в руки его небольшая книжечка, изданная в 1938 году в «Детской серии», — «Маршал Блюхер». Вскоре Василий Блюхер был арестован и как «враг народа» казнен. Мое чутье книголюба подсказывало, что я обладатель чудом сохранившегося раритета, что этот экземпляр — чуть ли не из архивов ВЧК—КГБ. И вот произошла встреча, подтвердившая мои предположения.

Работая в Киевском бюро путешествий и экскурсий, я часто читал свою любимую тему: «К мозаикам Рериха на Киевщине». 24 апреля 1988 года в экскурсионном автобусе, еще в Белой Церкви, заметил я внимательно слушающего мужчину среднего роста в очках. Через час, после осмотра храма в тихом селе Пархомовка, он подошел ко мне и представился: «Вадим Паустовский». Представьте мое состояние! Узнать, что это сын

моего любимого писателя! Мы разговорились, и я пригласил его в гости. С ним пришел и директор Дома-музея К. Г. Паустовского. После легкого ужина я показал найденную книгу любимого прозаика, чем вызвал неопишное удивление: ни сын, ни директор музея даже ни знали о ее существовании. Договорились, что я ее подарю музею, но сначала расскажу о ней. Так в 1989 году в газете «Книжное обозрение» была напечатана моя статья «Репрессированная книга», а «Маршал Блюхер» теперь — в музее писателя.

В день нашей первой встречи на книге «Воспоминания о Константине Паустовском» появился автограф: *«Виктору Геннадиевичу Киркевичу — на память о совместной поездке по «истинно паустовским местам». С теплыми чувствами. Вадим Паустовский. 24 апреля 1988, с. Пархомовка — Белая Церковь»*. Эту надпись я попробую прокомментировать несколькими «отрывочными мыслями» самого писателя: *«Родился я в Москве 31 мая 1892 года в Гранатном переулке, в семье железнодорожного статистика. Отец мой происходил из запорожских казаков, переселившихся после разгрома Сечи на берега реки Рось, около Белой Церкви. Там жили мой дед — бывший николаевский солдат — и бабка-турчанка. Несмотря на профессию статистика, требующего трезвого взгляда на вещи, отец был неисправимым мечтателем и протестантом. Из-за своих качеств он не засиживался подолгу на одном месте. После служил в Вильно, Пскове и, наконец, осел, более или менее прочно, в Киеве. Моя мать — дочь служащего на сахарном заводе была женщиной властной и суровой. Семья была большая и разнообразная, склонная к занятиям искусством. В семье много пели, играли на рояле, спорили, благоговейно любили театр. Учился я в 1-й киевской классической гимназии. Когда я был в шестом классе, семья наша распалась. С тех пор я сам должен был зарабатывать себе на жизнь и учение. Перебивался я довольно тяжелым*

трудом — так называемым репетиторством. В последнем классе гимназии я написал первый рассказ и напечатал его в киевском литературном журнале «Огни». Это было, насколько я помню, в 1911 году. После окончания гимназии я два года пробыл в Киевском университете, а затем перевелся в Московский университет и переехал в Москву... Но вскоре меня «завертело». Я уехал к матери (она снова перебралась в Украину), пережил в Киеве несколько переворотов, из Киева уехал в Одессу. Там я впервые попал в среду молодых писателей — Ильфа, Бабеля, Багрицкого, Шенгели, Славина».

Дополню из первой повести «Книги о жизни»: «Я был гимназистом последнего класса киевской гимназии, когда пришла телеграмма, что в усадьбе Городище, около Белой Церкви, умирает мой отец».

Уже во время следующей встречи с Вадимом Константиновичем в томе «повестей-воспоминаний» появилась следующая надпись: «Виктору Геннадиевичу Киркевичу — знатоку киевской старины от имеющего счастье обитать в городе, столь дорогом автору этой книги. Свидетельствую. Вадим Паустовский. Киев, 3 июня 1990 года».

Произошло еще несколько встреч, во время которых он пользовался книгами из моей библиотеки. Особенно интересовали его юбилейные издания 1911 года, изданные к столетию Александровской гимназии, где учился его отец. Они отсутствовали даже в библиотеке им. Ленина. Паустовский взял их надолго для работы в Москву. Тогда не было границ, так что эти фолианты можно было запросто перевозить. Вернул он их мне с оказией, сопроводив письмом: «Виктор Геннадиевич! Огромное Вам спасибо за помощь! Почти все переснял и много выписал. К сожалению, книга «Столетие...» уже почти рассыпалась на тетрадки, и от моего перелистывания этот процесс несколько усилился. В дальнейшем я подлатаю ее (т. к.

сумею). Сейчас не стоит, т. к. может быть приеду (я надеюсь!) этим летом поработать еще. «Летопись» в общем не пострадала. В «Столетию», в начале нет двух фото — государя и наследника, — тут вина не моя.

На Крещатике появилось детское издание «Зол. Розы», и я воспользовался для написания посвящения Вам (вторю). Только портрет ничего общего не имеет с оригиналом — вырвите его. Вадим Паустовский».

Напоследок хочу привести слова любимого писателя: «Ждать от автора объяснения собственных вещей — дело бесполезное. Чехов в таких случаях говорил: «Читайте мои книги, у меня же там все написано». Я с охотой могу повторить эти чеховские слова».

Читайте книги Паустовского — это источник гуманитарных знаний!

Как Киев снова стал столицей

Кто сейчас помнит, что в свое время Крещатик назывался улицей Воровского, а 15 лет столицей Украины был Харьков? Давайте разберемся, как так получилось, что в этом хорошего, а что плохого. Выиграл ли Киев от того, что в него 80 с лишним лет тому назад вернулось правительство?

Нужно отметить, что в конце гражданской войны Киев просто обезлюдел. Какой город может без потерь за 2 года пережить 14—18 смен власти, эти периодические штурмы, часто сопровождавшиеся обстрелами артиллерией? В декабре 1919-го в Киеве насчитывалось 1146 больных тифом. В окрестностях действовали хорошо вооруженные антибольшевистские отряды численностью 1—2 тыс. человек. Ну как здесь можно было разместить часто меняющееся правительство, притом непопулярное среди населения? Поэтому и стал Харьков выполнять функции столичного города советской республики.

Артисты, художники, а особенно писатели, традиционно группируются поближе к руководству — вне зависимости от партийной принадлежности. Там, где власть, там заказы, деньги, привилегии, почет, награды. Даже Остап Вишня «старался», о чем свидетельствует сборник его юморесок с названием «Как из Харькова сделать Берлин», где ставится насущный вопрос о немедленной европеизации столицы УССР.

И вот пришло время, когда правительство Украины из Харькова перевели в Киев. Безусловно, это решалось в Кремле и лично тов. Сталиным. Перевод был чисто политическим делом. Опасности возрождения сепаратистских настроений уже не существовало: «національно свідомих» разместили в ГУЛАГе или они находились за пределами Советской страны и даже

жизни. Так почему кремлевский вождь решил вернуть столичный, пусть даже условный, статус Киеву? Мне кажется, дело в политике, только в политике. Уже тогда вынашивались планы объединения Восточной Европы под эгидой Москвы.

Из всех народов больше всего Сталин ненавидел поляков, его кавказское самолюбие не могло забыть позор польской кампании 1920 года. На первый взгляд, благородная задача объединения в единое целое всех украинских земель, находящихся в Польше, Чехословакии, Румынии, Венгрии, вписывалась в глобальные планы выхода границ СССР к Средиземному морю и создания великой славянской державы от А (Албании) до Я (Якутии). Вот тут и нужен был Киев — как духовная, идейная столица всего славянского мира. Харьков за эту роль с Киевом тягаться не мог никак. Ступенями реализации этого проекта явилось установление в 1934 году дипломатических отношений СССР с Венгрией (4 февраля), Румынией (9 июня), Чехословакией (10 июня), а к тому же искоренение украинизации, препятствовавшей созданию Единой славянской державы.

Ул. Карла Маркса. 1934 год. Из архива автора

18 ноября 1934 года в Харькове прошел пленум ЦК КП(б)У, рассмотревший вопрос об «украинском националистическом уклоне» и четко определивший, что *«в данный момент главной опасностью есть местный украинский национализм, который объединяется с империалистическими интервентами»*. Пленум постановил прекратить политику украинизации, официально проводившуюся до этого. Все работы Скрипника были изъяты из продажи и библиотек.

В те годы вне зависимости от периодичности или дня выхода газеты или журнала опубликованная информация была официальной и строго обязательной для всей прессы. Поэтому во всех выпусках был один и тот же текст: *«Исключительную роль в подъеме промышленности и всего хозяйства Киева сыграло историческое решение XII съезда КП(б)У от 22 января 1934 года о перенесении в Киев столицы Советской Украины»*. В решении съезда указывалось, что при укреплении основных промышленных районов Украины (Донбасса, Харькова, Днепропетровска), создании областей необходимо приблизить правительство Украины и центральный советский аппарат к

важнейшим сельскохозяйственным районам Правобережной Украины. Дальнейшее быстрое развитие национально-культурного строительства требует немедленного перенесения столицы Украины в Киев, который является естественным историческим центром республики. Постановление съезда КП(б)У о *«перенесении столицы в Киев подтвердило итоги большого пути, пройденного рабочим классом и колхозным крестьянством Украины, великих побед, полученных на фронте социалистического строительства»*.

День приезда в Киев ЦК КП(б)У советского украинского правительства — 24 июня 1934 года — превратился в народный праздник трудящихся столицы, в демонстрацию их преданности и безграничной любви к коммунистической партии, советскому правительству и лично великому Сталину, в демонстрацию силы и могущества цветущей индустриально-колхозной Украины, неотъемлемой части великого Советского Союза.

Это, как вы понимаете, не заключение автора, а пересказ официально-партийной хроники.

На перроне вокзала прибывший из Харькова празднично украшенный поезд встречали трудящиеся Киева, а потом на привокзальной площади состоялся торжественный митинг. После него члены ЦК ВКП(б)У и правительства Советской Украины тов. Г. И. Петровский, С. В. Косиор, П. П. Постышев, В. П. Затонский, А. Г. Шлихтер и другие прибыли и поднялись на правительственную трибуну возле Оперного театра, где приняли военный парад и приветствовали многотысячные колонны демонстрантов.

Ежели кто не знает, в течение XVIII—XIX веков различные государи неоднократно выказывали желание видеть Киев столицей Российской империи. Безусловно, это должно было льстить истинным патриотам города. Но точно ли это было бы хорошо для нашего города? Вряд ли. Когда город — столица

своего государства, то сохраняется его характерное национальное лицо, ландшафт, который Л. Н. Гумилев считал определяющим фактором формирования этноса.

Члены ЦК ВКП(б)У и правительства УССР
в день переезда в Киев 24 июня 1934 года

А при царе Киев мог стать или серо-казенным из-за массовой застройки доходными домами, как в столице Российской империи, или растерять свою национальную самобытность, как «сорок сороков церквей» Москва. Казенно-административная напыщенность многоязыковой империи задавила бы душевность и естественную красоту любого города, его старинный дух — тем более Киева, в котором Екатерина II даже в 1787 году *«самого города не могла доискаться»*.

Совнарком УССР принял «знаменательное решение»: ликвидировать ряд высших учебных заведений Киева, а часть из них перевести в другие города в связи с переездом центральных партийных, государственных и общественных организаций в новую столицу и необходимостью обеспечить их помещениями.

На самом деле причиной было то, что в новой столице студенты были лишним, а иногда и опасным «элементом».

Поэтому перевод столицы и преобразование города в центр социалистической республики на Киеве отразились крайне отрицательно. Сказать, что его изувечили — все равно что ничего не сказать. Таких разрушений ни одному городу Европы не принесла даже Вторая мировая война, Дрезден и Варшава были заново отстроены. С 1934-го всего за два года было уничтожено более двух десятков церквей XI—XVIII веков, среди которых — Михайловский Золотоверхий собор, сооруженный в 1108 году; снесено или переоборудовано более 200 культовых сооружений XIX—XX веков.

Владимирский собор, поражающий своим величием и великолепием, хорошо просматривался с железнодорожного вокзала. Очевидцы сообщают, что во время торжественной встречи украинского правительства, переехавшего из Харькова, произошел следующий случай. Один из высоких державных чинов, чью фамилию просто не хочется называть, ибо с ним были солидарны и другие власть предержащие, спросил с иронией, тыкая пальцем в сторону многочисленных куполов, возвышавшихся в те годы над жилыми домами: *«Что это — монастырский город? Киев должен стать социалистическим!»*

Но если бы только храмы! Ведь взялись за весь город, в результате «преобразования» которого стали исчезать дома, целые улицы и районы. Пропала историческая застройка Верхнего города, Печерска. С новым статусом появился «101 километр», за который стали выселять «нежелательный элемент», в первую очередь — интеллигенцию. В Киеве стали арестовывать значительно больше, чем в других городах страны. Население города росло за счет чиновников и приехавших в столицу за счастьем и процветанием. Да и нужно ведь было кому-то работать на стройках! Но перед тем как что-

то построить, требовалось что-то разрушить. Строений, запечатленных на карточках тех лет, больше нет.

А строили тогда много. Так появился целый район добротных домов на Печерске, по улице Институтской. Правительственные здания НКВД (теперь Кабинет Министров), Верховного совета — на мой взгляд, лучшие строения того периода в СССР, незаурядные памятники архитектуры.

Крещатик. 1939 год. Почтовая карточка.
Из архива автора

Отметим здание Кабмина (1936—1938, архитекторы: И. Фомин, П. Абросимов), обладающее необычайной особенностью. Когда вечером станешь со стороны ул. Грушевского где-то между флагштоками и медленно поднимешь голову, то создается ощущение, что все строение как бы падает на тебя, словно заглатывает и поглощает.

Институтская улица с домом Гинзбурга. Из архива автора

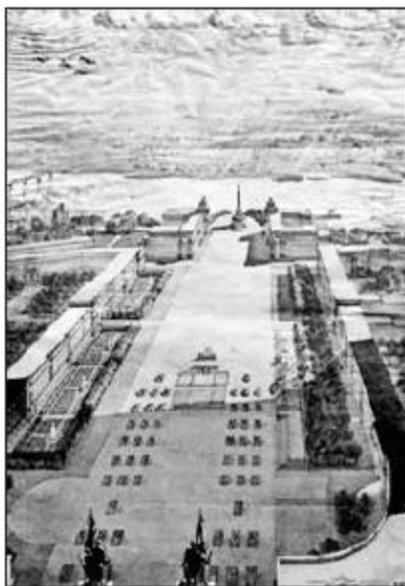
И не удивительно — здание-то изначально планировалась для карательных органов.

ЦК КП(б) Украины. 1939 год. Из архива автора

Гигантомания советской власти не имела границ, а масштабность планов поражала. Был утвержден проект Правительственного центра — места, где собирались поместить

два массивных строения, между которыми планировалось установить грандиозный монумент Ленина и разбить громадную площадь — плац для проведения парадов и митингов.

Проект Правительственного центра в Киеве. 1934 год

Для зачистки территории решили уничтожить ансамбль Михайловского Золотоверхого собора, Трехсвятительскую церковь, строение Присутственных мест, памятник Богдану Хмельницкому и Святую Софию!

Проект Правительственного центра в Киеве. 1934 год

К счастью, проект ленинградского архитектора И. Лангбарда был реализован лишь частично. После возведения на месте Трехсвятительской церкви первой части комплекса (сейчас МИД Украины) было высказано большое количество замечаний, а потом разрушение киевских святынь прервала война. Но с Михайловским монастырем успели расправиться. Он пострадал еще во время обстрела красными бандами Муравьева, после чего богослужение в нем не проводили, использовали под сохранение архивов.

Михайловский собор. 1934 год

А в 1934 году, в разгар кампании по борьбе с религией, разрушению и сношению церквей, Владимир Затонский, нарком просвещения УССР, писал члену правительственной комиссии по организации переезда центральных органов республики в Киев Я. Письменному следующее: *«По поводу Михайловского собору любители мотлоху поднимают шум, как будто там, на стенах... есть древние картины (мозаики и фрески)».*

Собор был приговорен не знающим ни истории, ни культуры наркомом просвещения! А сейчас те, кто ведает культурой, — лучше?.. В том же 1934-м мозаики и фрески частично демонтировали, их фрагменты передали в музеи (в частности, в Третьяковскую галерею, Софию Киевскую), а в 1937 году собор подорвали. 19 сентября того же года газета «Більшовик» гордо рапортовала, что *«на місці вибуху міліція забезпечила зразковий порядок».*

Центральный исполком (будущая, с 1938 года, Верховная Рада) поначалу вынужден был занять Царский дворец, капитально отремонтированный и реконструированный. Но там депутатам было тесновато — в строении отсутствовал зал

заседаний, так что было решено построить рядом специальное здание. Конкурс выиграл проект архитектора В. Заболотного. Строение закончили «начерно» уже в январе 1938 года, через пару лет автор был удостоен Сталинской премии 1-й степени. Это и есть здание нынешней Верховной Рады Украины.

Ну и, конечно же, пришлось увеличивать служебные площади для банков. Закладка строения киевской конторы Госбанка (архитекторы А. Кобелев и А. Вербицкий) была сделана еще в 1902 году. Исходя из реалий начала XX века, даже представить себе было сложно какое-то расширение конторы. Но история распорядилась иначе — было решено надстроить еще два этажа. Работы были выполнены по проекту того же А. Кобелева в соавторстве с В. Рыковым до конца 1934 года. Интересно, что крышу строения не сняли, а разрезали автогенном и подняли на домкратах, после надстройки двух этажей разрезанные части крыши установили на подушках и снова заварили. Теперь здесь Национальный банк Украины.

Если семь десятилетий в 1500-летней истории города — незначительный срок, то для нас это большая жизнь не одного поколения. Киев пережил за это время все: и ужасы репрессий, и оккупации, и дикие, неуправляемые взлеты цен на жизненно важные продукты... К сожалению, плохое всегда распространяется на всех, а вот счастье и радость испытываются индивидуально, максимум — небольшой группой чем-то объединенных людей.

Но, несмотря ни на что, я несказанно рад, что родился и живу в столице Украины!

Институт — пыточная — дворец — центр культуры. 180 лет «шляхетных» контрастов

В дни Октябрьского переворота и Январского вооруженного восстания бывший Институт благородных девиц гордо смотрел сверху на митинги на Думской площади (нынешний Майдан Незалежности) и покорно переносил на фронтоне красные транспаранты с призывами к борьбе с *«оскаженілою та злочинною Центральною Радою»*.

В первые месяцы после установления советской власти в Киеве в 34 дома, которые раньше занимала буржуазия, заселились тысячи семейств рабочих Слободки и Труханового острова. В освобожденный от воспитанниц бывший Институт благородных девиц въехало немало многодетных арсенальцев. Представьте эту «коммуналку» с сотнями шипящих примусов! Впоследствии тут квартировали караульные полки, Высшая военная и сельскохозяйственная школы, какая-то редакция, находился Комитет коммунального хозяйства. А потом... в подвалах бывшего Института допрашивали, пытали и убивали неугодных власти людей — «врагов народа». Отсюда они отправлялись в далекие лагеря или напрямиком на кладбище.

В Быковнянском лесу в 1936 году было организовано настоящее предприятие по утилизации трупов — поставлен «зеленый забор», которым огораживали зону площадью 6 га, со всеми необходимыми для «заметания следов» объектами. Главным местом убийств на то время был этот дворец. Кровавый путь от него до ворот «зеленого забора» на

протяжении пяти довоенных лет совершали мрачные закрытые грузовики с трупами.

Сооружение бывшего Института стало очевидцем грандиозного пожара на Крещатике в 1941 году, но сохранилось. В подвалах НКВД почему-то не была заложена взрывчатка, а всеуничтожающий огонь до колоннады на высоком холме не дотянулся.

Немецкие захватчики недолго размышляли над использованием громадного сооружения. Не мудрствуя лукаво на все два года оккупации Киева на улице, переименованной в Хорст-Вессель-штрассе, разместили кровавое гестапо. В 1943 году, отступая, гитлеровцы подожгли здание.

Долгие годы руины Института над Крещатиком болезненно напоминали киевлянам ужасы войны. Лишь в конце 1950-х группа архитекторов во главе с Алексеем Заваровым, участвовавшим в восстановлении изувеченного Крещатика, приступила к реконструкции строения авторства Викентия Беретти. Сохранив внешний вид, архитекторы полностью изменили внутренние планирование дворца, получившего название Жовтневый. Там появился зал на 1900 мест и просторные фойе, значительно расширен вестибюль.

СССР, 1930-е годы. Дирекция театра, не выполняющего финансовый план, дает объявление: «Состоится концерт из десяти номеров. Зрители, которым не понравится последнее выступление, смогут деньги за билеты получить обратно». Результат — полный зал! Под конец концерта конференсье объявляет: «А теперь оркестр ОГПУ исполнит «Интернационал»!..»

«Тов. Хрущев Н. С. осмотрел модель памятника Тарасу Шевченко работы тов. Манизера. Тов. Хрущев одобрил проект памятника в целом и внес некоторые существенные изменения,

которые поручено выполнить автору проекта в кратчайшие сроки».

До 1970 года Жовтневый дворец был главной сценой политической и общественной жизни УССР: тут проводились торжественные собрания, партийные и комсомольские съезды, концерты, научные конференции... Гостями дворца были Юрий Гагарин, Андрей Сахаров, Александр Сакуров...

Именно здесь 23 октября 1965 года состоялось торжественное вручение Киеву медали «Золотая звезда» и звания Города-героя. С 1991 года дворец носит название «Международный центр культуры и искусств».

Вторая Мировая война

Приведем в качестве пролога фрагменты из интервью Геринга (он уже сидел в тюрьме): *«Конечно, народ не хочет войны. Конечно, никто не хочет войны, ни в России, ни в Англии, ни в Америке, ни даже в Германии. Это понятно. Но, в конце концов, политика определяется лидерами страны. И заставить народ поддерживать политику — это дело плевое. Это всего лишь надо сделать, будь то демократия, или фашистская диктатура, или парламент, или коммунистическая диктатура... Это, конечно, все прекрасно, но, имеют они или не имеют они голоса, народ всегда может быть приведен к послушанию. Это просто: надо только сказать ему, что на него нападают. И при этом обвинить пацифистов в отсутствии патриотизма и в том, что они подвергают страну опасности. Это срабатывает в любой стране».*

Культ личности

Вмешательство Сталина в жизнь Киева было решающим. Считаю важным и необходимым для понимания социальных процессов 30-х годов вернуться к этому кровавому дьяволу — воплощению Зла. Однако, поскольку о периоде становления Советского государства сказано уже немало, остановлюсь в этой главе на роли Иосифа Джугашвили во Второй мировой войне, возникшей не без его пагубного участия.

Парад на Крещатике. 7 ноября 1938 года

Сталинская экономика была подчинена одному — идее завоевательной войны. Заводы, которые строились в России, производили не кофемолки, чайники и тазики, они выпускали либо танки, либо сталь для танков, либо электричество, которое необходимо для получения стали, которая была нужна, чтобы изготовить танки! Главным проектировщиком этих заводов был

Альберт Кан — самый известный промышленный архитектор Америки, автор проектов заводов Форда, в частности. В 1929—1932 годах фирма Альберта Кана (или, для прикрытия, «Госпроектстрой») спроектировала для России 571 промышленное предприятие. В их числе тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове, Томске; самолетостроительные заводы в Краматорске и Томске; автомобильные заводы в Челябинске, Москве, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Самаре; кузнечные цеха в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберцах, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Сталинграде; станкостроительные заводы в Калуге, Новосибирске, Верхней Сольде; прокатный стан в Москве; литейные заводы в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберцах, Магнитогорске, Сормово, Сталинграде; механические цеха в Челябинске, Люберцах, Подольске, Сталинграде, Свердловске; теплоэлектростанция в Якутске; сталелитейные и прокатные станы в Каменском, Коломне, Кузнецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Верхнем Тагиле, Сормово; Ленинградский алюминиевый завод; Уральская асбестовая фабрика и много других — чем перечислять, проще будет сказать, что Кан спроектировал всю советскую промышленность. За это он получил от Сталина 2 млрд долларов, что, по нынешнему курсу, в 200 раз больше!

Эти фантастические растраты были оплачены умершими от голода крестьянами. Из бедствующей страны Сталин вывез в 1932 году на экспорт 17,3 млн т зерна, в 1933-м — 16,8 млн т. *«В тот самый год, когда в Харькове пекли пирожки с человечинной, из СССР на экспорт было отправлено 47 тыс. тонн мясо-молочных продуктов, 54 тыс. тонн рыбы. Страна людоедов экспортировала муку, сахар, колбасы, подсолнечник»*, — замечает Марк Солонин.

Но, может быть, убивая миллионы крестьян, уничтожая генофонд нации, расстреливая людей «за колоски», Сталин поощрял ученых? Советская наука 1920-х годов (как и искусство, и архитектура) переживала необычайный взлет! Ее создавали идеалисты — А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественский, Л. И. Мандельштам. Это было первое поколение советских физиков, и все они провели несколько лет на Западе. Дмитрий Рождественский изучал физику в Лейпциге и Париже, Леонид Мандельштам работал в Страсбурге, Абрам Иоффе — в Мюнхене, у Рентгена. Все они вернулись после революции в Россию, считая своим долгом быть российскими учеными. Все они создали институты — питомники ученых. А потом, конечно же, сотрудники этих научных центров были расстреляны.

В Украинском физико-технологическом институте, в начале 1930-х бывшем одной из самых могучих научных школ, были расстреляны три руководителя отделов — Шубников, Розенкевич и Горский. Арестованы оба руководителя института — сначала Лейпунский, за ним Обреимов. Двух коммунистов — австрийца Александра Вайсберга, возглавлявшего низкотемпературную секцию, и немца Фридриха Хаутерсмана — СССР любезно выдал на расправу Гитлеру после заключения пакта Молотова — Риббентропа. Были арестованы Ландау и Фок, расстрелян молодой гений Бронштейн.

Еще один пример — судьба Сергея Королева. Практически все инженеры ракетного НИИ, в котором он работал, были казнены, в том числе начальник Королева Иван Клейменов и конструктор «катюш» Георгий Лангемак. Из всех разработчиков «катюш» остался в живых один инженер Костиков, который их дорабатывал в 1941 году, — его наградили... и застрелили. Сергей Королев остался в живых совершенно случайно. Следователь, который его допрашивал, требовал признания, что ученый конструировал ракету, чтобы убить товарища Сталина.

И поучал человека, который вывел СССР в космос: *«Нашей стране ваша пиротехника и фейерверки не только не нужны, но даже и опасны»*. Сталин вспомнил об ученых, когда узнал, что союзники работают над атомной бомбой. Как мрачно пошутил Ландау, *«главным следствием атомного проекта было спасение российских ученых»*.

От кого защищался Сталин, подписывая контракт с фирмой Кана в 1929 году? Контракт, который стоил СССР миллиарды долларов и 20 миллионов трупов! От Гитлера? Но Гитлер пришел к власти в 1933-м. От коварных империалистов? Но Сталин покупал заводы, станки и оружие именно у них: заводы — у Кана, танк БТ — у американского конструктора Кристи.

Вот история 1925 года, рассказанная Виктором Суворовым в «Последней республике». Во Францию приезжает красвоенлет (красный военный летчик) Минов. Задание Минова — купить четыре тысячи военных авиационных двигателей (у Гитлера на Восточном фронте было меньше). Минов и его начальник, глава ВВС СССР Петр Баранов, задание выполнили, двигатели купили и собрались уже уезжать, как вдруг... Баранова опознали. *«Оба курили в тамбуре вагона, когда Минов увидел сияющего в улыбке министра авиации Франции Лорана Эйнека. В штатском, с красными розами в руке, министр в сопровождении адъютанта направился прямо к ним. Лоран Эйнек был очень любезен в прощальной речи. Он сокрушался, что слишком поздно узнал о пребывании столь высокого гостя, что, не будь его, министра, досадной неосведомленности, коллега мог бы увидеть и узнать здесь несравненно больше»*. (Из воспоминаний летчика-испытателя Игоря Шелеста). **Сталин уже в 1925 году планировал наступательную войну и ради этого весь СССР, ценой жизни и благосостояния населения стал превращать в оружейный завод!**

И тут остро понадобилась идеология! Давно гуляет анекдот: именно благодаря освободительным войнам СССР занял 1/6 часть суши. Для Советской империи война должна быть «освободительной», которая — если воспользоваться древними китайскими военными хитростями — позволяет «убить чужим ножом» и «грабить во время пожара».

Обложка «Русско-германского вестника науки и техники», 1934 год

Иначе говоря, хорошо бы иметь в центре континента «бесноватый» режим, в борьбе с которым Европа изойдет кровью, после чего ее будет легко «освободить». И тогда, как гласит устав РККА, *«если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»*. Начиная с 1933 года вся внешняя политика Сталина, располагавшего гигантским внешнеполитическим ресурсом в лице западных коммунистов и их попутчиков — *«полезных идиотов»*, направлена на создание «пожара» и «чужого ножа». Собственно, самим своим приходом к власти Гитлер обязан Сталину.

Плакат. В. Корецкий. 1939 год

На выборах 1933 года Гитлер получил 43 % голосов, а социал-демократы и коммунисты вместе — 49 %. Если бы коммунисты вступили в коалицию с социал-демократами, то фюрер не пришел бы к власти. Кто запретил коммунистам вступать в коалицию с социал-демократами, спросите вы? Конечно же, Сталин!

«Мир вполне мог обойтись без Гитлера во главе Германии и без Второй мировой войны. Но Сталин — не мог».

Виктор Суворов

Однако Гитлер у власти сам по себе еще ничего не значил. По условиям Веймарского договора, Германия была разоружена. У нее не было армии, не было стрельбищ и полигонов. Все это предоставил Сталин! Он снабжал Гитлера сырьем — хотя и не бесплатно. В обмен приходили новейшие образцы германского оружия, всего вплоть до начала войны СССР получил от воюющей Германии оружия, станков и техники на 150 млн немецких марок. А после 22 июня 1941 года Сталин стал получать все то же самое от США. Если бы не Сталин, Гитлер вырос бы в диктатора средней руки вроде Саддама Хусейна,

задавленного после первой же попытки захватнической войны и не опасного ни для кого, кроме своих собственных граждан.

18 июля 1936 года в Испании вспыхнул мятеж. Генерала Франко поддержало 80 % армии. Республиканцы были обречены, но СССР перебросил в Испанию 648 самолетов, 347 танков, 60 бронев автомобилей, 1186 орудий, 20 тыс. пулеметов, 497 тыс. винтовок — все, выкованное огромной военной машиной, топливом для которой служили голод и смерть украинских крестьян. В результате немногочисленные испанские коммунисты, не пользовавшиеся до той поры особым влиянием, стали главной силой в борьбе против Франко, а Джордж Оруэлл, сражавшийся в Испании на стороне республиканцев, вынес из этого ада идеи для своей книги «1984».

Друзья по оружию. Октябрь 1939 год

Зачем Сталин тратил гигантские деньги на войну в Испании? Он надеялся там разжечь тот самый «пожар», после которого можно «грабить». Он надеялся, что Гитлер ввяжется в конфликт на стороне Франко, а Англия и Франция — на стороне

республиканцев. При этом «*полезные идиоты*» и коминтерновцы по указанию из Москвы предпринимали все, чтобы заклеить позором западные демократии, которые не вступили в войну в Испании. Однако «*пожар*» — то есть Вторая мировая война — в те годы не разгорелся: «дрова» были сырыми. И сегодня происходит что-то похожее...

Но идем дальше. В 1938 году на карте Европы возникла новая точка напряженности — Чехословакия, у которой Германия требует вернуть ей населенные немцами Судеты. В сентябре Англия и Франция уговаривают Чехословакию уступить Гитлеру. Это событие получило название «Мюнхенский сговор» — самый позорный факт в истории Европы и не усвоенный до сих пор западными демократиями урок о том, что если ты уступаешь агрессору, то он воспринимает твои уступки как новый плацдарм для нападения. Украина и в наши дни ощущает пагубность этой двуличной позиции!

В дни Мюнхена СССР в конфиденциальных переговорах с Германией настойчиво поддерживал ее позицию, а в переговорах с Чехословакией клятвенно обещал ее защитить. И при нападении на нее в ответ на прямую просьбу о помощи президента Бенеша Кремль посоветовал помощь искать в Лиге Наций. Это и было тем местом, где Сталин рассчитывал разжечь «*пожар*», с надеждой, что Англия и Франция вступят в войну на стороне Чехословакии. Свои намерения Сталин выразил на заседании Политбюро от 19 августа 1939 года: «*В интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон*».

23 августа был заключен пакт Молотова — Риббентропа. По Суворову, его правильнее называть Московским договором 1939 года, приведшим к началу Второй мировой войны.

Пробывание Председателя Совнаркома СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова в Берлине.
На снимке — т. В. М. Молотов и т. А. Гитлер в одной из первых встреч.
Фот. М. Калинин.

Гитлер и Молотов. Газета «Правда» от 18 ноября 1940 года.
Из архива автора

Ровно через неделю после его подписания, 1 сентября 1939 года, Гитлер атакует Польшу и требует от Сталина, чтобы тот тоже напал на Польшу. Но Сталин выжидает и входит в Польшу только 17 сентября, причем войны не объявляет. Этим маневром Сталин продемонстрировал стратегическое превосходство над Гитлером. К этому времени основную тяжесть боев, а у поляков были мощные вооруженные силы, приняли на себя немцы, и Красная армия продвигается практически без сопротивления, поскольку поляки не могли разобраться, с кем СССР воюет — с ними или с немцами? Англия и Франция, начав, в соответствии с долгом союзников, сражаться с Гитлером, так и не решились объявить войну Сталину, потому что надеялись, что он рано или поздно ударит по Германии с тыла.

«Пионерская правда»

Так Гитлер и Сталин совместно начинают Вторую мировую войну. Гитлер оккупирует часть Польши, Францию, Бельгию, Голландию, Люксембург; Сталин в это же время захватывает половину Польши, Литву, Латвию, Эстонию, часть Румынии, часть Финляндии — всего за два года Второй мировой войны Сталин оккупирует территории с населением в 23 млн человек.

Братская дружба на фоне
портрета Сталина.
Сентябрь 1939 года

И снова, в отличие от Гитлера, Сталин не называет захват земель оккупацией. В переписке Молотова и Риббентропа это

называется «успехами нашей внешней политики», в передовицах «Правды» — «освободительными походами в Западную Белоруссию и Западную Украину». И если рассматривать Вторую мировую как преступление, то роли Сталина и Гитлера различаются тем, что Гитлер — организатор и исполнитель, а Сталин — заказчик.

В эти годы, 1939-й и 1940-й, Сталин, с одной стороны, нависает над стратегическими линиями снабжения Гитлера, которые он может перерезать в любой момент, лишив Германию доступа к румынской нефти и шведской железной руде; с другой стороны, он снабжает Германию сырьем, чтобы та поработала Европу; с третьей — он получает от Гитлера станки и материалы, которые советская промышленность изготовить не в силах.

Уверенность Сталина в том, что «чужой нож» — Гитлер — полностью от него зависит и напасть не сможет, так велика, что одним из ее следствий становится Катынь.

Встреча «союзников» в оккупированной Польше.
Сентябрь 1939 года

22 тыс. офицеров польской армии — военная элита Польши — расстреляна в Медном, в Катыни, в Калинин,

1,5 тыс. — в Быковне под Киевом. Офицеров убивают по одному, выстрелом в затылок, и так часто, что советские пистолеты не выдерживают, стреляют из немецких вальтеров: в Калинин майор Блохин привез с собой целый чемодан «Вальтеров-ПП».

Вячеслав Молотов и Генрих Гиммлер в Берлине. Ноябрь 1940 года

Опуская для всех очевидную бесчеловечность этой казни, нельзя не отметить, что она — хороший ключ для понимания человеконенавистнической психологии Сталина, который и помыслить не хочет, что 22 тыс. опытных офицеров, ненавидящих вермахт, могут пригодиться ему в оборонительной войне против Гитлера! Уверенность Сталина в том, что все произойдет согласно его плану, так высока, что он не хочет ждать и убивает поляков, не допуская их отправления в ГУЛАГ, который не безразмерен и в котором с началом войны мест просто не будет! Это еще одна характерная черта Сталина, которая 22 июня оказалась роковой: не занимаясь глобальными стратегическими расчетами, он всегда был уверен, что все произойдет по его плану.

11 февраля 1940 года в Москве состоялось подписание хозяйственного соглашения между СССР и Германией, где

предусматривалось, что Советский Союз за 12 месяцев поставит товаров на сумму в 430 млн германских марок. Германия обязалась обеспечить военными материалами и промышленным оборудованием на ту же сумму за 15 месяцев. Через полгода с момента подписания соглашения, а также через год немецкие товары могли отставать от советских не более чем на 20 %, иначе СССР мог воспользоваться правом, прописанным в договоре, *«временно приостановить свои поставки»*. В соглашении предусматривалось, что СССР отправит в Германию 1 млн т фуражного зерна и бобовых на сумму 120 млн рейхсмарок, 900 тыс. т нефти на сумму около 115 млн рейхсмарок, 100 тыс. т хлопка на сумму около 90 млн рейхсмарок, а также 500 тыс. т фосфатов, 100 тыс. т хромитовых руд, 500 тыс. т железной руды, 300 тыс. т чугуна и чугуна в чушках, 2400 кг платины. Для обеспечения выполнения своих заказов СССР обязался поставить Германии в течение следующих 18 месяцев 11 тыс. т меди, 3 тыс. т никеля, 950 т цинка, 500 т молибдена, 500 т вольфрама, 40 т кобальта. Кроме того, СССР предоставлял скидку Германии на транзит ее товаров по Транссибирской магистрали.

Считаю уместным привести здесь весьма актуальное нынче высказывание Адольфа Гитлера: *«Когда я настроюсь развязать войну, мои войска внезапно появятся в столице соседнего государства, например в Париже. Они будут одеты во французскую военную форму. И пройдут по улицам среди белого дня. Никто их не остановит.*

Все будет заранее продумано и подготовлено до мельчайшей мелочи. Войска войдут в генеральный штаб, они займут министерства и здание парламента. Через несколько минут Франция окажется лишенной своих правителей. Армия без генерального штаба! Все политические деятели покинут сцену! Всеми овладеет невероятное замешательство. Но у меня уже

заранее будут налажены связи с людьми, способными организовать новое правительство — такое, которое угодно мне. Мы найдем таких людей в любой стране. Нам даже не придется их подкупать: они придут к нам сами. Их будут подталкивать иллюзии и честолюбие, партийные ссоры и корыстное безрассудство».

Красноречивые параллели

У Гитлера красный флаг. И у Сталина красный флаг. Гитлер правил от имени рабочего класса, партия Гитлера называлась рабочей. Сталин тоже правил от имени рабочего класса, его система власти официально именовалась диктатурой пролетариата.

Гитлер ненавидел демократию и боролся с ней. Также и Сталин. Сталин строил социализм, Гитлер считал свой путь к социализму единственно верным, а все остальные пути — извращением. И Сталин считал все остальные пути к социализму — отклонением от генеральной линии партии. Соратников по партии, которые отклонялись от правильного пути, таких как Рем и его окружение, Гитлер беспощадно уничтожал. Уничтожение соратников было характерно и для Сталина.

У Гитлера четырехлетние планы. У Сталина — пятилетние.

У Гитлера одна партия у власти, остальные — в тюрьме. И у Сталина не могло быть иного. У Гитлера партия стояла над государством, страной управляли партийные вожди. И у Сталина так же. У Гитлера съезды партии были превращены в грандиозные представления. И у Сталина — соответственно.

Главные праздники в империи Сталина: 1 мая, 7 ноября. В империи Гитлера — 1 мая, 8—9 ноября.

У Гитлера — гитлерюгенд, молодые гитлеровцы. У Сталина — комсомол, молодые сталинцы.

Гитлер любил грандиозные сооружения. Он заложил в Берлине самое большое здание мира — Дом собраний. Купол здания — 250 м в диаметре. Главный зал должен был вмещать 150—180 тыс. человек. И Сталин любил грандиозные

сооружения. Он заложил в Москве самое большое здание мира — Дворец Советов. Главный зал у Сталина был меньше, зато все сооружение было гораздо выше — 400 м. Причем это был словно постамент, над которым возвышалась стометровая статуя Ленина. Общая высота сооружения — 500 м. Работа над проектами Дома собраний в Берлине и Дворца Советов в Москве проводилась одновременно. Гитлер планировал снести Берлин и на его месте построить новый город из циклопических сооружений. Сталин планировал разрушить Москву и на ее месте возвести новый город из грандиозных строений.

Для Германии Гитлер был человеком со стороны. Он родился в Австрии и почти до самого момента прихода к власти не имел германского гражданства. Сталин для России был человеком со стороны. Он не был ни русским, ни даже славянином.

Иногда, очень редко, Сталин приглашал иностранных гостей в свою кремлевскую квартиру, и те были потрясены скромностью обстановки: простой стол, шкаф, железная кровать, солдатское одеяло. Гитлер приказал поместить в прессе фотографию своего жилища. Мир был удивлен скромностью обстановки: обычный стол, шкаф, железная кровать, солдатское одеяло... Только у Сталина на сером одеяле черные полосы, а у Гитлера — белые. Между тем в уединенных местах среди сказочной природы Сталин возводил весьма уютные и хорошо защищенные резиденции-крепости, которые никак не напоминали келью отшельника. И Гитлер в высокогорье в восхитительных местах строил неприступные резиденции-крепости, не жалея на них ни гранита, ни мрамора, и они отличались пышностью.

Любимая женщина Гитлера, Гели Раубаль, была на 19 лет моложе его. А жена Сталина, Надежда Аллилуева, была на 22 года моложе его. Гели Раубаль покончила жизнь самоубийством. Надежда Аллилуева — тоже. Гели Раубаль

застрелилась из гитлеровского пистолета. Надежда Аллилуева — из сталинского. Обстоятельства смерти Гели Раубаль загадочны. Существует версия, что ее убил Гитлер. Гибель Надежды Аллилуевой не менее таинственна, не исключено, что ее убил Сталин.

Гитлер говорил одно, а делал другое — как и Сталин!

Гитлер начал свое правление под лозунгом «Германия хочет мира», после чего захватил половину Европы. Сталин боролся за «коллективную безопасность» в Европе, не жалея на это ни сил, ни средств. И тоже отхватил немалую часть

У Гитлера — гестапо. У Сталина — НКВД. У Гитлера — Освенцим, Бухенвальд, Дахау... У Сталина — ГУЛАГ. У Гитлера — Бабий Яр. У Сталина — Катынь.

Гитлер истреблял людей миллионами, как и Сталин. Гитлер не обвешивал себя орденами, также и Сталин. Гитлер ходил в полувоенной форме без знаков различия, что характеризовало и Сталина.

Сталин — без бороды, но со знаменитыми усами. Гитлер — без бороды, но с характерными усами.

Так в чем же разница между ними? Скорее всего, только в форме усов!

Читатель может также сравнить этих двух типов с нынешним кремлевским наследником. Уж очень он много наследил...

Вот еще захватывающие факты совпадений в истории: Наполеон — Гитлер.

25 ДЕКАБРЯ 1939 г., № 355 (8040)

БЕРЛИН

ГЛАВЕ ГЕРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

господину АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ.

Прошу Вас принять мою признательность | добрые пожелания в отношении народов Со-
за поздравления и благодарность за Ваши | ветского Союза.

И. СТАЛИН.

БЕРЛИН

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

господину ИОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП.

Благодарю Вас, господин министр, за | имеет все основания быть длительной и
поздравления. Дружба народов Германия и | прочной.
Советского Союза, скрепленная кровью,

И. СТАЛИН.

Телеграммы И. В. Сталина своим «ближайшим друзьям»

Наполеон родился в 1760 году — Гитлер родился в 1889 году (разница — 129 лет); Наполеон пришел к власти в 1804 году — Гитлер у власти с 1933 года (разница — 129 лет); Наполеон вошел в Вену в 1812 году, а Гитлер вступил в Вену в 1941 году (разница — 129 лет); Наполеон окончательно проиграл войну в 1816 году, Гитлер проиграл войну в 1945 году (разница — 129 лет). Оба проиграли войну, когда им было по 56 лет. Оба пришли к власти, когда им было по 44 года и оба напали на Россию, когда им было по 52 года.

И вся упомянутая тройца отличалась низким ростом!

Зимняя война и ее последствия

В последние годы, когда слышим о внешнеполитическом курсе России, то вспоминается идущая с первых лет существования СССР так называемая, всячески прославляемая «официальной» советской пропагандой, миролюбивая политика. Как верно замечали не подвластные официозу историки, всегда выходило так, что враг нападал на СССР именно в тот момент, когда на границах были сосредоточены мощные группировки Красной армии, готовые к захвату страны нападающих. В ноябре 1939 года сосредоточили пять армий на границе с Финляндией, изготовились, и тут дурачки-финны, как по заказу, якобы один раз стрельнули из пушки...

Советские газеты немедленно взорвались той самой «яростью благородной»: *«Отразим нападение Финляндии!»*, *«Дать отпор зарвавшимся налетчикам!»*, *«Ответим тройным ударом на удар агрессоров!»*, *«Уничтожим гнусную банду!»*. Между тем, вот воспоминания Хрущева: *«Я приехал в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по ходу его я почувствовал, что это продолжение предыдущего разговора. Собственно, уже реализация принятого решения о том, чтобы предъявить ультиматум Финляндии. Уже договорились с Куусиненом, что он возглавит правительство создающейся Карело-Финской ССР... Вдруг позвонили, что произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить. Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели».*

Весной 1939 года Сталин разрабатывал планы захвата Финляндии. С этой целью были инициированы мирные переговоры по обмену территориями, которые в течение сентября-октября 1939 года проходили в Москве, они и должны были заставить Финляндию отказаться от Карельского перешейка и района Петсамо в пользу СССР. Однако финны заняли бескомпромиссную позицию, опасаясь, что территориальные уступки Москве на этом не остановятся. Подобные уступки уже привели к исчезновению с карты Европы Чехословакии и, впоследствии, Польши. К ноябрю 1939 года мирные переговоры о новой межгосударственной границе зашли в тупик, выход из которого был только один — война... И она не задержалась!

Приведу замечательный короткий документ, опубликованный в газете «Правда» за несколько часов до начала советско-финской войны, называется он «Ответ товарища Сталина на вопросы корреспондента “Правды”». На вопрос о том, каким образом в западную прессу просочились секретные документы советско-германского протокола, по которому территории Восточной Польши, Прибалтики и даже Финляндии отходят Советскому Союзу. Сталин начинает свой ответ так: *«Я не знаю, в каком кафешантане подобрали они эту информацию. Мне это неинтересно»*. Почему-то в его представлении кафешантан — понятие какое-то позорное. И дальше он приводит три совершенно циничных тезиса, характерных для вождя дикого «сталинского» племени. Первый тезис: не Германия напала на Англию и Францию, а Англия и Франция напали на Германию, и они являются агрессорами. Второй тезис: Германия является миролюбивой страной, которая стремится к миру, много раз высказывала миролюбивые инициативы, Англия же и Франция — поджигатели войны, не хотят идти навстречу миру. И третье: Советский Союз является

миролюбивой страной, ни на кого не собирается нападать, никогда ни на кого не нападал и пытается помочь Германии в ее миролюбивых инициативах, чтобы прекратить политику поджигателей войны, Англии и Франции.

Ночью 26 ноября 1939 года секретный отряд НКВД, тайно перейдя государственную границу, позволил себе артиллерийский обстрел пограничного поселка Майнила с территории Финляндии. Это было устроено советской стороной, чтобы иметь повод для денонсации договора с Финляндией о ненападении с целью дальнейшего ее захвата... Маховик военной агрессии был запущен — 30 ноября 1939 года подразделения Красной армии получили приказ переходить в наступление на Финляндию. В тот же день президент Финляндии объявил войну СССР, которую позже историки обоих государств назовут «Зимней войной», длившейся более 100 дней.

И по наработанной уже схеме соответствующие органы СССР на следующий день после нападения на Финляндию создали марионеточное правительство из советских граждан, которое возглавил секретарь Исполкома Коминтерна Отто Вильгельмович Куусинен. Это правительство было доставлено в Териоки (ныне Зеленогорск), к самой границе.

Эта скороспелая Финляндская Демократическая Республика (ФДР) была официально признана тремя странами мира: СССР, Монголией и Тувинской народной республикой (была такая, даже выпускала свои марки). На следующий день между СССР и ФДР был заключен Договор о взаимопомощи и дружбе. Было объявлено, что предыдущее правительство Финляндии бежало и, следовательно, страной более не руководит. А через две недели нарком Молотов добавит, что *«финское народное правительство»* самораспустилось и что *«не трудно видеть, что произошло столкновение наших войск не просто с финскими*

войсками, а с соединенными силами империалистов ряда стран, включая английских, французских и других, которые помогли финляндской буржуазии всеми видами оружия, и особенно артиллерией и самолетами, а также своими людьми под видом «добровольцев», своим золотом и всяким снабжением, своей бешеной агитацией во всем мире за всяческое раздувание войны против Советского Союза... Все это варварство и бесчисленные зверства — плоды политики финляндской белогвардейщины, стремившейся раздуть в своем народе ненависть к нашей стране». 12 марта 1940 года Финляндия и СССР заключили мирный договор, в котором ФДР не упоминается вообще.

4 декабря 1939 года «Правда» печатает Декларацию Народного Правительства Финляндии, которая каким-то образом была перехвачена радио. А это означает, что настоящей Декларации, на бумаге, с мокрыми печатями и подписями, никогда не существовало! А военные действия с многочисленными жертвами уже начались! Приведу фрагментарно этот текст из «Правды»:

«По воле народа, возмущенного преступной политикой презренного правительства Каяндера—Эркке—Таннера, сегодня в Восточной Финляндии образовано новое временное Народное Правительство, которое призывает весь финляндский народ на решительную борьбу за свержение тирании палачей и провокаторов войны.

Реакционная, алчная плутократия в 1918 году с помощью войск иностранных империалистов потопившая в море крови демократическую свободу финляндского трудового народа, превратила нашу родину в белогвардейский ад для трудящихся. Продав интересы самостоятельности страны, заправили Финляндии, совместно с всякими империалистическими врагами финляндского и советского народов, беспрестанно стряпали планы антисоветских военных провокаций и, наконец, свергли

нашу страну в горнило войны против Социалистического Советского Союза — великого друга финляндского народа.... Для быстрого выполнения этой задачи Народное Правительство Финляндии приглашает Правительство СССР оказывать Финляндской Демократической Республике все необходимое содействие силами Красной армии. Для участия в совместной борьбе рука об руку с героической Красной армией СССР Народное Правительство Финляндии уже сформировало первый финский корпус, который в ходе предстоящих боев будет пополняться добровольцами из революционных рабочих и крестьян и должен стать крепким ядром будущей Народной армии Финляндии. Первому финляндскому корпусу предоставляется честь водрузить знамя Финляндской Демократической Республики на крыше президентского дворца, на радость трудящимся и страх врагам народа... Народное Правительство Финляндии обращается к Правительству СССР с предложением заключить пакт взаимопомощи между Финляндией и Советским Союзом и удовлетворить вековую национальную надежду финского народа на воссоединение с ним карельского народа в едином и независимом финляндском государстве. Председатель Народного Правительства и министр иностранных дел Финляндии Отто Куусинен».

Понятно, что никакого финского корпуса, ни 1-го, ни 2-го, не существовало. И через две недели даже В. М. Молотов не вспоминал об этом «правительстве» Финляндской Демократической Республики. Но договор-то с ней был! Вот он: «Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой. 1-го декабря сего года председатель Народного Правительства и министр иностранных дел Финляндии г. Куусинен обратился в президиум Верховного Совета СССР с официальным заявлением об образовании Народного Правительства Финляндии и предложил

установить дипломатические отношения между Финляндской Демократической Республикой и Советским Союзом». Президиум Верховного Совета СССР постановил признать Народное Правительство Финляндии и установить дипломатические отношения между Союзом ССР и Финляндской Демократической Республикой. (ТАСС)».

Даю эти переполненные мистификациями документы подробно, поскольку они красноречиво свидетельствуют, что политические претензии Кремля — те же и сегодня. Нарком Молотов заявил три тезиса, а потом их же повторил советский представитель в Лиге Наций. Первый: СССР не нападал на Финляндию и с ней не воюет. Есть новая Финляндия — Финляндская Народно-Демократическая Республика, у нее есть законное правительство Куусинена. Советский Союз оказывает помощь этому правительству. Второй: прежней Финляндии больше нет, это незаконное и несостоявшееся государство, ее правительство нелегитимно, СССР его не признает, так что агрессором является именно оно. И третий. Военные действия ведут ополченцы Народной Финляндской армии, подчиненные правительству Куусинена, а не советская армия.

Несмотря на всю эту «исчерпывающую аргументацию», Советский Союз изгнали из Лиги Наций как агрессора.

В советско-финской войне СССР выставил против Финляндии 11 266 орудий и минометов, 2998 танков, 3253 боевых самолета и армию численностью около миллиона солдат и офицеров. На стороне финнов воевало всего несколько десятков танков и самолетов. У нас погибло около 75 тыс., и 17 тыс. пропало без вести. Более 200 тыс. — раненых и обмороженных. Потери же финнов составили: 23 тыс. убитых и пропавших без вести и 44 тыс. раненых. Все дело в хорошей подготовленности финнов к обороне, в созданной ими «линии Маннергейма».

Уже тогда была сформулирована советская стратегия «не считаться с потерями». В войне с Финляндией безвозвратно «потрачено» 127 тыс. человек. До сих пор спорят, была эта война поражением или победой. При этом, как правило, пытаются оценить эти результаты и потери с общечеловеческой точки зрения. Но точки над *i*, как всегда, расставил Сталин. Что он сделал с маршалом Тимошенко, ответственным за этот финский провал? Расстрелял? Отправил в отставку за большие потери? Нет! 8 мая 1940 года Сталин назначает Тимошенко наркомом обороны — вместо Ворошилова. И через десять дней Тимошенко подписывает «МП-41» — мобилизационный план Красной армии: *«Потребность на покрытие предположительных потерь на год войны в младшем начальствующем составе и рядовом составе рассчитана исходя из 100 %-ного обновления армии».*

Это для тех, до кого еще не дошло понимание бесчеловечности «кремлевских правителей»!

«Зимняя война» закончилась 12 марта 1940 года подписанием в Москве мирного соглашения: *de jure* тактическая победа СССР, *de facto* стратегическая победа Финляндии. Однако северная страна была принуждена уступить свои территории: Карельский перешеек, несколько островов в Финском заливе, северные полуострова Рыбачий и Средний.

Конечно же, война СССР с финнами не оказала определяющего влияния на историю Киева (так что останавливаться на этом эпизоде долго не будем) — однако является примером давно разработанной в России методики развязывания гибридной войны!

«Польский коридор»

Процитирую, пока без упоминания имени того, кому данные строки посвящались (орфография сохранена):

«Любим!.. Вся его жизнь — это непрерывная бесконечная служба, это непрерывный труд, это постоянная борьба во время неволи и в годы войны с врагом. Не согнул его никакой труд. Шел прямо по жизни, избрав своим идеалом одну единственную цель — вольную, могущественную... Зажигал энергией, пробуждал энтузиазм, увлекал. Кто хоть раз видел Его, тот остался предан ему не на жизнь, а на смерть, тот бросал ради него отчий дом, покой, должность, готовился к его зову... Мы все любим Его, с восхищением относимся к нему! Он не выносит ни внешнего блеска, ни бахвальства. Прямолинейный, искренний, суровый по отношению к себе, требует также от других самоотдачи и самопожертвования. Проходят годы. Он неизменен, непоколебим. Любим Его! Великий, мощный, молчаливый, будто сфинкс, погруженный в раздумья, выкованный из гранита. Великий Вождь! Необыкновенный человек! Олицетворение живой любви к Родине! .. любовь и гордость народа!»

Все это не о Сталине или Мао Цзэдуне, а взято из «Справочника для организаторов празднеств и торжественных собраний в честь маршала Пилсудского» (Лодзь, 1934 г.), когда Сталин таких воспеваний еще не удостоивался. Этот год обозначился притеснениями украинцев: на Волыни и в Польше. Тогда же, 26 января 1934 года был заключен «Договор о ненападении между Германией и Польшей», получивший название «Пакт Пилсудского — Гитлера». Он был подписан в Берлине министром иностранных дел Германии Константином

фон Нейратом и послом Польши в Берлине Юзефом Липски и заключен по инициативе Гитлера и Пилсудского.

Договору предшествовали безуспешные попытки Польши склонить свою основную союзницу Францию к войне против Германии. Отказ Франции от идеи войны, а также заключенный летом 1933 года «Пакт четырех» (Англия, Франция, Италия, Германия) усилили подозрения Польши о том, что «большие» державы будут готовы пожертвовать интересами «малых» в случае кризиса. Результатом стала попытка обезопасить себя от возможной агрессии договором с Германией. К тому же складывался союз Польши и Венгрии (позднее и тисовской Словакии), направленный против Чехословакии, Югославии, а также Румынии — так называемой Малой Антанты.

Польское руководство ожидало от Германии (также заинтересованной в разделе Чехословакии и, возможно, Австрии и Югославии) активной взаимной поддержки в вопросах передела версальских границ. Частично эти ожидания оправдались после Мюнхенского соглашения 1938 года, когда Германия, Венгрия и Польша разделили между собой чехословацкую территорию. Тогда же, чтобы еще больше успокоить своих западных союзников, Польша поспешила продлить польско-советский договор о ненападении, до истечения которого оставалось более года. Однако на протяжении следующих лет правительство Пилсудского рассматривало советскую угрозу как более серьезную и последовательно блокировало попытки создания советско-польско-чехословацкого антигерманского блока.

Летом 1934 года Юзеф Пилсудский в Варшаве принял министра пропаганды Йозефа Геббельса. В Польше неоднократно радушно принимали Германа Геринга, сначала сам Пилсудский, а затем президент Мосцицкий и маршал Рыдз-Смиглы. Геринг любил охотиться в Беловежской пуще. Пик

совместных польско-германских соглашений пришелся на 1938 год, когда Варшава и Берлин единым фронтом приступили к разделу Чехословакии.

29–30 сентября в Мюнхене прошли переговоры между Германией, Италией, Англией и Францией, в ходе которых фактически и было принято решение о разделе Чехословакии. 30 сентября 1938 года Польша ввела свои войска в Тешинскую область Чехословакии, произошла ее аннексия. Немцы захватили Чехию, венгры — Закарпатье, а на территории Словакии был создан пронацистский режим.

Начало Войны

Здесь будет больше размышлений и предположений, чем дат и хроники. Для меня, гражданина, патриота, не так важно было освобождение Киева в канун 26 годовщины «Великого Октября», меня не оставляет в покое статистика сотен, тысяч убитых. Много лет говорю о том, что изучение истории у нас всегда было поставлено таким образом, что главное — это политика.

Перечитывая «1984», в очередной раз удивляюсь глубине понимания Оруэллом принципов пропаганды. Не поленитесь, прочтите еще и еще раз. Будете удивлены! И «Скотный двор» тоже можно освежить в памяти, чтобы не думать, что с человечеством происходит нечто уникальное. *«Ничто не ново под Луной».*

Перейдем к главной теме: так был или не был СССР союзником Германии? Потому что толкований событий может быть сколько угодно, а факты изменить нельзя.

Договор о мире и сотрудничестве был подписан Германией не только с СССР, это правда. То, что Великобритания и Франция не заняли жесткую позицию в Мюнхене, — исторический факт. То, что Польша с радостью отхватила кусок от Чехословакии, никто не отрицает. Все это правда. Но НЕ ВСЯ правда.

Давайте ответим на следующие вопросы. Кто из европейских (и не только европейских) государств подписал с Гитлером тайные протоколы о разделе зон влияния и территорий в Европе? Кто провел совместные войсковые операции в соответствии с протоколами? Кто захватил территории чужих стран? СССР поставлял Гитлеру зерно, сырье, металл, нефть. «Правда» от 24 августа 1939 года о подписании советско-

германского договора: «Обе страны проявляют стремление закрепить мирные отношения между обеими странами на длительный период времени... Вражде между Германией и СССР кладется конец. Братская дружба народов СССР и Германии отныне должны получить необходимые условия для своего развития и расцвета».

Из газет того времени: «Дружба всего дороже. Согласно Договору о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, Советский Союз в январе-марте 1941 года отправил в дружественную Германию полмиллиона пудов зерна, 16 тыс. тонн мяса...»

«Дружеский жест» СССР

Э то событие весьма характерно для внешней политики нашего «северного соседа». В ночь с 16-го на 17 сентября Москва спала, как могла. Не спал только польский посол Вацлав Гжибовский. Склонившись над радиоприемником, он старался поймать последние известия с фронта.

Вдруг резко зазвонил телефон! Гжибовского незамедлительно пригласили к Наркому иностранных дел. Когда посол прибыл на место, замминистра В. Потемкин стоя, не предложив сесть, зачитал ноту: *«Господин посол! Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под*

свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумным руководством, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении. Народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов».

Посол Гжибовский ужаснулся: Советский Союз нанес Польше, сражающейся с Гитлером, удар в спину. Он заявил: «Я протестую и отказываюсь принять ноту к сведению», — так как сразу постиг безмерность предательства и попрания элементарных статей всех договоров, связывавших Советский Союз с Речью Посполитой. Вернувшись, он тут же взялся за составление официальной ноты протеста.

Но в 4 часа 20 минут утра, точно в то же самое время, в которое 17 дней назад войска Гитлера перешли польскую границу с запада, Красная армия пересекла границу с востока...

Социалистические республики вторглись на территорию Польши — разумеется, «для защиты мирного населения Западной Украины и Белоруссии» — почти 240 тыс. бойцов, 1800 орудий и 2300 танков. Правительства Англии и Франции, выступавшие гарантами безопасности Польши, в тот же день выразили обеспокоенность и заявили Москве решительный протест. С Германией они в это время вели войну, которая вошла в учебники истории под названием «странная»: она проходила без единого выстрела⁴.

4 «Странная война» (фр. *Drôle de guerre*) — период Второй мировой войны с 3 сентября 1939 года по 10 мая 1940-го на Западном фронте. Этим термином подчеркивалось отсутствие боевых действий между враждующими сторонами, за исключением операций на море. Враждующие стороны вели

только бои локального значения на франко-немецкой границе, в основном находясь под защитой оборонительных линий Мажино и Зигфрида. — *Прим. ред.*

Аналогия с сегодняшними событиями АТО напрашивается сама собой. Период «Странной войны» в полной мере был использован немецким командованием в качестве стратегической паузы: Германии удалось успешно провести Польскую кампанию, захватить Данию и Норвегию, а также подготовиться ко вторжению во Францию.

Когда немецкая армия вторглась на территорию Польши, бригадный генерал Владислав Лангнер командовал корпусом польских войск со штабом во Львове. У него была репутация законченного педанта. Подчиненные привыкли к разносам за плохо вычищенные ружейные стволы, которые он лично осматривал с помощью специального фонарика. Его гнев могли вызвать даже подобранные не по росту солдаты в артиллерийской батарее. Но он привык воевать, и первые 10 дней обороны Львова от немцев оказались успешны. Город, где были большие запасы оружия, боеприпасов и продовольствия, стал главным бастионом на пути немцев. Противостоять Германии было невероятно трудно, но удалось сорвать план блицкрига и задержать наступление войск Третьего рейха. Львовяне с воодушевлением копали окопы и противотанковые рвы. Несмотря на потери, город держался, и неизвестно, сколько еще мог бы простоять под ударами вермахта. Львовская группировка генерала Лангнера насчитывала 15 тыс. «штыков».

Нападение Советского Союза на Восточную Польшу в разгар уличных боев во Львове спутало обороняющимся все карты. Когда с востока неожиданно пришли советские войска, генерал Лангнер допустил, возможно, главную в жизни ошибку. В польской армии сначала считали, что Советы пришли, чтобы

помочь разбить гитлеровцев, поэтому пропускали их практически без боев. Лангнер также получил приказ воевать только с немцами. Однако вместо столкновения двух агрессоров произошло их братание. 21 сентября части вермахта отступили на запад, передав свои позиции вокруг города советским войскам. Львов был окружен. *«Если бы мы пошли на прорыв, нам едва ли удалось бы пройти под огнем 140 км до венгерской границы, — писал впоследствии генерал Лангнер в своих мемуарах. — А оборонять город было бессмысленно. Его все равно бы взяли, но в случае нашего сопротивления — еще и разрушили бы. А этого я не мог позволить даже в ущерб чести солдата».*

Генерал Владислав Лангнер

Все условия капитуляции львовского гарнизона Лангнера были приняты советской стороной без обсуждений. Личный представитель командующего Украинским фронтом маршала Тимошенко — генерал Иванов, гарантировал свободу всем польским солдатам и офицерам, которые сложат оружие. Более того, желающим выехать за границу обещали предоставить транспорт и обеспечить продовольствием на дорогу. Капитуляция на почетных условиях выглядела привлекательнее

сомнительного прорыва в Венгрию. Когда все польские офицеры по приказу Лангнера на следующий день сложили оружие и были готовы походным порядком выступить из города в направлении венгерской границы, их окружил кордон советских войск с винтовками наперевес и с примкнутыми штыками. *«Что это значит!?» — возмутился потрясенный Лангнер. — Мы же подписали договор... — Не беспокойтесь! — ответил Иванов. — Условия договора будут выполнены до мельчайших подробностей. Это в интересах польских офицеров — для их безопасности. Во избежание недоразумений с нашими частями в дороге и с разными бандами.*

Лангнер не мог поверить, что его так цинично обманули. В голове не укладывалось, что, нарушая слово офицера, советские генералы могут не ощущать угрызений совести. Он помчался в Тернополь, где комиссар войск Никита Хрущев заверил его, что *«все условия капитуляции будут выполнены после незначительных формальностей»*. Потом отправился в Москву, где и начальник Генштаба Красной армии генерал Шапошников подтвердил слова Хрущева. Однако, вернувшись во Львов, Владислав Лангнер узнал, что большую часть плененных польских офицеров и солдат уже отправили вглубь России, из них выжили чуть больше четырехсот. Уцелевших отпустили уже после нападения Гитлера. А почти 15 тыс. военнослужащих погибли. Одних расстреляли в Катыни, других — в Киеве, Харькове, Старобельске, Козельске, Осташкове.

18 ноября 1939 года Владиславу Лангнеру удалось бежать в Румынию, откуда он смог добраться до польских бригад во Франции. Всю оставшуюся жизнь Лангнер пытался доказать соотечественникам, что он не мог предугадать коварство советских вождей.

«Спасители с востока» шокировали львовян, привыкших к лощеному польским военным, своей замызганной рваной

формой и обмотками на ногах вместо сапог. Но самое главное — они источали ненависть ко всему заграничному. Вопреки договоренностям Иванова с Лангнером, в городе начались расстрелы жандармов, грабежи и погромы. Все жалобы Львовского головы Станислава Островского оккупационные власти оставили без ответа. А через несколько дней Островского арестовали, отправив в Москву, а потом в лагерь. Тюрьмы Львова были переполнены. За следующие два года НКВД провел четыре этапа депортаций — из города вывезли почти 100 тыс. львовян. Тех, кто возмущался, убивали на месте.

Чтобы придать аннексии Западной Украины законный вид, Сталин приказал организовать Народное собрание «освобожденных» территорий. По официальным данным, в голосовании приняли участие 95,7 % избирателей, причем 93,5 % из них высказались за кандидатуры, предложенные новой властью. Должен напомнить, что в 1938 году Исполком Коминтерна принял постановление о роспуске Компартии Польши, а вместе с ней и Компартий Западной Украины и Западной Белоруссии. Это было сделано перед захватом Польши. Поводом стало надуманное обвинение, что руководство в этих партиях захватила фашистская агентура. Члены КПЗУ, которые оказались на территории СССР, были репрессированы, а те, кто, остался на Западной Украине, арестованы уже после вступления на эти территории Красной армии. В конце октября 1939 года Народное собрание без обсуждения единогласно проголосовало за установление советской власти в регионе. А уже 1 ноября внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла закон о включении Западной Украины в состав СССР.

Некоторые детали кремлевской заботы о «единокровных украинцах»

В медиадискуссиях нередко можно услышать мнение, дескать, «УПА осуждена Нюрнбергским трибуналом», а попытки ее героизации, дескать, являются «способом пересмотра итогов Второй мировой». На самом деле все обрисовывается немножко по-другому. В материалах Нюрнбергского процесса имеются упоминания о Бандере. В частности, это документ «014-USSR — секретный циркуляр по айнзацгруппе С-5» от 25 ноября 1941 года. В нем констатировался достоверно установленный факт, что *«движение Бандеры (ОУН(б)) готовит антинемецкое восстание на оккупированных территориях с целью создания независимого украинского государства. В связи с этим айнзацгруппе предписывалось всех выявленных бандеровцев после тщательного допроса расстреливать, а протоколы допросов немедленно отправлять начальству»*.

Это доказательство, представленное трибуналу советскими прокурорами, свидетельствует, что бандеровцы были жертвами еще одного преступления нацистов — внесудебных расправ по признаку принадлежности к политической организации. Ноябрь 1941 года — тяжелейший период войны. После разгрома советских войск под Вязьмой немцы продолжают наступление на Москву, советское правительство эвакуируется в Куйбышев. В это время бойцы батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», узнавшие об аресте Бандеры и его соратников, отказываются выполнять приказы немецкого командования, а Главное управление имперской безопасности начинает смертельную

борьбу против бандеровцев, которые, несомненно, готовят антинемецкое восстание.

Еще один документ — отчет СД о событиях в Украине, датированный 23 октября 1942 года. Немцы стоят на подступах к Сталинграду, нацистские флаги развеваются над обеими вершинами Эльбруса, а в Главное управление имперской безопасности поступает секретный доклад: *«Организация Бандеры заняла явно враждебную позицию по отношению к Германии и предпринимает все меры, вплоть до вооруженной борьбы, к восстановлению независимости Украины».*

Таким образом, обвинение Бандеры и бандеровской ОУН в сотрудничестве с нацистами — это просто яркая попытка пересмотра результатов Нюрнбергского процесса.

Да, несомненно, перед войной украинские националисты имели контакты с Германией, в частности — с военной разведкой (Абвером). Несомненно, немцы планировали использовать ОУН в своих целях. Точно так же бандеровцы собирались использовать немцев в своих — несколько других — целях и добились в этом больших успехов. Сотрудничество с немцами прекратилось сразу после провозглашения Акта восстановления украинского государства 30 июня 1941 года во Львове: уже в июле «агент Серый» (так значился Бандера в документах Абвера) оказался под домашним арестом, а затем — в лагере Заксенхаузен. Между рейхом и воссозданным украинским государством фактически началась война, о которой и свидетельствуют документы Нюрнбергского процесса.

* * *

22 июня 1941 года — Гитлер при нападении на Советский Союз не случайно выбрал эту дату. Известно, что Гитлер

увлекался оккультными науками. 22 июня — летнее солнцестояние, соответственно, самая короткая ночь в году.

Принято считать, что Германия напала на СССР без объявления войны, но объявление все-таки было. В ночь на 22 июня посла СССР в Германии Деканозова вызвали к министру иностранных дел Германии Риббентропу, переводчик которого, Эрик Зоммер, и стал человеком, устами которого Германия объявила войну СССР. Деканозову зачитали меморандум германского правительства, в котором было собрано множество пограничных инцидентов, нарушений пограничных зон, воздушных и наземных. Советский Союз обо всем узнал за полчаса до наступления немцев. А уже потом «Киев бомбили, нам объявили...» Хотя это и не меняет сути.

До сих пор неясно, почему же советская власть долгое время скрывала этот факт и распространяла миф о том, что Германия напала без объявления войны. Вероятно, сделано это было в целях пропаганды — чтобы придать Германии образ гнусного врага, а СССР, наоборот, идеализировать.

Неудобная правда о Великой Отечественной войне

Последние 50 лет выходит много передач и фильмов о тех событиях, но везде старательно скрывается правда о войне.

Кто виноват, что немцы смогли дойти до самой Москвы? Все военные действия 1942—1944 годов — это только **исправление** чудовищной ценой ошибок, совершенных летом 1941-го. Красная армия была разгромлена в первые же месяцы, потеряла 630 тыс. солдат и офицеров — большинство сдались немцам, значительной частью добровольно, не желая воевать за «советы». Перед войной были разгромлены все армейские кадры! И в этом виноват лично начальник Генштаба К. Жуков, отвечавший за подготовку страны к войне. Ни один полководец не имел таких позорных поражений, как он!

По состоянию на 22 июня на западной границе СССР Красная армия сосредоточила невиданную мощь: 12 379 танков, свыше 10 тыс. самолетов, около 60 тыс. орудий и минометов. Ей противостояли 3628 танков и 2500 самолетов вермахта. В 1941 году Красная армия потеряла 6 290 000 единиц стрелкового оружия, большая часть которого сразу же досталась немцам в виде трофеев, так как была складирована на границе. Этого количества было достаточно, чтобы вооружить всю Германию. Тогда же Красная армия потеряла 20 500 танков из 27 тыс. предвоенных. Из них в первые же дни врагу достались 6,5 тыс. советских танков, в том числе Т-34, КВ-1 и КВ-2, которые затем и наступали на Смоленск и Москву с крестами на бортах. Гитлер начинал войну только с 3582 танками, а тут такое пополнение! Причем советские танки были значительно лучше

германских, около половины из которых составляли двухместные танкетки Т-II с противопульной броней, вооруженные только пулеметами.

Таким образом, Гитлер наступал на Минск, Смоленск и Москву танковыми армиями, в которых немецкие танки составляли только 1/3, а 2/3 — это советские танки, подаренные Жуковым Гитлеру! Эти танки были созданы тяжелым трудом нашего народа, который недоедал и отдавал армии последнюю копейку, последний кусок хлеба. За хищение двух колосков с колхозного поля в СССР сажали в лагеря, а то и расстреливали 12-летних детей!

В наших киноэпопеях о войне, насквозь лживых, народу рассказывают, что войска преступно близко к границе якобы разместил командующий Белорусским военным округом Павлов. Это ложь: войска были размещены возле границы во всех западных военных округах СССР, и приказал это сделать начальник Генштаба Жуков. На границе, по его распоряжению, были сосредоточены, к тому же, 10 железнодорожных бригад численностью в 70 тыс. человек — для «перешивки» германской колеи на широкий советский стандарт. 22 июня бойцы этих бригад отбивались от немцев кувалдами и лопатами. Давайте зададимся вопросом: 70 тыс. человек — это целый стадион! Если Жуков не планировал нападения на Германию, то зачем он их собрал?!

Главный источник Катастрофы 1941 года, как и причина тяжкого и кровавого хода войны, — в нашей хронической болезни: это рабская покорность народа и вседозволенность верхов. Вот в чем настоящий урок этой войны — не сотвори себе кумира, то бишь вождя!

Далее власть приказывает расформировать укрепрайоны — даже 20 июня: снять колючую проволоку со всей западной границы СССР! С мая 1941 года на границе собираются

невообразимые военные силы — более половины авиации СССР, более половины топлива и снарядов, более половины запасов продовольствия для армии СССР! Кстати, Жуков вовсе не просил Сталина отнести укрепрайоны подальше от границ, а наоборот, бил челом о том, что войска следует подтянуть поближе к границам.

Во всех предвоенных штабных играх планировалось внезапное нападение на Германию. 23 декабря 1940 года в Москве открылось совещание высшего командования РККА, где участвовало 276 маршалов, генералов и адмиралов СССР. Оно продолжалось 9 дней. Сталин и Политбюро по его результатам решили, что наступать на Германию надо из Украины в июле 1941 года. Докладчик — командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов. Он в докладе пишет: *«Польша перестала существовать через 17 суток. Операция в Бельгии и Голландии закончилась через 15 суток. Операция во Франции, до ее капитуляции, закончилась через 17 суток. Три очень характерные цифры, которые не могут меня не заставить принять их за некое возможное число при расчетах нашей наступательной операции».*

После павловского были озвучены другие похожие «захватнические» доклады. А доклад Павлова интересен тем, что его 4 июля 1941 года по приказу Сталина арестовали и 22 июля расстреляли — за Катастрофу 1941 года.

Выступление Жукова: *«Господство в воздухе — основа успеха операции. Это господство достигается смелым и внезапным мощным ударом всех ВВС по авиации противника в районах ее базирования».* Для этого: *«Авиация располагается на аэродромах на удалении: истребительная — 30—50 км, бомбардировочная — 75—100 км от переднего края».* В таком случае наша авиация может попасть под внезапный удар, но у Жукова есть план: *«Особой заботой командира и командующего ВВС армии будет —*

не дать разбить свою авиацию на аэродромах. Лучшим средством для этого является внезапный удар нашей авиации по аэродромам противника... Внезапность является главным условием успеха».

Все вроде грамотно, но при объявленной Жуковым степени концентрации войск на границе оперативный провал был неминуем, когда на границу в походном беспорядке стали прибывать десятки дивизий. Если бы немцы напали на СССР в начале мая, до этих «умных» распоряжений Жукова, они не смогли бы захватить даже Барановичи, так как встретили бы нормальную организованную оборону. Однако на нее в СССР не ориентировались по массе причин: во-первых, правила бал идея блицкрига, который успешно провел Жуков против японцев, а опыт Первой мировой, когда после объявления войны державы только через пару недель вводили в действие главные силы, считался устаревшим и неактуальным для военной стратегии. Причем во всех докладах есть ссылки на опыт ведения войны Германией против Польши и Франции. Во-вторых, коммунисты вовсе не для того затеяли Вторую мировую войну, чтобы сидеть в обороне: Ленин «завещал» приращивать СССР новыми республиками, над этим они активно и работали, создавая Советскую империю. В-третьих, совершенно нелепо создавать у себя оборону от противника, у которого танков почти в 10 раз меньше, самолетов — в 7 раз, в 2 раза меньше армия, а ресурсы для ведения войны вообще иллюзорны. Какой смысл создавать оборону от такой слабой Германии? Если бы СССР удалось напасть первым, то события, возможно, протекали бы точно так, как это было проработано во время игр Генштаба. То есть — через два-три месяца Красная армия захватила бы Румынию, Венгрию и половину Германии. А Берлин пал бы к началу зимы.

Летом 1941 года Красная армия превосходила германскую во всем: в количестве и свойствах танков, самолетов, артиллерии, дивизий. Было одно-единственное качество, по которому

превосходил нас вермахт, — скорость развертывания. 3628 танков можно быстрее сосредоточить и снабдить всем необходимым, чем 12 379 танков. 2500 самолетов — быстрее подготовить к бою, чем 10 тысяч.

С того момента как Красная армия начала разворачивать свои силы у границы, и даже раньше — с того момента, когда войска благодаря «освободительному» походу Жукова в Бессарабию оказалась в 180 км от румынских нефтяных скважин, — война была неизбежна. Уже в силу этого можно было ожидать, что Гитлер воспользуется единственным имеющимся у него преимуществом. Но Сталин не планировал и не ожидал неизбежного и очевидного.

С 1929 года «усатый» весь СССР превратил в фабрику по производству оружия. Колхозы создаются для того, чтобы изымать зерно у крестьян и платить Альберту Кану. И еще для одной задачи они нужны: теоретически тот, кто умеет управлять трактором, сможет управлять и танком. Самолетом в колхозе научиться управлять сложно, поэтому по всей стране ОСОАВИАХИМ и ДОСААФ учат молодых парней летать.

В 1930 году Сталин покупает у США, у конструктора Кристи, танк БТ. Производился в Харькове — 22 штуки в день. Только БТ-7 к 1940 году в войсках было 5300 штук. БТ — это замечательная машина. В Испании, в октябре 1937-го, проделал марш-бросок к реке Эбро, преодолев за двое с половиной суток 630 км. БТ блестяще себя проявили под Халхин-Голом, совершив 800-километровый марш-бросок по монгольской степи. В августе 1945-го танки БТ ударили по японцам, стремительно пройдя 820 км, при этом из 1019 танков потери составили лишь 78 единиц. Однако нельзя не учитывать одну особенность: самый массовый танк Красной армии был хорош для европейских дорог и монгольских степей, но его невозможно было использовать на пересеченной местности.

Еще одно знаменитое оружие, позаимствованное у США, — это стратегический бомбардировщик Ту-4 — точная копия американского Б-29. Его скопировали один к одному, включая отверстие в панели управления под банку с кока-колой и пепельницу. Копирование было рабски подражательным — вплоть до того, что в качестве базовой единицы при расчетах использовали дюймы, которые потом переводили в миллиметры. Ту-4 строили уже фактически после войны, когда стало ясно, что была взорвана атомная бомба, и срочно понадобились для нее носители. Но почему же у Сталина, превратившего всю страну в фабрику по производству оружия, не было хороших стратегических бомбардировщиков?

До изобретения атомной бомбы действовала концепция оборонительная. Стратегический бомбардировщик — это оружие возмездия. Он предназначен для полетов в тыл противника и нанесения там удара. Если нападаешь ты, стратегический бомбардировщик не нужен. Не надо разрушать военные заводы противника, которые целесообразно было захватить целыми и пригодными к дальнейшему производству продукции. Поэтому вместо стратегических бомбардировщиков проектировали, например, Ил-2 — это самолет, предназначенный для уничтожения противника на земле. Советских летчиков учили наносить удары по наземным целям.

Одно из самых простых средств обороны — мины. Что же производила советская промышленность вместо оборонительного оружия — мин, противотанковых пушек, стратегической авиации (производство 37- и 45-мм противотанковых пушек было остановлено в 1939 году)? Она производила танки, которые можно использовать только в Европе, и самолеты, пригодные только в чистом небе.

А как дело выглядело с танками? По бумагам дело с танками выглядело прекрасно. Красная армия имела на момент начала

войны 24 тыс. танков, то есть в 7 раз больше, чем Гитлер. И боевые качества этих танков были несравнимы. Армия в это время не теряла грузовики. Они были нужны, чтобы... драпать. *«То, что произошло летом и осенью 1941 года с Красной армией, выходит за все рамки обычных представлений. История войн такого не знает, — пишет Солонин. — Красная армия с первых же часов войны превратилась в толпу вооруженных беженцев, для которых допотопные газики были гораздо ценнее новейших, лучших в мире танков».*

Эти танки были созданы ценой миллионов жизней. Это была продукция Харьковского, Челябинского, Сталинградского тракторных заводов, за которую было заплачено голодом и людоедством. Это было беспримерное, невиданное поражение. Все эти пушки, снаряды и танки достались немцам и потом использовались против нас на стороне противника.

На вопрос, что было причиной этого беспримерного бегства, ответов только два. Один заключается в том, что с 22 июня весь советский народ внезапно превратился в трусов. Русский солдат и казак славились в Европе своей храбростью, а с первого дня войны все солдаты вдруг оказались трусами. Они «драпали», как говорит мой отец — лейтенант, командир взвода Геннадий Киркевич, героически принявший бой 22 июня 1941-го. Драпали так, что немецкие войска продвигались по 15—20 км в день, то есть фактически с той скоростью, с которой идет пеший солдат. Другое объяснение заключается в том, что солдаты бросали оружие, потому что ненавидели Сталина, и их бегство было настоящим всенародным референдумом, показавшим отношение к кровавому палачу, отнявшему у людей свободу, собственность, жизнь. Это было не бегство — это был бунт!

Сталин правильно рассчитал, что если превратить людей в рабов, а потом их бросить в наступательный поход, то они будут убивать, грабить и насиловать, желая выместить собственное

рабство на противнике. Да, это среднестатистическая реакция человека, втопанного в рабство, но Сталин забыл подумать о том, что случится, если рабам придется обороняться. Они — восстанут!

Есть важные дополнения к причинам этой катастрофы. Одно из них — это полный, тотальный обвал цепочки командования, вызванный паническим бегством. Начавшаяся война не совпадала с представлениями тех, кто в Катыни привык просто стрелять в затылок связанному польскому офицеру, и так тысячи раз. Когда оказалось, что война — это когда в тебя стреляют, сталинским палачам это показалось страшным, и они драпанули от линии фронта. Заметим, что импотенция начальства — это не вторая причина поражения, это уже обозначенная первая причина. При каких условиях оно бежит с поля боя еще до начала сражения? Когда знает, что ему начнут стрелять в спину.

12 сентября 1941 года Сталин подписывает директиву о создании заградотрядов. *«В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие»*, — говорится в ней. Это характерная тактика террористов, когда воюешь не ты, а кто-то впереди тебя, кому ты при случае пустишь пулю в затылок. Во всей мировой истории нет ничего подобного. Приказы о контратаках — с точки зрения Сталина — были совершенно допустимыми и вытекали из всего, что он знал о своей армии. Так что он издает еще один приказ: признать попавших в плен изменниками. Взглянем опять же на происходящее с точки зрения Сталина: он знал, что эти пленные, обладая полным превосходством, сдались, бросив 15 тыс. танков и 3,8 млн винтовок — только потому, что они против Сталина.

Почему же остановились? Бежали, бежали, а в итоге выиграла войну? Вот когда народ понял, что Гитлер еще хуже Сталина, война действительно стала Отечественной!

29 июня 1941 года «великий и мудрый» тов. Сталин приказал *«не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего»*, обрекая своим приказом на верную смерть 40 млн населения, оставшегося под немцами.

28 сентября 1941 года Жуков велел разъяснить всему личному составу, *«что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны»*.

17 ноября 1941 года Сталин приказал *«разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии в 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо от дорог»*.

Когда народ понял, что Гитлер гораздо хуже Сталина, люди стали драться насмерть. *«Наша армия в настоящее время небоеспособна, так как она в основном состоит из крестьянской массы, а крестьянам не за что воевать, они ожидают больше от Гитлера, чем от советской власти, так как с 1929 года над ними форменным образом издевались»*. Так рассуждал замнаркома боеприпасов Ключев, о чем и доложил собственноручно Берия Сталину 10 февраля 1942 года. И вряд ли те, кто думал так, как Ключев, к зиме свое мнение изменили.

Что же изменилось к зиме 1941-го, когда заградотряды массово расстреливали солдат, а посланные диверсанты жгли деревни за линией фронта, обрекая людей на смерть? Страшно утверждать, но войну действительно выиграл Сталин. А оружием, которым он ее выиграл, стали заградотряды. Как воевала Красная армия? *«До самого конца войны русские, не обращая внимания на потери, бросали пехоту в атаку почти в сомкнутых строях, — пишет генерал Меллентин. — Большие плотные массы людей маршировали по минным полям. Люди в*

гражданском и бойцы штрафных батальонов двигались вперед, как автоматы, бреши в их рядах появлялись, когда кого-нибудь убивало или ранило взрывом мины. С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой толпе атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед». Вот как наша Великая Отечественная выглядела в описании немцев.

Это самая страшная правда. Войну действительно выиграла простейшая стратегия, то есть отсутствие какой бы то ни было: гнать и гнать людей вперед, на минные поля и немецкие пулеметы! Что делал Жуков под Ельней в августе 1941 года? Бросал пехоту на штурм сначала врытых в землю танков, а потом — на минные поля. Что делал Жуков — этот «браконьер народа русского», как назвал его Виктор Астафьев — под Ржевом? В течение 15 месяцев он приказывал вести абсолютно бессмысленный штурм укрепленных немецких позиций. Потери войск превысили 2 млн человек — вдвое больше, чем в Сталинградской битве. Сам город был уничтожен полностью: из 40 тыс. населения в живых осталось 248 человек. Ржев — это самая кровопролитная битва за всю историю человечества. А что мы о ней знаем? Ничего! Поскольку Жуков Ржев с боем не взял — немцы спокойно отошли, когда стали поджимать фланги. Официальная историческая наука даже не признает такой битвы: Сталинград был, Курск был, а Ржева — не было!

Может быть, выучились к 1944-му? «Потери в 1944 году составили, по неполным данным, 6,5 млн солдат и офицеров убитыми и ранеными, то есть, как и в предыдущие годы, действующая армия была израсходована почти на 100 процентов», — пишет В. Бешанов в книге «Год 1944 — “победный”».

Год 1945-й. При взятии Берлина ежесуточные потери Красной армии составили по 15 тыс. человек. Это были самые кровавые дни войны. Жуков ввел в город две танковые армии, которые там и «истратил». В чем причина? Причина — в соревновании между Коневым и Жуковым за то, кто возьмет Берлин!

Вот это — самое важное. Потери под Ельней, под Ржевом, 100-процентное обновление армии в 1944-м — не вынужденные события. Не следствие бездарности Жукова. Это не тактическая импровизация, случившаяся из-за нехватки снарядов. Это — стратегия, заключающаяся в том, что советский народ совершенно сознательно приговаривается к роли топлива, сгорающего в гигантской военной машине, наползающей на мир.

Такая «стратегия» не могла не выиграть войну. Но она истратила население дотла. *«Он, он и товарищ Сталин сожгли в огне войны русский народ и Россию, — восклицает о Жукове Виктор Астафьев, один из тех, кто уцелел под Ржевом, — по три мужика на сотню в его поколении. — Ни одна страна, ни один народ не терпел такого поражения в войне, как Россия и русский народ. Ее, России, попросту не стало. Страшно произносить, но страна-победительница исчезла, самоуничтожилась».*

Давным-давно мне в руки попал фантастический рассказ о том, что какие-то обитаемые миры решили обезлюдить Землю и внедрились к нам на планету двух своих ненавидящих людей агентов: Сталина и Гитлера. Вот они и постарались! При всей надуманности сюжета что-то в нем есть, иначе как объяснить миллионы погибших... Во имя каких-то эфемерных целей! В угоду кому?!

Сталин войну проиграл! Вот это, пожалуй, есть самое страшное, что не хочется признавать сторонникам сталинизма. Вождь с момента прихода к власти готовился к войне за

мировое господство. *«Большевистскую миссию Красная армия будет считать выполненной, когда мы будем владеть земным шаром»*, — заявил на активе Наркомата обороны 15 марта 1937 года комиссар Я. Гамарник, которого вскоре после этого расстреляли. Чтобы создать базу для войны за мировое господство, Сталин уничтожил не миллионы, а десятки миллионов.

Парадоксальным образом Сталин проигнорировал все новейшие технические разработки — реактивные двигатели, ракеты, ядерное оружие. Все работы над ними были начаты только после того, как НКВД доложил, что такие работы ведутся за рубежом. Это было тем более обидно, что советские ученые подавали прогрессивные идеи практически во всех этих сферах.

Всем погибшим в Великой Отечественной войне посвящаю

2 2 июня 1941 года в 7 утра Киев бомбили 19 самолетов He-111 и KG-55. Сброшено было 90 осколочных и фугасных 50–100-килограммовых бомб на аэропорт «Киев» в Жулянах. Это был пропагандистский акт, только через три дня произошел настоящий налет. Через неделю на строительство оборонного рубежа под Киевом вышло 50, а через три дня — уже 150 тыс. киевлян. Но на события это не особо повлияло. Уже 8 августа жестокие бои велись на второй линии обороны. Враг захватил Пирогово, Мышеловку и Китаев. С Голосеева начался массовый обстрел Киева. Об эвакуации много писали, могу добавить разве что нигде не отмеченное варварское уничтожение сотен тысяч книг, которые НКВД числил «враждебными», они содержались в спецфондах. Еще одним преступлением стало сожжение жилищных и кладбищенских архивов.

* * *

17 сентября 1941 года из Киева начали отступать части Красной армии, которые перед уходом вывели из строя электростанции и водопровод.

Оборона Киева велась с 10 июля до 19 сентября. Это 72 дня. Интересно, что Парижская Коммуна и оборона от Батыя в 1240-м года продолжались ровно столько же. В первые же дни в Киеве было мобилизовано около 200 тыс. человек, ориентировочно 325 тыс. эвакуировались. (В том числе родители моего отца и его сестра.) Общая численность жителей Киева перед войной

составляла 930 тыс., из них, согласно переписи 1939 года, еврейское население насчитывало 224 236 человек.

Итак, 19 сентября после 72-дневной героически-трагической обороны Киева остатки 37-й армии под командованием генерал-майора Андрея Власова (будущего героя обороны Москвы, а потом — предателя) поспешно отошли на левый берег Днепра, уже находясь в окружении. В тот же день подразделения НКВД подорвали металлические фермы обоих железнодорожных и автогужевого (имени Евгении Бош) мостов через Днепр, подожгли деревянный Наводницкий мост. Не все красноармейцы даже успели перейти на левый берег и погибли во время взрывов.

В 4 часа утра немецкая артиллерия открыла огонь по предмостным укреплениям, которые оборонялись подразделениями 4-й дивизии войск НКВД. В тот же день на улицы брошенного на произвол судьбы Киева вступили передовые подразделения немецкой 6-й армии под командованием генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау. По этому поводу кое-кто не утомляется напоминать, что киевляне встречали оккупантов с хлебом-солью на вышитых рушниках как «освободителей от большевизма». Да, один-два случая были. Но приведем другой пример — как бедный еврей с Подола тоже стоял в тот день с тарелочкой и соленым огурцом, чистосердечно предлагая его немецким солдатам, а через десять дней пошел со своими многочисленными деточками в Бабий Яр... Было и такое.

Немцы входили в Киев с нескольких направлений — с севера, запада и юга. На Куреневке им пришлось преодолеть, правда, слабое, но все же сопротивление последнего арьергарда. Об этом свидетельствуют кадры немецкой кинохроники и документальные фото, сделанные у строящегося двухарочного железнодорожного виадука близ нынешнего Зоoryнка.

В 1943 году немцы, отступая, высадили виадук в воздух. После войны на этом месте был построен новый.

Штаб 6-й немецкой армии разместили на Брест-Литовском шоссе, 86, а именем фон Рейхенау назвали один из мостов через Днепр, другой же — деревянный мост, возведенный немцами на низких сваях, — был назван в честь прусского генерала Герхарда Шарнхорста, воевавшего с Наполеоном. Вечернее сообщение Совинформбюро от того же дня гласило: *«В течение 19 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте и особенно ожесточенные — под Киевом»*. Лишь 21 сентября вечером Совинформбюро сообщило: *«После многодневных ожесточенных боев наши войска оставили Киев»*. Немцы к этому времени уже три дня хозяйничали в городе. Директива Ставки Верховного главнокомандования от 17 сентября, подписанная начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым, пришла поздно. А в ней был приказ войскам оставить Киев: *«При отходе снять и эвакуировать все вооружение... если по обстоятельствам нет возможности, то уничтожить, а мосты через Днепр и другие военные объекты подорвать»*. Если бы войска отошли раньше — тысячи людей могли бы спастись. Врагу досталось 884 единицы бронетехники, 3718 пушек и другого снаряжения. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос попал в окружение и погиб 19 сентября вместе с другими высокими чинами и штабными в Шумейковской роще, возле Лохвицы. Вместе с Кирпоносом погибли в боях или пропали без вести 14, умерли от ран 6, а в плен попало 16 генералов. Я бывал в этом лесочке, где было окружено не менее тысячи солдат и генералов...

Захватчики подтвердили выражение Цицерона: *inter arma silent leges* — «под дулами оружия законы не действуют». В сентябре еще никто не мог знать, что будет дальше. Конечно, на бытовом уровне для киевлян кончилась война, с

бомбардировками, стрельбой и смертельной опасностью. В тот день над «Арсеналом» и на Большой колокольне Успенского собора Киево-Печерской лавры развевался флаг вермахта.

Маршал Семен Буденный (слева)
и генерал-полковник Михаил Кирпонос. Август 1941 года

Но покой на житейском уровне для обитателей города не наступил. Теперь уже никто не мог узнать о судьбе своих сыновей, мужей, родителей, которые находились в рядах Красной армии, отделенные линией фронта от Киева на длинные два года. Хотя у меня есть письмо от немецкого Красного Креста, сообщающее жительнице Киева Вере Детской, проживавшей на ул. Дмитриевской, что ее супруг, майор Красной армии, в плену не числится.

Как жить? Продовольственные запасы советская власть вывезла «вглубь страны». Что не успели — потопили в Днепре, остальное из магазинов и составов за два дня безвластия (свои отходили, а немцы еще не вошли) расхватало население. Оставленные подпольщики вывели из строя электростанции и

водопровод. С того времени для 400 тыс. киевлян наступил новый отсчет времени, продолжавшийся 778 суток нацистской оккупации. Попробуем проследить события, вошедшие в народную память как «черные дни». Хотя, по воспоминаниям, было всякое...

Первый «расстрелянный город» в СССР. Бабий Яр

Вступление немцев в Киев привело к полной потере доверия к советской власти. И пошла вереницей трагедии Киева. В Дарницком концлагере за время оккупации погибли свыше 130 тысяч военнопленных и мирного населения, еще 25 тысяч — в Сырецком лагере. А Бабий Яр! Теперь о нем напоминают лишь мемориал да памятные знаки...

Войдя в Киев, немцы начали разминировать все общественные сооружения, подготовленные красными к высадке в воздух с помощью радиоуправляемых фугасов. Немцы спасли для грядущих поколений основные правительственные и общественные здания, но знали они не обо всех минированиях. На пятый день оккупации вздрогнул от взрывов и запылал Крещатик, обреченный по преступной сталинской установке: *«Наша земля должна гореть под ногами оккупантов»*. Что касается населения, то теперь уже немцы предупреждали киевлян об опасности.

Фельдмаршал Генц Гудериан. 1941 год

В октябре один из руководителей большевистского подполья выдал оккупантам всех, кого знал как оставленных для диверсионно-подрывной деятельности. Заработал второй состав подполья: 1 ноября был сожжен дом бывшей Городской думы (до войны — горком и обком КП(б)У) на теперешнем Майдане Незалежности.

Крещатик. Почтовая карточка. 1942 год. Из архива автора

Это была бессмысленная акция, за которую так же, как и за уничтожение Крещатика, оккупанты 2 ноября расстреляли 300 заложников. 3 ноября мощным взрывом был разрушен Успенский собор Киево-Печерской лавры — вскоре после того, как его посетил президент Словакии Йозеф Тиссо. Кто бы что ни выдумывал о виновниках этого варварства, заметим: если бы собор не заминировали «советы» (а этого уже никто не отрицает!), немцам разрушать собор не было нужды. По крайней мере ни одного культового сооружения в Киеве они не подорвали ни при отступлении, ни тем более при вступлении в город, который завоевали навсегда (как им тогда представлялось).

Городская управа, сформированная группой членов ОУН при поддержке киевлян из сознательной украинской интеллигенции, пыталась наладить мирную жизнь, в частности, создала детские дома и жилье для немощных стариков. Все это было сделано под контролем Штадткомиссариата.

Первая оккупационная зима выдалась чрезвычайно злой и голодной. Она забрала жизни тысяч киевлян. С началом 1942 года началась массовая депортация молодежи на принудительные работы в Германию. Только из Киева в течение оккупации вывезли 100 тысяч трудоспособных — каждого четвертого из тех, кто остался после сдачи города. С окончанием войны вернулись далеко не все: кто умер, кто навсегда остался на Западе. Неизвестно, существуют ли подсчеты той трагедии.

Киевляне жили, подчиняясь «новому порядку», который предусматривал смертную казнь за невыполнение любых распоряжений нацистской власти. Все должны были соблюдать комендантский час и прятаться от облав (во избежание отправки в Германию). Работали за мизерное жалованье главным образом на своих довоенных местах. В театрах шли спектакли, были устроены две художественные выставки. Летом

1942 года обновился пляжный сезон на Трухановом острове, проводились футбольные матчи между местными командами и оккупационными частями. Даже праздновалось 1 Мая — ведь в гитлеровской Германии правила национал-социалистическая рабочая партия, так что это был праздник и для немцев.

Немцы в Киеве. Октябрь 1941 года. Из архива автора

Город, раскинувшийся на десятки километров, остался без транспорта — не было трамваев, автомобилей, коней, — но он не стал полностью «выжженным», как это планировали московские командиры тотальной войны.

Немецкое полицейское подразделение марширует по улице Владимирской. 1942 год

Не осталось ни одного склада продуктов, электростанции взорваны, угля и дров не было. Их не заготовили. Железнодорожное сообщение осталось, но только для немцев, а к окрестным селам не пускали патрули — только при наличии пропусков. Отсутствовала какая бы то ни было связь: почта, телеграф, телефон...

Железнодорожный вокзал. 1943 год. Из архива автора

Судьба Киева была ужасной. Все население превратилось в безработных. Рабочие и инженеры без фабрик, школьники и учителя без школ, студенты и профессора без университета, больные без больниц, пенсионеры без пенсий... В СССР настойчиво требовали хранить деньги в сберегательной кассе, а с приходом немцев надежды на возвращение этих денег испарились. За одну ночь сменилась не только политическая система, все хозяйственные организации, бюджеты каждого человека и всего города развалились. Все общественные связи перестали существовать.

О Бабьем Яре наиболее полно и достоверно можно узнать из книг очевидца тех событий, историка Киева Дмитрия Малакова. Немало есть и других исследований и материалов. Но вот о трагедии, произошедшей 24 сентября 1941 года, вспоминают мало, как и о тысячах киевлян, заживо сгоревших в пылающих домах... Поразительно, но факт: более семи десятилетий прошло со времени трагедии в Киеве, но до сих пор отсутствуют комплексные, целостные исследования, основанные на достоверном материале, как и топография уничтожения подпольщиками зданий. Незнание и полуправда о трагедии закономерно порождают многочисленные мифы.

Иосиф Сталин призывал советских граждан к уничтожению перед наступающим врагом мостов, дорог, к порче телефонной и телеграфной связи, к поджогу лесов и составов. Делалось это с одной целью: создать невыносимые условия врагу (о мирных жителях никто не думал).

Подготовительные работы велись в строгой тайне, однако киевляне быстро узнали, в чем дело. Правда, они и не подозревали о далеко идущих намерениях военных сделать их фактически заложниками. Так, по воспоминаниям старожилов, в подвалы известного киевского «небоскреба» — дома Гинзбурга на ул. Институтской, 16—18 (теперь на этом месте гостиница

«Україна») взрывчатку в деревянных ящиках носили энкаведисты из своего здания напротив (позднее Октябрьский дворец), объясняя, что это они как будто перепрятывают архивы. Руководил операцией по минированию полковник Александр Голдович.

20 сентября была подорвана подпорная стена обзорной площадки Верхней лавры. При этом погибли немецкие офицеры — командующий артиллерией и начальник штаба. Зная о минировании и прислушавшись к слухам о том, что, как только включат электричество, весь город взорвется, немецкие саперы принялись разминировать те объекты, о которых узнали от собственной агентуры и от населения. Из здания Оперного театра на Владимирской изъяли тротил весом до тонны; такие же мины вытащили из зданий Госбанка (Институтская, 9), ЦК КП(б)У (Михайловская пл.), НКВД (Владимирская, 33) и ряда крупных жилых домов. Вынеся из здания Музея им. В. Ленина до 3 тонн тринитротолуола вместе с радиоуправляемыми устройствами, немцы выставили свою добычу на публичное обозрение на тротуаре, иронизируя по поводу коварства большевиков, заминировавших даже собственную святыню.

24 сентября около 14:00 произошел мощный взрыв в помещении магазина «Детский мир» на углу Крещатика и Прорезной, 28/2, куда население, по приказу сначала советских, а потом и оккупационных властей, сдавало радиоприемники. Чтобы не слушали «чужие голоса»! От детонации сработали взрывные устройства в соседних домах, в частности в гостинице «Спартак», в которой немцы разместили свою комендатуру (Крещатик, 30/1). Регистрация проводилась в фойе кинотеатра «Спартак» (на 1-м этаже). В результате взрыва тонны тротила в здании комендатуры погибли немцы и сотни киевлян. Начался катастрофический пожар на главной улице Киева — перекрытия и перегородки в большинстве домов были деревянными, в

сараях и подвалах хранились дрова и уголь, на кухнях — запасы керосина. На верхних этажах и чердаках зданий было заготовлено множество ящиков с боеприпасами и противотанковых бутылок с «коктейлем Молотова», ибо советское командование собиралось драться в Киеве за каждую улицу, для чего весь город был изрыт рвами и застроен баррикадами. Эти ящики ухали с тяжким характерным взрывом-вздохом, обливая соседние здания столпами огня. Саперно-инженерный профессионализм подразделений НКВД, минировавших Киев, был очень высок. При закладке мин учитывался рельеф и направление ветра. По всем расчетам, начавшийся пожар должен был охватить большую часть города и практически полностью уничтожить центр Киева. Поджоги отдельных зданий в Киеве осуществляли члены коммунистического подполья, а также диверсионные группы, которые буквально наводнили город. Стояла сухая пора. Так как водопроводная станция при отступлении была взорвана и тушить было нечем, то скоро весь Крещатик был охвачен бушующим огнем...

Профессор Борис Жук вспоминает: *«Около 2-х часов дня я услышал сильный взрыв со стороны Крещатика. Оказывается, был взорван угол дома, в котором находилось отделение комендатуры. От взрыва погибло около 20 немецких офицеров и много киевлян, стоявших в очереди за получением пропусков. Этот взрыв был сигналом для начала другого действия большевиков. Вскоре после этого взрыва вдруг загорелся на Крещатике жилой четырехэтажный дом № 7 (в начале Крещатика, считая от Царского сада) и загорелся в среднем этаже... Борьба с пожаром продолжалась в доме № 7, но вдруг начался следующий пожар — в доме № 11. Стало ясно: несомненно, поджог. Как было после установлено немецкими следственными органами, большевики, покидая город, оставили в нем целую армию своих агентов. Эти*

агенты (чины НКВД), располагая квартирными ордерами, занимали комнаты в домах центра города по особому плану. Согласно этому плану, почти в каждом доме на Крещатике и в прилегающих к нему улицах комнаты на средних этажах оказались за агентами; возможно, что и один агент мог занимать комнаты в ряде домов. Техника поджога была очень проста: днем, в служебное время, когда многие квартиранты отсутствовали, агент НКВД приходил в комнату, обливал керосином мебель и пол, поджигал и выходил из комнаты, заперев ее на ключ. Огонь быстро распространялся по переборкам на другие этажи, и весь дом пылал. Пожары, начавшись в стороне Крещатика, прилегающей к Царскому саду, постепенно продвигались в сторону Бессарабки, захватывая части Думской площади и улиц: Институтской, Николаевской, Прорезной, Лютеранской, Фундуклеевской. Немцам, по-видимому, сначала не приходило в голову, что эти пожары производятся советской агентурой. Желая приостановить распространение пожаров, они взрывали соседние с горящим дома, но, конечно, эта мера пожаров не останавливала. Горела лучшая часть города, пяти-шестиэтажные дома. Сначала левая сторона Крещатика (со стороны Царского сада), а затем были подожжены дома и с правой стороны. Конечно, при таких условиях ни остановить пожары, ни потушить их не было никакой возможности, так как вода из Днепра подавалась в ограниченном количестве, а пожары возникали один за другим... Уходя из города, красные взорвали водопроводную станцию, и поэтому борьба с огнем представляла особые трудности. Очевидно, предвидя это, немцы доставили на самолете из Германии нагнетательные насосы со шлангами, чтобы качать воду для тушения пожаров непосредственно из Днепра. Но, когда насос стал подавать воду на Крещатик, случилась авария: шланги у Днепра оказались разрезанными. Немцы немедленно предприняли облаву и захватили семь человек, которые эти шланги разрезали, и тут же

расстреляли их у входа в Царский сад. Среди расстрелянных один был пожилого возраста, лет пятидесяти, по внешнему виду — рабочий, а остальные — в возрасте 19—25 лет. Рядом с убитыми валялись на земле их документы, в том числе и комсомольские билеты».

Немцы пытались спасти город, они предупреждали население через радиорупоры и выделили специальные команды, которые оббегали дома в центре Киева, убеждая жителей выходить на улицу, эвакуируя детей и больных. Жители — кто успел схватить узел, а кто в чем стоял — бежали в парки над Днепром, на Владимирскую горку, на бульвар Шевченко, на стадион. Было много погибших, обгоревших и раненых. Немцы оцепили центр города. Но пожар расширился и уничтожил весь центр.

Теперь об этой беде напоминает только фасад дома бывшего Наркомата финансов, а ныне — Киевглавархитектуры на Крещатике, 32. Если присмотреться, можно обнаружить, что гранитные украшения над витринами и окнами слизаны огнем. Для предотвращения распространения пожаров немцы применили разрушительный, но эффективный метод борьбы — встречный подрыв домов, находящихся рядом с горевшими. Об этих контрподрывах известно из отчета XXIX армейского корпуса за период с 20 по 30 сентября 1941 года: *«Так как пожар, начавшийся недавно у пункта сбора трофейного имущества, распространялся все дальше, он стал угрожать и гостинице, настолько, что штаб корпуса переместился в прежний командный пункт на улице 25 Октября. Утром 26 сентября (около 4:30) эту штаб-квартиру также пришлось освободить, так как пожар разросся еще больше. Несмотря на многочисленные подрывы, произведенные нашими саперами, распространение пожара не удалось остановить, к тому же водокачка может быть запущена только в ближайшие дни. Чтобы взять пожар под*

контроль, приказано провести массированные подрывы по периметру всей площади пожара».

После нескольких дней отчаянной борьбы с пожаром уставшие немцы вышли из этого пекла, в котором, кажется, уже не оставалось ничего живого, — только наблюдали издали фотографировали. Никто даже не пытался достать тела своих сгоревших солдат и горожан. Пылало так, что раскаленный воздух носил над Пассажем кровельное железо, как осенние листья. В начале улицы Городецкого тротуар превратился в странную мозаику: в растопленном асфальте застыло битое витринное стекло, а кора на стволах липок с той стороны, которая повернута к фасадам, после войны оставалась завернутой внутрь. Сколько там погибло жителей, никто и никогда уже не узнает...

Над чудовищным костром, каким стал центр Киева, образовались мощные воздушные потоки, в которых, как в трубе, высоко взлетали горящие щепки, бумаги, головни, посылая то Бессарабку, то Печерск. Поэтому на все крыши взобрались немцы, полицейские, дворники, добровольцы засыпали падающие сверху головни песком, затапывали угли. Погорельцы ночевали в глухих углах, в кустах бульваров и парков. Город насквозь пропитался гарью; по ночам он был залит красным светом, и это зарево, как потом говорили, видневшееся на сотни километров окрест, служило ориентиром для самолетов.

Взрывы закончились 28 сентября. Основной пожар продолжался две недели, и вокруг центра стояло оцепление из автоматчиков. А когда оно было снято, то улиц, собственно, уже не было: падавшие с двух сторон здания образовали завалы. Примерно месяц шли работы по прокладке проездов. Раскаленные руины дымились еще долго; даже в декабре из-под развалин выбивались струи дыма. По окончании пожаров

немецкие саперы взорвали часть домов, фасады которых угрожали обрушением.

Последствия взрывов и пожаров были ужасающими: красивого центра Киева больше не существовало. В горы обожженного битого кирпича, обгоревшие скелеты зданий превращены были Крещатик и еще три километра прилегающих к нему улиц: Николаевская, Меринговская, Ольгинская, часть Институтской, Лютеранской, Прорезной, Пушкинской, Фундуклеевской, бульвара Шевченко, Большой Васильковской, Думская площадь... Также в Киеве полностью сгорело 211 частных одноэтажных домов, повреждено — 87. Взрывы и огонь уничтожили нечетную сторону Крещатика, от дома № 5 до Бессарабской площади, четную сторону — от современной Площади Независимости до ул. Б. Хмельницкого; всю левую сторону Площади Независимости; четную сторону ул. Институтской до ул. Ольгинской; нечетную сторону ул. Ольгинской; четную сторону Площади И. Франко; полностью ул. Архитектора Городецкого, Станиславского, Заньковецкой; всю нижнюю часть ул. Лютеранской; ул. Прорезную до Михайловского переулка; полностью ул. Пушкинскую — от Прорезной до Б. Хмельницкого. Взрывами были уничтожены такие дома: Крещатик под номерами 28/2 (с магазином «Детский мир»), 30/1 (гостиница «Спартак»), 26 (почтамт), 15 (радиотеатр), Прорезная, 5 и 10, Пушкинская, 1 (Дом ученых) и 6, Шевченковский переулок, 1, Институтская, 14, и 16—18 (дом Гинзбурга), Ольгинская, 3 и 7/26, Архитектора Городецкого, 7 (цирк), пл. И. Франка, 4 (дом Дьякова) и другие. А в этих домах, которые облюбовала интеллигенция, были очень хорошие библиотеки и находилось немало произведений искусства.

Страшные картины большевистских огненно-тротильных местных апокалипсисов, которые они, согласно приказу Сталина, пытались устроить чуть ли не в каждом оставленном

городе и селе, следует дополнить жуткой практикой массовых расстрелов политзаключенных в тюрьмах перед отступлением. Только на Западной Украине в течение конца июня — начала июля 1941 года было казнено не менее 24 тыс. человек. Как всегда, советская пропаганда затем пыталась «повесить» все эти преступления на немцев. В Киеве немцы открыли подвалы в здании управления НКВД — они оказались до отказа заполнены окровавленными трупами. Энкаведисты также сбрасывали тела своих жертв в наспех вырытую рядом яму, едва присыпанную землей. Немецкие власти объявили, чтобы люди приходили опознавать тела. Всего в подвалах и в яме во дворе управления НКВД обнаружили около 800 трупов, а также несколько десятков убитых в Лукьяновской тюрьме.

Со времен поджога Кутузовым Москвы уничтожение Киева стало самым масштабным в истории умышленным сжиганием городских зданий и жилья своих же граждан. Существуют тысячи метров киноплёнки и сотни фотоснимков, где зафиксирован киевский пожар и его последствия. В городе пребывали десятки тысяч погорельцев — и на фотографиях мы видим их со спасенными пожитками. В разгар пожара немцы пригласили в Киев представителей иностранных средств массовой информации, чтобы продемонстрировать ужасающие преступления большевиков, грубо нарушавших международные конвенции о законах и правилах ведения войны. Иностранные репортеры прибыли в еще дымящийся Киев в первых числах октября и зафиксировали в своих репортажах и фотоснимках масштабные разрушения.

Тысячи женщин с узлами и кошелками целыми потоками шли через Киев к лагерям военнопленных в надежде узнать своих мужей. Они приходили к стадиону «Зенит» (ныне «Старт») на улице Лагерной, где в соседних казармах на улице Керосинной в фильтрационном лагере содержались

военнопленные, приходили в надежде найти и попытаться освободить своих мужей, сыновей, братьев. Пленных было так много, что немцы первое время отпускали местных жителей по домам. Многие фото сделал фотограф Иоганнес Хэле, служивший в 637-й роте пропаганды в составе 6-й армии.

26 сентября 1941 года произошло совещание по проведению ликвидации еврейского населения Киева, где было определено место его проведения — Бабий Яр, выбран маршрут и пункт сбора евреев: угол Мельникова и Дегтяревской. Были выбраны и исполнители карательной акции, которых обеспечили оружием, тщательно продумано размещение охраны и ограждение прилегающей территории, разработаны организационные мероприятия насчет сбора, сортировки и вывоза отобранного у жертв их имущества. Оно тут же на месте разделялся на вещи, продукты, отдельно ценные предметы. Склад отобранного был устроен в помещении школы № 38 (ныне № 106) на Некрасовской, 4.

Начальнику службы безопасности Третьего рейха 28 сентября 1941 года из Киева докладывали: *«...Взрывы продолжались. Возникают пожары... Доказано, что основная роль в этом принадлежит евреям. Тут проживает приблизительно 150 тыс. евреев... выполняются мероприятия для установления численности еврейского населения вообще. Подготовлен план ликвидации в крайнем случае 50 тыс. евреев»*. Первая цифра не соответствует истине, а вторая полностью подтверждает изуверские планы нацистов. А потом по всему Киеву оккупационная власть вывесила 2 тыс. объявлений, изготовленных типографией 6-й немецкой армии: всем евреям города и его окрестностей в 8 часов утра 29 сентября прибыть на улицу Мельникова, взяв с собой ценные вещи, документы, теплую одежду, смену белья... За неповиновение — расстрел. По городу распространились слухи, инспирированные властью, что

евреи будут переселены в другое место, что подтверждалось необходимостью брать теплые вещи, это ввело жертв в заблуждение. 29 сентября началось массовое движение людей к объявленному месту сбора.

Часто задают вопрос, откуда же такая покорность? Но мы знаем, что гитлеровцы всего лишь сменили предыдущий тоталитарный режим, где жестоко каралось малейшее неповиновение. Тех, кто остался дома, «зачищали» дворники и патрули. Молодежи почти не было — кто на фронте, кто эвакуировался. Двигались трагически молча: не плакали дети на руках у матерей, больные терпели, кое-кого везли на колясках. Одновременно появились листовки, где призывали евреев не верить властям. Некоторые бежали, прятались у друзей и знакомых. Было немало случаев семейного суицида.

Из пункта сбора людей погнали в сторону еврейского кладбища, где уже стояла военная охрана. Здесь провожающие неевреи должны были вернуться на место сбора. А остальные тихонько плелись дальше сами. В конце улицы Мельникова, вдоль Дорогожицкой улицы, выстроились кричащие «Шнель!» эсесовцы с автоматами наперевес и рычащими овчарками. Они заставляли в первую очередь сбрасывать ценности в специальные мешочки. Уже возле закрытого Нового еврейского кладбища люди складывали на отдельные столы документы, вещи, а потом оголялись. Для вещей были подготовлены автомашины, документы пересчитывались с немецкой педантичностью. Потом эти документы сожгли. Отсюда и появилась цифра убитых за два дня — 33 771 человек... Крики, команды, удары по головам и спинам резиновыми дубинками гнали толпы уже голых, босых и запуганных людей в Лукьяновские овраги — ответвления Бабьего Яра. Там несколько групп из состава зондеркоманды 4-го и 45-го полицейских батальонов их расстреливали. Убитых, падающих на дно Яра

засыпали землей, а нередко и раненых, еще шевелящихся людей. Продолжалось это пять дней. Тех, кого за день не успели убить, сгоняли в танковые гаражи (ул. Дорогожицкая, 6). «Зачистка» неохваченных репрессиями жителей происходила до 2 октября. Задержанных при облавах держали в казармах по ул. Керосинной. Их было около полутысячи. Они тоже попали в Бабий Яр. Расстрелы производились по личному указанию Гимmlера. В моем архиве имеется фотография, показывающая А. Гитлера в Бердичеве. Это август 1941 года. Не исключено, что он и дал указания о репрессиях против мирного населения. В окрестностях Житомира в ставке Гимmlера на секретном совещании руководителей немецких карательных органов он полтора часа настаивал: *«Всех евреев уничтожить незамедлительно»*. В Яру сгинули также два цыганских табора. Поговаривали: *«немцам гут, евреям капут, цыганам тоже, украинцам позже»*.

Адольф Гитлер в Бердичеве. Август 1941 года.
Из архива автора

За следующие два года оккупации Бабий Яр стал братской могилой для еще десятков тысяч. Там лежат советские

военнопленные, большевистские подпольщики и тысяча заложников, казненных за четыре диверсии подпольщиков, сотни украинских патриотов, ромы и все, кто считался врагами Третьего рейха. Об этом говорят памятные знаки с обеих сторон улицы Елены Телиги (где-то там лежит и она, расстрелянная нацистами).

О Бабьем Яре достаточно литературе, поэтому я пишу коротко. 16 октября 1941 года вышел указ о комендантском часе. Нарушавших его расстреливали на месте. *«Бешеной охотой на советских людей отмечен каждый день оккупации: только в течение сентября 1941-го в гестапо было убито 24 депутата киевских областного и городского Советов депутатов трудящихся, 18 коммунистов-железнодорожников, 25 активистов. За период оккупации города почти 300 отважных бойцов подполья были зверски замучены гестапо, тут героически погиб связной подпольной организации 11-летний пионер Казимир Гапоненко»*, — писала газета «Правда». По сведениям, приведенным в средствах массовой информации, в СССР много говорили о подпольщиках и других силах сопротивления, только не указывали — а кому они противились, с кем боролись. Конкретно о них никаких сведений нет. Это, как в советских энциклопедиях, где можно было прочитать: «махновцы», «бандеровцы», «гитлеровцы», но кто такие Махно, Бандера, Гитлер... статей не было. Эта информативная однобокость всегда была присуща советской исторической науке.

В 1985 году, когда меня утверждали в «номенклатуре», то подробно расспрашивали, чем занималась моя мама, находясь во временной оккупации в Ростовской области. Я рассказывал, что ей было 17 лет и находилась она на иждивении своего отца... Нет, их интересовало — сотрудничала ли она с немцами! Клеймо «сотрудничества» лежало на миллионах наших граждан, которых бросили на произвол судьбы, без работы и средств к

существованию. Среди предателей, прислуживавших оккупантам, было немало партийно-комсомольских функционеров: первый секретарь Ленинского райкома КП(б)У Романченко лично составлял списки жителей, принимавших участие в обороне Киева, комсомольцев, активистов, передовиков производства; секретарь Киевского обкома ЛКСМУ Иван Кучеренко, заместитель завотдела кадров Киевского горкома КП(б)У и другие...

Давно забыто, что Аскольдова могила использовалась как немецкое военное кладбище. В Киеве 7 районов: Шевченковский, Зализный, Владимирский, Печерский, Ярославский, Дарницкий, Святошинский — патрулировались немцами; а за «порядком» Богдановского, Куреневского, Подольского и Софиевского наблюдали местные полицаи, которыми руководил поручик Орлик.

При немецком комиссаре Киева было создано управление отбора кадров для городской управы и распределения рабочей силы на предприятиях. Установлено, что под этой вывеской действовала немецкая контрразведка, которая с помощью гестапо и местной полиции занималась агентурной разработкой и выяснением политической благонадежности всех руководителей и чиновников. Руководил этим органом врач из Житомира фольксдойч Босс, отличавшийся особой жестокостью. Нередко в следственных и административных аппаратах оккупантов оказывались бывшие большевистские активисты, которые сознательно и целеустремленно содействовали арестам и казням лучших представителей интеллигенции. Так в Киеве погибли председатели нескольких районных управ: профессор Махиня, Евгений Форостовский с женой, О. Чеверда — руководитель Ярославского района, инженер Романов, профессор Алексей Лазуренко... В Яру расстреляли брандмайора

Киева В. Цапко, педагога, председателя городской управы Владимира Багазия и его двадцатилетнего сына Игоря...

Те киевляне, кто пережил оккупацию и видел все собственными глазами, прикусили язык и молчали, зная, чем может закончиться критика «установленной» версии. Поэтому советская пропаганда не опасалась перегнуть палку. Так, в 1953 году «Вечерний Киев» писал, что Цепной мост взорвали немцы в... 1941-м! Перед собой, что ли? Но газете верили... И десятилетиями в СССР господствовало убеждение, что все, что печатали в газете, вещали по радио, показывали по телевизору, — правда! В соседней стране это сохранилось по сей день.

93 года и 39 дней Александра Оглоблина

Важный гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» отечественной интеллигенции приходилось в течение ушедшего века задавать значительно чаще, чем коронованным особам прошлого. В случае отказа и неспособности хозяйственников или экономистов взять бразды правления судьбами людей за дело брались гуманитарии — писатели и историки. В наши дни в Чехии это получилось у Вацлава Гавела, как когда-то у Томаша Масарика. В 1917 году пытались утвердить Украинскую державу Михаил Грушевский и Владимир Винниченко.

Нередко вопрос о месте и роли интеллигенции в ответственные моменты истории был поставлен довольно остро. Весьма показательна история профессора Оглоблина, взявшегося за управление древним городом в этот тяжелейший период его существования. Пробыв головой Городского совета недолго, всего с 21 сентября по 29 октября 1941 года, ученый-историк успел совершить подвиг. Во-первых, он опроверг самый главный, в представлении большевистской идеологии, тезис о месте склонной к инертности интеллигенции, предпочитающей быть над схваткой, вне политики. А. П. Оглоблин поставил жизненно важный для его любимой Украины вопрос решительно и бесповоротно: «Если не я, то кто?!»

А. П. Оглоблин

Александр Петрович очень любил Киев и был его душой. Войдя в город, немцы увидели его безжизненным организмом без воды, электричества, топлива, транспорта, продовольствия. Центральная часть Киева была отравлена минами и взрывчаткой. При этом профессор Оглоблин прекрасно понимал, что сразу после его согласия стать бургомистром ему, жене и сыну будет подписан смертный приговор как пособникам фашистских оккупантов, а имя будет навсегда проклято советскими идеологами. И на это время выпало самое страшное, ни с чем несравнимое, изуверское отношение нацистских оккупантов к мирному населению — евреям, цыганам, психически больным... А еще активная террористическая деятельность диверсионных групп, оставленных в коммунистическом подполье.

Но жизненная активная позиция Александра Петровича нашла единственно верный путь: он не раздумывая согласился стать Председателем Киевского городского совета. Его поддержали национально сознательные украинские силы, в частности доктор Олег Кандыба, нам известный под

псевдонимом Ольжич. Он руководил деятельностью, впоследствии подпольной ОУН. Я не верю злобной клевете, описывающей Оглоблина и его друзей с хлебом-солью встречающими фашистские войска. Немецкая власть нехотя согласилась с кандидатурой неприятного ей профессора — не потому, что он был авторитетным историком, а скорее из-за того, что он пользовался всеобщим уважением у населения, при этом не будучи членом компартии. Как тут не вспомнить тысячи отечественных интеллигентов, не любящих и не согласных с политикой партии, но вступающих в КПСС для того, чтобы активно участвовать в полезной для общества работе. Известно, что коммунистами становились не только карьеристы и рвачи.

При отступлении Красной армии то, что не смогли увезти, уничтожили. Были подорваны или выведены из строя хлебопекарни и продовольственные предприятия. Близилась зима, и возник призрак страшного голода. Киевляне остались и без дров — обычно они планово заготавливались через специальные учреждения, которые из-за военных действий не работали. Получилось, что Киев, разрушенный и опустошенный, тоскливо ждал наступления холодов. Как всегда, хуже всего было интеллигенции. Лишенные морали люди, разграбившие покинутые еврейские квартиры и в свое время натаскавшие имущества из разбитых складов и вагонов, в общем-то, устроились.

Трудно представить, сколько Оглоблин пережил за эти дни. Необходимо было налаживать нормальную жизнь для более чем двухсоттысячного населения города. Людей нужно было в первую очередь обеспечить питанием, отоплением и медицинским обслуживанием, к тому же приближалась зима... Сегодня мы знаем, как непросто помочь обустроиться на новом месте беженцам из Донбасса, а тогда для представителя

«затюканной» сталинским режимом профессуры наладить жизнь целого города — это поистине был подвиг!

Оглоблина хватало на все. Привлечение управленческих кадров, подвозка продовольствия и лекарств, возобновление коммунального и медицинского обслуживания... Под видом набора рабочих на заводы и на нужды города из плена освобождались тысячи военных. Не без помощи немцев Оглоблин организовал подъем со дна Днепра затопленных барж, груженных зерном, продуктами, одеждой. Началось радиовещание. Позднее стали работать почтовые отделения, театры и музеи. К радости верующих, возобновилась служба в сохранившихся церквях. Была организована культурно-просветительская работа и издательская деятельность.

Хорошо описала эти дни Татьяна Фесенко в своей книге «Повесть кривых лет»: *«С какой жадностью люди, привыкшие к драконовской советской цензуре, годами не видевшие иностранных изданий, хватали немецкие журналы и газеты, где можно было наконец прочесть слова, не совпадавшие с генеральной линией партии».*

Профессор понимал, что с оккупационным режимом можно договориться (а как же иначе, когда ты берешь ответственность за сотни тысяч людей?), придав новому режиму национально-украинский характер. Сам Оглоблин был потомком казаков — и со стороны матери (Лашкевич), и по отцовской линии (Мезько).

Профессор активно проводил украинизацию в городе. Ни он, ни население тогда даже не подозревали, что это было всего лишь иезуитское заигрывание оккупантов, использовавших давний принцип колонизаторов *«разделяй и властвуй!»*. Из плена в первую очередь отпускались украинцы, их в основном и брали на работу. Вся документация велась на украинском, начали выходить национальные газеты. Вывески с названиями улиц писались параллельно по-немецки и на украинском языке.

И как-то вдруг получилось, что привыкшие опасаться жители стали свободнее говорить по-украински на улице и в городских учреждениях.

По невыясненным причинам 29 октября 1941 года профессор Оглоблин покинул свой ответственный пост. Оставление должности Председателя дало возможность ученому заняться исследовательской деятельностью, в первую очередь организацией полностью разгромленной украинской исторической науки. Так он становится членом Украинской Национальной Рады, которая с помощью Ольжича вовлекла в свои ряды ученых, оставшихся в Киеве. Но даже этот антибольшевистский украинский научный центр прекратил вскоре свое существование как неудобный и нацистскому режиму. Оккупанты запрещали возобновление деятельности Академии наук и национальных университетов. И тем не менее, заботясь о пропитании ученых, Александр Петрович пытался организовать им работу, собирая их в Президиуме АН, — так семьям академиков выдавалась помощь продовольствием.

На короткое время в 1942 году Оглоблин стал организатором и директором Архив-музея переходного периода Киева, но и это заведение было закрыто немцами — еле успели подготовить выставку «Уничтожение большевиками культурных памятников города Киева».

Но ничего не останавливало неутомимого ученого — в 1943 году он становится председателем Историко-филологической секции Киевского Дома ученых. Несмотря на то что ни о какой систематической работе под оккупационной властью не могло быть и речи, тем не менее мы видим деловую активность ученого, о чем свидетельствуют рукописи его работ по киевоведению. Даже в таких условиях он организует Комиссию для разрешения вопроса об украинских эмблемах. В ее состав входили, кроме председателя, Наталья Полонская-

Василенко, Светозар Драгоманов, Владимир Мияковский (директор Главного исторического архива), Петр Куренной (директор Музея археологии) и В. Шугаевский.

В сентябре 1943 года А. П. Оглоблин с семьей прибывает во Львов, где сразу включается в научную деятельность. 7 декабря 1943 года его принимает глава Украинской греко-католической церкви митрополит Андрей (Шептицкий), которого Оглоблин считал самым выдающимся из людей Новой Украины. Митрополит пригласил профессора принять активное участие в основанной им Церковно-Археографической комиссии по истории украинской церкви.

Но с наступлением советских войск приходилось уходить на Запад. Вместе с его близкими эмигрировали семьи ведущих украинских ученых, некоторые — из Киева: Н. Полонской-Василенко, В. Мияковского, С. Драгоманова, а также сестра Леси Украинки — О. Косач, В. Щербаковский. В 1951 году семья профессора Оглоблина переехала в США, где он прожил более 40 лет и, с присущей ему энергией включившись в научную деятельность, стал председателем Исторической секции Украинской Свободной Академии Наук.

В 1945 году профессор начал писать воспоминания. В них рассказывается о событиях, происходивших с ним, на фоне самых важных процессов истории Украины. Как жаль, что они не изданы у нас!

Как крупный ученый А. П. Оглоблин смог проявить себя, только оказавшись за пределами своей любимой родины. Он дожил до 93 лет и скончался 16 февраля 1992 года в местечке Лудлов, штат Массачусетс в США, получив возможность приветствовать во второй раз Независимость своей Родины.

Елена Телига: таинство рождения и загадка смерти

Мое давнее убеждение в безразличном отношении большинства граждан Украины, особенно этнических украинцев, к своей истории утвердилось, когда 15 лет тому назад я нашел настоящее захоронение Елены Телиги. В братской могиле жертв гестапо, кроме нее, похоронены репрессированные деятели украинского национального и коммунистического подполья, другие достойные граждане и даже футболисты киевского «Динамо». Я много писал о своей находке, выступал по телевидению, неоднократно обращался в «Товариство українських жінок ім. О. Теліги», но безрезультатно. Везде слышал только одно: «Давай гроші!» Глухая стена бездушности и нежелания что-то делать. Так никто и не отреагировал — и теперь на могиле жертв нацизма стоят гаражи телевидения.

Стоит подробно остановиться на особенностях короткой, но полной загадок жизни Елены Ивановны Шовгеновой, широко известной под именем Елена Телига. Описатели ее жизни в недоумении: известны не только разные даты, но и места ее рождения! Слово ее отец Иван Афанасьевич находился на нелегальном положении, а не был почтенным чиновником, даже коллежским асессором, постоянно пребывающим на службе. Елена появилась после двух мальчиков в его законном браке с Ульяной Налянч-Качковской.

Чтобы разобраться в рождении Елены Ивановны приходится использовать таблицу, где все даты даются по старому стилю: 1. Северный Кавказ, г. Ессентуки. Это маловероятно. 2. Подмосковье, Ильинское, 8 июня 1906 года — так указано в

свидетельстве о браке Елены. 3. Но более принято считать, что Е. Телига родилась 21 июня 1907 года в Петербурге. Хотя, мне думается, что как место появления на свет поэтессы столица империи возникла, скорее всего, в силу ярких детских впечатлений. Существует даже легенда, что ее крестной матерью была Зинаида Гиппиус.

После февраля 1917 года в России широко развернулось национально-освободительное движение, и профессор Петроградского института путей сообщения, инженер-гидрогеолог Иван Шовгенов, награжденный за службу царю и Отечеству множеством орденов, решил послужить родной Украинской державе. 1 апреля 1918 года он направляется в Киев, где работу в департаменте Министерства путей сообщения совмещает с преподаванием в Политехническом институте. В сентябре того же года Елена уже училась в третьем классе частной женской гимназии Александры Бучинской (ул. Михаила Коцюбинского, 7). Проживали они на Шулявке, возле Политехнического института. Хотя город остался в ее памяти *«в боях раненный»*, до тех пор, пока семья была рядом, жизнь казалась благополучной.

В Киеве они прожили недолго. Отец вскоре получил хорошую должность в Совете Министров УНР, а с приходом красных его назначают комиссаром путей сообщения Украины, что было не очень ему по душе. Как бы предчувствуя тяжелую долю советского чиновника, он не захотел сотрудничать с большевиками и поэтому отбыл в командировку, из которой не вернулся. Как вспоминала Елена Ивановна: *«Отец уехал из Киева, как все тогда думали, «на две недели», а получилось оставить маму, меня и Сергея без копейки»*. Жена профессора вынуждена была продавать вещи, чтобы прокормить детей. Так закончилось безмятежное детство: *«Хлеб для меня был мечтой, а ели только картошку и пшениный кулиш. Все это без масла или*

сала. Для того чтобы раздобыть хлеб или кусочек сала, я с приятельницей ездила в какое-то село, чтобы поменять полотенце или салфетку на продукты».

Киев Елена покинула в 16 лет. С мамой и братом Сергеем они перешли границу, немного пожили в польском Тарнове, и уже в июне 1922 года встретились с отцом в чешских Подебрадах, где тот был ректором Украинской хозяйственной академии. Это небольшой городок, в течение нескольких лет бывший центром украинской научной жизни. Там Елена продолжила образование, совершенствуясь в украинском языке: в желании наверстать упущенное помогли друзья. Ощутимая помощь пришла от кубанца-бандуриста, в прошлом адъютанта С. Петлюры, сотника Михаила Телиги.

Поссорившись с русскими шовинистами, Елена полностью перешла на украинский язык и сохраняла эту принципиальную позицию до последних дней, а в сентябре 1923 года стала студенткой Украинского пединститута им. Драгоманова в Праге. Благодаря политике протекционализма, проводимой президентом Чехословакии Томашем Масариком, была создана целая сеть украинских просветительских и учебных учреждений.

Вскоре красавица Елена Шовгенова выходит замуж за Михаила Телигу — студента Украинской хозяйственной академии в Подебрадах. И тут в ее биографии замечаем очередную загадку. Сохранилось приглашение на свадьбу: *«Юлія Степанівна та Іван Опанасович Шовгеніви, сповіщаючи про шлюб своєї доньки Олени з Михайлом Телігою, просят Вас вшанувати своєю присутністю вінчання в Евангельській церкві 1 серпня о 7 вечора, а потім запрошують на весільний чай, що має бути того ж дня після вінчання в готелі «Централь».*

Как видно, известны и дата, и даже время «весільного чаю», но год исследователи не могут определить — то ли 1926-й, то ли

1927-й?

Елена и Михаил Телиги

Отныне Елена и Михаил шли по жизни вместе. Какая это была чудесная пара — и в творчестве, и в танцах! Елена испытывала потребность кому-то подражать, ища идеалы, героев. А их в окружении было немало. Воины украинской армии, потерпевшие поражение в борьбе за независимость Родины, но не потерявшие надежды на ее возрождение, уже тогда понимали, что причина неудачи в строительстве Украинской державы — несформированное единство нации, слабость руководства, ориентированного на демократическое сознание, тогда как противник ничем не брезговал.

Олег Ольжич. 1943 год

Окончив учебу, молодожены переезжают в Варшаву, где Елена Телига преподает в украинской школе и занимается творчеством. В 1930 году выходит ее первый сборник стихов. Через два года молодая семья вступает в Организацию Украинских Националистов, и входит в ее орган управления ПУН, где Телиги сотрудничают с Олегом Ольжичем.

С началом войны у украинцев возникла надежда на создание независимого государства, она, как далекая молния, блеснула в Кракове, куда в 1939 году переехали Телиги, одержимые национальной идеей. В этот город съехались тысячи беженцев из Западной Украины, занятой «советами». Привыкшая с детства быть лидером, всегда активная, Елена оказывается в руководстве краковского политического центра украинской жизни, где создает художественное общество «Зарево». Поэт Святослав Гординский писал: *«У нее было большое ощущение женской значимости, какой-то эмансипации, которая открыто формировала свой собственный духовный мир. В ее поэзии чувствуешь моменты мужского характера, кого-то другого это*

могло бы удивлять, как позирование, но получалось как-то естественно и искренне. У нее не ощущалось разрыва между жизнью и творчеством. Она обладала бесспорным очарованием, что подчеркивали ее столичные манеры, элегантность настоящей варшавянки».

Украинская эмиграция считала, что в столкновении нацистской Германии с СССР появится возможность вернуться на Родину, и собирала силы, чтобы возродить украинскую культуру и духовность. И тут произошел досадный раскол в движении, который пани Елена восприняла с болью в сердце, так как ее друзья оказались в разных политических лагерях: кто со Степаном Бандерой, кто с Андреем Мельником. Супруги, вместе с Ольжичем и Сциборским, который вскоре погиб, остались с Мельником.

Все понимали, что раскол ослабил силы, уменьшил шансы на победу в борьбе с двумя тоталитарными системами, но Елена отступать от своей цели даже не собиралась, считая себя обязанной вернуться в Киев и продолжить борьбу за свой народ. 14 июля 1941 года молодежная группа под руководством Елены Телиги отправилась из Кракова в Киев. Это был понедельник. Супруг по ряду обстоятельств должен был присоединиться позднее, поэтому на первом этапе ее спутником стал Улас Самчук. Елена как деятель Культурной реферантуры ОУН надеялась связаться с местными национальными силами и усилить борьбу за объединение, возрождение духовности, за независимость. За десятилетие до этого у Елены Телиги родились следующие строки:

*«Заметемо вогнем любові межі.
Перейдемо убрід бурхливі води,
Щоб взяти повно все, що нам належить,
І злитись знову зі своїм народом».*

Телига рвется в Киев, несмотря на предостережения друзей о том, что в ее любимом городе появляться пока опасно. Временно она решает принять участие в издании газеты «Волинь» в Ровно. Как свидетельствовал ее верный друг и соратник Олег Штуль, *«Елена Телига находится в расцвете своего таланта. В бурные дни современности она находит себя — потому что об этом ее мечты. Всегда она помнила, что там, за лесами, «неспокойно спит в боях раненный мой трагический Киев», и теперь она к нему направляется».*

Но вот настал день отъезда, и 17 октября она пишет своему любимому мужу письмо: *«Я еду завтра в Киев...»* Как ей хотелось быть с ним рядом! Из письма ее подруги, артистки Тани Праховой: *«Въехали в Киев в такой же день, осенний и прозрачный, как стихи Елены. Когда проезжали мимо Политехники, Елена так волновалась, что чуть не выпала из авто. Потом сели в трамвай (в Киеве трамваи уже ходят) и поехали на Владимирскую улицу».*

Телига сразу включилась в работу Союза украинских писателей, наладила издание «Літаврів» — литературно-искусствоведческого приложения к редактированной Иваном Рогачем газете «Українське слово». Вошла она и в состав созданной 5 октября 1941 года в Киеве Украинской Национальной Рады. УНРада, возглавляемая профессором Николаем Величковским, планировала стать представительским органом, который мог бы перебрать на себя все полномочия гражданской власти в Украине, оккупированной немцами, с тайной надеждой, что при обессиливании во взаимной борьбе двух режимов можно будет создать свое независимое государство.

15 ноября состоялось первое собрание Союза украинских писателей, которых в городе осталось мало, но и этим одиночкам Елена оказывала особое внимание. Планировали издать собрание стихов Евгения Плужника, организовать издательство «Культура». Но и эти, чисто эстетские потуги не

устраивали оккупантов. На Елену писали доносы, сообщая о непочтительном отношении к фюреру. Телига считала немецких фашистов и российских большевиков колонизаторами, захватчиками, врагами украинской независимости. Молодой поэт Михаил Сытник, из числа ее соратников, как-то раз сказал: *«Пусть гремят наши «Літаври», чтобы весь мир услышал!»* С 16 ноября по 7 декабря вышло 4 номера, каждый из которых был явлением в украинской литературе, общественной жизни.

В 1992 году в Вашингтоне я познакомился с литератором Татьяной Фесенко, которая много рассказывала об оккупационном Киеве. Из ее книги «Повесть кривых лет»: *«Часто за одним столом с нами обедала — если это можно назвать обедом — молодая дама в маленькой шапочке, отделанной темно-малиновым бархатом. Мы разговорились — это была Елена Телига, председатель киевского Союза Писателей, редактор «Літавров» — первой в Восточной Украине литературной газеты времен немецкой оккупации. Умная, пылкая, неустомимый борец за свободу Украины и украинского слова, талантливая поэтесса, она в то время обладала большой личной привлекательностью и чисто женским обаянием. Ее статьей «Окна настезь» зачитывались многие, в ней видели новую Лесю Украинку. Скромная, очень простая в обращении, невероятно дружелюбная, она легко завоевывала симпатии. Вскоре она была арестована Гестапо, помещавшемся в бывшем здании Всеукраинского НКВД на Владимирской, 33, и расстреляна в феврале 1942 года как член ОУН. Киевлянка по происхождению, она после многих лет пребывания за границей вернулась наконец в свой родной город, чтобы обрести в нем мученическую смерть...»*

Жизнь Елены Телиги проходила в постоянном напряжении. Ежедневная работа то в редакции «Українське слово» на Бульварно-Кудрявской, 24, то в помещении Союза украинских писателей на Трехсвятительской, 23 (теперь Десятинная, 9), то

на Короленко, 54 (ныне Владимирская), где располагалась Украинская Национальная Рада, то на бульваре Шевченка, 10, в управляемом выдающимся скульптором Иваном Кавалеридзе отделе искусств городской управы Киева, а то и в самой управе (бул. Шевченко, 16). Она была всегда подтянутой и элегантной, в черном костюме и черной шляпке, несмотря на холод и голод, гордой и бодрой, в любую минуту готовой оказать помощь. Деятели украинского возрождения для удобства отопления и питания в голодном Киеве старались ютиться вместе, снимая какое-нибудь «колхозное помещение», в частности на улице Владимирской. Ей в помощь и утешение в середине зимы 1942 года добрался в Киев любимый Михайлик. Пришлось часто менять место проживания, самым памятным оказалось пребывание влюбленной пары на улице Караваевской (ныне Л. Толстого), где их соседями были А. Ольжич, О. Штуль и другие.

Было понятно, что немцы не потерпят даже автономии Украины. В их планах было ее расчленение и присоединение к Германии. Подобное желание и сейчас популярно среди государств с империалистическим мышлением. Профессор-нацист Ганс Кох 30 сентября 1941года констатировал, что большевизм оставил глубокие следы в сознании населения, и заявлял: *«Приглушенное украинское сознание относительно своей государственности является основой немецких претензий на управление этим регионом. Если задавить чувство стремления к независимости, то украинская нация преобразуется из русской родины Советский Союз в управляемую немцами Европу»*. Поэтому оккупанты не могли смириться с деятельностью национально сознательных украинцев, особенно приехавших из эмиграции.

Сильнее всего немцы выражали особое недовольство деятельностью Киевской городской управы в начале 1942 года, когда ею несколько месяцев руководил математик-педагог Владимир Богазий. Много сделал для воссоздания и развития

украинских организаций, он был в 1942 году арестован и расстрелян гестапо. Оккупационные власти решили сурово с ним расправиться, и уже 17 ноября прервали существование Украинской Национальной Рады, которая после этого была вынуждена перейти на нелегальное положение.

Начались аресты. 12 декабря были схвачены сотрудники редакции «Українське слово» Иван Рогач, Орест Оршана-Чемиринский и другие. Редактором был назначен профессор Кость Штепа, и газета под названием «Нове українське слово» стала служить оккупантам. Возмущенная этим, Телига перестала издавать «Літаври», а друзья, опасаясь ее ареста, начали умолять Елену покинуть город, на что она категорически отвечала: *«Я из Киева больше не выеду. Я принадлежу ему!»* Пришлось ходить с охраной, скрываясь от гестаповцев.

Друзья вспоминают, что 9 февраля встретили ее, направлявшуюся на встречу с товарищами в Союз писателей. Ей запрещали туда идти, ссылаясь на опасность, исходившую от гестаповцев. Олег Штуль так передал ее ответ: *«Меня ждут люди. Я не могу не прийти, потому что боюсь ареста. Их тоже арестуют. Я не могу удрать, так как кто-то может сказать: в опасности нас оставила, а перед этим говорила про патриотизм и жертвенность. Если я не вернусь, то не забывайте меня. Когда я погибну, то знайте, свой долг исполнила до конца».*

Через час за ней пошел и ее муж Михаил. А в помещении Союза уже была засада гестапо. Всех входящих задерживали. Вскоре нацисты заявили, что не члены Союза могут уходить. Один из членов ушел, а Михаил, хотя и не был в составе организации, остался с женой. Арестованных увезли в помещение гестапо, на Владимирскую, 33. Вместе с Телигами туда попали Константин Гупало, Иван Ирлявский и другие. Из отчета начальника полиции узнаем, что в феврале 1942 года *«в Киеве была раскрыта нелегальная организация ОУН,*

планировавшая создание партийной организации для борьбы с Германией». Все арестованные писатели и журналисты практически без следствия и предъявления обвинения были расстреляны и погребены в Бабьем Яру. Точная дата трагедии не известна. Считается, что это произошло 21 февраля 1942 года, хотя киевский голова на то время, Леонтий Форостовский, в своих воспоминаниях утверждал, что Елена Телига перерезала себе вены. Мне кажется, что эта версия не соответствует характеру поэтессы.

Так где же похоронили героев Украины?

В 1992 году я в Стендфорде (штат Коннектикут) познакомился с доктором Мирославом Драганом — человеком, просто-таки помешанным на исторических исследованиях. Он видел своей целью доказать, что украинцы не принимали участие в репрессиях против мирного населения в годы Второй мировой войны. Его скрупулезность исключительна: я ему пересказал свидетельства моего приятеля, что при казни нацистов в Киеве на центральной площади один из них поднял руку в своем приветствии, а Драган показал фотографии, где у всех руки связаны за спиной. Его кабинет был завален книгами, копиями документов. На процедурном столе врача была разложена аэрофотосъемка Киева 1939—1943 годов, выполненная немецкими летчиками, где четко проявлялись даже тени — деревьев, машин, заборов.

На снимках, что я увидел в США, можно разглядеть участки Еврейского, Военного и Лукьяновского кладбищ. Военное было плохо огорожено, поэтому на фото 1939-го и 1941 года просматриваются тропинки, которыми пользовались люди, срезающие углы, не желая обходить. Во время оккупации немцы решили сделать кладбище для своих военных. Соорудили забор, хорошо видный на снимке 1943 года, а тропинки заросли и не просматривались. На снимке же, сделанном после

освобождения Киева Красной армией, на месте тропинок четко просматривается вскопанная и свеженасыпанная земля, участок где-то 10×20 м, — свидетельство того, что это могила казненных жертв нацистской оккупации. Немцы отличались пунктуальностью и аккуратностью, поэтому в данном случае они не использовали существующий овраг или котлован, а специально выкопали яму для убитых ими. Можно утверждать, что в этой братском захоронении лежит Елена Телига с супругом и другими украинскими патриотами: вместе с киевскими подпольщиками И. Кудрей, В. Кудряшовым, В. Хохловым, Р. Окипной и многими другими. Среди них и футболисты киевского «Динамо»: Трусевич, Кузменко, Клименко, Коротких...

В марте 1994 года в журнале «Україна» я описывал это место так: *«На огражденной забором с сигнализацией территории телевышки ровная местность, с небольшим холмиком, с кустами смородины. Кто может утверждать, что это захоронение не повредили ни перепланирование конца 1940-х, ни строительство телецентра...»* После следующих двух телепередач, вышедших на разных каналах, я в очередной раз убедился, что прошлое никого не волнует. При строительстве гаражей из небольшого котлована выбрасывались черепа с характерными дырками в затыльной части. Я поднял один из них. Определить, принадлежал ли он Телиге или Трусевичу, я не смог, да и зачем...

Есть, правда, школьный музей Елены Телиги — дети обязаны будить огрубевшие сердца старшего поколения... Стыдно, обидно, неприятно... Что ж, подождем, может, что-то изменится. А пока пройдем к кресту, стоящему на удобном месте и огражденному разве что забором черствости и бездушности, против которой боролись Телиги и увлеченные общими идеями их друзья! Хотя лучше было бы перейти к памятнику прекрасной поэтессе и патриотке!

Массовые аресты ОУН в Киеве продолжались. Были схвачены 60 молодых людей. Тогда же расстреляли около семи десятков бойцов Буковинского куреня из Дарницкого отдела Украинской охранной полиции. 7 февраля 1942 года была устроена облава и задержано больше двух сотен членов ОУН и симпатизирующих им интеллигентов. Оставшимся на свободе членам ОУН пришлось действовать в глубоком подполье под руководством Зиновия Домазара (псевдонимы Диброва и Аркадий). Ко дню рождения Т. Шевченко он организовал выпуск листовок с лозунгом «Хай живе незалежна Українська держава!». А также брошюру с меморандумом-протестом о запрещении рейхскомиссаром Э. Кохом Украинской Национальной Рады. В мае распространялась листовка памяти Н. Михновского, а также журнал «Сурма». Охота на оуновцев продолжалась до последних дней оккупации Киева. Так, 19 марта 1943 года гестапо арестовало 40 человек, которых казнили в Бабьем Яру. Там тогда и сгинул З. Домазар.

Здание генерал-комиссариата на Бисмаркштрассе в Киеве

В Киеве действовал штаб украинской полиции, именовавшей себя «команда». Их комендантом был сорокалетний Анатолий

Конкель (Орлик), вскоре расстрелянный немцами в Бабьем Яру за особую жадность в присвоении имущества погибших людей. 20 августа 1941 года был создан рейхскомиссариат «Украина». Управление Генерального округа «Киев» разместили в помещении Киевского военного округа (Банковая, 11). СД Генокруга разместилось на бул. Т. Шевченко, 78. Во главе его пребывал генеральный комиссар СА бригаденфюрер И. Ф. Квитцрау, а с весны 1942 года — Магуния, которые печально прославились карательными акциями. Штадткомиссариат находился на ул. Виноградной, 4.

В начале бул. Шевченко на фонарных столбах немцы вешали уголовников. А после освобождения тут оставалось «лобное место» и проходили уже казни предателей и коллаборантов, что не помешало поставить там памятник Ленину.

22 января 1942 года из Киева был отправлен первый поезд с 1500 гастарбайтерами. По данным биржи труда, их было вывезено 26 тысяч. По инициативе бургомистра Форостовского была проведена перепись населения города. Согласно ее результатам, по состоянию на 1 апреля 1942 года в Киеве проживало 352 139 человек, тогда как до начала войны — 846 тыс. человек. И на самом деле более 100 тысяч были вывезены в Германию на принудительные работы — преимущественно молодежи.

Почти все жители Украины были уверены, что большевики не вернуться. А жить, работать, учиться было нужно. 1 ноября 1941 года был образован Всеукраинский учительский союз, объединивший всех работников высших учебных заведений и средних школ. Его возглавил К. Т. Штепа. По его предложению Президентом ВУАН выбрали академика А. Плотникова, директором Института истории — доктора М. Андрусика, археологии — профессора Н. Полонскую-Василенко, языковедения — профессора П. Горецкого, литературы и

фольклора — профессора Е. Марковского, экономики и статистики — профессора М. Величковского. В Киеве осталось более тысячи сотрудников ВУАН, которым нужно было существовать, а для этого — работать. Но впоследствии, после освобождения, это им зачлось как сотрудничество с немцами.

Штепа позаботился о создании Украинской архивной управы — главного учреждения по регулированию архивами. Можно было почувствовать разницу — ведь советская власть уничтожала архивы. В оккупированном Киеве планировалось создание сети средних школ (около 60-ти), но практически работали две: для фольксдойче на Михайловской площади и на Кудрявской улице, где разрешалось учиться до 15-летнего возраста. Были попытки организовать обучение в высших учебных заведениях, но киевляне вполне резонно считали, что это прикрытое заманивание молодежи в Германию. В феврале 1943-го в Андреевской церкви отслужили панихиду по матери Александра Семененко и Николаю Садовскому.

19 сентября 1943 года оккупанты отметили вторую годовщину *«освобождения Киева от большевизма»*, а через неделю должны были объявить в городе «запретную зону» для киевлян, потому что речь шла уже об обороне Киева от наступающей Красной армии. Тогда и началась вторая эвакуация: если в 1941-м одни киевляне убегали от немцев на Восток, то в 1943-м другие убегали от красных на Запад. Выезжали и те, кто открыто сотрудничал с оккупантами, и те, кто пережил репрессии 1937-го и догадывался, что за пребывание на оккупированной территории всем будет плохо. Уехали также те, кого принудили работать на предприятиях и кого оккупанты вывозили как опытных специалистов. Город снова опустел более чем наполовину.

Танки на Крещатике. Ноябрь 1943 года

26 сентября 1943 года оккупанты сожгли поселки на Трухановом острове и Предмостовой слободке, чтобы лишить красноармейцев подручных средств для форсирования Днепра. Теперь об этом напоминают лишь памятные знаки в парках отдыха на левом берегу, а тогда произошла вторая битва за Киев — не менее трагическая, чем первая. На этот раз снова *«за ценой не постояли»*: чтобы освободить столицу Украины к очередной годовщине большевистского Октябрьского переворота 1917 года, положили жизни 417 тыс. бойцов и командиров. Они не отдали свои жизни, как об этом до сих пор упрямо твердят на официальных мероприятиях, у них эти жизни забрали бестолковые политики и командующие. А оккупанты, оставляя Киев, также обратились к тактике *«выжженной земли»*: горели лучшие жилые дома, пылал красный корпус университета.

Считается, что осенью 1943 года освобожденных жителей насчитывалось едва ли 180 тысяч — вдвое с лишним меньше, чем погибших освободителей (и то не считая раненых!).

В отличие от налетов германской авиации в начале войны, сбрасывавшей бомбы на стратегические и военные объекты, в

1943 году советская авиация в ночь на 11 мая 1943-го бомбила жилые дома. Погиб 41 человек, раненых — 21. Немецкая пропаганда устроила пышную манифестацию с похоронами жертв «авиации большевиков». Был даже организован митинг. Почему-то жалобная процессия началась от университета, откуда вместе с духовенством сотни киевлян прошли к Лукьяновскому кладбищу, где и состоялось погребение. А за три дня до этого большая бомба упала на крышу Оперного театра во время спектакля Р. Вагнера «Лоэнгрин» — даже не взорвавшись, она убила нескольких слушателей.

«Матч смерти»?

Конечно же, нельзя пройти мимо так называемого «Матча смерти». Немецкая пословица гласит: *Lüge vergeht, Wahrheit besteht* («Ложь уходит, правда остается»). Один из наиболее интересных и «туманных» периодов в истории киевского футбола давно стал изучать мой давний друг А. Ф. Коломиец. По материалам 1-го тома Анатолия Федоровича (а их четыре) под названием «Киевский футбол на рубежах времен», вышедшего в 2007 году, я построил эту главу. Все сказанное Коломийцем — истина и подтверждено документами.

С началом войны многие футболисты сразу были призваны на военную службу. Особое отношение в это время было к игрокам, заявленным в киевском «Динамо», команды НКВД — одной из мощнейших силовых структур СССР. Тогда все было направлено на сдерживание рвущегося в город врага, но покинуть Киев футболисты не могли: у большинства здесь были семьи и малолетние дети, эвакуировать которых было невозможно.

Оккупанты с первых дней создали Секцию физкультуры и спорта, которая дала объявление об обязательной регистрации спортсменов города. Среди достаточно многочисленной компании оказались чемпионы и рекордсмены СССР, мастера спорта, судьи, тренеры, и в частности — особая группа «футболисты», в которой состояли также игроки киевского «Динамо» как состава 1941 года, так и игравшие в этой команде мастеров в недалеком прошлом — ветераны. Анализируя найденные в архивах документы, узнаем, что вначале зарегистрировалось 183 спортсмена, футболистов среди них насчитывалось в первое время около 30. В руководстве Отдела

образования и культуры знали, что в лагерях для военнопленных, в частности в Боярке (пригороде Киева), находятся лучшие футболисты. В октябре было написано письмо председателю Городской управы с просьбой оказания помощи в освобождении этих «кращих майстрів спорту України, футболістів збірної команди м. Києва».

Регистрация в Секции физкультуры и спорта Городской управы освобождала от высылки в Германию. Естественно, посоветовавшись и обсудив все «за» и «против», футболисты поспешили там зарегистрироваться. Инициатива принадлежала Д. Швецову, хорошо известному футболисту «Желдора» и сборных Киева, тренеру киевского «Локомотива».

ПЕРЕЙМЕНУВАННЯ ВУЛИЦЬ (на 19.XI.1941.)*			
Сучасна назва	Назва до 1919 р.	Назва до IX. 1941 р.	Офіційна назва у XI.1941—X.1943
Артема	Львівська	Артема	Лембергштрассе (Львівська)
Банківська	Банківська	Орджонікідзе	Бісмаркштрассе
Богомоляця	Виноградна	Виноградна	Варігерштрассе (Варязька)
Володимирська	Володимирська	Короленка	Короленка
О. Гончара	Століпінська	Чкалова	Володимира Леонтовича
М. Грушевського	Олександрівська	Кірова	Тодтштрассе**
Комінтерна	Безаківська	Комінтерна	Банхофштрассе (Вокзальна)
Липська	Катерининська	Р. Люксембург	Німецька
Лютеранська	Лютеранська	Енгельса	Лютерштрассе
П. Орлика	Єлизаветинська	Чекістів	Готенштрассе (Готська)
Толстого	Караваєвська	Толстого	Шевченкоштрассе
Б. Хмельницького	Фундуклівська	Леніна	Театрштрассе
Хрещатик	Хрещатик	Хрещатик	Айхгорнштрассе***
Т. Шевченка б-р	Бібіковський б.	Т. Шевченка б.	Ровноверштрассе (Рівненська)
Шовковична	Левашовська	К. Лібкнехта	Горст Вессельштрассе****

Примітки: * ДАКО, ф. Р-2356, оп. 1, од. зб. 50.
 ** Тодт Фріц (1891—1942), інженер, нацист, будівничий німецьких автобанів, засновник Організації Тодта, яка широко використовувала працю військовополонених.
 *** Айхгорн Герман (1848—1918), фельдмаршал, командувач німецьких окупаційних військ в Україні 1918 р., вбитий у Києві російським есером Донським 1918 р.
 **** Вессель Горст (1907—1930), нацист, його ім'я носив партійний гімн нацистів.

Переименование улиц Киева в 1941 году во время оккупации

Оставшись в Киеве, он с первых же дней функционирования украинских самоуправленческих структур начал проводить организацию спортивной работы в городе и создал в Киеве первую украинскую спортивную организацию, которую

поначалу окрестили «Січ», потом Украинским спортивным клубом «Дніпро», затем спортобществом «Тризуб» и, наконец, к концу года остановились на названии Украинское спортивное общество «Рух».

Эйхгорнштрассе —
ныне Крещатик

Именно Георгию Дмитриевичу принадлежала идея освобождения известных футболистов из лагеря военнопленных и предложение выдачи официальных документов о работе спортсменов в структурах спортобщества «Рух»; создание столовой Отдела образования и культуры на ул. Фундуклеевской с выдачей талонов на питание членам общества, а также магазина спорттоваров с комиссионной торговли на Крещатике, с целью как обеспечения спортсменов спортивным инвентарем, так и получения доходов для финансирования проведения спортивной работы в городе.

Скорее всего, считая себя недооцененным и обиженным советской властью, Д. Швецов всячески стремился создать футбольную команду «своей мечты». И он ее организовал, возглавил, тренировал и даже играл в ее составе. Конечно, его желанием было привлечь в эту команду лучших футболистов, а судьба давала ему их, и немало. Первое, что ему удалось сделать, это привлечь на свою сторону, вначале Н. Коротких и А. Ткаченко, ставших членами инициативной группы по

созданию спортобщества «Рух». Примечательно то, что все спортсмены поддерживали между собой хорошие отношения, помогали друг другу, чем могли. Видимо, все же именно это позволило им выстоять в такое тяжелое время.

Хочу напомнить, что на тот момент «советы» ушли. Правда, громко хлопнув дверью, но вряд ли кто-то рассчитывал на их возвращение. Всем футболистам, находившимся в городе, как динамовцам, так и из других команд, приходилось бороться за сохранение своих семей, да и собственной жизни. Угроза быть угнанными в Германию в качестве рабочей силы дамокловым мечом висела над ними, и каждый цеплялся за любую возможность остаться в городе.

Итак, 15 января 1942 года инициативной группой, возглавляемой Швецовым, было создано Украинское спортивное общество «Рух» для спортсменов, поддерживающих «новый порядок». Спортобщество «Рух» насчитывало до ста киевских спортсменов, которые тренировались в ряде секций, в том числе и в футбольной. *«Взяті на облік та схоронення всі спортивні споруди та спорт. майно м. Київа, яке коштує більше десяти мільонів карб.»*, — значилось в документах. Среди спортообъектов перечислены Дворец спорта, стадионы «Динамо», «Локомотив» и «Зенит» (бывший стадион ДСО «Снайпер»), а также водные станции и спортивные залы. Стадион «Спартак» невозможно было ввести в эксплуатацию, так как он осенью был полностью затоплен и занесен илом после прорыва труб большой водопроводной магистрали, проходившей вблизи стадиона.

Интересный факт. Почетный приз ВКФК при СНК УССР, Кубок УССР, разыгрывавшийся с 1937 года, оказывается, не был эвакуирован, а был наглым образом украден кем-то из сотрудников комитета. Во время оккупации он оказался в магазине случайных вещей на Большой Васильковской, 10 и был

оттуда изъяты спортсменами. Они его сохранили! Таким образом, «предатели» спасли этот трофей для украинского футбола уже послевоенного советского периода.

В футбольную команду «Рух», играющим тренером которой стал заместитель председателя этого общества Швецов, удалось привлечь некоторых известных футболистов. В ряде тренировочных матчей этой команды принимали участие и бывшие игроки «Динамо» Свиридовский, Гончаренко, Голимбиевский, Гундарев. Однако уже весной 1942 года у общества «Рух» и его футбольной команды появились затруднения.

Случилось так, что возглавлявший хлебозавод № 1 города И. И. Кордик (фанат футбола, хорошо знавший всех киевских мастеров) встретился с самым почитаемым им футболистом Н. Трусевичем и предложил ему и бывшим динамовцам работу на своем заводе с целью создания первоклассной команды. Такое предложение могло обеспечить футболистов гораздо значительнее, чем «Рух». Во-первых, это была настоящая постоянная работа, которая уберегала их от отправки в Германию, а в голодном Киеве давала возможность хоть как-то выжить. Во-вторых, Кордик предлагал устроить на работу всех динамовцев, а «Рух» в столовой пристроил только нескольких. И в-третьих, Кордик добился официального разрешения на право проводить постоянные тренировки и матчи команды хлебозавода на поле стадиона «Зенит» по ул. Керосинной, 24. «Рух» до этого времени не имел своего стадиона, а только вел переговоры о возможности эксплуатации нового стадиона им. Хрущева, который, естественно, в то время назывался скромно — стадион Дворца спорта.

Иосиф Иванович Кордик — моравский чех, то есть «фольксдойче». Родился в Австро-Венгрии, воевал в Первую мировую войну. Судьба забросила его в Киев, здесь он и

поселился. До войны работал зав. лабораторией на хлебозаводе № 3. При немцах был назначен «шефом» хлебозавода № 1 по ул. Дегтяревской, 19 (не директором, как везде пишут, а хозяином).

Н. Трусевич, в свою очередь, встретился с М. Гончаренко, подрабатывавшим в то время сапожником, и тот согласился на предложение Кордика. Они встретились с динамовцами М. Свиридовским, И. Кузьменко, Ф. Тютчевым, А. Клименко, М. Путистиным, П. Комаровым и решили работать на хлебозаводе. Покамест им предложили стать разнорабочими: выполнять погрузочные работы, подметать двор и т. п. В свободное время играли в футбол, для чего, собственно говоря, и были приняты на работу.

К руховцам вскоре присоединился и бывший игрок «Локомотива» В. Балакин. Таким образом, на завод устроились 9 человек. Для укомплектования команды необходимо было еще хотя бы двое-трое хороших игроков, и Кордик не был против, когда к девяти его работникам присоединились Тимофеев и Ткаченко, а позже и Л. Гундарев, которые в это время служили... в полиции. Против этого никто не возражал, так как полноценную команду в украинской полиции сформировать так и не удалось. Вскоре в команде стал играть и Николай Коротких, работавший поваром в столовой для спортсменов «Руха». Эти игроки и образовали ядро футбольной команды завода № 1, которую вначале хотели назвать «Рекорд», но впоследствии она стала называться «Старт». Так ее в конце мая 1942 года и зарегистрировали.

Чрезвычайно интересным является и письмо хлебозавода в Секцию физкультуры и спорта от 4 июня 1942 года с просьбой выделить для команды «Старт» инвентарь: бутсы, трусы, футболки, гетры, наколенники, мячи и сетку для ворот. За исключением бутс и трусов, все было выписано уже 19 июня. Вот откуда у команды «Старт» появилось 12 красных футболок (они

были предоставлены самой Секцией): этих футболок с довоенных времен на складах было предостаточно. Так что о проявленном патриотизме динамовцев, игравших в красных футболках с немцами в «матче смерти», лучше помолчать.

Руководитель футбольной команды «Рух», возмущенный уходом лучших кадров, начал принимать меры. Он прекрасно понимал, что первое, что ему нужно сделать, это добиться разрешения играть на лучшем стадионе — Дворца спорта, а тогда уже можно было надеяться на возвращение «штрейкбрехеров». К тому же в первых числах марта руководитель Секции физкультуры и спорта В. М. Снетенчук в своей докладной записке на имя руководителя Отдела образования и культуры И. В. Солодовникова писал следующее:

«...необхідно провести такі міроприємства: ...З метою поживлення спортивної роботи (після відповідного розрішення на це) організувати центральні секції з: ...футболу, передбачивши навіть спортивні зустрічі між окремими командами міського гарнізону та командами інших міст...» А уже 12 июня в докладной записке тому же Снетенчуку Солодовников рекомендовал: *«...протягом сезону провести низку показових виступів кращих спортсменів з різних видів спорту і зокрема спортивні зустрічі по футболу як між місцевими українськими командами, так і між командами українців і німецьких військових частин».*

Требовалось определенное количество команд, и уже к июню Секцией физкультуры и спорта был создан на базе разросшегося общества «Рух» еще один, якобы «самостоятельный», украинский спортивный клуб «Спорт». Немного позднее ему повысили статус и стали величать «товариществом».

Уже после ареста Свиридовского удалось пригласить в команду играющим тренером Т. Пржепольского. Именно 12 июля и был «торжественно» открыт Украинский стадион.

Состоялись традиционные для советской эпохи выступления гимнастов и легкоатлетов спортивного общества «Рух», а венцом празднования стал футбольный матч между командами «Рух» и одной из немецких частей «DV», который закончился победой украинских футболистов, и никого за это не расстреляли! Фактически «DV» была командой немецких железнодорожников, но скомплектованной наспех и серьезно не готовившейся к этому матчу. После этого поражения немецкие железнодорожники значительно усилили свои ряды более «достойными» представителями железнодорожных войск и, в связи с тем что «Рух» им в матче-реванше отказал, предложили сыграть матч «Старту».

Официально футбольный сезон 1942 года был открыт в оккупированном Киеве 7 июня матчем на том же стадионе. Играли команды общества «Рух» и хлебозавода, она и победила со счетом 2:0. И это была первая победа коллектива фактически бывших динамовцев. Кстати, в этот день перед матчем «Рух» — «Хлебозавод» состоялся еще один поединок — между немецкими командами штабной роты военно-воздушных сил и службы обеспечения одной из дивизий.

На 14 июня был запланирован матч-реванш «Руха» и «Хлебозавода», однако из-за того что многие игроки «Руха» не явились, пришлось играть запасным, и они крупно проиграли — 1:7, но Секция физкультуры и спорта занесла этот матч в разряд сорванных. 21 июня состоялся третий матч «Старта» на стадионе «Зенит» со сборной командой венгерского гарнизона, и снова счет был 7:1, а 28 июня прошел четвертый матч — со сборной немецкой артиллерийской части. На этот раз «Старт» одержал победу со счетом 8:2.

5 июля на стадионе «Зенит» был проведен матч между «Стартом» и «Спортом». Последняя команда представляла еще одно спортивное общество, образованное в оккупированном

Киеве. В составе команды в основном были юные футболисты, хотя в воротах стоял один из запасных вратарей «Динамо» — Голимбиевский, а в нападении — молодой, но поигравший уже в «Локомотиве» и в дубле «Динамо» Гундарев. Этот пятый матч «Старта» закончился разгромом молодой команды — 11:0.

Шестой матч «Старта» состоялся 17 июля именно с немецкой командой железнодорожников RSG. Однако немцы, видимо, рассчитывали на противника, подобного «Руху», и ошиблись. Их ожидало снова поражение, и на этот раз со счетом 0:6. 19 июля команда хлебозавода «Старт» в седьмом матче принимала команду венгерской военной части MSC Wal. И снова победила, в шестой раз подряд — 5:1.

26 июля был проведен матч-реванш с венграми, но уже с обновленной командой — GK Szero, и на этот раз была более скромная победа киевлян — 3:2. В этот же день, 26 июля, на Украинском стадионе команда спортобщества «Рух» встречалась, как сообщалось в газете «Нове українське слово» за 26 июля 1942 года, с «найсильнішою німецькою командою» *Flakelf*. Это была сборная немецких противовоздушных военных частей в Киеве. *Flakelf* — это *Fliegerabwehrkanone* — зенитная пушка, но никак не команда летчиков, так что о Люфтваффе и речи быть не может. Украинцы в этом матче проиграли (к сожалению, счет неизвестен).

Девятый матч команды хлебозавода «Старт» состоялся 6 августа. Это была встреча с обидчиками «Руха» — непобедимой немецкой командой *Flakelf*, и немцы впервые потерпели серьезное поражение — 1:5.

После матча первыми в матче-реванше с немцами хотели встретиться футболисты «Руха». Естественно, они первый матч проиграли, хотя справедливости ради следует заметить, что, делая заявку на матч с *Flakelf* на 9 августа, они еще не знали, что другая украинская команда так крупно победит их соперников.

Кстати, прося разрешение на проведение матча с *Flakelf*, Швецов собирался в этот день провести на одном стадионе сразу два матча: первый и ответный, в 15 и 17 часов, и даже афиша была заказана. Однако судьба распорядилась иначе. Немцы отказались от еще одной встречи с уже побежденными ими и предпочли встретиться в матче-реванше со своими обидчиками — «Стартом».

Кому не верится в картины оживленной спортивной жизни в оккупированном Киеве, пусть обратится к документам, приведенным в указанном исследовании А. Ф. Коломийца. Они это подтверждают!

Теперь перейдем к легендарному «матчу смерти» — следующему (десятому по счету) матчу «Старта», который состоялся 9 августа, — опять с командой *Flakelf*, но уже в усиленном, возможно, и летчиками, составе. Это был матч-реванш, о чем значилось в афишах: «Сьогодні на стадіоні «Зеніт» о 5 год. вечора відбудеться друга товариська зустріч двох кращих футбольних команд міста: німецької частини *Flakelf* та хлібзаводу № 1 «Старт». Склад команд значно посилюється кращими спортсменами, які серйозно тренуються до цікавої і рішучої зустрічі. А. Г.» (газета «Нове українське слово» за 9 августа 1942 года). К слову, этот матч судил немецкий судья.

Но и в этом матче была зафиксирована наша победа — 5:3! Хотя на карту были, пожалуй, поставлены и дальнейшие судьбы игроков «Старта». И они это знали! Известна одна фотография, сделанная после матча 9 августа кем-то из немцев. На ней хорошо видны улыбающиеся лица соперников.

Матчи проходили в нормальной спортивной обстановке, особых грубостей никто не помнит, нареканий на судейство не было с обеих сторон. Большинство встреч судил немецкий оберлейтенант по имени Эрвин, удалявший с поля действительно нарушивших правила игроков, за что его все футболисты

ценили и уважали. И вообще, матчи, по свидетельству очевидцев, вызвали огромный интерес, как среди местных жителей, так и среди оккупантов, которые активно поддерживали спортсменов, почти не проявляя враждебного отношения и агрессивности к футболистам и болельщикам. Стадион «Зенит» был всегда заполнен до отказа.

И в этом матче «Старт» играл в красных футболках, других-то просто не было. Какие им выдали, в таких и играли. Игроки «Старта» прекрасно понимали, что для зрителей это, конечно, имело большое эмоциональное значение. Все осознавали, что такие победы над оккупационными войсками ни к чему хорошему не могут привести. Многие пишут, что им даже намекали: лучше, мол, было бы для всех, если бы они проиграли.

После матча никто никого не арестовывал. Футболисты обеих команд сфотографировались на память и спокойно покинули поле.

Эта фотография была сделана судьей встречи. Киевские футболисты — в темных футболках, немецкие — в светлых. Хорошо узнаваемы М. Гончаренко (крайний справа во втором ряду), Н. Трусевич и И. Кузьменко (пятый и шестой слева во втором ряду).

Футболисты киевского «Динамо» и немецкая команда после так называемого «Матча смерти» 9 августа 1942 года

После игры футболисты «Старта», традиционно для тех времен, выпили в раздевалке немного самогона, который принес один из болельщиков, закусили тем, что было, сходили еще к поставщику самогона «добавить» и расходились уже поздно группами по домам. Кстати, через пару дней немцы передали им сделанную фотографию, и удивительнее всего то, что игроки «Старта» ее сохраняли все последующие годы советской власти, хотя прекрасно понимали, что свидетельствующее на фото «братание» могло стоить больших неприятностей. И вот этому матчу, казалось бы, обычному, ничем практически не отличающемуся от остальных встреч 1942 года, было суждено войти в историю пропагандистского наследия советской эпохи, а также в историю мирового футбола под названием «Матч смерти».

Именно об этом матче сложили известную легенду, о нем написаны художественные книги, сняты кинофильмы. Долго вокруг этого события ходили всяческие слухи, приукрашенные домыслами. Согласно легенде, все игроки команды «Старт» были после матча арестованы, отправлены в концлагерь, где

четверо из них были расстреляны. Но ничего подобного не было! Новый фильм московского производства — это просто очередная ложь Кремля об Украине.

Завершающее выступление футболистов на стадионе «Зенит» было проведено 15 августа. Встречались между собой *Flakelf* и венгерская сборная. В этом матче практически равных по силе соперников немцы оказались более удачливыми, а может, венгры не хотели «зарываться» в игре со своими союзниками. Немцы победили 2:1. Спортивная жизнь команды «Старт» текла в прежнем режиме, и уже 16 августа еще на один матч-реванш к ней напросилась команда «Рух». Одиннадцатый и последний свой матч «Старт» закончил десятой победой, причем с разгромным счетом 8:0. После этого уже не находилось желающих в городе помериться силами с рабочими хлебозавода, среди которых 13 из 17 футболистов были бывшими игроками лучшей довоенной команды УССР «Динамо» Киев.

Всего командой «Старт» было проведено в 1942 году 11 матчей, во всех одержаны победы, соотношение забитых и пропущенных мячей 67:11 — то есть в среднем в каждом матче игроки «Старта» забивали по 6 мячей, а всего они забили в 6 раз больше, чем пропустили.

Безусловно, среди членов «Руха» были и агенты гестапо. Кто-то все же «настучал», что в «Старте» играют бывшие сотрудники НКВД, да ко всему еще и «нагло» обыгрывают немецкие команды. Оккупантам только это и надо было, они решили убедиться в достоверности сведений. 18 августа был произведен арест прямо на хлебозаводе именно тех, кто играл в команде «Старт». Арестовали вначале семерых бывших в этот день на работе: Трусевича, Свиридовского, Кузьменко, Клименко, Путистина, Комарова и Балакина. Гончаренко и Тютчева в тот день не было, и им оставили повестки. Когда же они явились в

гестапо, то их также арестовали. 18 августа взяли дома и Ткаченко, который был уже уволен из полиции и нигде не работал. Через два дня был отпущен Владимир Балакин, так как подтвердилось, что в «Динамо» он не играл. Его перепутали с братом Николаем Балакиным. Это еще раз подтверждает, что арестовывали только динамовцев. Даже Сухарева и Мельника пальцем не тронули. Самым последним был арестован Николай Коротких. Это произошло уже 6 сентября — арестовали в столовой, где он все время работал поваром. Он, конечно, знал об аресте своих одноклубников, но понимал, что это не связано с выигранными матчами. Так уж случилось, что живущий по соседству с ним некто Сидоренко, работавший в полиции, узнал в нем того майора НКВД, который в 30-е годы во время кампании по изъятию драгоценностей у населения Киева был среди обыскивавших его квартиру.

Таким образом, в застенках гестапо оказалось 10 футболистов команды «Старт», и следствие длилось не пару дней, а около месяца. По его результатам 8 из них были направлены в Сырецкий концлагерь только в середине сентября. За это время произошло два неординарных события. Первое — гибель Николая Коротких. Его замучили при допросах и пытках, так как во время обыска в квартире нашли фотографию: он в форме НКВД с петлицами. Второе. 8 сентября при попытке совершить побег был застрелен Александр Ткаченко. На глазах его матери, принесшей ему передачу. Если первое событие всем хорошо известно, а имя Николая Коротких вошло в историю киевского «Динамо» и указано на памятнике героям «матча смерти», то информация об убийстве Александра Ткаченко — это уже сенсационная находка А. Коломийца. Оказывается, погибло не четверо киевских футболистов, а пятеро.

Итак, из десяти арестованных футболистов в Сырецкий концлагерь попало восемь. Все они были как следует «обработаны» в гестапо и все же об отсутствии каких-либо серьезных улик свидетельствует тот факт, что их всех в этом концлагере содержали не по правилам самого сурового режима, а как «неблагонадежных». По городу же ходили слухи, что их арестовали за крупную кражу хлеба на хлебозаводе.

В концлагере футболисты были распределены в три группы: первая — работающие в так называемой выездной бригаде Трусевич, Кузьменко и Клименко. Они пребывали непосредственно в концлагере в бараках и ежедневно под охраной выполняли в городе различные работы; вторая — отдельная группа монтеров по обслуживанию электросетей концлагеря: Путистин, Комаров и Тютчев. Размещались они под охраной полиции в отдельном домике; третья — сапожная группа: Гончаренко и Свиридовский. Работали они в мастерской по ремонту обуви для полицаев охранной команды и жили также в отдельном доме под наблюдением своих же клиентов. В течение пяти месяцев ничего не происходило. Футболисты трудились, и замечаний к ним не было. Их родным и близким удавалось даже приносить им скромные передачи, чтобы как-то их подкормить.

В это время комиссией Отдела образования и культуры Городской управы были обнаружены серьезные финансовые нарушения (фактически воровство) в работе спортивного общества «Рух», и его было рекомендовано распустить. Секция школ и культуры неоднократно вызывала представителей общественности, но они так и не явились, ожидая прихода советских войск. Лишь 9 сентября Секция в обращении к Городскому голове поддержала предложение комиссии и просила перевести всю работу Общества в ведение Секции. А городской голова дал указание: Общество распустить, всю

работу со спортсменами закрепить за стадионами, столовую не трогать, а спортсменам разрешил «шары катать» бесплатно. Как будто бы не на что было жаловаться руководству Общества, все «сошло с рук», но горе-организаторы даже не предполагали, что их ждет через пару месяцев — расплаты они не минули.

В Сырецком концлагере действовали суровые правила наказания «заложников» за любые инциденты в городе против немецкой власти. Расстреливали на глазах остальных заключенных каждого третьего или каждого пятого из общего строя.

Зима в том году оказалась суровой, и некоторые предприятия города уже в феврале испытывали потребность в дровах. А в подвалах здания гестапо оказались большие довоенные запасы. Отдельная группа заключенных Сырецкого концлагеря (порядка 50-ти человек) занималась перевозкой дров главным образом на хлебозавод и мясокомбинат. В составе этой группы работали Трусевич, Клименко, Кузьменко и Тютчев, которые ухитрились наладить доставку во двор гестапо хлеба с хлебозавода и колбасы с мясокомбината. Для обмена привозимых продуктов они закладывали их между поленьями в штабелях дров прямо под носом у гестаповцев, а потом их забирали.

24 февраля 1943 года собака начальника тюрьмы гестапо унюхала будоражащий ноздри запах и вытащила палку колбасы из штабеля дров. Один из заключенных за ней погнался и попытался забрать колбасу, но гестаповцы застрелили его, а заодно еще нескольких заключенных, пытавшихся его защитить. Тут же был вызван комендант лагеря, и спецмашиной все заключенные были доставлены в лагерь, выстроены в шеренгу, каждый третий из всей группы был выведен из строя и на глазах остальных заключенных расстрелян. Среди погибших

оказались Трусевич, Кузьменко и Клименко, к Тютчеву судьба проявила благосклонность.

Таким образом, все ранее опубликованное в печати о причине расстрела троих футболистов оказалось неподтвержденным, а среди узников концлагеря ходили слухи, что расстрел был связан с гибелью немецкой собаки, которая якобы пыталась забрать у заключенных какие-то продукты.

В концлагере продолжали состоять на учете пятеро динамовцев: Путистин, Комаров, Тютчев, Свиридовский и Гончаренко. Через некоторое время первым узнал о расстреле троих спортсменов Гончаренко, которому сообщил об этом при первой возможности Тютчев. Поведал он и причину расстрела, остальные заключенные футболисты узнали о случившемся уже через Гончаренко.

Уже тогда все пришли к выводу, что необходимо думать о незамедлительном побеге. Особенно когда стало известно, что Красная армия перешла в наступление и один за другим освобождает украинские города. Тогда же была ослаблена и охрана лагеря, особенно неблагонадежных. 12 сентября первым из лагеря бежал Тютчев, а 19 сентября удалось воспользоваться возникшей ситуацией Гончаренко и Свиридовскому. Несколько позднее бежал и Путистин, который на первом же допросе в НКВД рассказал все о своей спортивной деятельности в оккупированном Киеве.

Завершить эту историю хочется типичной газетной риторикой советских лет — словами киевского журналиста Георгия Кузьмина, принявшего на себя первые удары развенчания созданного в СССР очередного мифа — о «матче смерти». В одной из своих нашумевших статей 1990-х годов он писал, что киевские футболисты *«на глазах захватчиков и поработанных доказывали свой высокий профессионализм, не унижившись до раболепства и расчетов. «Старт» представлялся*

хозяевам города удобной игрушкой, хорошим подспорьем для создания легенды о полноценной и счастливой жизни местного населения под новым знаменем. В действительности же игрушка только казалась заводной и послушной. Она имела независимый характер и личное представление о правилах игры». Кузьмин сделал фактически единственно правильный вывод: «Они погибли, как и миллионы наших людей, потому что шла беспощадная война двух тоталитарных режимов и потому, что им на роду было написано стать жертвами!»

Десять побед в 11 матчах! Шестьдесят семь забитых и 11 пропущенных мячей. Это уже не легенда, а славное прошлое в истории отечественного спорта, избавленного от какой-либо политической подоплеки. Как бы ни была красива легенда о «матче смерти», как бы ни была горька правда, киевские футболисты даже в тяжелое время, находясь в оккупации, не ударили в грязь лицом, а продолжали побеждать. Конечно, это было опасно и непросто, безусловно, это поднимало дух у зрителей на трибунах! Надо полагать, никто не считает предательством играть с врагом. Так что мы по праву чтим «динамовцев-стартовцев» как героев, а погибшим ставим памятники.

Честь им и слава!

Битва за Днепр

Киевская наступательная операция, продолжавшаяся с 3-го до 13 ноября 1943 года, была частью «Битвы за Днепр» — под таким названием в историю Великой Отечественной вошел ряд военных операций Красной армии (включающей и подразделение созных войск — 1-ю Чехословацкую бригаду с закарпатскими украинцами в ее составе) против армий Третьего рейха и Румынии.

Полностью Битва за Днепр длилась с августа по декабрь 1943 года, став одной из крупнейших военных операций в мировой истории. В боях были задействованы около четырех миллионов людей с обеих сторон. Линия фронта составила приблизительно 1400 км, общие потери (убитыми, ранеными и пленными) — от 1 до 2,7 млн человек. Эта битва стала самой кровавой за всю историю человечества!

Летом 1943 года после Курской битвы немцы окончательно утратили стратегическую инициативу. Красная армия развернула мощное наступление по всему фронту. 11 августа Гитлер отдал приказ об ускорении возведения стратегического оборонного рубежа «Восточный вал», что проходил южнее Чудского озера, по реке Нарве, восточнее Пскова, Невеля, Витебска, Орши, далее — через Гомель, по рекам Сож и Днепр (в его среднем течении), а потом вдоль речки Молочная (Запорожская область) до Азовского моря. Более удобным для обороны считался высокий правый берег Днепра. Тут была развернута развитая в инженерном плане, насыщенная противотанковыми и противопехотными средствами немецкая линия обороны.

Сталин поставил важнейшим военно-политическим заданием освобождение Левобережной Украины и форсирование Днепра. Выполнение было поручено войскам пяти фронтов: Центрального (командующий Константин Рокоссовский), Воронежского (Николай Ватутин), Степного (Иван Конев), Юго-Западного (Родион Малиновский) и Южного (Федор Толбухин). 20 октября 1943 года фронты переименовали: Воронежский стал 1-м Украинским, Степной, Юго-Западный и Южный — соответственно 2-м, 3-м и 4-м Украинскими. Центральный фронт переименован в Белорусский. Эти названия и остались до конца войны.

1-й Украинский фронт надежно закрепил за собой три оперативных плацдарма: Букринский (40-я, 27-я и 3-я гвардейские танковые армии), Лютижский (38-я армия) и плацдарм в устье Припяти (13-я и 60-я армии). Маршалы Георгий Жуков и Александр Василевский координировали действия фронтов, в составе войск которых было 2,63 млн солдат и офицеров, 51,2 тыс. пушек и минометов, 2400 танков и самоходных артиллерийских установок, 2850 самолетов. Против пяти наших фронтов немецкое командование сконцентрировало 2-ю немецкую армию из группы армий «Центр» и «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Они насчитывали 1,24 млн солдат и офицеров, 12,6 тыс. пушек и минометов, более 2100 танков и 2 тыс. самолетов.

Перед Белорусским фронтом Рокоссовского стояли меньшие силы противника, но его задачи усложнялись лесами, реками и болотами. В начале операции этот фронт завяз в немецкой обороне, пройдя за первые несколько дней наступления всего 20—25 км. Рокоссовский попробовал совершить вспомогательный удар — на Глухов. Удар был направлен на стык армий «Центр» и «Юг». Атаковала 60-я армия под командованием Черняховского,

которой Рокоссовский выделял резерв за резервом, расширяя прорыв. Тем временем 1-й Украинский фронт Ватутина еще пробивался сквозь немецкие позиции под Ромнами и Лохвицей. Между войсками образовался разрыв, который Рокоссовский стремился ликвидировать.

В результате глубокого прорыва Красная армия вошла на территории, которые достаточно продолжительное время пребывали под немецкой оккупацией и где действовала гражданская администрация рейхскомиссариата «Україна». Именно тогда тех, кто очутился под оккупацией, стали считать «предателями родины». Им предлагалось только «искупить кровью». И появилось то, что после войны получило название «полевые военкоматы». В условиях растянутых коммуникаций и отсталых тылов наступающие армии мобилизовали местное население, практически всех подряд — от 16 до 60 лет. Без формы и не подготовленные, часто без оружия, эти люди погибали тысячами. За гражданскую одежду их прозвали «черносвитниками» или «чернопиджачниками». Так села и города Левобережья за несколько недель потеряли большинство своих мужчин — их перемололи днепровские кручи.

Отец Владимира Пархоменко вспоминал, что после переправы на Лютижский плацдарм из их роты в живых осталось 12 бойцов. *«Упрекал, что большинство погибли из-за своей необученности хотя бы простым правилам боя, — пишет его сын Владимир. — Этим никто не занимался, их просто гнали на пулеметы, как скот. Отец до конца жизни был уверен, что Сталин хотел таким образом уничтожить украинскую молодежь, которая прочувствовала жизнь без коммунистов».* Григорий Пархоменко только через два месяца после призыва был приведен к присяге. А его побратимы погибли просто так, без присяги, «неофициально». Поэтому их вдовы и дети не могли рассчитывать на пенсию из-за потери кормильца.

С «черносвитниками» связана одна мифическая цитата, которая уже несколько лет всплывает в Интернете. Якобы Георгий Жуков хотел побольше утопить в Днепре украинцев: *«Нах... обмундировывать и вооружать этих хохлов? Все они предатели! Чем больше в Днепре потопим, тем меньше придется в Сибирь после войны ссылать»*. Каким бы «мясником» не был маршал Жуков, но цитата эта выдумана нескольких лет тому назад. Правда, это не отрицает факта смерти десятков тысяч мобилизованных «чернопиджачников». Да и Жукову было все равно, кого по национальности топить в Днепре — до этого он год бездарно штурмовал немецкие позиции под Ржевом, положив сотни тысяч в болотистую землю.

22 сентября солдаты Белорусского фронта переправились на правый берег Днепра — в межиречье с Припятью, южнее Чернобыля, — создав немалый плацдарм, 35x35 км. У Черняховского тоже появился плацдарм, ближе к Киеву — в устьях Тетерева и Дымера. Путь на Киев с севера был открыт. Однако 28 сентября решением Ставки Белорусский фронт Рокоссовского был направлен не на Киев, а в противоположном направлении — на Гомель. Рассказывали, что до конца своей жизни Рокоссовский (который после войны стал министром обороны Польши) жалел, что не ему пришлось освободить Киев. А сколько людей погибло из-за этого «умного» маневра, Ставку не интересовало!

Другие фронты тоже достигли Днепра. 1-й Украинский 22 сентября переправился на правый берег в районе с. Великий Букрин, плацдарм получил название Букринского. Так закончился первый этап битвы за Днепр. Наши части вышли единым фронтом, растянувшимся на 700 км, от Лоева до Запорожья по левому берегу Днепра. Воспользовавшись несогласованностью и нерешительностью действий советского командования, Манштейн 15 сентября организовал переправу

своих войск через Днепр, которую выполнил практически без потерь. Основная часть противника (до 90 %) успела перебраться на возвышенный правый берег Днепра и разместиться вдоль него на хорошо укрепленных позициях.

С выходом к Днепру войска Белорусского и 1-го Украинского фронтов сразу начали его форсировать и захватывать плацдармы на правом берегу. Позднее подобные плацдармы создали подразделения 2-го и 3-го Украинских фронтов. Всего их было 23, в том числе уже упомянутый Букринский и Лютижский.

На этом закончился второй этап. Но планы Ставки, касающиеся форсирования Днепра на главном, Киевском направлении с дальнейшим стремительным развитием наступления измученными в тяжелых боях солдатами 1-го Украинского фронта, выполнить не удалось.

Букринский плацдарм

Поскольку занять Киев прямым ударом не получалось, то были спланированы два удара: главный — из Букринского плацдарма и расположенного немного выше, к северу, Щучинского, в обход Киева, и второй — с Лютижского плацдарма в южном направлении вдоль речки Ирпень, в обход Киева с северо-запада. К концу пятого дня наступления предполагалось овладеть Киевом, перерезать шоссе Киев — Житомир и тем самым помешать отходу врага.

По свидетельству участников боев на Букринском плацдарме, таких кровопролитных стычек не было с начала войны. За два месяца главный плацдарм наступления методически «перемалывал» людские пополнения — штрафников, на скорую руку собранных «чернопиджачников», ну, и конечно, регулярные части... Переправы практически отсутствовали: 22 сентября на Букринском плацдарме находилось всего 16 понтонов. *«Первыми через Днепр под страшным огнем переправляли бойцов штрафных батальонов, — пишет Виктор Король в своей работе «Битва за Дніпро і Київ: героїзм і трагедія». — Солдаты плыли, держась за деревья, колоды, доски, и тонули тысячами».* Среди тех, кто форсировал Днепр в районе Букрина, был известный писатель Виктор Астафьев, он вспоминает, что, *«когда с одного берега в Днепр входили 25 тысяч воинов, то на противоположном выходили не более 5—6 тысяч... А потом, за рекой уже, продолжалось сгребание трупов, наполнялись человеческим месивом все новые и новые ямы, но тем не менее многих и многих погибших на плацдарме так и не удалось разыскать по балкам и похоронить».* Сопrotивление противника было таким ожесточенным, что вода Днепра окрасилась в

темно-красный цвет и стала соленой на вкус. *«Мы просто не умели воевать. Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами»*, — продолжает Виктор Астафьев.

А известный кинорежиссер Григорий Чухрай, командовавший взводом, был одним из участников советского десанта. Позднее он вспоминал: *«Выпрыгивали из самолета в секторе зенитного огня. До этого мне пришлось немало пережить: был дважды ранен, воевал в Сталинграде, но такого — падать навстречу сияющим трассам пуль, сквозь пламя пылающих в небе парашютистов-товарищей — испытывать не приходилось...»* Несмотря на героизм десантников, 3,5 тыс. из них погибли или попали в плен, большая часть — в первые часы после высадки 25 сентября. Лишь те, кто приземлился неподалеку от Канева, собирались в группы и продолжали воевать. *«Неудача наступления на Букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затруднявшие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии»*, — сообщалось в подписанной Сталиным директиве. Такой была официальная версия колоссальных потерь при Букрине.

В то время когда наши пытались расширить Букринский плацдарм и подготовить наступление, немецкое командование перебросило из Западной Европы три танковые и три пехотные дивизии с резервами, имея твердые намерения сбросить красноармейцев в Днепр. 29 октября 1943 года враг силами двух танковых и двух пехотных дивизий, при сильной огневой поддержке, нанес удар по Букринскому плацдарму, а через день началось наступление северо-западнее Ржищева, продолжавшееся до 4 ноября. Немцы бросили в бой все свои силы и начали перебрасывать в этом направлении танковые соединения с других участков фронта. Бои продолжались с

большим накалом и в еще более сложных условиях, но все безуспешно, и вскоре они прекратились.

Насколько дорого обошелся Букринский прорыв — и сегодня невозможно установить. Официальная цифра потерь в Битве за Днепр явно занижена — 417 тысяч. Тогда как только в боях за Букринский плацдарм погибло около четверти миллиона (ряд историков предполагают, что значительно больше). Противник же на Букине потерял 55 тысяч.

Но Букринский плацдарм так и не стал ключевым в операции. О судьбе погибших там советская власть вспоминала неохотно, в отличие от успешного Лютежского. После войны в с. Новые Петровцы был создан музейный мемориальный комплекс, а мемориал «Букринский плацдарм» появился лишь в 1985 году.

Днепровская десантная операция стала последним массовым применением парашютистов со стороны СССР во Второй мировой войне: в Кремле вера в воздушно-десантные войска значительно снизилась. После двух месяцев попыток штурма с Букринского плацдарма Сталин решил изменить направление главного удара. Наиболее подходящим для наступления на Киев теперь считался Лютежский плацдарм. Для успешного выполнения было необходимо обеспечить оперативную внезапность, переведя войска левым берегом Днепра из-под Букины за Троещину. Тем временем возобновили давление Украинские фронты. 24 октября Ставка издала директиву, согласно которой 1-му Украинскому фронту следовало незамедлительно перебросить свои войска с левого крыла на правый. К наступлению привлекли 60-ю армию Черняховского — ее Рокоссовский передал Ватутину. Операция готовилась наспех — согласно советским традициям, Киев штурмовали «под дату» — к 7 ноября, к 26-й годовщине «Октябрьской революции».

За 8—10 дней, не привлекая внимания, войска от Букринского плацдарма прошли 150—200 км, переправились через Десну и снова через Днепр — на Лютежский плацдарм, с последующим перегруппированием. На Букринском плацдарме обустроили фальшивые артбатареи, часть радиостанций осталась и продолжала обычный радиообмен, выполняли установку мин и проволочных заграждений, строили мнимые переправы на Днепре... Немецкому командованию не удалось распознать характер перегруппирования, и оно вывело в район Кагарлыка 7-ю танковую дивизию.

Сражение непосредственно за Киев началось 1 ноября 1943 года наступлением войск на Букринском плацдарме — после 40-минутной артиллерийской и авиаподготовки. Враг, сохранивший тут сильную группировку, ожесточенным огнем, танками и контратаками остановил наступление. 3 ноября 1943 года ударная группировка 1-го Украинского фронта на Лютежском плацдарме нанесла мощный удар с севера от Киева. В наступательной полосе 38-й армии (командующий — Константин Москаленко), нанесшей главный удар, на шестикилометровом участке прорыва было сконцентрировано более 2 тыс. пушек и минометов, 500 установок реактивной артиллерии, что позволило создать здесь невиданную ранее плотность артиллерии — более 300 единиц на 1 км участка прорыва. Первый эшелон войск перешел в наступление. Во второй половине дня из Пущи-Водицы враг совершил первую контратаку, которая была отбита с большими для него потерями. Но тяжелые бои продолжались до глубокой ночи.

7-й гвардейский танковый корпус, перерезав шоссе Киев — Житомир, направился на столицу Украины с запада, вдоль нынешнего проспекта Победы. Танки ехали со включенными фарами и сиренами, ведя интенсивный огонь. Почувствовав, что не выдерживают такого напора, немцы стали отводить войска в

сторону Фастова, одновременно перекидывая в район Киева войска с Букринского плацдарма. Бои на улицах Киева продолжались всю ночь на 6 ноября, особенно ожесточенные — в районе Борщаговки и Сырца. Враг отступал на юго-запад. В четыре утра генерал Москаленко лично прибыл на Крещатик и, убедившись, что город полностью освобожден, доложил об этом Ватутину.

Во многих киевских домах накануне 6-го ноября ежегодно поминают всех погибших, без исключения. Уже 5-го все встало на свои места, вопрос был только в цене. По Киеву уже две недели ходили слухи: и что наши завязли на переправе (а ведь правда, завязли); и что в отсутствие понтонов за семь дней через Днепр переправились всего восемь танков; и что это ничего, все будет хорошо, потому что нашим помогают рыбаки. А ведь и помогали, не вылезая почти сутки из ледяной ноябрьской воды, чтобы обозначить брод, благодаря чему 70 танков генерала Кравченко проскочили реку после непрерывного 300-километрового марша, а ночью ударили в немецкий фланг, отрезав врагу путь к отступлению. Киевляне перешептывались и о том, что танки идут по Брест-Литовскому проспекту! Это пробивались в центр братья-чехи, отдельная Чехословацкая бригада полковника Людвиг Свободы. И оттуда, снизу, на бульвар Шевченко первым прорвался экипаж Вайды, Героя Советского Союза и Героя Чехословакии (посмертно).

Говорили, что идет кавалерия — и как раз 5 ноября в бой бросили 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Баранова. Говорили, что потери огромные — а об этом можно было и не говорить! 5 ноября случился долгожданный перелом, главной целью которого было провести войска победным маршем по Крещатику в день «Октябрьской революции».

История утверждает, что 6 ноября войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала Ватутина освободили Киев

от немцев, а 7-го случился тот самый парад, ради которого было погублено столько человеческих жизней, — и потому 6 ноября в России теперь и празднуют, помимо чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», Международный день предотвращения эксплуатации окружающей среды во время войны и вооруженных конфликтов, а также Международный день памяти животных, погибших от рук человека. Городская легенда негромко шепчет, что в действительности все случилось на день раньше...

«Слава Киевским дивизиям!».
1943 год. Из архива автора

Потом уже проведут по улицам украинской столицы пленных немцев и отправят часть из них валить лес в Сибирь, а часть — строить Дарницу; и эти добротные, аккуратные розовые домики с колонками и балкончиками всегда будут напоминать о германских городах, взятых с боями теми, кто выжил под Киевом, на Букринском, на Лютетжском, на территории завода «Большевик», на Брест-Литовском и бульваре Шевченко...

Вообще говоря, 5-го все уже было взвешено и все решено. В сером небе над Днепром и над городскими окраинами шли жестокие воздушные бои. Это в них, за десять предыдущих дней, будущий лучший пилот-истребитель Кореи, маршал авиации Советского Союза 23-летний Иван Кожедуб сбил одиннадцать вражеских «мессеров». Ко дню освобождения Киева на его личном счету было 26 уничтоженных самолетов. Если говорить о потерях немецкой авиации в целом, то только 3 ноября в 36 воздушных боях был сбит 31 немецкий самолет.

5 ноября 1943-го, когда центр Киева был полон немцами, когда все вокруг грохотало, взрывалось и рушилось, а люди существовали вполне внутри апокалипсиса, туда прорвался разведочный танк уроженца Вышгородского района, гвардии старшины Никифора Шолуденко, уже смертельно раненного. До войны Шолуденко учился в КПИ и ориентировался в городе, вот почему для киевлян был своим, вернувшимся спасать и освобождать город. Его узнали и запомнили...

Эта смерть оказалась особенной. Судьба, распределяя житейские роли, поручила Никифору Шолуденко показать гражданским, как умирают на войне их отцы, братья, мужья и сыновья. Каждый видел на его месте кого-то другого, своего и вместе с его смертью переживал еще чью-то; и наверное, поэтому 24-летний танкист стал для всех горожан родным по крови и сделался первой, самой чтимой легендой послевоенного Киева. Сейчас могила гвардии старшины Никифора Шолуденко находится в парке Славы, на входе в аллею. Сюда в 1957 году она была перенесена с маленькой боковой аллеи, ведущей от Европейской площади к кинотеатру «Днепр», за библиотекой.

***

Уже 6 ноября войска 1-го Украинского фронта продолжили активное наступление, проходя более 50 км в день. Противник преследовался по нескольким направлениям — на Коростень, Житомир, Фастов, Белую Церковь. На следующий день 3-я гвардейская танковая армия овладела важным и мощным опорным пунктом врага — Фастовом. Это давало возможность войскам фронта развить наступление на Козятин и Белую Церковь и помогло добиться перелома на Букринском плацдарме.

Плакат. В. Иванов. 1945 год

Но 16 ноября, форсировав реку Тетерев и прорвав советский фронт, гитлеровцы перерезали шоссе Житомир — Киев и захватили Коростышев, а в ночь на 20 ноября — и Житомир. Танки врага стремительно направились вдоль нынешней трассы Киев — Чоп на восток — к столице Украины. На небольшой полосе фронта 38-й и 3-й гвардейских танковых армий немецкое командование сконцентрировало почти столько же

танковых (а именно 9) и моторизованных (2) дивизий, сколько в боях на Курской дуге действовало против главных сил всего Воронежского фронта. Но наши воины выстояли!

Плакат. А. Кокорский. 1944 год

Тут можно вспомнить Л. И. Брежнева, бывшего там в эти жестокие дни. Гораздо позднее Леонид Ильич в «Малой Земле» писал: *«Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету. Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню, как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: остановить!»* Я не хочу оспаривать сам факт ночного боя — таких эпизодов на фронте случалось немало и с генералами, не только с полковниками, — но свидетелей этого подвига начальника политотдела так и не нашлось, да и вряд ли Брежнев собственноручно написал приведенные выше строки. Тем не менее на предполагаемом месте этого короткого боя через 30 лет было решено возвести Монумент славы. Его соорудили на окраине с. Ставище Коростышевского района Житомирской области. На нем надпись: *«Здесь в ночь с 11 на 12 декабря 1943 года начальник*

политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вел пулеметный огонь, отражая атаку противника».

При открытии Монумента в это никому ранее не известное село прибыли генералы и ответственные работники области и республики. Вокруг Монумента выросла гора цветов. Потом все было сфотографировано, и огромные цветные фотографии преподнесены самому Брежневу.

После жестоких боев немецкое наступление захлебнулось и окончательно было остановлено 25 ноября. Советские войска двинулись дальше — к завершению кампании осени-зимы 1943 —1944 годов.

Наш Никита Сергеевич — освободитель Киева!

С памятного дня освобождения Киева столько раз менялись оценки этих событий и низвергались авторитеты, что люди забыли, кого именно должны благодарить за это: Сталина, Жукова, Хрущева, Брежнева?.. А кого и ругать! За относительно короткий промежуток времени акценты и восхваляемые заслуги того или иного политического кумира быстро забывались, и незамедлительно начинались восхваления следующего. Остаться в памяти народной освободителем Киева на века смог лишь генерал Ватутин. И то — лишь как гранитный памятник. Который тоже «шатается»...

Но здесь надо отдать должное Н. С. Хрущеву, который непосредственно руководил освобождением Киева, одним из первых появился среди немногочисленных оставшихся в городе жителей, много сделал для того, чтобы городу были выделены средства на восстановление, привлечены строительная техника и стройматериалы, а также рабочие руки из других республик. При активном содействии Хрущева город за короткое время был поднят из руин. Не стоит забывать, что именно благодаря «Нашему Никите Сергеевичу» (так назывался фильм, посвященный 60-летнему юбилею бывшего Генерального секретаря) Киев получил два ордена Ленина, орден Красной Звезды и стал городом-героем. В то время это гордое звание носили только Сталинград, Ленинград, Одесса и Севастополь, так что это почетное присвоение поначалу вызывало недоумение: как так? Оборона была длительной и, действительно, героической, но она ведь закончилась окружением и поражением с пленением более полумиллиона

солдат и офицеров... Тем не менее объявление Киева городом-героем сейчас воспринимается вполне заслуженным. Наш город этого достоин! А вот фамилии Никиты Сергеевича мы не найдем ни на карте Киева, ни в экспозициях исторических музеев, разве что в Ново-Петровцах, где располагался командный пункт генерал-лейтенанта Хрущева.

О Никите Сергеевиче мне часто рассказывал мой отец, который работал под его руководством в Совмине УССР с первых дней существования этого института власти. Особенно памятными стали личные встречи отца с Хрущевым. Капитан А. Киркевич входил в так называемую спецгруппу Хрущева: отцу и его товарищам вменялось в задачу сразу же после выбивания гитлеровцев из какого-нибудь польского или немецкого города быстро находить оборудование или имущество, вывезенное из Украины, и всеми способами возвращать его стране.

Н. С. Хрущев (слева) и Н. Ф. Ватутин на позициях перед Киевом.
Ноябрь 1943 года. Из архива автора

Мне доводилось встречаться с сыном Хрущева Сергеем Никитовичем, когда организовывал его выступления в Киеве.

Он мне подарил тогда только что вышедшую книгу «Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии». На ней сын руководителя СССР написал: «*Виктору Киркевичу с лучшими воспоминаниями о встрече в Киеве. Сергей Хрущев. 21.05.1989*».

Некоторые материалы, использованные здесь, я взял из этой книги. Вот, например, высказывание маршала Василевского: «*Хрущев был человеком энергичным, смелым. Постоянно бывал в войсках, никогда не засиживался в штабах и на командных пунктах, стремился видаться и разговаривать с людьми, и, надо сказать, люди его любили*». Не помешает привести также слова Александра Фадеева: «*Его обаяние — в цельности народного характера. Ум тоже народный — широкий, практический и полный юмора. Все это необыкновенно гармонирует с внешним обликом. И, хотя он русский, трудно было бы найти другого такого руководителя для Украины*».

Бывая в гостях у своего давнего друга Василия Семеновича Костенко, я всегда обращал внимание на фотографию, размещенную на стене его кабинета. На ней были запечатлены Г. Жуков и Н. Хрущев у памятника Богдану Хмельницкому 06.11.1943. Василий Семенович, бывало, комментировал: «*Я на фото единственный, кто не смотрит на Хрущева*». Об этом, ставшем хрестоматийным фото я нахожу сведения у П. Т. Тронько: «*К Богдану Хмельницкому военное руководство тоже отправилось в сопровождении украинских писателей. Памятник был основательно выщерблен осколками снарядов, но уцелел, как и квартал зданий за ним. Но то, что уцелела София, казалось чудом. На наших глазах догорал Дом писателей, стоявший на площади по правую руку Богдана. Сейчас на этом месте находится жилой дом. Все руководящие чины сфотографировались на память возле памятника гетману Хмельницкому — символу освобожденной Украины. Оттуда на машинах отправились на завод «Большевик», но там их взору*

предстали одни руины, поэтому все поехали домой к Довженко, на Липки. А мы с первым секретарем ЦК комсомола Украины Василием Костенко возвратились в обком комсомола, разместившийся в двухэтажном здании на углу бульвара Шевченко и улицы Владимирской. До войны здесь находился Комитет по делам искусств, во время оккупации — немецкая тыловая часть... Несмотря на хваленую немецкую аккуратность, в комнатах мы обнаружили горы мусора. На одном из столов стояли сковорода с яичницей и шнапс — похоже, бегство немцев было очень стремительным».

Эта весьма показательная поездка партийного и комсомольского руководства по Киеву — в то время, когда в окрестностях города еще шли бои, — имела большое значение.

Из книги В. С. Костенко «Зірки мого неба»: «Наша армія 6 листопада 1943 року вибила німців з Києва. Чотири «віллиси», пострибавши на хрещатицьких руїнах, зупинилися біля центрального універмагу, який чудом уцілів. Маршал Жуков першим перейшов на протилежний від магазину бік колишньої вулиці, твердо поставив носок начищеного чобота на залізобетонну глибу, мов хотів зрушити цей уламок стіни, і звернувся до М. С. Хрущова, який підійшов сюди:

— Микито Сергійовичу, скільки часу буде потрібно, щоб відбудувати Хрещатик, та й все місто?

— Якраз я про це думаю, — відповів Микита Сергійович. — років три, максимум п'ять.

Жуков глянув на Ватутіна, який стояв поруч, і зробив рух головою, що можна було вважати знаком згоди і незгоди...

— А як ви думаєте, Миколо Платоновичу? — звернувся Жуков до Бажана.

— О, я гадаю, що й п'яти років буде замало...

Якраз у цей момент сюди підійшов Олександр Петрович Довженко.

— Я чув вашу розмову, — зауважив він. — Справді, Хрещатик можна відбудувати в короткий строк... Каміння ми поскладаємо швидко... Певен, місто буде кращим, ніж до війни... А ось людей, зокрема молодих, повернути до нормального стану — буде важко і доведеться довго цим займатись...

Всі мовчали. Ніхто не міг і, видно, не хотів заперечувати такої думки...»

Выше детально говорилось о Киевской операции. 7 ноября немногочисленные оставшиеся жители радостно встречали Хрущева, появившегося в городе. Место, где это происходило, давно облюбовано для импровизированных митингов — площадь Богдана Хмельницкого.

Слева направо: Г. Жуков, Н. Хрущев, Н. Бажан, А. Довженко, В. Костенко, Ю. Яновский у памятника Б. Хмельницкому.
Киев. 6 ноября 1943 года. Из архива Ю. В. Костенко

В послании И. В. Сталину 8 ноября 1943-го Хрущев докладывал: «На рассвете 6 ноября 1943 года войска 1-го Украинского фронта освободили от оккупантов Киев. Немцы, опасаясь полного окружения их в Киеве, в панике бежали из города, не успев спалить и взорвать Киев, как это было сделано с

Полтавой и другими городами левобережной части Украины. Но некоторые значительные объекты врагу удалось высадить в воздух и поджечь. Сгорели Киевский университет, Дом обороны, Городская публичная библиотека, электростанции, взорвано два цеха завода «Большевик», хлебозаводы, водопроводное хозяйство, все мосты, железные дороги и ряд больших жилых домов...» И далее в письме — подробнее: «Немцы производили массовые расстрелы людей, скрывавшихся от угона. На Подвальной улице, в Михайловском и Фруктовом переулках найдено много трупов жителей, которые намеривались спрятаться от немцев. Немцы их расстреливали и сжигали. Им удалось изгнать из города значительную часть населения. Киев производит впечатление вымершего города». Что интересно, в этом письме нет ни слова о массовых расстрелах в Бабьем Яру. Эта тема стала подниматься только в конце 1950-х годов.

Н. С. Хрущев на митинге 27 ноября 1943 года.
Из архива автора

Забываясь о жителях Киева как Председатель Совнаркома УССР, уже 9 ноября Хрущев добился выделения городу сто одной трофейной машины. Благодаря энергии Никиты Сергеевича, да

и его личными отношениями со Сталиным, поток помощи разрушенной столице Украины с каждым днем все возрастал.

Жизнь и подвиги Геннадия Александровича с Крещатика

В жизни каждого человека есть место подвигу, особенно если она по времени и событиям совпадает с периодом существования страны, который невозможно забыть. Как не вспоминать об СССР, в котором прошли мои сознательные четыре с половиной десятилетия...

Мой отец появился на свет на год раньше залпа «Авроры» — на Крещатике, в доме № 38, поэтому место рождения сразу определило положение в жизни — то есть центральное. Его мать, высокая, стройная и элегантная дама, Стефания Пантелеймоновна Добжанская, работала кассиршей в лучшем дореволюционном кинотеатре Киева — Шанцера, в котором служила вся семья. Ее муж, Михаил Константинович Борисенко, служил там бухгалтером. Предприятие Шанцера было весьма солидным: оно не только демонстрировало, но и выпускало фильмы, имело свою небольшую киностудию, снимавшую хронику. Здесь творил родной брат моей бабушки — Владимир Пантелеймонович Добжанский, один из первых кинооператоров.

О моем родном деду Борисенко я знаю очень мало, и тому имеются серьезные причины: его призвали в Белую гвардию, где он служил офицером в финчасти в Крыму. После разгрома Врангеля он со своим ординарцем пробирался в Киев, но следы его теряются где-то на полпути. Скорее всего, его убили какие-то бандиты... Бабушка, имея сына и дочь, вышла в 1920 году замуж за Александра Иосифовича Киркевича, который тоже имел двух детей — сыновей. Его добропорядочность и заботливость позволили воспитать детей, дать им образование,

не почувствовать различия друг к другу в родственных отношениях. Трое ребят и одна девочка всю жизнь прожили дружно, помогая один другому во всем. А. И. Киркевич был очень деятельным человеком, занимал ответственные посты.

Геннадий Киркевич окончил школу, рабфак, а в 1940 году — Киевский политехнический институт. После учебы в звании лейтенанта был призван в Красную армию. Его часть находилась в Дубоссарах, что в Молдавии. Там он, командир взвода, кандидат в члены КПСС, ночью 22 июня 1941 года получил боевое крещение. То, что ему пришлось пережить в течение полугода, он до последнего дня вспоминал со слезами на глазах. Сколько их, лейтенантов 1941 года, сражавшихся на передовой, осталось в живых? А сколько их дожило до Дня Победы?

Было все, как любили показывать в советских фильмах: бег по дну оврага, а сверху немцы с танков устраивают показательные стрельбы-игры; отсидки днем в лесных посадках, а ночью передвижения во тьме, без воды и еды; предательства местных жителей; ночные пересечения линии фронта ползком при выходе из окружения — а таких было два. Сохранение партийного документа позволяло ему избегать придирчивых проверок. Потом — ранение в бою под Каховкой и госпиталь.

Об этом более подробно. Подразделение, которым командовал лейтенант Киркевич, заняло оборону на одной из высот южнее Каховки, между селами Софиевка и Любимовка, откуда, по данным разведки, немцы силами одного батальона со стороны Днепра должны были их атаковать. Вначале появилось несколько человек, а потом — стадо коров, под прикрытием которых шли цепи фашистов. Тут для бойцов отца началось несусветное: посыпались снаряды и мины, огонь с пикирующих самолетов. Первая и вторая атаки неприятеля захлебнулись, а

когда вражеские автоматчики подошли вплотную в очередной раз, то наши, решив, что окопы заняли немцы, обрушили на остатки подразделения Киркевича свой огонь. Пришлось отступить. Вскоре в районе с. Акимовка отец был ранен в ногу и попал в госпиталь, который эвакуировали под бомбежкой. Многие раненые погибли.

После выздоровления лейтенант Киркевич был направлен в ударную группу, перед которой поставили задачу выбить врага из с. Степановки, что возле Луганска. Оружие дали, но одежда была летняя, а стоял сильный мороз... Несмотря на ночное время, задача была выполнена. Группу реорганизовали в отдельный батальон 261-й стрелковой дивизии, а молодой офицер был назначен помощником начальника штаба.

Капитан Г. А. Киркевич.
1944 год

В апреле 1942 году армии Клейста и Гудериана начали наступление на Кавказ. Наши войска отступали. Во время боя 3 мая возле пос. Луганское отец был контужен и снова попал в госпиталь, но ненадолго. Вернувшись на свою должность, Киркевич с батальоном отходил к Ростову и попал в окружение. Наши части отступали быстрее, чем Геннадий Александрович с

товарищами мог их догнать. Лишь в районе станицы Вешенская 17 ноября 1942-го отец и его бойцы смогли выйти из окружения. Он эту дату, без преувеличения, отмечал как второй день рождения.

Впоследствии к отцу у НКВД вопросов не было: он сохранил свою кандидатскую карточку и печать батальона. В ноябре 1942 года он был направлен военной комиссией в Саратов на курсы командиров батальонов, однако обострилось ранение. Медицинская комиссия признала его ограниченно годным к строевой службе и направила в Ростовский облвоенкомат, который послал офицера в недавно освобожденный Сальск старшим инструктором по военному делу. Но, проведя там около года и окрепнув, отец стал проситься в действующую армию, к друзьям, воевавшим в Отдельной Приморской армии.

Наступил 1943 год, после Сталинграда произошел перелом в войне, и наши войска стали освобождать землю от нацистской нечисти. Было дано указание: всех имеющих высшее образование и переживших ранение не отправлять на фронт. В штабе Северо-Кавказского военного округа, рассмотрев рапорт Киркевича, имевшего богатый фронтовой опыт и высшее образование, предложили работу в штабе. К удивлению штабных сотрудников, Геннадий Александрович не согласился и попросился на фронт. Но состояние здоровья отца вновь ухудшилось из-за ранения в ногу, поэтому гарнизонная комиссия признала его ограниченно годным II степени, и он по приказу штаба СКВО от 13 мая 1944 года был уволен в запас и направлен в Киев.

Г. А. Киркевич. 1995 год

Отец вспоминает: «Когда я приехал в Киев, то его трудно было узнать. Дома вдоль улиц были разрушены, а улицы имели посередине узкую тропинку, по которой можно было ходить среди груд кирпичей, по бокам стояли остовы зданий. Дом, где я родился и где прошло мое детство, стоял в развалинах».

Геннадия Александровича направили на работу в Совнарком Украины. Германских оккупантов более всего заботило, как побольше награть и вывезти все, что пригодится для «Великого рейха». Есть сведения, что даже киевские троллейбусы оказались в Бреслау. Хозяйство освобожденных земель было в жутком состоянии, поэтому Председатель Совнаркома Украины Н. С. Хрущев в феврале 1945 года принял решение о поиске, выявлении и отправке в Украину всего того, что из нее было вывезено. Кому это поручить? В его распоряжении было всего несколько десятков человек. Никита Сергеевич вызвал Киркевича, поставил перед ним задачу и направил к маршалу Г. К. Жукову, с которым предварительно

договорился. На то время Георгий Константинович был командующим I Белорусским фронтом.

Н. С. Хрущев при разговоре с Жуковым спросил, что ему передать. Тот ответил, что у него все есть, вот только давно мечтает выпить украинского пива. Желание полководца было законом, поэтому в самолет загрузили, под шутки пилотов, среди которых был и родственник Хрущева, два ящика киевского пива.

Полет начался, несмотря на метель, — да кто тогда смотрел на погодные условия! Так, на бреющем полете дотянули до Познани, но группе сообщили, что Жукова в этом городе уже нет, штаб теперь находится в 200 км — под Кюстером. Вылететь туда было нельзя: никто не знал, есть ли в том районе посадочная площадка. Решили подождать до утра, а там найти автотранспорт и так доехать. А до тех пор Киркевич дал своим людям указание разместиться в бараках при аэродроме. При этом начальник аэродрома поведал весьма неприятную вещь: *«В цитадели, что поблизости, окружена крупная группировка противника, где-то около 30 тысяч. Фюрер обещал им освобождение, если они займут познанский аэродром»*. При этом, тяжело вздохнув, комендант сообщил киевлянам, что в его распоряжении всего один батальон.

Что ж, никуда не денешься, легли отдохнуть — уж очень тяжело прошел перелет, — но среди ночи раздался сигнал тревоги, в барак вбежал дежурный и сообщил, что на аэродром сброшен вражеский десант, «берите оружие и занимайте оборону!» У командированных были только пистолеты и один автомат на всю группу. Услышав это, офицер лишь выругался и побежал дальше, крича подчиненным: «Освещай аэродром!» Тут все и выяснилось: десанта не было, немцы просто сбросили на парашютах продукты и оружие для своих, думая, что аэродром в их руках. После такой радостной вести спалось уже спокойнее.

Утром каждому члену группы было вручено удостоверение. Вот его текст:

«Военный Совет I Белорусского фронта

24 февраля 1945 года

№ 155

Удостоверение

Выдано представителю Украинской ССР тов. Киркевичу Г. А. в том, что ему разрешается производить осмотр и изучение всех промышленных и сельскохозяйственных объектов в пределах территории I Белорусского фронта для доклада Военному Совету фронта. Командирам частей и военным комендантам городов тов. Киркевичу оказывать помощь в выполнении возложенного на него задания.

Член Военного Совета I Белорусского фронта Телегин».

Геннадий Александрович и его подчиненные объездили все населенные пункты, указанные в их разрешениях, и составили перечень оборудования и технических средств для отправки в Украину. Это оказалось несложно, так как особых разрушений здесь не было, кроме уничтоженных кое-где мостов и железнодорожных станций. Казалось, что эти города мало населены, причем, в основном, женщинами. По улицам под охраной двух-трех советских солдат водили пленных на работы по расчистке территории. В знак капитуляции на домах висели белые флаги или просто полотнища, у мужчин на руках были того же цвета повязки.

Помотавшись по указанным городам и проведя опись имеющихся машин и оборудования, Киркевич с одним чемоданом и радиоприемником вернулся домой. А в Киев, благодаря отцу, пришло ВОСЕМЬ составов с нужной для восстановления города техникой! Этим он отличался от многих, чаще всего никогда не бывших на фронте, которые

возвращались из Германии если не с эшелонами, то хотя бы с вагонами «трофеев».

Таким бессребреником Геннадий Александрович был всю жизнь, даже занимая «выгодные» должности. В частности, с 1957 года он восемь лет был представителем Украины в Комитете по газу в Комиссии ООН в Женеве, активно работая там и в ряде международных конгрессов.

По возвращении в Киев в течение года в должности начальника отдела Управления по возврату оборудования, вывезенного оккупантами, Киркевич отслеживал сотни эшелонов с техникой, вернувшихся в Украину, разрушенную войной. Это был весомый вклад в восстановление народного хозяйства.

Потом были защита диссертации, работа на руководящих должностях в проектных и научных организациях, личное участие в решении проблем в народном хозяйстве и экологии. Всегда и везде высшими руководителями учитывалась грамотная и принципиальная позиция Г. А. Киркевича.

Личная жизнь Геннадия Александровича сложилась удачно. Они с моей мамой Лидией Ивановной, донской казачкой, отметили 70-летие своей совместной жизни в окружении двух сыновей, невесток, целой оравы внуков и правнуков. Мама ушла в 2015 году. А папу, когда ему исполнилось 100 лет, пришли поздравить руководители города. 14 сентября 2017 года Геннадий Александрович получил звание «Почетный гражданин города Киева». Это вполне заслуженное признание его заслуг украсило последний год его жизни...

Мифология Второй мировой войны

Праздник победы над здравым смыслом! — вот какой напрашивается девиз.

Если сравнивать с Троянской войной, то Вторая мировая мистифицирована основательнее и не так правдиво. В «Илиаде» мы одинаково сочувствуем и Гектору, и Ахиллу, там отсутствуют негативные персонажи — Гомер правдивее нынешних мистификаторов.

В жизни моего поколения, и, признаться, не без моего личного участия как члена партии, пропагандиста и экскурсовода, создавался Величайший Миф XX столетия, который вдалбливался десяткам миллионов советских граждан! Этот миф утверждал: «Величайшая Битва Добра со Злом в Истории называлась «Великая Отечественная Война Советского Народа против Немецко-Фашистских Захватчиков» и продолжалась 4 года, с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945-го».

Во Второй мировой войне нет позитивных персонажей, почти все ее историки говорят неправду (несмотря на внешние атрибуты статистики) — и как правило, не тогда, когда чернят тех, кто проиграл, а тогда, когда обеляют победителей.

В Первой мировой войне империалисты воевали против империалистов, они обрекли на гибель миллионы своих граждан ради экономики, то есть прибыли, чем в результате возмутились даже народы стран-победительниц.

Вторая война стала продолжением первой, она решала незавершенные вопросы передела территорий — откуда в ней могли появиться силы добра? Ее развязали национал-социалисты с социал-демократами! Нацистская Германия была обособленным злом, но чем лучше страны антигитлеровской

коалиции? СССР был рабовладельческим государством, которое для поддержания собственного существования должно было уничтожать миллионы своих граждан и совершать акты агрессии против соседей. СССР убил антифашистов не меньше, чем нацисты: бойцов польской Армии Крайовой, советских военнопленных, без числа погибших после освобождения из плена, инвалидов войны, от которых очистили города в 1946—1947 годы, членов Еврейского антифашистского комитета и многих других. Немцам не удалось подстрелить ни одного советского маршала, но уже в 1946 году четверых из них репрессировали в родном СССР. А разве можно забыть этнические «чистки» и унижение евреев еще долгие годы после завершения войны...

Великобритания была наибольшей колониальной империей. Если территория Третьего рейха в 1941 году составляла 696 тыс. кв. км, то площадь земель под Британией достигала 37 млн кв. км. Британия подавляла национально-освободительную борьбу покоренных народов, в том числе евреев, которые многократно поднимали восстания в гетто на территориях рейха и убивали британских военнослужащих на Ближнем Востоке. Некоторыми антибританскими террористическими операциями командовал будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин. Тогда для евреев Германия и Британия были звеньями одной цепи зла.

Во времена Второй мировой войны Соединенные Штаты все еще практиковали расовую сегрегацию во всех ее отвратительных формах. В США считалось наиболее эффективным методом ведения войны массовое уничтожение мирного населения: детей, женщин, стариков американскими и английскими бомбами в жилых кварталах немецких городов — это были не случайные жертвы, как то преподносилось, а основные цели авианалетов. В 1945 году США применили

атомные бомбы не на военных объектах, а против мирного населения Японии.

Союзники не отличались от рейха гуманизмом, но значительно превосходили его цинизмом. Свидетельство тому — Нюрнбергский процесс. Нужно отдать должное американцам и британцам, вначале они хотели просто повесить захваченных ими немецких руководителей — тут все понятно и прагматично. Но СССР настаивал на открытом политическом судилище. Обвинителями и судьями с советской стороны руководил Андрей Вышинский — организатор процессов над «врагами народа» в СССР в 1920—1930 годах. Эти судилища — общепризнанное беззаконие, фарс и издевательство. Есть ли основание считать чем-то иным Нюрнбергский процесс, где преступники судили преступников? Вторая мировая война — это драка монстров. Освобождение от нацизма означало еще худшее рабство для освобожденных. Похоже, монголы также рассказывали обитателям на сожженной ими Киевской Руси, что освободили их от половцев. Но наши предки были умнее нас. Они не вывешивали монгольские знамена на годовщину победы на Калке (которая также, к слову, произошла в мае).

Миф 1. Вторая мировая война — именно под этим названием ее знает весь остальной мир — продолжалась (основная часть) с 1 сентября 1939 года (нападение Третьего рейха и последовавшее за ним 17 сентября нападение СССР на Польшу) до 2 сентября 1945 года (капитуляция Японской империи). Во многих странах локальные военные конфликты в рамках Второй мировой имеют свои названия, однако нигде, кроме Советского Союза, название ЧАСТИ войны не подменяло собой название ВСЕЙ войны. Причиной, вынудившей партийное руководство создать собственную историографию этого военного периода, стал тот факт, что Советский Союз де-факто принимал участие во Второй мировой войне с 17 сентября 1939-го на стороне

Третьего рейха (подробнее см. *Миф 2*). Вот почему исчисление войны с 22 июня 1941-го — момента, когда Советский Союз начал сражаться ПРОТИВ Третьего рейха, являлось для советской историографии принципиальным.

Сухопутная война между Советским Союзом и Третьим рейхом на территории Восточной Европы является крупнейшим, но все же эпизодом (то есть одним из ряда прочих) глобального конфликта, происходившего между союзниками (позже — Антигитлеровской коалицией) с одной стороны и Странами Оси — с другой (подробнее см. *Миф 4*). На планете есть всего одна страна, которая участвовала во Второй мировой войне от начала до конца, — Британская империя (если забыть об СССР, который начал посылать войска за рубеж еще с Халхин-Гола и Испании).

Миф 2. Советский Союз — принципиальный враг фашистской Германии. Все пособники нацистов — наши враги, все коллаборационисты — предатели. А как было на самом деле? Советская идеология стала принципиальным противником фашизма преимущественно с 1939-го, а полноценно — лишь с 1941 года. Пропаганда же нескольких лет до нападения немцев на Польшу (1933—1939) рисует нацистский режим и вообще события в Германии примерно так же, как социальное устройство и жизнь в США, Франции или Британской империи: там правят буржуазные силы, которые против народной власти рабочих и крестьян.

Сейчас в это трудно поверить, но поначалу фашизм (если мы говорим о немецком фашизме, то более правильным термином является «нацизм», потому что в узком смысле понятие «фашизм» применяется только по отношению к итальянской фашистской партии) никому не казался злом. Вся история глобальной борьбы с фашизмом — это история постепенных

прозрений и неуклонного перехода к антифашизму стран, народов и отдельных групп.

30 сентября 1938 года в Мюнхене премьер-министр Британии Невилл Чемберлен и премьер-министр Франции Эдуар Даладье подписали соглашение с рейхсканцлером Третьего рейха Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини, по которому де-факто было признано право Германии оккупировать часть Чехословакии. Это событие, получившее название «Мюнхенский сговор», считается позорным пятном на репутации Британии и Франции, пытавшихся в то время договориться с Гитлером, чтобы не допустить военного конфликта.

Что касается Советского Союза, то его сотрудничество с Германией с 1922 по 1939 годы было экономически, политически и милитарно всеобъемлющим. До прихода нацистской партии к власти у нас рассматривали Германию как кандидата на совершение социалистической революции, а после — как стратегического союзника в борьбе с западным капитализмом. СССР и Германия оживленно торговали, обменивались технологиями, активно сотрудничали в военной сфере, в Советском Союзе было три крупных центра подготовки немецких военных кадров и разработки военных технологий, что грубо нарушало условия Версальского мирного договора. Во многом в СССР были заложены основы железной машины Вермахта, с которым Советы стали как бы братьями по оружию. В соответствии с секретным протоколом к договору о ненападении (пактом Молотова — Рибентропа) СССР де-факто вступил в войну на стороне Третьего рейха, вторгнувшись 17 сентября 1939 года в Польшу. Через пять дней в Бресте прошел совместный парад Вермахта и РККА, посвященный подписанию договора о демаркационной линии.

В СССР все знали, что такое «Брестская крепость-герой». Никто не знал только, что жители Бреста при нападении рейха на СССР не проявили себя никак. Они вообще не считали себя гражданами страны, на которую только что было совершено нападение, потому что еще два года назад считались гражданами Польши. Сопротивление немецкому нападению оказал военный гарнизон, базировавшийся в старой крепости. Естественно, полностью состоящий из советских войск, дислоцированных здесь. Кстати, в 1939 году Брестскую крепость обороняли от гитлеровских войск поляки, и, нужно отдать им должное, сражались они достойно.

Миф 3. Советский народ в едином порыве боролся против немецко-фашистских захватчиков, кто — в рядах Красной армии, кто — в рядах партизан, а кто просто вредил по мелочи. Не сражались только предатели и прочие коллаборационисты.

Теперь реальность. Начнем с того, что значительная часть людей, которые впоследствии «влились в советский народ», в то время как минимум не идентифицировали себя с ним. В результате польского похода РККА 1939 года Советским Союзом была оккупирована территория почти в 200 тыс. кв. км, включавшая в себя Западную Украину, Западную Беларусь, Восточную Польшу и Юго-Западную Литву. В общей сложности на этой территории проживали 13 миллионов человек. За считанные месяцы советские органы власти организовали там «народное волеизъявление» и присоединили жителей к соответствующим советским республикам. В июне-июле 1940 года РККА фактически без сопротивления заняла Бессарабию и Западную Буковину — территорию в 50 тыс. кв. км, на которой проживало 3 миллиона 776 тысяч человек (со 2 августа 1940 года — Молдавская ССР). В июне 1940-го СССР оккупировала также Эстонию, Латвию и часть Литвы, которые

после проведенных «выборов» превратились 21—22 июля в соответствующие советские республики.

В общей сложности занятые СССР к этому моменту территории по площади и населению были приблизительно равны такой, например, стране, как Италия. При этом на захваченных территориях был запущен маховик массовых репрессий — люди без суда арестовывались, сажались в тюрьмы, ссылались в Сибирь, а в некоторых случаях расстреливались.

Самыми известными являются операции по депортации жителей прибалтийских государств: операция 1940 года, в ходе которой были выселены до 50 тыс. человек, и операция «Прибой» 1949 года, когда изгнано из своих домов было больше 100 тысяч, — а также массовые расстрелы польских военных: в Катынском лесу, в Дарнице, в Старобельском лагере, в Осташковском лагере и других местах — в общей сложности 22 тыс. человек. Несложно представить себе, что население всех этих территорий не желало защищать СССР. Да и в других местах далеко не все поддерживали советскую власть.

В Беларуси и в Украине были сильны патриотические настроения, потому что в составе Советского Союза (а ранее в Российской империи) обеим нациям предложили забыть их культуру, полностью заменить ее русской. Вдобавок в Украине была еще слишком свежа память о голоде 1933-го — таким образом, пришедшая в 1941-м немецкая армия для большинства населения была освободительной.

Советские солдаты не хотят сражаться, не понимают, за что они должны гибнуть, и массово дезертируют. «Драпали с первого дня войны», — напоминал мне отец, прошедший с боями на передовой от Дубоссар до Каховки, где попал в госпиталь. Это массовое бегство с поля боя живо описано в книге Константина Симонова «100 суток войны», посвященной хаосу первых дней Великой Отечественной. Книга долго не

выходила в СССР, ее издали лишь в 1982 году в сильно переработанном виде под названием «Разные дни войны».

Лишь с появлением заградотрядов и штрафбатов в войсках была налажена дисциплина и достигнут наконец «*единый порыв*», в «*ходе которого советский народ...*» — ну и так далее.

Миф 4. Фашистскую Германию победил Советский Союз. Говорить о победе **страны** над **страной** в глобальном военном конфликте между крупными коалициями государств, вообще говоря, некорректно и не по-человечески: разбираться, кто внес больший вклад и кто, с нашей точки зрения, внес «меньший» вклад, попросту нехорошо и неуместно: все солдаты коалиции — боевые товарищи, и вклад каждого был бесценен. Как уже сказано в разборе Мифа 1, единственной страной, «отпахавшей» всю войну от начала до конца, является Британская империя, которая в 1939 году была крупнейшим из всех когда-либо существовавших государств в истории человечества, занимала четверть земной суши и являлась домом для 480 млн человек (четверти всего населения Земли).

В состав Британской империи входили собственно Великобритания, а также Ирландия, Австралия, Новая Зеландия, Новая Гвинея, Канада, Индия (современные Индия, Пакистан, Бангладеш, Бирма и Шри-Ланка), Гайана (Британская Гвиана), около четверти африканского континента (вертикальная полоса от Египта до Южной Африки плюс территории центрального атлантического побережья) и значительная часть Ближнего Востока (современные Израиль, Иордания, Ирак, Кувейт, Оман, Йемен и ОАЭ). Экономическая и военная мощь этого государства значительно превосходила силы Третьего рейха — однако то обстоятельство, что оно было «разбросано» по всему миру, а основные боевые действия шли в Европе, существенно сокращало возможности британцев в борьбе с полностью находящейся в Европе Германией. После немецкого блицкрига в

Польше, а затем в странах Бенилюкса и во Франции начинается длительная позиционная война между немцами и англичанами, происходившая преимущественно на море, и получившая название «Битва за Атлантику». Эта война продолжалась почти все 6 лет Второй мировой и стоила жизни приблизительно 100 млн человек, превратив Атлантический океан в один из главных театров боевых действий.

Другие значительные места мировой войны — Северная Африка, где немецкие войска сражались с британскими на суше; Китай (и Юго-Восточная Азия), где Японская империя сражалась с длинным перечнем стран, часть которых она захватила, затем — Тихий океан, где Японская империя и США вели в 1941—1945 годах морскую войну, и конечно, Восточный фронт — сухопутный театр военных действий на территории Восточной Европы, на котором сражались Третий рейх и СССР.

Несмотря на быстрый разгром Франции немцами, англичане не испугались войны с Гитлером практически в одиночку. *«Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы это нам ни стоило, мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на местах высадки, мы будем сражаться в полях, на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы никогда не сдадимся»*, — заявил Черчилль. И в одной только Битве за Британию 9 июля — 30 октября 1940 года англичане уничтожили более 1700 немецких самолетов. А в Битве за Атлантику, на которую оттягивались колоссальные ресурсы рейха, союзники потопили более 700 немецких подводных лодок. Подводный флот был элитой Германии — для него не жалели ничего. А каждая субмарина — это десятки не построенных танков и самолетов.

И еще один фронт союзники открыли 26 июля 1941 года, заморозив все японские активы в Соединенных Штатах и установив эмбарго на поставки нефти в Японию. Тем самым они спровоцировали войну с Японией, лишившуюся 95 % всей поставляемой в страну нефти, чем спасли Советский Союз от нападения японцев на Дальнем Востоке, что и позволило Красной армии в самый критический момент перебросить сибирские дивизии под Москву.

Во время Курской битвы союзники высадились на Сицилии и начали итальянскую кампанию, не позволив Гитлеру перебросить резервы в Россию, и уже в 1943 году вынудили Италию выйти из войны. Авиация методично уничтожала промышленность и инфраструктуру Германии, заставляя ее держать огромный воздушный флот в Европе, а страх перед высадкой союзников сковывал ее сухопутные силы.

Противостояние Британии с Германией и ее действия против Японии стали самой значительной жертвенной подмогой для всех без исключения союзников. С ноября 1941 года к американской помощи по ленд-лизу был подключен и Советский Союз. Американский государственный деятель Аверелл Гарриман, инструктируя делегацию от США, повторял: *«Давать, давать и давать, не рассчитывая на возврат, никаких мыслей о получении чего-либо взамен!»* В общей сложности в СССР по ленд-лизу было поставлено товаров на 11 млрд долларов (140 млрд в современных ценах), около 17,5 млн тонн различных грузов. Это было вооружение (стрелковое оружие, танки, взрывчатка, боеприпасы), самолеты, паровозы, автомобили, корабли, машины и оборудование, продукты питания, цветные и черные металлы, одежда, материалы, химические реактивы и так далее. Нелишними оказались и 330 тыс. литров спирта.

Американская техника поставлялась по ленд-лизу полностью укомплектованной — с экипировкой и даже стрелковым оружием для экипажа. Жуков помощью союзников восторгался: «Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь стально». На американских грузовиках возили артиллерию. Основным шасси для легендарных «катюш» стали американские «студебеккеры».

Союзники затыкали своими поставками практически все дыры советской промышленности, от которой к январю 1942 года осталась лишь половина мощностей. Очень сильно пострадало производство пороха и взрывчатых веществ. От трех заводов по выпуску алюминия остался один — самый маленький, на Урале. Выпуск алюминия требует огромного количества электричества, поэтому заводы располагались на Днепре и Волхове, вблизи электростанций. А потом туда пришли немцы. Наша страна за время войны произвела 263 тыс. т алюминия, а от союзников получила 328 тыс. т. То есть как минимум половина наших самолетов были из американского и канадского алюминия.

Советской Военно-морской флот по ленд-лизу получил более 500 боевых кораблей и катеров. В их числе 28 фрегатов, 89 тральщиков, 78 больших охотников за подводными лодками, 60 сторожевых катеров, 166 торпедных катеров, а также 43 десантных судна. Союзники поставили нам в полтора раза больше автомобилей, чем изготовил весь Советский Союз за годы войны. Мы не производили в военные годы свои локомотивы — американцы обеспечили нас 1900 паровозами и 66 дизель-электровозами. Из Америки же пришло в 10 раз

больше вагонов, чем мы сделали за военное время. Треть всей взрывчатки — это помощь союзников. Поставки удвоили наше производство кобальта, утроили производство олова. Американская тушенка спасла от голодной смерти сотни тысяч наших людей — мы получили 4,5 млрд т продовольствия.

И все это — практически бесплатно. За уничтоженную в ходе боев военную технику США возмещения не требовали. Закон о ленд-лизе предусматривал оплату только гражданских поставок: железнодорожного транспорта, электростанций, пароходов, грузовиков и прочего оборудования, находившегося у стран-получателей по состоянию на 2 сентября 1945 года. По ряду направлений ленд-лиз составлял значительную долю от общего объема товаров, использованных в СССР за время войны. Однако официальная пропаганда всячески преуменьшала американскую помощь, а то и вовсе замалчивала. Хотя в ходе Ялтинской конференции Сталин вынужден был признать, что ленд-лиз — замечательный и самый плодотворный вклад Рузвельта в создание антигитлеровской коалиции.

Политическое и гражданское свинство всегда было российской отличительной чертой. Фразы вроде *«мы бы победили и без этого»* или *«они бы проиграли, если б не мы»* набили оскомину своим дилетантизмом. Но, поскольку разговор часто и целенаправленно уводят в эту сторону, я должен высказать свое мнение историка-аналитика. С моей точки зрения, без шестилетних героических усилий британцев в Битве за Атлантику, без четырехлетних колоссальных вливаний американских денег в ленд-лиз, спасших сотни тысяч жизней советских граждан, без множества прочих мелких и средних жертв и очагов сопротивления других народов фашистским замашкам у Советского Союза были слишком призрачные

шансы выиграть войну у Третьего рейха; с высокой степенью вероятности Советский Союз ее проиграл бы!

На самом деле именно союзники спасли СССР от разгрома. И кстати, высока вероятность того, что после поражения Советского Союза войну все равно выиграли бы союзники — мощь Британской империи и богатство Соединенных Штатов все равно сделали бы свое дело.

Миф 5. Победа над Германией, 9 мая 1945 года. В Европе это событие отмечают 8 мая. А вот официальная Россия и Монголия избрали для себя отдельную дату войны, извращенную пропагандистскими мифами, откровенной ложью и патриотическим пафосом!

Так праздновать или поминать? В древности по таким поводам устраивались тризны. Наверное, это самое естественное в данной ситуации — поминать своих, поминать чужих. Вы никогда не задумывались, почему тупой советский агитпроп 20 лет не праздновал победу над Третьим рейхом? Казалось бы, надо было 9 мая 1946 года отмечать Первую годовщину победы: парад, ордена, барабаны, воздушные шары... Однако ничего этого долгое время не было! 1950-й — пятилетие Победы. И тихо. 1955-й — 10 лет. Тихо! В стране широко и помпезно ежегодно отмечается Великая Октябрьская революция, годовщина Ленина, 1 Мая, в конце концов Новый год. Но 9 мая все буднично работают в колхозах и на заводах. Нет никаких медалей и почетных знаков в честь годовщины победы, нет застолий фронтовиков. Наоборот, генералитет сразу после 1945 года трясут арестами и проверками. Великую дату не вспоминают даже в 1960 году! Официально торжественные празднования начинаются только в 1965-м, и фронтовиков-победителей агитпроп начинает преподносить как беспомощных пенсионеров, которым необходимо помогать и чтить.

Основная причина была в том, что после войны остались настоящие, боевые ветераны — фронтовики, ощутившие на своей шкуре все «мерзости» боев. Они прошли сквозь огонь, и партноменклатуре их дух сломать было не под силу — фронтовики ее в грош не ставили. Им было в 45-м — лет по 30—40 и больше. Если при них произнесешь слово «война» и начнешь говорить лишнее, это могло плохо кончиться, и не обязательно мордобоем. Среди этих людей были контуженные и сильно покалеченные! И они испытали «заботу» отца всех народов Сталина и партии где-то на линии Пантера — Вотана (немецкий Восточный вал), при форсировании Днепра, помнили Ржев, Волхов и многое другое.

Через 20 лет эти самые ветераны, которым вернуть здоровье было уже не под силу, умерли, а остались интенданты, тыловые крысы, ветераны НКВД—МГБ, особисты СМЕРШа, загранотрядовцы и тогдашние 18-летние мальчишки, что прочувствовали войну на собственной шкуре только к концу 1944-го и 1945-го, когда все уже было решено отцами. Вот почему только в 65-м партия приняла решение отмечать 9 Мая!

«На фронтах Великой Отечественной войны погибло 28 млн 540 тыс. бойцов, командиров и мирных граждан. Ранено 46 млн 250 тыс. Вернулись домой с разбитыми черепами 775 тыс. фронтовиков. Одноглазых — 155 тыс., слепых — 54 тыс. С изуродованными лицами — 501 тыс. 342 человека. С кривыми шеями — 157 565. С поврежденными позвоночниками — 143 241. С оторванными половыми органами — 28 648. Одноруких 3 млн 147 тыс. Безруких 1 млн 10 тыс. Одноногих 3 млн 255 тыс. Безногих 1 млн 121 тыс. С частично оторванными руками и ногами 418 905 человек. Так называемых самоваров, безруких и безногих, — 85 942»⁵.

5 По материалам газеты «Аргументы и факты»: <http://www.aif.by/timefree/history/item/18330-war.html>

В 1950 году по указу Верховного Совета Карело-Финской ССР на Валааме и в монастырских зданиях размещен Дом инвалидов войны и труда. В течение нескольких послевоенных недель страна-победительница очистила свои улицы от этого «позора»! Их собирали за одну ночь со всего города специальными нарядами милиции и госбезопасности, отвозили на железнодорожные станции, грузили в теплушки и отправляли в эти самые «дома-интернаты». При этом отбирали паспорта и солдатские книжки — фактически переводили в статус ЗК. Да и сами «интернаты» были в ведомстве МВД. Огромная Страна Советов таким образом карала своих героев-победителей за их увечья, за потерю ими семей, крова... Наказывала жестоко: нищетой содержания, одиночеством, страхом, безысходностью... Всякий, попадавший на Валаам, мгновенно осознавал, что прибыл сюда до конца своих дней и останется в безвестной могиле на заброшенном монастырском кладбище.

Н. С. Хрущев на восстановлении Киева.
Европейская площадь, лето 1944 года

Что бы россияне ни делали, получается фашизм. По этому поводу по Всемирной Паутине гуляет красноречивая шутка о

том, что, победив в 1945-м немецкий фашизм, Россия попросту захватила его в качестве трофея и теперь активно им пользуется.

Полуфинал

Так как историю советского Киева пришлось разбить на две части, обзор 72 лет советской власти (1919—1991) я в этом томе заканчиваю 1945-м годом, условно обозначив I том «Киева советского» словом «Полуфинал». Во всех книгах-исследованиях, которые тянут минимум на сказки, максимум на воспоминания, почему-то отсчет истории советского Киева начинают с 1917-го — года Октябрьского переворота в России. А ведь с 1917-го до 1919-го в Киеве не было никакой власти, тем более советской... Даже дети в школе недоумевали, как праздновать 7 ноября, ведь ВОСР произошла в Петрограде, а не в Украине.

Описывая 1918—1920 годы в книге «Окаянные дни», гениальный Иван Бунин приходил в отчаяние: *«Я с ужасом думаю, кого нарожает это пьяное кровавое быдло, захватившее власть в России, и что будет с моей страной через два-три поколения. Впрочем, что тут думать. Все более или менее ясно. Все злобно, кроваво донельзя, лживо до тошноты, плоско, убого до невероятия... То, что Ленин — Антихрист, по-моему, ясно любому человеку с гуманитарным образованием... Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?»* Несколько миллионов человек — это ни много ни мало половина населения Империи...

Как тут не вспомнить пророчество У. Черчилля: *«Эти русские непредсказуемы. Они уморили своих крестьян голодом. Они*

затопили плодороднейшие земли, чтобы сделать электростанции. Они загрязнили урожайные районы отходами от ядерной промышленности. У них небольшая плотность населения, но и при этом они ухитрились загадить свою страну настолько, что теперь вынуждены покупать зерно. Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха. Сталин захватил аграрную страну и превратил ее в сырьевой придаток и ядерную помойку. Только Ленин мог бы вывести русских из того болота, куда он сам их завел. Но Ленина они успешно отравили. Через пару поколений они еще деградируют и не смогут самостоятельно даже добывать полезные ископаемые. Народ будет вымирать, а диктаторы и их слуги будут жить, покупая у нас предметы роскоши и продавая соседним странам концессии; для русских лидеров это самый выгодный бизнес. Так что, если мы можем предотвратить их военную агрессию, то в интересах Великобритании да и прочих Западно-Европейских стран сохранять СССР как можно дольше: это выгодная сырьевая база и хороший рынок сбыта морально-устаревшей продукции. Они уничтожают у себя кибернетику и генетику — тем лучше для нас, мы будем продавать им семена и электронные устройства. Кроме того, за символическую плату в Россию можно будет сбывать ядерные отходы. Достаточно остановить советскую экспансию, и они уничтожат себя сами, без каких бы то ни было активных действий с нашей стороны...»

Как и в других своих книгах, я тут старался не обходить спорные моменты отечественной истории, не замалчивать их. Этим замалчиванием занимаются современные официальные историки, о которых в «советское время» власть не вспоминала, если они стремились докопаться до правды.

Киев — Свалява. Санаторий «Квітка Полонини».

2018—2020 гг.

Список имен лиц, упомянутых в издании 1

1 Кроме общепринятых, мною введены следующие сокращения: К. — Киев, киевский; КГ — Киевская гимназия; КДА — Киевская духовная академия; КИНО — Киевский институт народного образования; КИНХ — Киевский институт народного хозяйства; ККИ — Киевский коммерческий институт; КПИ — Киевский политехнический институт; КПЛ — Киево-Печерская лавра; КУ — Киевский университет; КХИ — Киевский художественный институт; ВКК — Владимирский Кадетский корпус; ВУАН — Всеукраинская Академия Наук; ОУН(м) — Организация украинских националистов (мельниковцы); ПУН — Правление украинских националистов; РОА — Русская освободительная армия; СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения; ТУП — Товарищество украинских прогрессистов; УАИ — Украинская академия искусств; УВО — Украинская войсковая организация; УД — Украинская Держава; УНР — Украинская Народная Республика; УПСФ — Украинская партия социалистов-федералистов; ЦР — Центральная Рада. — *Прим. авт.*

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1880—1925) — писатель, сатирик, редактор журналов «Сатирикон» (1908—1913) и «Новый Сатирикон» (1913—1918).

Анохин Александр Константинович (1882—1920, К.) — врач, пропагандист спорта, тренер, масон. В 1913 г. был председателем К. олимпийского комитета.

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883—1938) — партийный, государственный и военный деятель, публицист. Командующий вооруженными силами Украинской

СССР. Принимал активное участие в установлении советской власти на всей территории Украины. Расстрелян.

Астафьев Виктор Петрович (1924—2001) — русский писатель, непосредственный участник Битвы за Днепр.

Бабель Исаак Эммануилович (1894—1940) — популярный писатель, окончил ККИ. Расстрелян.

Багазий Владимир Пантелеймонович (1902—1942, К.) — бургомистр К. (ноябрь 1941 — февраль 1942). При нем был создан ряд департаментов городской управы, Украинский Красный Крест, функционировал Украинский Национальный Совет. Инициировал издания «Українське слово», «Літаври». Активно продвигал кадры ОУН на руководящие должности в городской управе. Основал «Украинское издательство», цель которого состояла в издании национально ориентированной литературы. 19.02.1942 отстранен от должности. Казнен вместе с 19-летним старшим сыном Игорем в Бабьем Яру по обвинению в саботаже.

Балицкий Всеволод Аполлонович (1892—1937) — деятель ВЧК—ОГПУ—НКВД, комиссар государственной безопасности 1 ранга. В ноябре 1932 г. направлен особоуполномоченным ОГПУ в Украину, где в это время был голод, с задачей *«безусловно выполнить план хлебозаготовок»*. С 21.02.1933 — полпред ОГПУ по УССР и председатель ГПУ Украины. 10.03.1933 Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: *«Предоставить право рассмотрения дел по повстанчеству и контрреволюции на Украине с применением высшей меры социальной защиты тройке в составе тт. Балицкого, Карлсона, Леплевского»*. Вместе с П. Постышевым Б. объехал голодающие районы и повсюду на местах предпринимал решительные и жесткие меры. Впоследствии заявлял, что его послали спасти Украину, которую довели до гибели. Нарком внутренних дел УССР. Его имя носил стадион в К. Расстрелян.

Бандера Степан Андреевич (1909—1959) — политический деятель, идеолог и теоретик украинской идеи.

Бердяев Николай Александрович (1874, К. —1948) — выдающийся философ, публицист, получивший образование в КУ, хотя в 1898 г. был исключен. Выслан из СССР.

Берия Лаврентий Павлович (1899—1953) — генеральный комиссар госбезопасности (1941), маршал. Зампред Совмина и одновременно министр внутренних дел. Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1946—1952), член Президиума ЦК КПСС (1952—1953). Расстрелян.

Биляшевский Николай Федотович (1867—1926, К.) — археолог, искусствовед, этнограф. Создатель К. художественно-промышленного музея и К. общества охраны памятников истории. В 1923 г. академика выгнали из музея, у истоков которого он стоял и которым управлял более 20 лет.

Бланк Александр Дмитриевич (1801—1870) — дед В. И. Ленина. По версии М. Шагинян, украинец, родившийся в Староконстантинове. До крещения в 1820 г. Израиль (Сруль) Мойшевич. Взял имя крестного отца А. И. Апраксина. Окончив Императорскую хирургическую академию в Петербурге, стал военным врачом. В 1837 г. лечил Т. Шевченко. В 1847-м приобрел деревню Кукушкино, которая перешла к его внуку. Единственный процесс, который вел и выиграл присяжный поверенный В. И. Ульянов, это тяжба с ее жителями.

Блюмкин Яков Григорьевич (Симха-Янкель Гершевич) (1900—1929) — чекист, террорист, разведчик, авантюрист. Один из создателей советских разведывательных служб. Расстрелян.

Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — маршал. Орден Красного Знамени № 1, орден Красной Звезды № 1. В 1938 г. арестован, умер от побоев в тюрьме.

Богомолец Александр Александрович (1881, К. —1946, К.) — академик, патофизиолог, президент Академии наук УССР. Нет

возможности перечислить все звания этого великого ученого.

Боженко Василий Назарович (1871—1919) — командир Таращанской бригады, входившей в состав 1-й Украинской советской дивизии, впоследствии — 44-й стрелковой дивизии, которой командовал Н. Щорс. В 1919 г. Таращанский полк овладел К. Летом 1919 г. после известия об убийстве в К. жены, Феодосии Мартыновны, неожиданно скончался в Славуте. Предположительно, отравлен чекистами ввиду опасений, что Б. пойдет по пути Махно или Григорьева. Был похоронен в Житомире. Над его могилой совершен акт вандализма.

Бойчук Михаил Львович (1882—1937, К.) — гениальный художник-монументалист, живописец, педагог. Один из основоположников монументального искусства Украины. Расстрелян.

Болбочан Петр Федорович (1883—1919) — полковник армии УНР. Активно участвовал в подавлении январского большевистского восстания в К. Во главе Запорожской дивизии двинулся на Крым и 25.04.1918 занял Симферополь, но вынужден был уйти по настоянию немцев. Поддерживал кандидатуру Васыля Вышиваного на украинский престол, а также восстание С. Петлюры. Возглавил Запорожский корпус армии УНР, а с началом войны с большевиками — Левобережный фронт. Когда в конце 1918 г. состояние УНР стало критическим, был разработан план отстранения Директории от власти: с помощью двух боеспособных подразделений — Запорожского корпуса полковника Б. и Корпуса Сечевых стрельцов полковника Е. Коновальца — установить в Украине военную диктатуру. План провалился, и Б. расстреляли.

Борисенко Михаил Константинович (1889—1920) — бухгалтер кинотеатра Шанцера, мой дед. Был призван в армию Деникина. Офицер. Убит в Крыму.

Бош (Майш) Евгения Богдановна (Готлибовна) (1879—1925) — член ЦИК Советов Украины, который сформировал исполнительный высший орган власти — Народный секретариат. Это оказалось нелегким делом, т. к. сказался недостаток кадров украинского происхождения. Сошлись на том, что претенденты на правительственные должности должны иметь прежде всего высокие деловые и политические качества и быть *«по возможности с украинскими фамилиями»*. Поскольку на должность руководителя правительства *«настоящего украинца»* не нашли, было решено *«главу Совета народных секретарей временно не избирать»*. Также постановили, что *«народный секретарь внутренних дел будет координировать работу Народного секретариата»*, станет исполняющим обязанности главы правительства. Эту должность и заняла Б. После переноса правительства в Полтаву Б. в обстановке сплошного хаоса и нарастания внутренних разногласий в Народном секретариате все чаще стала прибегать к бескомпромиссным, авторитарным действиям. Поняв, что этим многих настроила против себя, сама инициировала передачу своих функций Н. Скрипнику, который вел себя значительно обдуманнее. Б. не соглашалась без боя оставлять К., однако ее позицию не разделяло большинство руководства УССР. Ее буквально силком эвакуировали из столицы. Было выдвинуто требование о смещении ее с должности фактического главы правительства, и 4 марта Б. сложила свои полномочия народного секретаря — председателем Народного секретариата был избран Н. Скрипник. Б. уехала в Москву, где через несколько лет покончила жизнь самоубийством.

Бредов Николай Эмильевич (1873, К. —1945) — генерал-лейтенант. Начальник штаба КВО. С апреля 1918 г. — в армии УД, служил в Генеральном штабе. В ноябре—декабре 1918 г. участвовал в создании добровольческих отрядов в К., с конца

1918 г. — в Добровольческой армии. Командир 7-й пехотной дивизии, участвовавшей во взятии Царицына, Полтавы, К. (18.08.1919), Чернигова. В 1945 г. арестован НКВД. Там и замучен.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891, К. —1940) — выдающийся писатель. Его роман «Белая гвардия» многими считается лучшим литературным произведением о К. Особенно популярен роман «Мастер и Маргарита».

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — выдающийся писатель, поэт, лауреат Нобелевской премии.

Бурчак Федор Степанович (1863 — не ранее 1926) — врач, исполнявший обязанности К. головы (1916—1917).

Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — государственный и партийный деятель. Член ЦК партии (1917—1934), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934—1937). Академик АН СССР (1929). Расстрелян.

Василенко Николай Прокопович (1877—1935, К.) — известный ученый, историк, организатор Всеукраинской АН, в течение года был ее президентом. Репрессирован.

Вертинский Александр Николаевич (1889, К. —1957) — популярный артист, поэт-песенник, писатель. Лауреат Сталинской премии (1951).

Винниченко Владимир Кириллович (1880—1951) — политический и государственный деятель, писатель. Учился в КУ, но был арестован, сидел в Лукьяновской тюрьме (трижды), исключен как неблагонадежный. Один из лидеров Украинской революции.

Вишня Остап (Губенко Павел Михайлович) (1889—1956, К.) — замечательный писатель, новеллист, классик сатирической прозы XX века. Младший брат расстрелянного Василия Чечвянского. Начальник медсануправления Министерства ЖД УНР. С 1919 г. активно работал как писатель. Но в 1933 г., будучи

уже широко известным автором, обвинен в контрреволюционной деятельности и терроризме, в частности в покушении на П. Постышева во время октябрьской демонстрации. К аресту, из зависти к таланту, приложил руку коллега — писатель Алексей Полторацкий (1905—1977), опубликовавший в 1930 г. в журнале «Нова генерація» (№ 2—4) статью «Що таке Остап Вишня» с грязной идеологической критикой творчества юмориста. Статья была перепечатана в журнале «Радянська література» (1934, № 4). Вот характерные цитаты: «Пісенька Остапа Вишні одспівана. Літературна творчість цього фашиста і контрреволюціонера, як остаточно стає ясно, була не більше ніж машкарою, «мистецьким» прикриттям, за яким ховаючись, він протаскував протягом кількох років у друковане слово свої націоналістичні куркульські ідейки і погляди»; «...я щасливий відзначити... що моя стаття стає епітафією на смітникові, де похована «творчість» Остапа Вишні». Писателя загнали в лагерь ГУЛАГа. От расстрела В. спас счастливый случай. Юмориста просто перебросили с тюремного барака на Печоре (Коми АССР) в писательский кабинет в только что освобожденном К. Сталин распорядился, чтобы «петлюровец» В. своими юморесками опротестовал и высмеял «брехню националистов», прежде всего УПА, что его, любимчика всей Украины, замучила Москва. Так в 1945—1946 гг. появилась «Самостійна дірка» — голос юмориста из могилы. Но «Буржуазные националисты» и повстанцы приветствовали освобождение В. и поблагодарили писателя, ведь он первым в советской печати проинформировал мир, что УПА активно действует и побеждает! В 1950-е В. продолжал писать «усмішки», но они уже были с горьким оттенком.

Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский (1848—1918, К.)) — митрополит К. и Галицкий (1915—1918). 25.01.1918 был убит революционными матросами Муравьева.

Власов Андрей Андреевич (1901—1946) — генерал-лейтенант, командующий армией, главнокомандующий РОА. Война для В., командира 4-го механизированного корпуса, началась под Львовом. За умелые действия получил благодарность и, по рекомендации Хрущева, был назначен командующим 37-й армией, защищавшей К. После жестоких боев разрозненные соединения этой армии сумели пробиться на восток, а сам В. был ранен и попал в госпиталь. После успехов под Москвой В., вслед за Сталиным, называют не иначе как «спасителем Москвы». По заданию Главного политуправления о В. пишется книга под названием «Сталинский полководец». Его считают *«одним из любимых командиров Сталина»*. Получил назначение командующим 2-й ударной армией, но она попала в окружение и была разгромлена, а В. захвачен в плен. Согласившись сотрудничать с немцами, В. возглавил Русскую освободительную армию. В 1945 г. был задержан, осужден и казнен через повешение.

Габсбург-Лотарингский (Лотаринген) Вильгельм Франц (Василь Вышиваный) (1895—1948, К.) — эрцгерцог Австро-Венгрии. Планировался на престол Украины. Умер в Лукьяновской тюрьме.

Гамарник Ян Борисович (Яков Цудикович) (1894—1937) — армейский комиссар 1-го ранга. В 1917 г. возглавлял К. комитет РСДРП(б). В 1918 г. — зампредела К. Совета. Председатель К. губисполкома (1920—1921). Застрелился накануне ареста.

Гандзюк Яков Григорьевич (1873—1918, К.) — генерал-майор российской армии. Командир 1-го Украинского корпуса. Расстрелян.

Гашек Ярослав (1883—1923) — чешский писатель-сатирик, анархист, журналист, комиссар Красной армии. Автор примерно 1500 различных рассказов, фельетонов. Повесть, из которой

получился роман «Похождения бравого солдата Швейка», была написана и опубликована в К. в 1918 г.

Голдович Александр Иванович (1900—1975) — полковник, начальник инженерных войск 37-й армии. После войны — генерал-лейтенант, проживал в Москве.

Голубович Всеволод Александрович (1885—1939) — политический и государственный деятель. В ЦР — секретарь транспорта, потом торговли и промышленности. Возглавлял делегацию УНР в Бресте. Председатель Рады министров и министр иностранных дел УНР (1918). В 1931 г. осужден по делу так называемого Украинского национального центра. Умер в тюрьме Ярославля.

Гольденвейзер Алексей Александрович (1890, К. —1979) —

юрист, писатель. Учился в 1-й гимназии. Окончил КУ, впоследствии там же преподавал. В 1917 г. — секретарь Совета объединенных еврейских организаций К., член ЦР. В эмиграции стал известен как автор воспоминаний.

Гончаренко Аверкий Матвеевич (1890—1980) — командир куреня 1-й Украинской военной школы им. Б. Хмельницкого в бою под Крутами. В 1917 г. во 2-й К. школе прапорщиков организовал украинский курс юнкеров. Они и приняли этот бой.

Гончаренко Макар Михайлович (1912, К. —1997, К.) — футболист, нападающий. Участник легендарного «матча смерти».

Горинович Владимир Николаевич (1900—1979) — оккультист, член К. теософского общества и масонского ордена «Гизбар».

Горлис-Горский (Городянин-Лисовский Юрий Юрьевич (1898—1946) — писатель, офицер армии УНР. В 1923 г. стал заниматься подпольной деятельностью в К. под псевдонимом Горский. Был арестован и приговорен к расстрелу, симуляцией

психической болезни добился замены приговора на 15 лет заключения. В апреле 1931 г. бежал из Херсонской психиатрической больницы, в течение года жил нелегально. В Финляндии сформировал подразделения из пленных советских украинцев. Убит при невыясненных обстоятельствах.

Гренер Карл (1867—1939) — генерал-лейтенант, министр рейхсвера (1928—1932). Инициатор прихода к власти гетмана Скоропадского, считал, что ЦР вообще не является правительством, а сборищем мечтателей и идеалистов, которые не пользуются авторитетом. Именно по инициативе Г. были расформированы подразделения ЦР — «синезупанники» и полк Сечевых стрелцов. Генерал установил личные связи с гетманом, активно помогал в создании армии УД.

Гржибовский Вацлав (1887—1959) — польский политик и философ. Посол в СССР (1936—1939), когда СССР начал вторжение на территорию Польши.

Григорьев Николай Александрович, более известный как атаман Григорьев (1885—1919) — полковник армии УНР, с апреля 1919 г. — начдив 6-й Украинской советской дивизии, поднявшей антибольшевистский мятеж.

Гроссман Василий Семенович (Иосиф Соломонович) (1905, Бердичев — 1964) — писатель и журналист, военный корреспондент. В К., где жил его отец, он учился в К. реальном училище 1-го общества преподавателей (1914—1919), потом в КИНО, в результате закончил физмат МГУ. Главная книга писателя — роман «Жизнь и судьба» — был конфискован КГБ в 1961 г., чудом сохранен и тайно вывезен на «микрофильме». Впервые опубликован в 1980 г. в Швейцарии.

Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934) — академик, историк, председатель ЦР. В своих работах много внимания уделял К.

Гудериан Хайнц Вильгельм (1888—1954) — генерал-полковник, начальник Генерального штаба сухопутных войск, автор воспоминаний. В июле 1941 г. Гитлер решил поменять план кампании и вместо продолжения стремительного наступления на Москву отдал приказ развернуть танки Гудериана на К. 15 сентября подразделения Г. соединились восточнее К. с танковой армией Клейста. В результате в «котле» оказался весь Юго-Западный фронт.

Гуль Роман Борисович (1896—1986) — писатель, публицист, историк. Осенью 1918 г. приехал в К. Служил в дружине генерала Кирпичева. Записался в «Русскую армию» Скоропадского, а после захвата К. Петлюрой оказался военнопленным. В начале 1919 г. вместе с другими пленными выехал в Германию.

Деникин Антон Иванович (1872—1947) — военачальник, писатель, публицист. Стал офицером и генералом в К. Командующий Добровольческой армией, Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1918—1920). Эмигрант. Автор воспоминаний «Очерки русской смуты» (1921—1926) — фундаментального историко-биографического произведения о гражданской войне.

Добжанский Владимир Пантелеймонович (1893—1944) — первый кинооператор в К. Родной брат моей бабушки. Окончил двухлетнее училище. Занявшись операторской работой в 1909 г., стал «летописцем» всех значительных событий К. В 1919 г. снял документальную ленту «Зверства Киевского ВЧК». Репрессирован. Умер в лагере.

Довженко Александр Петрович (1894—1956) — один из выдающихся представителей мирового кинематографа. Кинорежиссер-новатор со своей поэтикой и стилистикой, писатель, художник.

Донской Борис Михайлович (1894—1918, К.) — эсер, совершивший теракт против фон Эйхгорна. Д. был сразу

задержан, на допросе заявил, что ЦК левых эсеров вынес «смертный приговор Эйхгорну за то, что он, являясь начальником германских военных сил, задушил революцию на Украине, изменил политический строй, произвел, как сторонник буржуазии, переворот, способствуя избранию гетмана, и отобрал у крестьян землю». Из Лукьяновской тюрьмы Д. удалось передать на волю записку: «Для меня нет в жизни более дорогого, чем революция и партия».

Дорошенко Дмитрий Иванович (1882—1951) — политический деятель, историк, публицист. Член ЦР. Министр иностранных дел УД.

Драй-Хмара Михаил Афанасьевич (1889—1939) — поэт-неоклассик, переводчик, ученый-славяновед. 28.03.1936 обвинен в шпионаже, в подготовке покушений и в принадлежности к «тайной контрреволюционной организации, возглавляемой профессором Николаем Зеровым». Наказание отбывал на Колыме. Там и умер.

Ежов Николай Иванович (1895—1940) — генеральный комиссар госбезопасности (с 1937), секретарь ЦК ВКП(б) (1935—1939), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1937—1939). Нарком внутренних дел (1936—1938). Период, на который пришелся пик репрессий НКВД, получил название «ежовщина». Расстрелян.

Ефимов (Фридлянд) Борис Ефимович (1900, К. —2008) — художник-график, карикатурист. Лауреат Государственной премии СССР и двух Сталинских премий. В 1918 г. в журнале «Зритель» (К.) появились первые шаржи Е. В 1919 г. стал секретарем отдела Наркомата по военным делам.

Ефремов Сергей Александрович (1876—1939) — историк литературы, публицист, академик. Потомок старинного рода священников, до XIX в. носивших фамилию Охрименко. Репрессирован.

Жук Борис Касьянович (1878, К. —1960) — коллекционер, археолог. Работал в музеях Украины. Выступал против сноса соборов и церквей. В 1937—1938 гг. лично уберег от сожжения 580 икон КПЛ. С 1938 г. — профессор КХИ. В 1943 г. вывез собственную коллекцию ювелирных изделий времен К. Руси.

Затонский Владимир Петрович (1878—1938) — политический и партийный деятель. Академик. Член Политбюро ЦК КП(б)У. В 1934—1938 гг. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). Расстрелян.

Зеров Николай Константинович (1890—1937) — поэт, переводчик, литературовед. Лидер группы неоклассиков. Расстрелян.

Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Герш Аронович) (1883, Елисаветград — 1936) — политический и государственный деятель. Член Политбюро ЦК партии (1921—1926). Расстрелян.

Йогансен Майк (Михаил) Гервасиевич (1896—1937, К.) — писатель, поэт. Сын латвийского немца. Расстрелян.

Кавалеридзе Иван Петрович (1887—1978, К.) — выдающийся скульптор, кинорежиссер, драматург.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — ближайший сподвижник Сталина. Секретарь ЦК ВКП(б) (1924—1939), член Политбюро (Президиума) ЦК (1930—1957). В числе приближенных Сталина участвовал в рассмотрении так называемых списков репрессированных с личной санкции верхушки ЦК. Подписи на них означали вынесение обвинительного приговора. Подпись К. стоит на 189 списках, по которым были осуждены и расстреляны более 19 тыс. человек. 13.01.2010 К. апелляционный суд признал К., а также С. Косиора, В. Чубаря, В. Молотова, И. Сталина виновными в организации голода в Украине в 1932—1933 гг.

Кальницкий Михаил Борисович (род. в 1958) — исследователь Киева, писатель, коллекционер, краевед.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — партийный и государственный деятель. Председатель Моссовета (1918—1926), член Политбюро ЦК в 1919—1926 гг. Расстрелян.

Каменский Анатолий Павлович (1876—1941) — писатель, беллетрист. Произведения К. написаны под влиянием фрейдизма, критиковался за эротизм, переходящий в порнографию. Репрессирован. Погиб в лагере.

Кан Альберт (1869—1942) — один из виднейших архитекторов индустриальной эпохи. Архитектор офиса *General Motors*, заводов Форда и сотен советских промышленных предприятий.

Капкан Юрий Евгеньевич (1883 — после 1919) — начальник 1-й Сердюкской дивизии. Потом, короткое время, *«командувач всіма Українськими військами для оборони України від наступу Армії Ради Народних Комісарів»*.

Каплан Фанни (Ройтман Дора) (1886—1918) — революционерка, исполнительница покушения на В. И. Ленина, в результате которого «вождь революции» получил ранение. Расстреляна.

Каховская Ирина Константиновна (1887, Тараща — 1960) — эсерка, правнучатая племянница декабриста Петра Каховского. В 1917 г. совместно с Марией Спиридоновой создавала партию левых эсеров. К. была единственной женщиной-делегатом на II Всероссийском съезде Советов. Вместе с Б. Донским готовила покушение на фон Эйхгорна и гетмана Скоропадского. Была приговорена к смертной казни, но отпущена после Германской революции. В 1919 г. К. арестовали чекисты, но вскоре освободили благодаря заступничеству Ленина, узнавшего, что она замышляла убийство Деникина (которое так и не состоялось). После возвращения в Москву была задержана и

выслана в Калугу, где писала мемуары, опубликованные в Берлине (на русском и немецком языках), а затем в Париже, с предисловием Ромена Роллана. В 1925 г. К. вновь арестовали. Всего провела в неволе и изгнании 45 лет. В 1955 г. переехала в Малоярославец, где перевела «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери.

Кацнельсон Зиновий Борисович (Борухович) (1892—1938) — деятель ВЧК—ОГПУ—НКВД. С января 1934 г. — зампредела ГПУ УССР, с июля 1934 г. — замнаркома внутренних дел УССР. Расстрелян.

Квириг Эммануил Ионович (1888—1937) — первый секретарь ЦК КП(б)У (1923—1925), зампредела Госплана СССР (1927—1931). Доктор экономических наук. Расстрелян.

Квитцрау Хельмут (1899—1999) — бригадефюрер СА, депутат рейхстага. Генеральный комиссар округа К. в рейхскомиссариате «Украина» (1941—1942). Участвовал в организации убийств в Бабьем Яру и отправке киевлян в Германию на принудительные работы, за что так и не был привлечен к ответственности.

Квятек Казимир Францевич (Витковский Ян Карлович) (1888—1938) — комдив Красной армии. В 1935—1936 гг. — командир 17-го стрелкового корпуса КВО. 12—17.09.1935 принимал участие в К. маневрах. Арестован 17.12.1937 за участие в заговоре «Польской военной организации». Расстрелян.

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — российский государственный и политический деятель, глава Временного правительства.

Киркевич Геннадий Александрович (1916, К. —2017, К.) — мой отец. Экономист, Почетный гражданин города К.

Кирпонос Михаил Петрович (1892—1941) — генерал-полковник, получивший звание Героя Советского Союза за советско-финляндскую войну.

Кирхбах Гюнтер фон (1850—1925) — граф, генерал-полковник, командующий 8-й немецкой армией. После гибели генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна 31.07.1918 возглавил группу армий «Киев». После падения монархии в Германии руководил эвакуацией войск.

Клименко Алексей Григорьевич (1912, К. —1943, К.) — футболист, вратарь, участник легендарного «матча смерти».

Ковалевский Николай Николаевич (1892—1957) — масон, организатор масонского движения, политический и государственный деятель.

Ковенко Михаил Никитович (1888 — после 1922) — журналист. Член Центральной Рады. К. городской комиссар. Командир отрядов Вольного Козацтва в К. Редактор газеты «Україна» (1919).

Коломиец Анатолий Федорович (род. в 1944, К.) — историк и статистик футбола, писатель. Голова Правления Украинского общества коллекционеров-футболофилов.

Кольцов (Фридлянд) Михаил (Моисей) Ефимович (1898, К. — 1940) — публицист, журналист, писатель. Член-корреспондент АН СССР (1938). В 1938 г. арестован в редакции газеты «Правда» «за связь с Ежовым». Как и многие другие, Кольцов не выдержал пыток и оговорил более 70 участников «заговора». Был приговорен к смертной казни по обвинению в «*антисоветской и троцкистской деятельности*» и на следующий день расстрелян.

Коновалец Евгений Михайлович (1891—1938) — полковник армии УНР; руководитель УВО, ПУН, ОУН. Гражданин Литвы, боролся с Польшей. Убит в Роттердаме сотрудником НКВД Павлом Судоплатовым.

Королев Сергей Павлович (1907—1966) — выдающийся ученый, главный организатор производства ракетно-космической техники, академик. К. был арестован в 1938 г. по обвинению во вредительстве, подвергнут пыткам и включен в

список лиц, подлежащих расстрелу, завизированный Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем. Но получил только 10 лет ИТЛ, которые отбывал на Колыме, где был занят на так называемых общих работах. Освобожден в 1944 г. Работал в «шараге» (научной организации, в которой трудились заключенные).

Коротких Николай Иванович (1909—1942, К.) — футболист, нападающий. Участник легендарного «матча смерти».

Косач-Борисова Изидора Петровна (1888—1980) — мемуаристка, культуролог, сестра Леси Украинки. В оккупированном немцами К. работала в управе, сотрудничала с подпольем ОУН, за что была схвачена гестаповцами.

Косач-Кривинюк Ольга Петровна (1877—1945) — писательница, литературовед. Сестра Леси Украинки. С 1929 г. работала библиотекарем в К. В 1931 г. ее мужа привлекли по делу «Спілки визволення України» и заключили в Лукьяновскую тюрьму. Там он и исчез. Вскоре арестовали и ее сестру Изидору, из-за чего Ольга Петровна все время жила в ожидании ареста.

Косиор Станислав Викентьевич (1889—1939) — Генеральный секретарь КПУ, член Политбюро ЦК ВКП(б). Расстрелян.

Костенко Василий Семенович (1912—2001, К.). Историк. Прозаик, публицист. Первый секретарь ЦК ЛКСМУ (1943—1947).

Костенко Юрий Васильевич (род. в 1945, К.) — дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол.

Костюшко Анджей Тадеуш Бонаventura (1746—1817) — генерал, национальный герой Польши.

Коцюбинский Юрий Михайлович (1896—1937) — государственный и партийный деятель. Председатель Госплана УССР. Член ЦК КП(б)У. Обвинен в создании «украинского троцкистского центра». Расстрелян.

Кравчук Михаил Филиппович (1892—1942) — гениальный математик, академик ВУАН. Приговорен к 20 годам тюрьмы.

Умер на Колыме.

Ксения Александровна (1875—1960) — великая княгиня, дочь Александра III, супруга великого князя Александра Михайловича, теща Феликса Юсупова.

Кудрявцев Петр Павлович (1868—1940, К.) — богослов, философ. Председатель К. религиозно-философского общества. Член Предсоборного совета. Сотрудник историко-филологического отдела ВУАН. Репрессирован.

Кузьменко Иван Семенович (1912—1943, К.) — футболист, полузащитник. Участник легендарного «матча смерти». Расстрелян.

Куликовский Николай Александрович (1881—1958) — ротмистр 12-го гусарского Ахтырского полка, супруг великой княгини Ольги Александровны.

Кулиш Николай Гуриевич (1892—1937) — драматург, журналист. В декабре 1934 г. арестован за принадлежность к ОУН. Приговорен к 10 годам Соловецких лагерей. Расстрелян.

Купер Мериан Колдуэлл (1893—1973) — американский авиатор, военный, режиссер, продюсер. В октябре 1919 г. — один из добровольцев 7-й боевой эскадрильи им. Т. Костюшко. В начале мая 1920 г. принимал участие в К. операции польских войск. 26.07.1920 его самолет был подбит, и он оказался в советском лагере, где находился 9 месяцев. Запись о встрече с ним в плену оставил И. Бабель. После попытки побега его отправили на строительство железной дороги под Москвой, но он все-таки бежал и добрался до Польши, где был награжден Ю. Пилсудским орденом *Virtuti Militari* (орденом Воинской Славы). В плену написал автобиографию. Вернувшись в США, заинтересовался кинематографом и жизнью горилл. Оба эти увлечения побудили его написать сценарий фильма о гигантской обезьяне, оказавшейся в Нью-Йорке. Популярность

получил как режиссер культового фильма 1933 г. «Кинг-Конг», а также как продюсер многих фильмов с участием Джона Форда.

Курбас Лесь (Александр-Зенон) Степанович (1887—1937) — актер и театральный режиссер. В 1917 г. переехал в К., где организовал театральную студию (позже «Молодой театр»). Арестован в 1933 г. по делу УВО. Приговорен к 5 годам ИТЛ. В октябре 1935 г. отправлен на Соловки. Расстрелян.

Куренной Петр Петрович (1894—1972) — историк, археолог, этнограф. Репрессирован.

Куусинен Отто Вильгельмович (1881—1964) — премьер-министр и министр иностранных дел т. н. правительства ФДР. Председатель Президиума ВС Карело-Финской ССР (1940—1956).

Лапчинский Георгий Федорович (1887—1937) — управляющий делами правительства Украины (1918). Один из лидеров «Украинской коммунистической партии» (укаписты) (1920—1925). Приговорен Особым совещанием при НКВД к 5 годам ИТЛ. Отбывал наказание на Колыме. Расстрелян.

Лацис Мартын Иванович (Ян Фридрихович Судрабс) (1888—1938) — председатель Всеукраинской ЧК, лично руководил К. ЧК. По его указанию в 1919 г. были расстреляны великие князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Павел Александрович и Дмитрий Константинович. Современники указывают на большую личную жестокость Л., что подтверждается как материалами, собранными комиссией, расследовавшей действия Всеукраинской ЧК, так и рядом высказываний и действий самого Л.: *«Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить*

судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора». (Из статьи, опубликованной журнале «Красный террор».) 01.11.1938 расстрелян.

Лившиц Бенедикт Константинович (Наумович) (1887—1939) — поэт, переводчик. Выпускник КУ. В 1915—1922 гг. жил в К. Работал завканцелярией на Демиевском снарядном заводе, с октября 1917 года — начальник Рабоче-крестьянской инспекции К. губисполкома, затем переводчик и редактор «Всемирной литературы»; выступал с декламациями детских стихов на утренниках. Расстрелян.

Липа Юрий Иванович (1900—1944) — писатель, поэт, публицист, врач, идеолог. В 1917 г. добровольцем вступил в 1-й пластунский курень Гайдамацкой дивизии. Вместе с Е. Маланюком создал литературную группу «ТАНК», ответвление «пражской поэтической школы». После переезда летом 1943 г. из Варшавы в Яворов стал одним из активных участников ОУН—УПА. Подпольно подготавливал санитаров для УПА, готовил тексты листовок с воззваниями к населению и немецким солдатам. С июля 1944 г. — инструктор 1-й Старшинской школы УПА в Карпатах. Вошел в состав Украинского Главного Освободительного Совета. 19.08.1944 был схвачен НКВД, замучен и убит.

Литвинов Максим Максимович (Меер-Генох Моисеевич Валлах) (1876—1951) — в К. был управляющим сахарным заводом. Его, члена РСДРП со дня ее основания в 1898 г., невероятно боялись, сначала жандармы, а потом дипломаты — Л. любил их сталкивать лбами: первых — физически, а вторых — фигурально. В тяжелейшие 1941—1946 гг. — член ЦК КПСС Л., заместитель наркома иностранных дел и одновременно посол СССР в США. Многие считают, что вступление этой державы в антигитлеровскую коалицию — заслуга Максима Максимовича.

Лосский Игорь Владимирович (1900—1936) — участник боя под Крутами, референт Министерства иностранных дел УД, историк. Учился во 2-й КГ.

Любченко Панас Петрович (1897—1937, К.) — председатель К. горсовета, К. губисполкома. Секретарь ЦК КП(б)У, кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У. (1927—1934), Председатель СНК УССР (1934—1937). Член ЦИК СССР. Орден Ленина. На пленуме ЦК КП(б)У обвинен в руководстве контрреволюционной националистической организацией в Украине. Отвергнув все обвинения, Л. вернулся домой, застрелил жену и себя.

Магуния Вальдемар (1902—1974) — генеральный комиссар округа К. в рейхскомиссариате «Украина». (14.02.1942 — ноябрь 1943). В 1944 г. составил доклад, где подробно проанализировал опыт оккупационной администрации в К. округе. К ответственности не привлечен.

Макаренко Николай Емельянович (1877—1938) — выдающийся археолог и искусствовед. Основатель и директор Музея искусств ВУАН, созданного на основе уникального собрания Ханенко (1920—1925). Расстрелян.

Маккавейский Владимир Николаевич (1893, К. —1920, К.) — поэт-символист и переводчик. Объединив вокруг себя группу постсимволистов, издавал программный журнал «Гермес». Был центральной фигурой поэтической жизни К. В 1918 г. выпустил в К. сборник стихов «Стилос Александрии» в собственном оформлении. Воевал в Белой армии. Погиб в К.

Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938) — поэт, переводчик, эссеист, литературовед. Репресирован. Погиб в лагере.

Маннергейм Карл Густав (1867—1951) — барон, генерал-лейтенант российской армии. Фельдмаршал, маршал и президент Финляндии (04.08.1944—11.03.1946). Возглавив комитет обороны Финляндии, Маннергейм реформировал

наземные войска и гвардию (шюцкор), чем значительно повысил боеспособность армии. Летом 1939 г. в стране зародилось народное движение по строительству на добровольных началах оборонительных сооружений на Карельском перешейке, получившее название «линия Маннергейма».

Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959, К.) — партийный деятель, дипломат, академик АН УССР.

Манштейн Эрих фон Левински (1887—1973) — генерал-фельдмаршал. Лидер немецкого генералитета. Начальник штаба в группе армий «Юг» под командованием Рундштедта при захвате Польши в сентябре 1939 г. Командовал войсками в Битве за Днепр, а затем — южным крылом войск на Правобережной Украине.

Мария Федоровна (1847—1928) — императрица, супруга Александра III, мать Николая II. Очень любила К. и жила в нем постоянно с 1915-го по 1917 г.

Маркиш Перец Давидович (1895—1952) — поэт и писатель, писавший на идише. В 1939 г. М., единственный из еврейских писателей, был удостоен ордена Ленина. После длительных истязаний расстрелян.

Масарик Томаш Гарриг (1850—1937) — социолог, философ, лидер движения за независимость Чехословакии и ее первый президент (1918—1935).

Махно Нестор Иванович (1888—1934) — анархо-коммунист, организатор и руководитель повстанческого движения на юге Украины в 1918—1922 гг. Стал известен как «батько Махно». Автор мемуаров «Воспоминания».

Мельник Андрей Афанасьевич (1890—1964) — атаман войск УНР, голова ОУН. При немецкой оккупации М. последовательно отстаивал идею создания независимой Украины, за что с 26.02.1944 был заключен в концлагерь Заксенхаузен.

Михновский Николай Иванович (1873—1924, К.) — политический деятель. Организатор Украинской народной партии. Создал Украинский военный клуб им. гетмана Полуботька. Член ЦР. После возвращения в 1924 г. в К. был арестован НКВД, но вскоре освобожден. На следующий день, 03.05.1924, М. нашли повешенным. На примере его служения Родине за рубежом воспитывались поколения украинской молодежи.

Мияковский Владимир Варламович (1888—1972) — литературовед, историк-архивист, профессор. Выпускник 1-й КГ.

Моркотун Сергей Константинович (1893, К. —1971) окончил КУ. Руководитель ордена мартинов в К. (1917). Основал тайную франкофильскую политическую организацию «Молодая Украина». В ней участвовали С. Петлюра, П. Скоропадский, М. Волошин.

Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918) — офицер российской императорской армии, эсер, командир Красной армии. Войска М. в К. установили режим террора. При штурме города был проведен массовый артобстрел (выпущено до 15 тыс. снарядов), в результате которого были разрушены дома и храмы. Перед началом штурма Муравьев отдал своим войскам приказ: *«войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции»*. По сведениям Красного Креста, в первые дни после установления власти М. в К. было убито до 5 тыс. человек, из них до 3 тысяч — офицеры. Это была одна из крупнейших, если не самая крупная за всю гражданскую войну, акция расправы над офицерством.

Мурашко Александр Александрович (1875, К. —1919, К.) — выдающийся живописец, профессор УАИ. Организатор К. общества художников. Убит при невыясненных обстоятельствах.

Муссолини Бенито (1883—1945) — публицист, лидер Национальной фашистской партии, диктатор, «дуче», возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 гг., маршал. Основатель итальянского фашизма, включавшего в себя элементы корпоративизма, экспансионизма и антикоммунизма в сочетании с цензурой и госпропагандой.

Нарбут Георгий Иванович (1886—1920, К.) — выдающийся художник-график и иллюстратор. Автор первых украинских государственных знаков (банкнот и почтовых марок) и проекта Герба УД. Ректор и один из основателей УАИ.

Науменко Владимир Павлович (1852—1919, К.) — известный историк, педагог, этнограф, общественно-политический деятель. Выпускник КУ (1873). Хранитель архивов Т. Шевченко, М. Максимовича. Расстрелян большевиками.

Никовский Андрей Васильевич (1885—1942) — лингвист, литературовед, журналист. Активный член ТУП и УПСФ, сотрудничал с С. Ефремовым. Н. был членом ЦР и замом ее председателя. В 1929 г. арестован вместе с Ефремовым как один из руководителей «Союза освобождения Украины». Приговорен к смертной казни, замененной на 10 лет заключения. По окончании срока жил у дочери в Ленинграде, где и умер.

Никулин (Олькеницкий) Лев Вениаминович (1891—1967) — писатель, поэт, журналист. Лауреат Сталинской премии (1952). В 1919 Н. работал в бюро печати Украины и в агитпросветуправлении КВО.

Оберучев Константин Михайлович (1864—1929) — генерал-майор, революционер. С 1906 г. вышел в отставку, проживал в К., занимался публицистической и общественной деятельностью. Был выбран военным комиссаром К. военного округа. Произведен в генералы и назначен Временным правительством командующим К. военным округом.

Оглоблин Александр Петрович (1899, К. —1992) — историк. Городской голова К. во время немецкой оккупации осенью 1941 г.

Олесь Олександр (Кандыба Александр Иванович) (1878—1944) — поэт и прозаик. Умер 22.07.1944 вскоре после сообщения о гибели сына, Олега Ольжича. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Ольга Александровна (1882—1960) — великая княгиня, сестра Николая II, художница, Георгиевский кавалер.

Ольжич (Кандыба) Олег Александрович (1907—1944) — литератор, археолог, один из руководителей «походных групп ОУН», прибывших в Украину для формирования органов полиции и местной администрации. В 1941—1942 гг. легально проживал в К., в районе Золотых Ворот, налаживал сеть ОУН по Украине. В октябре 1941 г. стал одним из организаторов Украинского Национального Совета. Председатель ПУН. 25.05.1944 арестован гестапо и заключен в концлагерь Заксенхаузен, где и был замучен.

Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878—1942) — писатель, журналист, эссеист, основатель нескольких масонских лож во Франции.

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897—1941) — генерал армии. Расстрелян 22.07.1941.

Пархоменко Владимир Григорьевич (род. в 1949) — краевед, автор исследований о Сумщине.

Петлюра Симон Васильевич (1879—1926) — военный и политический деятель, глава Директории УНР в 1919—1920 гг., Главный атаман войска и флота. Убит.

Петров Николай Иванович (1840—1921, К.) — церковный историк, литературовед, этнограф, искусствовед, блюститель Музея КДА, в которой учился и впоследствии преподавал как доктор богословия, профессор (1875). Крестный отец

М. Булгакова. П. всегда была присуща активная жизненная позиция. Один из организаторов ВУАН и с 1919 г. — первый академик.

Петровский Григорий Иванович (1878—1958) — советский и украинский партийный и государственный деятель. Возглавлял Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (1917—1918), являлся председателем Всеукраинского революционного комитета (1919—1920), одновременно Всеукраинского ЦИК (1919—1938) и ЦИК СССР (1922—1938). Находился на различных партийных должностях Советской Украины и Союза ССР. Член ЦК ВКП(б) (1921—1939), кандидат в члены Политбюро ЦК (1926—1939). П. называли «всеукраинским старостой».

Петровский Петр Григорьевич (1899—1941) — сын Г. И. Петровского. Журналист, делегат VIII—XV съездов партии, 5-го и 6-го конгрессов Коминтерна, профессор. В ноябре 1937 г. осужден к 15 годам. 11.09.1941 расстрелян без суда.

Пидмогильный Валерьян Петрович (1901—1937) — писатель, переводчик. В 1934 г. арестован по обвинению в «организации террора против руководителей партии». Отвечал следователям: «Виновным себя не признаю», однако в протоколе появилось «признание». Среди обвинений П. приводится его высказывание о том, что «политика коллективизации привела украинское село к голоду». Вскоре П. был расстрелян.

Пилсудский Юзеф Клеменс (1867—1935) — первый глава Польши, маршал. Автор проекта «прометеизм», целью которого было ослабление и расчленение Российской империи и, впоследствии, Советского Союза для создания конфедерации «Междуморье», от Черного моря до Балтийского. Замысел П. заключался в том, чтобы избежать доминирования Германии или России. 12.05.1935 в «Правде» появился некролог, где его именовали «организатором независимости польского

государства», «горячим польским патриотом», «вождем польского государства». Без сомнения, этот политически выверенный текст инициировал лично Сталин.

Повстенко Олекса Иванович (1902—1973) — архитектор, историк искусства. Будучи директором Софийского архитектурно-исторического музея, спас Софийский собор от разрушения советскими войсками при их отступлении, а впоследствии, в 1943 г., вывез останки Ярослава Мудрого. Проектировал Капитолий в США.

Полищук Клим Лаврентьевич (1891—1937) — писатель, поэт и публицист. В К. редактировал газеты «Український голос», «Народна воля», входил в редколлегии газеты «Народна справа» и журнала «Мистецтво». Один из основателей литературно-художественного объединения «Музагет». В 1929 г. арестован и осужден на 10 лет заключения в СЛОН. Расстрелян.

Порш Николай Владимирович (1879—1944) — экономист, дипломат, посол УНР в Германии. Состоял в ЦК УСДРП (1917—1918). С 18.12.1917 — Генеральный секретарь (министр) по военным делам УНР. При нем войска Центральной Рады потерпели ряд существенных поражений в боях. При гетмане был арестован.

Постышев Павел Петрович (1887—1939) — государственный и партийный деятель. С ноября 1926 г. — секретарь ЦК КП(б)У. Инициатор создания светского праздника Новый год взамен Рождества (1935). Арестован и расстрелян в один день с женой. Два сына осуждены, один расстрелян.

Потоцкий Павел Платонович (1857—1938, К.) — коллекционер украинистики, генерал, военный историк, библиофил. Свою библиотеку (около 13 тыс. томов) безвозмездно передал Наркомпросу. В 1925 г. был назначен пожизненным директором музея при КПЛ, созданного им на

основе своей коллекции. В 1938 г. осужден с конфискацией имущества. Умер от побоев в Лукьяновской тюрьме.

Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890—1937) — председатель К. военно-революционного комитета. В июле 1918 г. на I Съезде избран секретарем ЦК КП(б)У. В ноябре 1918 г. Пятаков вошел в состав Украинского революционного военного совета (в компанию к И. Сталину, В. Затонскому и В. Антонову-Овсеенко), который организовал наступление Красной армии в Украине. С марта 1922 г. — зампредседателя Госплана. В 1923—1927 гг. — член ЦК ВКП(б). В 1923—1927 гг. — зампредседателя ВСНХ СССР. Расстрелян.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939) — член ЦК РКП(б) (1919—1924), секретарь Исполкома Коминтерна (1920). Был известен своим остроумием; ему приписывали авторство многих т. н. антисоветских острот, каламбуров и анекдотов. 30.01.1937 приговорен к 10 годам тюрьмы. Был отправлен в Верхнеуральский политизолятор, где и убит.

Раковский (Станчев) Христиан Георгиевич (1873—1941) — болгарин, один из организаторов советской власти в Украине. Член ЦК РКП(б)—ВКП(б) (1919—1927). В телеграмме в Москву от 10.01.1919 члены ЦК КП(б)У просили *«немедленно прислать Христиана Георгиевича»*, чтобы предотвратить правительственный кризис. Председатель СНК, нарком иностранных дел (1919—1923) и нарком внутренних дел (1919—1920) Украины. Продолжительное время Р. являлся верховным политическим лидером в стране, был незаменим. В июне 1923 г. по инициативе Р. принято постановление ЦК КПУ, в соответствии с которым иностранные компании могли открывать свои филиалы в Украине, только получив разрешение ее властей. Все коммерческие договора, заключенные в Москве, аннулировались. Через месяц это решение ЦК КПУ было отменено.

Ратманский Михаил Самойлович (1900—1919) — один из организаторов комсомола в Украине, комиссар роты частей особого назначения. С 1912 г. работал в К. Участник вооруженных восстаний в К. в октябре 1917 г. и в январе 1918 г. Убит повстанцами атамана Зеленого в Триполье.

Рейхенау Вальтер фон (1884—1942) — генерал-фельдмаршал, командовал 6-й армией вермахта. Брал Париж, К. и Харьков. Один из немногих высших военачальников вермахта, активно поддерживавших нацизм.

Рерих Борис Константинович (1885—1945) — художник, график, архитектор, педагог. Брат Н. К. Рериха. В 1919—1923 гг. заведовал секцией образования Наркомпроса Украины, был избран профессором Академии художеств, Архитектурного института. Здесь же проявился его талант к оформлению книг: им была создана галерея портретов деятелей украинской культуры. Находился в разработке ОГПУ как брат *«американского разведчика Рериха»* и *«украинский националист»*. 23.05.1931 был арестован и привлечен к уголовной ответственности за *«контрабанду»* (получал краски) и приговорен к заключению. Отбывал наказание, работая архитектором в закрытом Особом конструкторском техническом бюро № 12 (в «шарашке»). Освобожден в 1933 г.

Риббентроп Ульрих Иоахим фон (1893—1946) — министр иностранных дел (1938—1945), советник Гитлера по внешней политике. Повешен.

Рогач Иван Андреевич (1913—1942, К.) — журналист, молодежный лидер ОУН(м). Расстрелян гестапо.

Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968) — военачальник, маршал Советского Союза и маршал Польши. Командовал Парадом Победы в Москве.

Рузвельт Франклин Делано (1882—1945) — президент США во время Второй мировой войны.

Рыков Алексей Иванович (1881—1938) — председатель ВСНХ РСФСР, ВСНХ СССР (1918—1924), член Политбюро (1922—1930). Расстрелян.

Сальский Владимир Петрович (1885—1940) — генерал-хорунжий армии УНР. С ноября 1917 г. — начальник штаба 1-й Сердюцкой дивизии войск ЦР. С 10 марта 1918 г. — член комиссии по формированию украинской армии и повышению ее боеспособности. В сентябре 1919 г. С. стал командующим Действующей армией УНР. Однако неудачи армии и недостаточная уверенность в себе С. привели к замене его на этом посту на генерала Василия Тютюнника. С. был перемещен на почетный, но менее значимый пост военного министра.

Сафонов Яков Васильевич (1877—1918, К.) — генерал-майор, начальник штаба 1-го Украинского армейского корпуса. По его инициативе при корпусе была открыта офицерская школа. Расстрелян.

Седляр Василий Теофанович (1899—1937, К.) — художник-монументалист, график и иллюстратор. Был арестован и перевезен в К., где под пытками сознался, что он *«активный участник национал-фашистской террористической организации»*. Следователи НКВД также пытались приобщить к т. н. Делу бойчукистов и писателей, друживших с С. и Падалкой. 03.07.1937 С. приговорили и в тот же день расстреляли вместе с М. Бойчуком, И. Падалкой и другими обвиняемыми.

Семенко Михайль (Михаил Васильевич) (1892—1937, К.) — поэт, основоположник и теоретик украинского футуризма. Расстрелян.

Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — генерал-лейтенант императорской армии, гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г.

Скрипник Николай Алексеевич (1872—1933) — политический и государственный деятель. Застрелился.

Скуленко Иван Михайлович (1901—1990) — историк, музеевед, киевовед. Первый директор Софийского заповедника (1934—1937). Супруга С. — родная сестра моего деда. Репрессирован.

Слисаренко Олекса Андреевич (Снисарь) (1891—1937) — писатель, поэт. Главред «Книгоспілки». Общественный обвинитель на процессе «Спілки визволення України» (1930). В 1934 г. арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы на Соловках. Расстрелян.

Смирнов Борис Леонидович (1891—1967) — врач, выдающийся санскритолог. Академик Академии наук Туркменской ССР. Переводчик философских текстов «Махабхараты». Читал в К. публичные лекции на тему «непосредственной передачи мысли» с демонстрацией опытов. В 1920 году вступил в оккультный орден «Гизбар». Был арестован ОГПУ. После распада «Гизбара» основал в 1922 г. оккультный орден «Гармахис».

Старицкая-Черняховская Людмила Михайловна (1868—1941, К.) — писатель, общественный деятель. В апреле 1917 С. избрали в ЦР. Член президиума Общества «Украинский национальный театр». Одна из основательниц и зам. председателя Нацсовета украинских женщин. В 1920-х гг. работала в ВУАН. В январе 1918 г. возглавила Кинематографическую секцию, в которую вошли актер И. Марьяненко, поэт Олександр Олесь и сценарист Я. Яцовский (замруководителя). В начале лета 1918 г. Секция создала компанию «Українфільм», задачами которой были производство и прокат украинских фильмов. В 1930-м С. арестовали и судили на открытом процессе 45-ти в деле «Союза освобождения Украины». В отличие от многих, С. держалась мужественно. Во время следствия заявила: *«Мысль о независимой Украине была ведущей мыслью моей жизни, и конечно, по мере сил*

и возможностей, я стремилась к ее осуществлению». Вторично С. была арестована в июле 1941 г., когда немцы подошли к К. Расстреляна.

Струк Илья Тимофеевич (1896—1969) — авантюрист, атаман, активный организатор еврейских погромов. Всегда стремился к независимости от тех сил, к которым присоединялся исходя из обстоятельств. Большую часть гражданской войны был фактическим диктатором Чернобыля.

Суворов Виктор (Резун Владимир Богданович) (род. в 1947) — писатель, работающий в области исторического ревизионизма. Украинец. В марте 2010 г. подписал обращение к гражданам России «Путин должен уйти». Является автором украинского информагентства УНИАН.

Судоплатов Павел Анатольевич (1907—1996) — советский диверсант, сотрудник НКВД—НКГБ, перед арестом в 1953 г. — генерал-лейтенант МВД СССР. Ликвидировал руководителя ОУН Евгения Коновальца, организовал убийство Льва Троцкого. Осужден.

Суковкин Михаил Акинфович (1857—1938) — шталмейстер, председатель К. губернской земской управы, вице-губернатор.

Телига Михаил Яковлевич (1900—1942, К.) — сотник, бандурист. Муж и сподвижник Е. Телиги.

Телига Олена (Шовгенова Елена Ивановна) (1906—1942, К.) — поэтесса и литературный критик, член ОУН(м).

Терапиано Юрий Константинович (1892—1980) — поэт, прозаик, переводчик. Видный деятель ордена мартинистов и связанных с ним масонских лож в К. С 1970 г. — представитель «российской ветви» мартинизма во Франции.

Терещенко Михаил Иванович (1886, К. —1956) — сахарозаводчик, министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства, масон.

Тимошенко Семен Константинович (1895—1970) — маршал, нарком обороны (май 1940 — июль 1941).

Троцкий Лев Давидович (Бронштейн Лейба) (1879—1940) — революционер, идеолог левого течения марксизма, получившего название «троцкизм». Организатор: Октябрьского переворота, Красной армии, Коминтерна и др. В 1918—1925 гг. — председатель Реввоенсовета РСФСР, затем военнарком СССР. В 1927 г. был снят со всех постов и отправлен в ссылку, а в 1929 г. выслан за пределы СССР. В изгнании Т. стал известен как создатель и главный теоретик 4-го Интернационала (1938). Автор работ по истории революционного движения. Был убит агентом НКВД Р. Меркадером.

Трусевич Николай Александрович (1909—1943, К.) — футболист, вратарь, игрок одесских команд «Пищевик» и «Динамо», позже — вратарь «Динамо» К. Участник легендарного «матча смерти». Казнен немецким оккупационным режимом в К.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — военачальник, военный теоретик, маршал. Расстрелян.

Успенский Александр Иванович (1902—1940) — комиссар государственной безопасности 3-го ранга (1938), нарком внутренних дел УССР (1938). Входил в состав особой «тройки» НКВД СССР.

Ушаков Николай Николаевич (1899—1973, К.) — поэт-конструктивист, писатель и переводчик. Окончил КИНХ (1924). Автор лирических очерков о К., собранных в книгу «Повесть быстротекущих лет» (1960).

Фесенко Татьяна Павловна (1915, К. —1995) — писательница, поэтесса, библиограф. Автор воспоминаний о К.

Хайкина Фрума Ефимовна (1897—1977) — жена Н. Щорса. Упоминается как жестокая чекистка в произведениях А. Аверченко и Тэффи.

Хвылевой Николай (Фитилев) (1893—1933) — писатель, поэт, публицист. Покончил жизнь самоубийством. Его смерть стала символом краха идеологии украинского национал-коммунизма и конца украинского национального возрождения 1920—1930-х гг.

Христюк Павел Аникеевич (1890—1941) — член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров, министр внутренних дел ЦР. С 1919 г. пребывал в Вене, сотрудничал с эмигрантскими изданиями. В 1924 г. вернулся в Украину. Спустя 7 лет кропотливой работы в социалистическом строительстве арестован по делу Украинского национального центра и умер в лагере, в Хабаровском крае.

Чечвянский (Губенко) Василий Михайлович (1888—1937, К.) — писатель, юморист и сатирик. Брат Остапа Вишни. 02.11.1936 по обвинению в участии в контрреволюционно-националистической фашистской организации был арестован. 14.07.1937 в К. его приговорили к расстрелу и на следующий день казнили.

Чойбалсан Хорлогийн (1895—1952) — коммунистический лидер Монголии.

Чупрынка Григорий Аврамович (1879—1921, К.) — поэт, казак. С 1910 г. постоянно жил в К., где учился в гимназии. В 1919 г. руководил восстанием против большевиков на Черниговщине. Арестован ЧК и расстрелян. Имя поэта-воина в качестве псевдонима взял генерал Роман Шухевич.

Шапошников Борис Михайлович (1882—1945) — военный теоретик, маршал (1940).

Швецов Георгий Дмитриевич (1899—?) — футболист и тренер. Один с инициаторов возобновления футбольной жизни в оккупированном К.

Шевелёв Юрий Владимирович (1908—2002) — лингвист и литературовед. Работал в СССР, Германии и США.

Шептицкий Андрей (в миру граф Роман Мария Александр Шептицкий) (1865—1944) — предстоятель Украинской греко-католической церкви (1900—1944). Митрополит Галицкий, блюститель К. митрополичьего престола.

Шкурупий Гео (Георгий) Данилович (1903—1937) — писатель, представитель панфутуризма. Арестован в К. в 1934 г. по обвинению в принадлежности к «киевской террористической организации ОУН». Отправлен на 10 лет в СЛОН. Расстрелян.

Шолуденко Никифор Никитович (1919—1943, К.) — гвардии старшина, командир разведывательного взвода.

Штейнгель Федор Рудольфович (1870—1946) — барон, член I Государственной думы от К., масон, посол УД в Берлине. Руководитель масонской ложи «Киевская заря» от ее основания, с 1909 г. В 1910 г. при создании Великого Востока народов России стал мастером-наместником (руководителем) К. ложи «Правда». С 1912 г. — председатель Верховного совета Великого Востока. Входил в ТУП. Вместе с другими деятелями ТУП и конституционными демократами-украинцами выразил протест в защиту культурного развития украинского народа и предоставления автономии Украине. 07.02.1914 принят в Украинское научное общество, некоторое время являлся товарищем (заместителем) председателя этого общества. В годы Первой мировой войны вошел в Раду ТУП. В 1915—1917 гг. возглавлял Юго-Западный комитет Всероссийского союза городов, стараясь привлечь к работе комитета больше украинских общественных деятелей. В феврале 1916 г. был избран в ЦК Кадетской партии. В 1917 г. — член президиума Всеукраинского национального конгресса. В августе 1917 г. не вошел в Генеральный секретариат ЦР. В 1919 г. библиотека Ш. поступила в Государственную публичную библиотеку АН УССР, созданный Ш. музей погиб во время гражданской войны.

Штеппа Константин Феодосьевич (1896—1958) — историк, ректор КУ (1942). Во время гражданской войны выступал на стороне белых, но, попав в плен, чтобы спастись, присягнул большевикам. В 1938—1941 гг. — профессор, декан Нежинского ИНО, глава народного просвещения при КУ. Активно сотрудничал с НКВД, с СД — в оккупации и с ЦРУ — после эмиграции в США

Штуль Олег (1917—1977) — журналист, глава ПУН (после смерти А. Мельника). В оккупированном К., находясь в подполье, подготавливал к выпуску газету «Українське слово». Участвуя в боях против нацистов при штабе УПА «Поліська Січ», попал в плен к гитлеровцам и был отправлен в концлагерь Заксенхаузен.

Шуленбург Фридрих-Вернер, граф (1875—1944) — дипломат, посол Германии в СССР (1934—1941). Казнен за участие в заговоре 20 июля против Гитлера.

Шульгин Василий Витальевич (1878, К. —1976) — писатель, журналист. Одна из самых интересных личностей XX века. Отец Ш. — создатель газеты «Кієвлянинь».

Шумский Александр Яковлевич (1890—1946) — партийный и государственный деятель. В сентябре 1946 г. сотрудниками НКВД под кураторством П. А. Судоплатова был вывезен из Красноярска и по дороге в К. убит.

Шухевич Роман Иосифович (1907—1950) — политический и военный деятель, член ОУН, после 1943 г. ее руководитель, с 1944-го до 1950 г. — главнокомандующий УПА. Убит.

Щербаковский Даниил Михайлович (1877—1927, К.) — этнограф, археолог, музеевед. Почетный член УАИ (1918). В 1923 Щ. удалось вернуть в Украину часть реквизированных у украинских церквей и вывезенных в Москву драгоценных реликвий — в частности, золотой крест, подаренный Богданом

Хмельницким КПЛ. Не выдержав травли со стороны партийных украинофобов, вечером 06.06.1927 Щ. бросился с моста в Днепр.

Щорс Николай Александрович (1895—1919) — начальник 1-й Украинской советской дивизии, которая взяла К., а 23-летний Щ. был назначен комендантом К. и награжден почетным золотым оружием. По словам В. Антонова-Овсеенко, красноармейцы любили Щ. за заботливость и храбрость, командиры уважали за толковость, ясность и находчивость.

Эберхард Курт (1874—1947) — военный комендант оккупированного К. (26.09.1941—01.07.1942). Непосредственно ответственен за планирование и уничтожение людей с 29 по 30 сентября 1941 г. Покончил с собой.

Эйхгорн Герман фон (1848—1918, К.) — генерал-фельдмаршал. С марта 1918 г. — главнокомандующий группы армий «Киев». Возглавил администрацию областей Украины, а также Крыма, Таганрога и южных районов Белоруссии, Донской области, части Воронежской и Курской губерний. Был убит в К. террористом Б. Донским. Во время немецкой оккупации имя Э. носил Крещатик.

Эллан-Блакитный Василь (Элланский Василий Михайлович) (1893—1925) — писатель и поэт, революционер. После смерти официально провозглашен «буржуазным националистом» и «бандитом». В 1934 г. был демонтирован памятник Э. в Харькове, произведения запрещены, а его товарищи-боротьбисты репрессированы.

Эпик Григорий Данилович (1901—1937) — писатель. В 1934 г. арестован за планирование террористических актов. Э. сразу же признался и написал покаянное письмо на имя наркома В. Балицкого, в котором раскаивался за преступные намерения всей группы и признавал, что их всех стоит расстрелять, «как бешеных псов». Э. в числе других 16-ти обвиняемых был

приговорен к 10-летнему заключению и отправлен на Соловки. Расстрелян.

Эренбург Илья Григорьевич (1891, К. —1967) — писатель, публицист. Осенью 1918 г. переехал в К., где квартировал у своего двоюродного брата — врача-дерматовенеролога А. Г. Лурье на ул. Владимирской, 40. В августе 1919 г. женился на его племяннице Любви Козинцевой. В книгах Э. нередки описания К.

Эрнст Федор (Теодор-Рихард-Эдуард) Людвигович (1891, К. —1942) — историк искусства, киевовед. Выпускник КУ. Автор замечательного путеводителя. В годы Первой мировой войны арестован как немецкий подданный и сослан в Челябинск на 3 года. После возвращения в Украину вновь арестован как «немец». Расстрелян.

Ягода Генрих Григорьевич (Иегуда Енох Гершевич) (1891—1938) — один из руководителей органов госбезопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД), нарком внутренних дел СССР (1934—1936). Расстрелян.

Якир Иона Эммануилович (1896—1937) — командарм 1-го ранга. Командующий войсками Украинского ВО (1925—1935), а также войсками КВО. Расстрелян.

Яловой Михаил Емельянович (1895—1937) — писатель, поэт, публицист и драматург. В 1921 г. вместе с М. Семенко и В. Алешко основал «Ударную группу поэтов-футуристов». Организатор и первый председатель ВАПЛИТЕ (Свободной академии пролетарской литературы). В апреле 1933 г. арестован за подготовку покушения на П. Постышева. Получил 10 лет ИТЛ. Расстрелян.